

Г.А.Троссрименко

США

A graphic consisting of several horizontal, wavy blue stripes that curve downwards and to the left, resembling the stripes of the United States flag.

**ПОЛИТИКА
ВОЙНА
ИДЕОЛОГИЯ**

Издательство
„Мысль“

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт США и Канады

Г.А.Трофименко

США:

**ПОЛИТИКА,
ВОЙНА,
ИДЕОЛОГИЯ**

Издательство
„Мысль“
Москва-1976

~~9-(М)~~
Т 76

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Т $\frac{11105-191}{004(01)-76}$ 113-76

© Издательство «Мысль», 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

В каком бы состоянии ни находились в данный исторический момент отношения между СССР и США, какова бы ни была степень обостренности классового противоборства между ними или амплитуда взаимовыгодного сотрудничества по государственной линии, уяснение перспектив этих отношений невозможно без научного анализа коренных интересов правящего класса США, долгосрочных целей американского империализма на мировой арене в новых исторических условиях, возможностей и пределов использования им экономической, психологической, «технологической» и военной силы.

Важной составной частью такого анализа должно быть рассмотрение американской военной идеологии, тех концептуальных рамок, в которых действуют, вернее, могут действовать и принимать решения американские лидеры.

Изучение развития американской военной мысли в последние пятнадцать — двадцать лет помогает уяснить некоторые специфические особенности современного подхода правящего класса США к военно-политической («большой») стратегии государства, объяснить некоторые закономерности в таком подходе. Но, чтобы по-настоящему вникнуть в американскую «философию силы», раскрыть перспективы американского военно-стратегического мышления, главные тенденции дальнейшей эволюции американской «большой» стратегии, необходимо изучить основополагающие принципы этой стратегии в прошлом.

Как утверждают специалисты в области логики и кибернетики, любую систему трудно описать, если рассматривать ее, оставаясь в ее рамках. Только возвысившись над этой системой, выйдя за ее рамки, можно понять как специфику данной конкретной системы, так и ее общность с системой более высокого порядка. Такую «высшую» си-

стему по сравнению с той или иной конкретной военно-политической стратегией США представляют, на наш взгляд, коренные принципы их военной политики, основные концепции и доктрины американской внешнеполитической идеологии, складывавшиеся на протяжении 200-летнего самостоятельного государственного существования Соединенных Штатов.

Проанализировав эту «метасистему» концепций и воззрений по вопросам военно-политической стратегии США с позиций исторического материализма и с применением инструментария марксистской диалектической логики, мы сможем понять как специфику стратегических курсов американского правительства в период после второй мировой войны, так и их преемственность, историческую взаимосвязь с общими, долговременными тенденциями и направлениями политики и стратегии американского буржуазного государства. Лишь уяснив себе, что в современной стратегии США объективно порождено особенностями XX в., обстановкой борьбы двух социальных систем и спецификой ракетно-ядерного «баланса» второй половины этого века и что в глубинах американской истории является стержневым, коренным, трудноизменяемым, мы сможем научно определить, какие моменты современной военно-политической стратегии Вашингтона являются истинными, а какие — конъюнктурными, демагогическими или дезинформирующими, рассчитанными на то, чтобы «сбить с толку» потенциальных оппонентов. Не следует забывать, что официальная стратегия США существует в двух ипостасях — публично-пропагандистской и конфиденциально-реальной.

Цель данной работы — рассмотреть генезис основных принципов и концепций США в области военно-политической стратегии, а затем проанализировать их конкретное применение в современных условиях. При этом современная стратегия США рассматривается в ее эволюции с конца второй мировой войны до середины 70-х гг. нынешнего века. Соответственно в книге уделяется большое внимание трансформации традиционных стратегических принципов в условиях новой исторической ситуации, порожденной классовым противоборством двух социальных систем на мировой арене и научно-технической революцией, приведшей к коренным изменениям в средствах и способах ведения войны. Важнейшим проявлением научно-тех-

нической революции в военной области явилось создание ядерного оружия и межконтинентальных средств его доставки.

«Особенности современного капитализма, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — в значительной мере объясняются тем, что он приспосабливается к новой обстановке в мире»¹. Одна из целей данного исследования — проследить, как шло приспособление военно-политической стратегии США к меняющимся условиям в меняющемся мире, выяснить, в какой мере и каким образом правящие круги США учитывали неуклонное изменение в соотношении сил на мировой арене между капитализмом и социализмом в пользу последнего, всемирный процесс национально-освободительного движения народов, приведший к краху колониализма, новую стратегическую обстановку, в частности факт ликвидации былой военной неуязвимости собственно американской территории.

При этом автор стремился проанализировать, с одной стороны, насколько постоянны «константы» военно-политического мышления правящего класса США, выражающиеся в традиционных концепциях и принципах, в какой степени они оказывают влияние на военно-политическое мышление нынешних американских лидеров, а с другой — насколько новый опыт США, новые внешнеполитические задачи, новая социально-политическая обстановка в мире и новая военная техника модифицируют сами традиционные принципы и в каком направлении.

«...Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»², — говорил К. Маркс. Но весьма существенной силой обладают и теории, овладевшие умами государственных лидеров — «лиц, принимающих решения». Ибо в своих решениях эти лица руководствуются интересами и потребностями правящего класса, выраженными в форме основополагающих идей и принципов политики.

Хотя руководящие теории и меняются под влиянием развития общества, перемен в международной обстановке, изменений в экономическом положении государства и самого правящего класса, в его долгосрочных целях и интересах, темпы такого рода изменений в рамках конкретной социально-экономической формации не столь быстры, а их глубина не столь велика, как может показаться на

первый взгляд. Идеология правящего класса, закрепленная в государственных институтах, праве, морали, оказывается весьма устойчивой и последовательной.

Консерватизм буржуазной идеологии коренится в неизменности основного принципа устройства капиталистического общества — системе частной собственности и вытекающих из нее неэквивалентном обмене, конкуренции, индивидуализме, стяжательстве. Страх и Жадность доминируют в мышлении людей, говорил известный американский историк Брукс Адамс, анализируя «закон цивилизаций», основанных на частной собственности: «Страх, который, стимулируя воображение, создает веру в невидимый мир и в конечном счете вызывает к жизни институт священнослужителей, и Жадность, которая расточает энергию в войне и торговле»³.

Консерватизм характерен и для военной идеологии правящего класса. Конечно, под влиянием мировых событий, под влиянием развития техники, углубленного теоретического анализа тех или иных явлений происходят существенные сдвиги в политических, в том числе и в военных, воззрениях. Однако эти сдвиги выражаются не столько в провозглашении новых целей, задач, в выдвижении новых оперативных принципов политики, сколько в приспособлении старых устремлений, устоявшихся концепций к новым явлениям путем некоторой модификации традиционных догм, которая необходима, чтобы продлить жизнь привычным концепциям и теориям и в конечном счете породившему их обществу.

Основоположники марксизма-ленинизма не раз подчеркивали: чтобы не впасть в субъективизм, нельзя отрывать конкретную политику страны от ее классовых корней и исторических предпосылок. Без исследования вопроса о том, «как главные классы современного общества подготавливали, выращивали, создавали в течение десятилетий свое тепершнее отношение к войне *такой-то* политикой, коренящейся в *таких-то* классовых интересах... — указывал В. И. Ленин, — нечего и толковать о марксистском отношении к войне...»⁴.

Как и другие сферы идеологии, военная идеология правящего класса стала частью американского образа жизни. Через воспитание в школе, институте, домашнем кругу, через посредство литературы, театра, кино, радио, телевидения американцы с детства получают определен-

ное представление об общих идеях, лежащих в основе культуры своей страны, об основных ценностях американского общества, которые оказываются в первую очередь ценностями правящего класса. Речь идет о своего рода макростереотипах, об устоявшихся догмах, нравах, обычаях, мифах данного общества. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»⁵, — говорил по этому поводу К. Маркс.

Мифы, догмы, стереотипы, условности традиционного классового мышления, не говоря уже об объективных обстоятельствах, таких, как соотношение сил на мировой арене и колоссальные материальные вложения в определенные системы оружия, устанавливают сравнительно жесткие каноны развития военно-политической стратегии США.

Зачастую старые идеи, окрашенные новой обстановкой, новым опытом, новыми целями, новой технологией, предстают, так сказать, в новой упаковке, хотя их классовая и «национальная» суть остается неизменной. Живучесть многих традиционных концепций «национальной» стратегии США объясняется живучестью самих проблем, которые она призвана решать, несмотря на возможные изменения форм и способов их решения.

К числу такого рода проблем — проблем военно-политического мышления, философии силы, как выражаются современные американские теоретики, — относятся вопросы о соотношении политики и войны, иначе говоря, об удельном весе войны как специфической формы политики в общей политике государства; о возможностях военной силы и пределах ее использования; о корреляции внутрисполитических и внешнеполитических, в том числе и военных, целей; о соотношении между «ценой» войны и прибылями победы; о состязании между наступлением и обороной; о коалиционной стратегии; о «балансе сил»; о влиянии, оказываемом на военно-политическую стратегию специфическими стратегиями видов вооруженных сил и т. д.

Процесс создания военно-политической доктрины и стратегии США долгое время не был сколько-нибудь организованным, скоординированным процессом, каким он стал во второй половине 1950-х гг., когда в США (после провала корейской авантюры), как грибы после дождя, расплодились десятки центров стратегических исследова-

ний, обслуживающих потребности правительства и правящей элиты *.

Этот процесс был отчасти спонтанным, диктуемым повседневными потребностями государственного руководства. Он не походил даже в отдаленной степени на ту стройную и логичную процедуру, которую порой рисуют в монографиях, посвященных становлению военно-политической стратегии США после второй мировой войны.

Вряд ли в связи с этим следует особо оговариваться, что человеческая мысль непрерывна и что обнаружение, так сказать, изначальных истинных корней и истоков тех или иных идей есть дело большей частью непосильное, а если и посильное, то во многом сугубо формальное. Историко-логическую цепь развития той или иной концепции приходится искусственно разрубать в том или ином месте и заявлять: вот ее начало, хотя с меньшим успехом «начало» той или иной идеи можно отнести на несколько столетий дальше в глубь веков.

Можно, например, рассматривать зарождение концепции атомного строения мира, начиная с П. Гассенди, но можно и с Демокрита, жившего пятнадцатью веками ранее. Можно считать моментом зарождения военно-политической концепции «устрашения» (получения определенных военно-политических преимуществ путем демонстрации «превосходящей силы») 1940-е гг., когда в руках у США появилась атомная бомба, а можно усмотреть реальные истоки этой концепции в политике «устрашения», проводившейся американским буржуазным государством в XIX в. в отношении индейских племен Северной Америки. С меньшим успехом, однако, можно доказывать, что идея достижения победы путем «устрашения» была одной из стратегических концепций Древнего Рима **.

* До конца 1940-х гг. в США даже не существовало правительственного органа, призванного заниматься увязыванием теоретических и практических проблем, имеющих непосредственное отношение к военно-политической стратегии США, и разработкой самой стратегии. Такой орган — Совет национальной безопасности — был создан лишь в 1947 г. в соответствии с законом о национальной безопасности, вступившим в силу 26 июля 1947 г. Но прошло еще какое-то время, прежде чем Совет стал по-деловому функционировать.

** «В письмах Плиния есть следующие слова: «Прекраснее всего то, что победа подобного рода одержана путем устрашения». (Г. Гроций. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясня-

Поэтому автор с самого начала спешит оговориться, что, рассматривая основные военно-политические концепции США, их зарождение, развитие и отражение в современной стратегии США, он *ограничивается сугубо американской ареной*. При этом, естественно, учитываются преемственность политического мышления европейских эмигрантов, основавших Североамериканскую республику, тесная связь их военно-политической философии с идеями современных им европейских теоретиков — Наполеона, Жомини, Клаузевица, а также сильное влияние, оказанное на первых теоретиков военно-политической стратегии США наследием римско-греческой школы, с теориями которой пуританская правящая верхушка — «отцы-основатели» молодого американского государства — была хорошо знакома.

Отдавая в данном исследовании предпочтение логике идей перед логикой обстоятельств, автор подходит к рассмотрению процесса синтеза военно-политической стратегии США в известной мере с позиции силы «заднего ума» — с позиции оценки (на основе знаний, документов и опыта сегодняшнего дня) *объективных социально-экономических факторов*, определявших направление развития американской теории. Ведь именно объективные факторы, связанные с реальным соотношением классовых сил в мире, с экономическими интересами американской монополистической буржуазии, с процессом военно-технической революции, а не субъективные «поиски и находки» тех или иных теоретиков явились в конечном счете определяющими для развития американской военной мысли и военно-политической стратегии США.

Те или иные военно-стратегические концепции зависят в конечном счете, как подчеркивали Энгельс и Ленин, от возможностей военной техники, а последняя в свою очередь — от состояния экономики того или иного государства.

Понятно, что примат экономики над политикой, военной техники над военным мышлением не исключает возможности и обратного влияния политики на экономику, военно-стратегических концепций — на развитие военной техники. В условиях, когда современная научно-техниче-

ются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956, стр. 553).

ская революция создает возможности производства практически любых образцов военной техники с заданными характеристиками, военная теория, представления лиц, принимающих решения о формах и способах использования военной силы и военной техники, оказывают очень большое влияние на направление военного строительства. Правда, при этом «оптимальным» стремлением милитаристов является стремление заполучить любую мыслимую систему оружия*. Но тут-то и вступает в действие неумолимый закон примата экономики над политикой. Конечная ограниченность материальных ресурсов страны, которые можно направить на военные цели, требует, чтобы руководство страны при строительстве вооруженных сил осуществляло выбор между технически возможными системами оружия, а в конечном счете — и между стратегическими концепциями. И отбор такого рода становится все более жестким по мере расширения инженерно-технологических возможностей военной промышленности в результате научно-технической революции.

Однако это не значит, что стратегические концепции не подвержены никакому иному влиянию. Сколь бы творческим, оригинальным и масштабным ни было мышление того или иного современного американского буржуазного теоретика, оно, несомненно, не только классово обусловлено, но и лимитировано историческими традициями, особенностями культуры, своеобразным американоцентризмом, приводящим к неосознанному, но явно выраженному стремлению рассматривать и оценивать факты и события с точки зрения географической, национальной, стратегической специфики Соединенных Штатов.

Конечно, бывали случаи, когда отдельные буржуазные теоретики, писатели поднимались над стесняющими рамками своего класса, сбрасывали оковы национальной ограниченности. Тем не менее даже Клаузевиц, вклад которого в военную теорию так высоко оценили Энгельс и Ленин, в тех случаях, когда он отходил от «чистой тео-

* «Если можешь сделать — делай!» — вот принцип, которым, по авторитетному свидетельству Ю. Фьюбинни, занимавшего в 60-е гг. пост заместителя начальника Управления военных исследований и новой техники министерства обороны США, руководствуется Пентагон в своей политике в области создания новых образцов военной техники (*A. Yarmolinsky. How the Pentagon Works. — «Atlantic», March 1967, p. 60.*)

рии», оказывался махровым немецким националистом, стремившимся использовать военный опыт Наполеона для разработки стратегии эвентуального удушения Франции.

Вообще говоря, для надлежащего понимания американских стратегических теорий важно все время не упускать из виду то обстоятельство, что любая такого рода теория представляет собой оригинальную «систему отсчета», как выражаются математики, специфическую не только в классовом, но и в национальном, географическом, методологическом отношениях. Эта оригинальность, порождаемая учетом особенностей «точки, от которой ведется отсчет», обязательно присутствует в стратегии той или иной страны, несмотря на то что ее стратегическая теория может внешне походить на классические обобщенные теории или теории другой страны. Даже при одинаковости систем вооружений двух стран их применение может быть различным ввиду различия концепций использования — стратегий. Причем та или иная манера, или тактика, использования некоего комплекса вооружений, которая в рамках одной «системы отсчета» может потенциально обладать высокими шансами на успех, в рамках другой концептуальной схемы может оказаться совершенно несостоятельной.

Известный французский социолог и военный теоретик Раймон Арон в предисловии к книге не менее известного американского теоретика Германа Кана «Мысли о немислимом», отмечая специфику войны в ракетно-ядерный век, подчеркивал: «Классическая теория Клаузевица определяет абсолютную победу как разоружение неприятеля. Если у врага больше нет оружия, я могу навязать ему любые условия по своему желанию, и этими условиями может быть тотальное разрушение (Карфаген должен быть разрушен!). Ныне уже более нет необходимости отбирать у врага все оружие; достаточно отобрать у него средства возмездия, чтобы он оказался в вашей полной власти»⁶.

К этому замечанию стоит добавить, что атомных битв пока еще никто не вел и все так называемые стратегические ядерные войны происходят пока что в теории — в виде сценариев, игр, моделей с применением электронно-вычислительных машин и т. д. При этом в отличие от войн прошлого, когда агрессор мог развязать войну, даже не будучи полностью уверен в успехе, а лишь имея, так ска-

зять, некоторую надежду на победу (неуспех не был чреват, как сейчас, самоубийством для агрессора), ставка в ядерном конфликте для самого нападающего ныне столь колоссальна, что даже самый рисковый буржуазный лидер должен иметь абсолютную уверенность в том, что осуществляемая им стратегия окажется победоносной, для того чтобы посметь решиться на подобное дело, хотя бы в своем сознании, если не на практике. Как говорит тот же Герман Кан: «Если у вас нет теории о том, что вы сможете пережить войну, вы вряд ли нажмете кнопку»⁷.

А раз так, то ясно, что и теоретические, концептуальные сражения, связанные с ядерной войной, приобретают важное значение. Если подорвать убежденность потенциального агрессора в эффективности его стратегии путем соответствующей критики, априори доказывающей ее несостоятельность (при данном общем соотношении сил, специфических систем оружия и т. д.), то это лишит его уверенности в результативности использования имеющихся стратегических средств, так сказать, концептуально обезоружит его и тем самым будет способствовать срыву агрессивных замыслов.

Приступая к задуманному исследованию, автор, естественно, начинал не на пустом месте. Советская наука накопила к настоящему времени солидный багаж фундаментальных исследований по истории и идеологии США, их внешней политике и военной стратегии. В своих обобщениях, касающихся исторических традиций и основополагающих концепций военно-политической стратегии США, автор основывался в первую очередь на достижениях советской американистики.

Глава первая

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

1. О ПОНЯТИИ «ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ»

Теории и концепции, являющиеся предметом рассмотрения в данном исследовании, относятся в основном к военно-политической стратегии Соединенных Штатов. Термин «военно-политическая стратегия» сравнительно давно используется в нашей литературе. Однако для более точного уяснения смысла этого термина необходимо остановиться на нем несколько подробнее.

Что такое военно-политическая стратегия в отличие, скажем, от военной? Что составляет ее предмет?

Слово «стратегия» происходит от греческих слов «στράτης» — «войско» и «αγω» — «веду» и означает «искусство руководить войском». Этимология термина, таким образом, как бы предопределяет, что под стратегией, как правило, подразумевается военная стратегия. Это подтверждается и многими существующими определениями стратегии.

В советских военных трудах даются, в частности, следующие определения:

«Стратегия — это область военного искусства, которая связана с решением проблем подготовки и ведения стратегических операций, кампаний и всей войны в целом»¹.

«Теория стратегии рассматривает использование в войне всех военных сил и средств государства»².

«Стратегия — часть военного искусства, изучающая основы подготовки и ведения войны в целом и ее кампаний. Практически она представляет собой непосредственное орудие политики»³.

Клаузевиц называл стратегию теорией «большой» войны. «Стратегия, — писал он, — это использование боя в

целях войны... Стратегия... должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действием целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению...»⁴

Другой известный немецкий военный теоретик, Мольтке (старший), определял стратегию как «практическое применение средств, переданных в распоряжение полководца для достижения поставленной цели»⁵.

Согласно формулировке английского военного эксперта Лиддел Гарта, стратегия есть «искусство распределения и применения военных средств для осуществления целей политики»⁶.

Подобных определений можно было бы привести не один десяток. Из них с большей или меньшей очевидностью вытекает, что военные теоретики рассматривают стратегию в первую очередь как искусство или науку ведения войны или подготовки страны к войне.

Вместе с тем давно подмечено, что помимо чисто военной стратегии существует и стратегия более высокого уровня, стратегия, занимающаяся не столько военными, сколько чисто политическими вопросами: поведение государства или, иначе, его господствующего класса в международной системе государств как в военное, так и в мирное время, решение вопросов о сочетании военных и невоенных методов внешнеполитической борьбы и т. д. В высших сферах, отмечал Клаузевиц, стратегия «граничит с политикой и государствоведением или, вернее... сама становится тем и другим»⁷.

Современная военная наука Запада проводит весьма четкое различие между военной стратегией и так называемой большой, или военно-политической, стратегией («Grand strategy»), как это следует из определения термина «стратегия», приводимого в словаре военных терминов, издаваемом Комитетом начальников штабов США:

«*Стратегия* — искусство и наука развития и использования политических, экономических, психологических и военных сил, необходимых во время мира и войны для того, чтобы обеспечить максимальную поддержку политике, с тем чтобы увеличить вероятность и благоприятные последствия победы и уменьшить шансы поражения.

Военная стратегия — искусство и наука применения вооруженных сил страны для обеспечения целей национальной политики с помощью силы или угрозы силой»⁸.

Естественно, что в этом определении выхолащены классовые цели стратегии. А марксистская наука учит обращать внимание в первую очередь именно на классовые цели стратегии. В лекции «Война и революция» В. И. Ленин подчеркивал: «Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»⁹.

В. И. Ленин в известных замечаниях на книгу Клаузевица «О войне», приводя слова последнего о том, что «политика это разум, война же только орудие, а не наоборот», добавлял: «Политика родила войну»¹⁰. «Война насквозь есть политика. . .»¹¹ — отмечал Ленин в другой своей работе, требуя в то же время учитывать классовый характер политики.

И поскольку «война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств»¹², — как подчеркивал В. И. Ленин, ссылаясь на Клаузевица, то «большая» стратегия есть в первую очередь наука и искусство политическое.

Военная стратегия имеет дело в основном с «голой» физической (военной) силой, которая непосредственно используется для того, чтобы сломить волю противника к сопротивлению и тем самым одержать победу. Иными словами, чисто военная стратегия решает вспомогательную задачу: какими средствами обезоружить врага в военном конфликте, сломить его волю к сопротивлению*.

Военно-политическая стратегия имеет дело с гораздо более широкой категорией силы — политико-психологи-

* Разумеется, это ни в коей мере не означает, что военная стратегия не использует методов психологического давления (пропаганды), экономического принуждения (блокады) и т. д. Но все эти средства применяются уже как подчиненные военным средствам — на военном уровне, хотя они могут применяться и как средства военно-политической стратегии. Например, государство может не прибегать к войне с оппонентом, а действовать против него политико-психологическими средствами, скажем разжигая и поддерживая сепаратистские настроения в стране.

ческой, экономической, научно-технической, геофизической и, наконец, военной. Военная сила в военно-политической стратегии представляет лишь часть, и зачастую не самую важную, той общей суммы сил, которая и составляет мощь государства. Военно-политическая стратегия рассматривает в основном вопросы политического применения мощи государства на мировой арене, в том числе и военной силы, решает вопрос о выборе средств и способов давления на другую сторону (стороны) и в связи с этим — о применении или неприменении чисто военной силы¹³.

Военно-политическая стратегия, будучи высшей формой стратегии по отношению к военной, подчинена общегосударственной политике, решающей национальные задачи как в области внешней, так и внутренней политики. Так же как и любая другая стратегия, общегосударственная политика является классовой, хотя буржуазные авторы, как правило, именуют ее «общенациональной».

Из сказанного следует, что в любом классовом обществе существует три вида государственной стратегии:

1. Общегосударственная стратегия (политика), рассматривающая в совокупности все вопросы, относящиеся к деятельности государства, и определяющая систему государственных приоритетов в области внутри- и внешнеполитических целей и распределения людских и материальных ресурсов.

2. Как специфическая часть общегосударственной стратегии — обращенная вовне военно-внешнеполитическая или, как обычно говорят, военно-политическая стратегия, которая решает вопросы, относящиеся к деятельности государства на мировой арене. Этот уровень стратегии в США ныне часто именуют стратегией «национальной безопасности».

3. Военная стратегия, определяющая набор военных средств для обеспечения государственных задач с помощью военной силы и способы их применения. Эта последняя стратегия, по определению американского военного теоретика генерала М. Тейлора, «в надлежащей перспективе представляет собой лишь часть национальной стратегии и формулируется на третьем уровне эшелонов национального планирования»¹⁴.

Четкое распределение государственной стратегии по трем уровням появилось сравнительно недавно. Это свя-

зано с усложнением системы международных отношений, с изменением характера использования военных средств в современную эпоху и с усложнением внутренней структуры государств по мере перехода от абсолютистских форм правления к тем или иным формам демократии.

В прошлом глава государства, как правило, одновременно являлся и главнокомандующим, и полководцем. Он не только принимал решения о формах противоборства с противниками — мирных (дипломатических, экономических и т. д.) или же военных; он разрабатывал и планы военных кампаний и лично вел войска в бой.

Лишь с развитием и усложнением института войны и ростом экономического потенциала государств, лежащего в основе их военных возможностей, появилась необходимость в специализированных военных учреждениях типа генеральных штабов, осуществляющих в мирное время подготовку к будущим военным кампаниям, и других органах, заботящихся об удовлетворении будущих потребностей страны в живой силе и технике. В результате из общегосударственной стратегии в качестве ее подразделений постепенно выделились военно-политическая и военная.

Возникновение в 1917 г. новой социально-экономической формации в лице Советского социалистического государства, положившее начало классовому противоборству двух систем на мировой арене, необычайно усилило роль экономических и морально-психологических факторов во внешней политике.

Появление после второй мировой войны ядерного оружия, дающего возможность «непосредственного достижения стратегических результатов путем применения стратегических ядерных сил, минуя последовательные этапы перерастания тактических успехов в оперативные, а последних — в стратегические»¹⁵, сложность и колоссальная стоимость систем стратегического ракетно-ядерного оружия, существенное расширение государственной военно-промышленной базы привели к тому, что подготовка к войне стала фактически неотделимой от общей экономической и организационно-политической деятельности государства.

От того или иного направления военного строительства ныне зависят не только будущие возможности армий на поле боя, но и в определенной степени поведение госу-

дарства, его жизнеспособность в мирное время, поскольку само военное строительство, учитывая колоссальную стоимость вооружений, становится важнейшим фактором не только внешней, но и внутренней политики. Достаточно, например, вспомнить, что прямой ущерб, причиненный Германией и ее союзниками в ходе второй мировой войны 18 государствам (без СССР и Польши), был оценен этими государствами в 53,4 млрд. долл.¹⁶ А ведь эта сумма составляет лишь половину нынешнего годового военного бюджета Соединенных Штатов!

2. «ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ» США КАК ТЕОРЕТИКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Военно-политическая стратегия США прошла в своем историческом развитии ряд этапов. Родившись как стратегия нации, поднявшейся на освободительную, революционную войну за свою независимость, военно-политическая стратегия США под влиянием классовых интересов американской буржуазии, являвшейся гегемоном в войне за независимость, довольно быстро переродилась в экспансионистскую стратегию капиталистического хищника, начавшего все в большей степени опираться в своей внешнеполитической деятельности на военную силу.

Основные идеи и концепции военно-политической стратегии Соединенных Штатов были заложены в первые десятилетия существования американской буржуазной республики когортой ее «отцов-основателей». Речь идет в первую очередь о таких деятелях, как президенты США Дж. Вашингтон, Дж. Адамс, Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон, Дж. Монро, Дж. К. Адамс, Э. Джексон, о таких политиках, занимавших видные посты в государственном аппарате, как А. Гамильтон, В. Франклин, Дж. Джей, Г. Нокс, Б. Стоддерт, Дж. Кэлхаун и др. Из этой группы лидеров наибольшее участие в разработке теоретических основ военно-политической стратегии США принимали выдающиеся политические деятели американской буржуазной революции Александр Гамильтон и Томас Джефферсон.

Хотя некоторые лица из указанной группы, в частности первый президент США Джордж Вашингтон, министр финансов Александр Гамильтон, военный министр США

Генри Нокс, президент Эндрю Джексон, имели звание генералов американской армии, они не были профессиональными военными, не получили солидного военного образования и стали военными лишь «волею судеб», принимая участие в сражениях революции или, как Джексон, в последующих колониальных войнах США. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что основы американской военно-политической стратегии разрабатывались политическими, а не военными деятелями США. На долю последних выпали разработка вопросов тактики и популяризация и распространение в вооруженных силах США стратегической теории.

Говоря о военно-политической стратегии США — «большой» стратегии, следует сразу же подчеркнуть, что за всю историю развития американской военно-теоретической мысли вплоть до конца второй мировой войны американская военная среда дала лишь одного выдающегося теоретика стратегии — капитана (к концу жизни контр-адмирала) А. Т. Мэхэна и несколько фигур меньшего калибра, вроде Г. Галлека, Э. Аптона, У. Митчелла.

«Имеется очень мало теоретиков американской военной политики, — отмечается в предисловии к первой антологии по истории американской военно-политической мысли, вышедшей в 1966 г. в США под редакцией Уолтера Миллиса. — Ведущие военные деятели страны, как правило, не являлись военными философами, не уделяли серьезного внимания военным проблемам». «Мы не породили никаких Клаузевицев и мало таких стратегов, которые могли бы быть приравнены к ведущим европейским военным теоретикам»¹⁷.

«Отцы-основатели» Соединенных Штатов хорошо понимали особенности географического положения США, специфику общестратегической ситуации в мире в период становления американской республики. Они задумывались над тенденциями эволюции этой ситуации, долгосрочными перспективами развития США и их будущими внешнеполитическими задачами, экономическими и военными возможностями. На основе этих размышлений они создали довольно стройную военно-политическую стратегию.

Лидеры американской буржуазно-демократической революции были, безусловно, прогрессивными людьми, отстаивавшими передовые для того времени обществен-

ные порядки, бросившими смелый вызов монархической Великобритании. Многие моменты в их учении и в их практической деятельности отвечали чаяниям широких слоев американской мелкой буржуазии, в частности фермерства, интересам зарождавшейся в то время американской нации.

Буржуазные политики, ставшие у кормила власти, исходили из незыблемости «священного права частной собственности». Поэтому, формулируя теоретические предпосылки американской «большой» стратегии, они заложили основы не какой-либо общенародной, а именно капиталистической, экспансионистской внешней политики и стратегии США.

Классовый, буржуазный характер сформулированных на заре существования США военно-политических концепций и доктрин и объясняет их непреходящее значение для последующих поколений американских государственных деятелей, живучесть заложенных «отцами-основателями» внешнеполитических традиций.

Не все лидеры молодого американского государства (а они в основном являлись крупными собственниками) признавались в классовом характере проводимой ими политики. Вполне откровенно об этом говорил А. Гамильтон. «Все сообщества, — доказывал он, — разделяются на меньшинство и на большинство. Первую группу составляют лица богатые, родовитые; другую — массы народа. . . беспокойного и переменчивого; они редко судят или решают правильно. Дайте поэтому первому классу отчетливо выраженную, постоянную долю в правительстве»¹⁸. Т. Джефферсон предпочитал облекать свои высказывания в форму, более приемлемую для широких масс американского народа. Однако как тот, так и другой, заботясь о «национальном интересе», исходили в первую очередь из интересов класса собственников.

Зачастую интересы различных прослоек этого класса приходили в столкновение (например, интересы бурно развивавшейся крупной торгово-промышленной буржуазии северо-восточного Массачусетса и плантаторов Южной Вирджинии), и на том или ином этапе верх одерживал тот или иной комплекс интересов, в том числе и внешнеполитических, хотя, как правило, иностранная политика представляла собой компромисс между разнородными точками зрения определенных прослоек правящего

класса. Однако то была борьба по частным вопросам конкретной политики. Что же касается коренных ее принципов, то в этом деле в правящих кругах существовало (и существует) весьма тесное единство.

К примеру, один из основателей военно-политической стратегии США, А. Гамильтон, считается англофилом и франкофобом, а другой не менее выдающийся государственный деятель, Т. Джефферсон, — англофобом и франкофилом (поклонником республиканской Франции). По поводу их борьбы в правительстве по вопросам ориентации внешней политики США написаны сотни томов. Считается, что размежевание между англофилами и франкофилами в американских правящих кругах явилось одним из ключевых факторов в образовании первых в истории США политических партий — гамильтоновских федералистов и джефферсоновских республиканцев. Но, несмотря на все разногласия, Гамильтон и Джефферсон были удивительно едины в понимании генеральных принципов внешней политики США, их военно-политической стратегии и расходились (да и то не столь часто, как утверждает молва) лишь в практическом применении этих принципов в тех или иных конкретных ситуациях.

Отмечая факт единства американского руководства по коренным основам внешней политики, Дж. Вашингтон писал маркизу Лафайетту в 1798 г. о том, что, дескать, «много есть среди нас» тех, кто желает, чтобы США выступали на стороне Великобритании против Франции, много и тех, кто хотел бы видеть США на стороне Франции против Великобритании. «Но это факт, — добавлял Вашингтон, — на который вы можете полностью и абсолютно положиться, что правящие власти нашей страны и большая часть народа — в принципе истинные американцы, преданные интересам США»¹⁹.

Изучение внешнеполитических концепций «отцов-основателей» Соединенных Штатов показывает, что их военно-политическая стратегия основывалась на трех коренных постулатах:

1. Военная сила является основным и конечным средством урегулирования спорных внешнеполитических проблем, «арбитром в последней инстанции».

2. Главным, определяющим фактором внешнеполитического поведения США должен быть «просвещенный эгоизм».

3. Соединенные Штаты есть не обычное государство, а исключительное, подобного которому еще никогда не существовало в мире, и поэтому ему предначертана свыше великая Предустановленная Судьба (Manifest Destiny — эти два слова всегда пишутся в США с прописных букв).

3. РОЛЬ ВОЕННОЙ СИЛЫ

Большинство «отцов-основателей» американской республики получили хорошее образование, были неплохо знакомы с классической (античной) литературой и в соответствии с греко-римской традицией считали войну естественным, законным средством разрешения споров между народами. Они, понятно, еще не могли знать появившейся через полстолетия классической формулы Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами, но, рассматривая соотношение военной силы и дипломатии во внешнеполитической деятельности государств, они интуитивно нащупывали этот вывод. «Человечество еще не созрело для государства золотого века»²⁰, — философски замечал Вашингтон, подчеркивая неискоренимость, с его точки зрения, института войны.

«... Люди честолюбивы, мстительны и алчны, — писал Александр Гамильтон в своем объяснении причин неизбежности войн в жизни человечества. — Ожидать сохранения гармонии между рядом независимых, не связанных друг с другом суверенных единиц, расположенных по соседству, означало бы пренебречь единообразным характером хода событий в человеческом обществе и бросить вызов суммарному опыту веков»²¹. Обобщая этот опыт (от опыта Афин в эпоху Перикла до современного ему опыта Англии и Франции), Гамильтон называл идеалами тех, кто верил в возможность достижения вечного мира между народами. Он считал «своего рода аксиомой политики», что «соседство или близость местоположения делает нации естественными врагами»²².

Полемизируя с американскими пацифистами, утверждавшими, что «все войны противоречат явно выраженной воле господней», один из первых военных теоретиков США, Г. В. Галлек, писал: «Библия ни в каких своих частях не содержит запрещения войны: мы видим, что

Ветхий завет совершенно позитивно относится к войне и даже к завоеванию; и хотя в мире бушевала война во время деятельности Иисуса и его апостолов, все же они не сказали ни единого слова насчет ее незаконности и аморальности. Более того, — продолжал свою защиту права войны Галлек, — отцы церкви широко признают право войны и прямо утверждают, что, когда война справедливо объявлена, христиане могут участвовать в ней, прибегая либо к страатагемам, либо же к открытому использованию силы»²³.

Правда, американские лидеры призывали иногда американцев воздерживаться от войны, «культивировать мир и гармонию со всеми»²⁴, как говорил первый президент США Джордж Вашингтон. Но призыв к «миру и гармонии» не означал, что американское руководство принципиально отвергало войну как средство политики. Отнюдь нет, оно отвергало войну при невыгодных для США обстоятельствах: неудачном выборе места и времени, невыгодном соотношении сил*. Сам же принцип вооруженного насилия как способ решения проблем, возникающих между нациями, оно энергично одобряло и поддерживало. Нельзя не учитывать при этом, что первые руководители США, несмотря на их выступления в защиту «демократических идеалов», были в большинстве своем работодателями, применявшими самые откровенные формы насилия на своих плантациях!

Более того, американские руководители фактически исходили из тезиса о неизбежности войн и военных решений в будущем. Одни считали неизбежной войну с Францией, другие — с Великобританией, третьи — с Испанией за отобрание у последней ее колоний в Северной Америке. Но стояли ли те или иные деятели за войну с Францией или же с Англией, или вообще стремились по возможности оттянуть войну с какой бы то ни было европейской державой, никто из них не отвергал войну как средство политики, как инструмент, которым США долж-

* В этом отношении «отцы-основатели» непосредственно отталкивались от библейских «стратегических наставлений» Иисуса Христа: «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство — просить о мире» (От Луки, 14; 31—32).

ны воспользоваться (и обязательно воспользуются!) при таких обстоятельствах, когда они, набравшись сил, смогут, как писал А. Гамильтон, «продиктовать условия связей между Старым и Новым Светом»²⁵.

И если Дж. Вашингтон, когда речь заходила о политике в отношении сильных европейских держав, проповедовал осторожность, терпение и непровоцирующее поведение (до поры до времени), то, когда речь заходила о политике в отношении тех, перед которыми молодое американское государство имело безусловное превосходство, его позиция в отношении использования силы оружия для «решения проблем» оказывалась совершенно недвусмысленной. В письме губернатору штата Южная Каролина Ч. Пинкни 11 января 1790 г. Вашингтон заявлял: «Нынешнее общенациональное правительство попытается заложить основы, которые бы обеспечили его продвижение по пути национальной справедливости, веры и чести. Но если данное правительство, после того как оно тщетно пыталось прибегнуть к мирным мерам, будет обязано прибегнуть к оружию для защиты своих граждан (от индейцев, которых указанные граждане силой сгоняли с земли. — Г. Т.), я также считаю, что здравая политика и здоровая экономика укажут на необходимость быстрых и решительных усилий, а не оборонительных и медлительных операций»²⁶ *.

Нарушители мира, вроде «бандитов из племен чероки и шованезы, — подчеркивал Вашингтон в другом письме, — могут быть без труда сурово наказаны или даже истреблены, если это окажется необходимым»²⁷.

В связи с постулатом о неизбежности войн американские лидеры выступали за высокую степень военной готовности США и за наращивание вооруженных сил в порядке подготовки к будущим баталиям. Одним из первых

* Тот же Дж. Вашингтон, противореча себе, признавал в письме Д. Хэмфриз, что его рассуждения о «мирных мерах» правительства США в отношении индейцев являлись чистойшей демагогией в условиях, когда белые вели постоянную необъявленную войну против индейцев: «Я, должен сознаться, не могу питать больших надежд на то, что мы будем мирно уживаться с ними (индейцами. — Г. Т.) до тех пор, пока превалирует дух обманного захвата у них земель и наши пограничные поселенцы придерживаются мнения о том, что убийство индейца не составляет такого же преступления, как убийство белого человека, фактически вообще не является преступлением» (*G. Washington. Writings*, vol. 31, p. 320).

развернутое обоснование необходимости поддержания постоянного военного комплекса США дал будущий президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон в письме Континентальному конгрессу 2 мая 1783 г. В этом письме Вашингтон выделил шесть задач, которые должны осуществляться вооруженными силами США:

1. Устрашение индейцев на сухопутных границах США.

2. Сдерживание канадцев на севере и испанцев (во Флоридах) на юге («оборона империи»).

3. Охрана побережья (морской границы США).

4. Охрана морских торговых путей.

5. Охрана арсеналов.

6. Защита на случай всяких возможных неожиданностей²⁸.

В связи с важностью третьей задачи Вашингтон в том же письме (и неоднократно в других случаях) решительно высказывался за создание современного военно-морского флота*.

Характерно, что с самого начала становления американского милитаризма его поборники стремились замаскировать истинную направленность своих усилий изобретением различных терминов, затуманивающих или искажающих суть дела. Таким был, в частности, термин «мирный комплекс», широко использовавшийся применительно к вооруженным силам США. За поддержание солидного «мирного комплекса» энергично выступали помимо Дж. Вашингтона и многие другие руководители американской республики, в частности Александр Гамильтон. Современные военные историки США считают его выдающимся военным философом-реалистом и убежденным адвокатом позиции военной готовности. А. Гамильтон заявлял: «Только если мы сильны, сможем мы осуществлять выбор между миром или войной»²⁹. При этом сторонники военной готовности подчеркивали необходимость опоры на собственные силы с целью обеспечения способности США к ведению длительных и крупномасштабных военных операций даже в условиях морской блокады. В связи с этим они считали необходимым создание Соединенными Штатами собственной крупной военной промышленности.

* Самостоятельное министерство военно-морских сил США было образовано в 1793 г.

Будущий военный министр США, а в то время, о котором идет речь, член палаты представителей, Джон Кэлхаун, один из самых рьяных адвокатов тезиса о неизбежности войны, выступая в палате в январе 1816 г., говорил: «Долг нашей страны... поощрять национальную индустрию, в особенности ту ее часть, которая обеспечивает необходимые материалы для обмундирования и для обороны»³⁰. Он отметил, что именно на эту национальную промышленность вооружений придется полагаться армии и флоту США в случае новой войны, при которой не исключена возможность блокады американских портов сильным английским флотом.

4. «ПРОСВЕЩЕННЫЙ ЭГОИЗМ» КАК ПРИНЦИП СВОБОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МАНЕВРА

Принцип «просвещенного эгоизма», ставящий превыше всего собственный корыстный интерес, с самого начала стал альфой и омегой для правящих кругов США при принятии решений по вопросам внешней политики.

«Отцы-основатели» американской республики под «собственным интересом», как правило, прямо и недвусмысленно разумели «национальный интерес» США. Однако этот так называемый национальный интерес был с самого начала классовым интересом американской буржуазии — быстро растущего сословия торговцев, фабрикантов, крупных плантаторов, зажиточной части фермерства.

Считалось, что в своей внешней политике США должны руководствоваться не набором неких неизменных «принципов поведения» или правил, пригодных для всех времен и обстоятельств, а в первую очередь соображениями выгоды, рассматриваемой и оцениваемой по возможности в долговременной перспективе.

Степень предпочтения, отдаваемая именно долгосрочному, стратегическому выигрышу по сравнению с текущей, тактической выгодой и должна была служить мерилom «просвещенности» «национального интереса», национального эгоизма. Если лидеры государства цепляются за незначительные, но немедленные выгоды, упуская из виду

более крупные интересы, ради достижения которых тактическая выгода должна быть принесена в жертву, значит, они недостаточно просвещены, значит, они плохо знают коренные цели внешней политики господствующего класса и поэтому не могут надлежащим образом реализовать принцип «просвещенного эгоизма». А ведь именно этой конечной, фундаментальной выгоде, учили «отцы-основатели», выгоде экономической, политической и моральной, рассматриваемой в широком аспекте, и должны быть подчинены все остальные соображения, в том числе соображения престижа, конъюнктурной, но не имеющей долговременного значения удачи, и т. д. и т. п.

Короче говоря, нет ничего святого и постоянного, кроме собственных интересов США на данном историческом этапе их развития. Эту мысль впервые четко сформулировал А. Гамильтон в письме президенту Вашингтону от 15 сентября 1790 г. Появление этого письма было вызвано обращением президента к членам кабинета с просьбой высказать ему в конфиденциальном порядке их мнение о том, как реагировать его правительству в случае, если Великобритания (персонально — губернатор Канады лорд Дорчестер) попросит у США разрешения пропустить английские войска через американскую территорию (от Детройта к устью Миссисипи) для захвата испанских колоний на южных границах США.

Указанное письмо Гамильтона, содержавшее ответ на вопросы президента, можно в определенной мере считать конспектом его воззрений по вопросам военно-политической стратегии США. Подчеркивая теоретический, концептуальный характер положений, высказанных в этом письме, Гамильтон писал: «Суждения, сформулированные применительно к конкретным случаям, почти всегда связаны с общим комплексом идей по части некоторых более всеобъемлющих принципов или отношений, и я считал целесообразным ознакомить вас с этим комплексом для лучшего объяснения оснований тех мнений, которые я излагаю ныне или могу при случае высказать впоследствии по аналогичным сюжетам»³¹. В письме президенту США Гамильтон подробно изложил свою (ставшую вскоре государственной) доктрину «рассчитанного интереса» («просвещенного эгоизма»).

Пропуск английских войск через территорию США для борьбы с Испанией мог вовлечь в войну с Англией также

и Францию (союзника Испании); с Францией же сами США имели союзнические отношения (по договору 1778 г.). Поэтому Гамильтон прежде всего остановился на том, в какой мере благодарность Соединенных Штатов Франции за помощь, которую та оказала американскому народу во время борьбы за независимость, связывает свободу действий США в данной конкретной ситуации.

Рассматривая этот вопрос, Гамильтон приходил к прагматическому выводу, что такие сантименты, как благодарность, преданность, чувство лояльности, не должны оказывать сколь-либо существенного влияния на внешнюю политику США, во всяком случае не должны связывать руки американскому правительству при разработке конкретного внешнеполитического курса.

Очень высоко и объективно оценив вклад Франции в победу американской революции, отметив также помощь, оказанную в свое время Соединенным Штатам Испанией, Гамильтон заявлял, что из этого логически может следовать вывод: США «должны пойти на риск, нежели согласиться на что-либо неблагоприятное» для интересов Франции или Испании³².

Однако такой кажущийся очевидным вывод был бы «заблуждением», ибо «благодарность есть долг или чувство, которое между нациями может редко иметь солидное основание»³³.

Франция и Испания, помогая США в войне за независимость, действовали, исходя из своих эгоистических интересов, подчеркивал Гамильтон. Из подобных же интересов должно исходить и американское руководство, формулируя в дальнейшем свою внешнюю политику. «Нет сомнения в том, — писал Гамильтон, — что то участие, которое правящие династии Франции и Испании приняли в нашей ссоре с Великобританией, объясняется не их преданностью делу нашей независимости и свободы, а желанием уменьшить мощь Великобритании, расколов Британскую империю. Именно это они считали своим крупномасштабным интересом. Ради этого они соединили свое оружие с нашим»³⁴.

Итак, Франция в отношении США, продолжал Гамильтон, руководствовалась «просвещенным взглядом на свой собственный интерес». Понимая это, США не должны поэтому увлекаться «духом романтической благодар-

ности, требующим принесения в жертву наших существенных интересов; альтернативами, несовместимыми со здоровой политикой, или услужливостью, идущей вразрез с нашей безопасностью»³⁵.

Политика должна основываться не на эмоциях, не на чувствах, а на «благоразумном и свободном от предрассудков расчете», учитывающем неизбежность изменений в общестратегической ситуации.

«Невозможно предвидеть, — подчеркивал Гамильтон, — какие события могут произойти или в каком направлении могут пойти наши интересы; и очень важно четко различать, где мы связаны, а где свободны»³⁶ *.

Предвосхищая основное положение знаменитого прощального обращения к стране президента Дж. Вашингтона, Гамильтон писал: «Превалирующим мнением (среди американцев. — *Г. Т.*) является мнение о том, что мы должны держаться как можно дальше от всяческих иностранных связей, за исключением коммерческих... Внимательное рассмотрение превратностей, которые претерпевала дружба между нациями, за исключением немногих позитивных примеров, порожденных специфическими обстоятельствами, говорит отнюдь не в пользу систем, которые исходят из предположения о постоянном интересе к сохранению определенной политической связи. Позиция Соединенных Штатов, удаленных от Европы, требует, чтобы они проявляли необычную осмотрительность на этот счет»³⁷.

* Формулируя концепцию «просвещенного эгоизма», Гамильтон и его коллеги не столько подражали политике Франции (хотя публично и выставляли ее поведение в качестве примера действий в духе «просвещенного эгоизма»), сколько исходили из типично американской деловой доктрины рассчитанного интереса, пронизывавшей всю жизнь первых белых поселенцев в Северной Америке. Князь Талейран, заезжавший в США в конце 1790-х гг., чтобы испытать свое счастье в земельных спекуляциях, отмечал научный расчет интереса в качестве характернейшей черты американских бизнесменов. «Наука этих расчетов, — констатировал он, говоря о спекуляции землями, — нова лишь для европейцев. Американцы изучили и практикуют ее во всех деталях... Она является продуктом опыта большого числа людей, которые просвещены по части своего интереса и успех которых доказал, что они планировали мудро» (Talleyrand in America as a Financial Promoter, 1794—1796. Unpublished Letters and Memoirs. Volume II of the Annual Report of the American Historical Association for the Year 1941. Washington, 1942. p. 139).

После того как монархические режимы Европы, служившие опорой роялистской контрреволюции, развязали военную интервенцию против революционной Франции, А. Гамильтон в серии докладных записок президенту и статей в филаделфийской «Газете Соединенных Штатов» дал еще более развернутое обоснование политики «просвещенного эгоизма», как раз и продемонстрировав соответствующую «осмотрительность». Речь при этом шла уже не о том, должны или нет США руководствоваться чувством благодарности по отношению к Франции, а о том, должны ли США соблюдать положения американо-французского договора о союзе от 6 февраля 1778 г., предусматривавшего, в частности, гарантию Соединенными Штатами французских владений в Америке, т. е. французской Вест-Индии.

«Рассчитанный интерес» США, полагали Гамильтон и большинство его коллег, ни в коей мере не требовал, чтобы США ввязывались в англо-французский конфликт на стороне Франции или вообще на чьей бы то ни было стороне. И тут же были изобретены буквально десятки аргументов, логически, юридически, морально «обосновывающих» тезис о том, что договоры США с Францией фактически являются... недействительными, хотя их формально никто не отменял!

Разве можно, доказывал Гамильтон, допускать, чтобы США и впрямь стали выполнять предусмотренную договором «гарантию», когда колоссальная для США «цена» ее осуществления ни в коей мере не может быть сравнима с выгодами, которые они смогут получить, тем более что таких выгод в данной ситуации не существует. «Не будет никакого соответствия между бедами и опасностями, которым подвергнутся Соединенные Штаты, вступив в войну, и той пользой, *обеспечение которой для Франции предусматривается характером их обязательства...* Эта диспропорция была бы вполне обоснованной причиной для невыполнения гарантии»³⁸.

«Интерес Соединенных Штатов» требует их фактического отказа от соблюдения положений указанного договора, утверждал Гамильтон, изошренно обосновывая свою позицию. «Договор, пагубный для государства, сам по себе недействителен, даже если нет никаких изменений в положении любой из договаривающихся сторон, — писали президенту в записке от 2 мая 1793 г. А. Гамильтон

и Г. Нокс. — По гораздо более сильной причине договор должен стать *подлежащим расторжению* по выбору другой стороны, когда добровольный акт одного из союзников привел к столь существенному изменению в положении вещей, как это всегда вытекает из радикальной революции в системе правления»³⁹.

Опасаясь, возможно, что этой псевдоюридической аргументации окажется недостаточно, чтобы убедить президента в том, что США не должны, исходя из своих эгоистических интересов, соблюдать положение союзнического договора, Гамильтон и Нокс высказывались еще более цинично — прагматически: «Допуская, что курс признания в настоящее время Договоров (с Францией. — Г. Т.) действительными дал бы нам право претендовать на заслуги перед Францией в случае установления республики, наши отношения с этой страной *не настолько улучшились бы* в связи с этим, насколько они *ухудшились бы* в результате приведения в действие договоров в случае восстановления монархии»⁴⁰ *.

Таким образом, внешнеполитический принцип «просвещенного эгоизма» в переводе на язык стратегии означал сохранение свободы маневра для США при любых обстоятельствах.

Из этого общего принципа сохранения свободы маневра Гамильтон выводил один более частный принцип, являющийся конкретным приложением первого к союзным обязательствам. Его можно сформулировать так: «Союзник моего союзника не есть автоматически мой союзник» **. Следовательно, даже в тех случаях, когда США

* Американское правительство фактически приняло решение не соблюдать договоров. Уже 22 апреля 1793 г. оно выступило с прокламацией о нейтралитете. Позднее, покидая пост президента, Дж. Вашингтон в письме Гамильтону подчеркнул, что сам он основывал свою политику по отношению к Франции на «национальном интересе» США. «На ее (Франции. — Г. Т.) излишних дружбы и любящей доброты в отношении нас я не строил никаких надежд, а исходил из того, что все эти чувства будут существовать столь долго — и не дольше, чем это будет соответствовать ее интересам» (G. Washington. Writings, vol. 35, p. 372).

** В формулировке самого Гамильтона этот принцип звучал следующим образом: «Союзник нашего союзника не может, как таковой, иметь никаких притязаний на нашу дружбу» (A. Hamilton. Papers, vol. VII, p. 45). Кстати говоря, полтора века спустя англичанин Л. Ф. Ричардсон, математически исследуя стратегию участников коалиций, указал на другую сторону того же принципа: «Друг

вступали в тот или иной союз, американская теория требовала толковать его скорее ограничительно, чем расширительно, во имя сохранения все той же свободы маневра для США.

Конечно, вряд ли правильным было бы формулирование стратегического принципа свободы маневра ставить в заслугу Гамильтону. Этот принцип разделялся практически всеми тогдашними лидерами США. Еще весной 1783 г. (когда мирный договор США с Великобританией был фактически парафирован, но окончательно еще не подписан) Континентальный конгресс США отверг идею Лиги нейтральных держав, выдвинутую во время войны, и объявил, что «фундаментальная политика» Соединенных Штатов заключается в том, чтобы быть «как можно меньше ввязанными в политику и ссоры европейских наций»⁴¹. Тем не менее нельзя не отметить участие А. Гамильтона в детальной разработке принципа «неввязывания» в европейские дела, или, иначе, «невовлечения в блоки» (*nonentanglement*). Интересно также и то обстоятельство, что принцип свободы маневра, при котором во главу угла ставится «национальный интерес», а потом уже все остальное (включая союзнические обязательства и соглашения), был сформулирован американскими руководителями применительно к военно-политической стратегии задолго до Клаузевица, Жомини и Бисмарка*.

вашего врага подозрителен» (*L. Richardson. Statistics of Deadly Quarrels. London, 1960, p. 195*). То, что союзник союзника не зачисляется автоматически в союзники, а союзник неприятеля — в неприятели, по мнению западных теоретиков, дает стороне, придерживающейся такого подхода, большую свободу маневра для гибкого использования «баланса сил».

* Исследуя внешнюю политику Бисмарка, известный американский теоретик стратегии профессор Генри Киссинджер пришел к выводу, что его политика основывалась на трех коренных постулатах: а) необходимости использования военной силы, б) «просвещенном эгоизме» и в) мессианской пангерманистской идее. Поразительно то, что некоторые высказывания Бисмарка читаются просто как переводы из Гамильтона. «Бисмарк, — пишет Киссинджер, — все более настойчиво утверждал, что внешняя политика должна основываться не на чувстве, а на оценке силы... «Мы живем (писал Бисмарк. — Г. Т.) в удивительное время, когда сильный слаб из-за своих моральных угрызений, а слабый становится сильным по причине своей наглости... Сентиментальная политика не знает взаимности... Ради бога, никаких сентиментальных союзов, в которых сознание того, что ты сделал доброе дело, является единственным вознаграждением за все, чем ты пожертвовал... Единственным здо-

Гамильтон и Джефферсон были знакомы с работами ряда античных стратегов (безусловно, с сочинениями Ю. Цезаря) и с работами таких теоретиков международного права (и, в частности, права войны), как Гуго Гроций, Сэмюэль Пуфендорф, Эмер де Ваттель и некоторые другие. Формулируя принцип «неввязывания», они находились под влиянием взглядов теоретиков прошлого. И все же нам представляется, что принцип «просвещенного эгоизма» и результирующий принцип свободы маневра были сформулированы ими в первую очередь под влиянием американского опыта: учета особенностей географического положения США, оценки общестратегической ситуации в тогдашнем мире и анализа долговременных перспектив ее развития.

Принцип «неввязывания» был детализирован и развит в прощальном обращении к стране первого президента США Дж. Вашингтона *. О кардинальной стратегической важности принципов, сформулированных в этом послании, свидетельствует то обстоятельство, что оно до сих пор полностью зачитывается в конгрессе США в начале каждой новой его сессии.

ровым основанием политики великой державы... является эгоизм, а не романтизм... Политика есть искусство возможного, наука относительного» (цит. по: *H. A. Kissinger. The White Revolutionary: Reflections on Bismark. — «Daedalus», Summer 1968, p. 906—907*).

Удивительное совпадение внешнеполитической философии Бисмарка (включая также концепцию «баланса сил») с внешнеполитической философией «отцов-основателей» американской республики объясняется тем, что как первый, так и последние были прагматиками во внешней политике — одними из ранних представителей «Realpolitik». Выводы из внешнеполитических «уроков Бисмарка», действовавшего в «многополюсном мире», постулаты для «новой внешней политики США» на 1970-е и последующие годы, Г. Киссинджер, по-видимому, не отдавал себе отчета в том, что куда более конгениальными — «истинно-национальными» и в то же время аналогичными — уроками являются для США внешнеполитические заветы американских «отцов-основателей», предвосхитивших большинство внешнеполитических и стратегических принципов «железного канцлера»!

* В Соединенных Штатах и по сей день продолжается дискуссия о том, какова роль первого президента США в формулировании основных положений указанного обращения, поскольку проект обращения к нации, составленный Гамильтоном по просьбе Дж. Вашингтона, был в значительной степени использован последним в окончательном тексте. Определенную роль в первоначальных набросках этого документа сыграл и Дж. Мэдисон ⁴².

Призывая американцев в будущем культивировать «мир и гармонию со всеми», Дж. Вашингтон подчеркивал, что «при претворении в жизнь такого плана ничто не является более существенным, чем необходимость исключить перманентные закоренелые антипатии по отношению к определенным нациям и страстные привязанности к другим... Нация, которая практикует в отношении другой ставшую привычкой ненависть или же ставшую привычкой привязанность, является в какой-то степени рабом. Она — раб своей враждебности или своей любви, и каждого из этих чувств вполне достаточно, чтобы увести ее прочь от ее долга или ее интереса»⁴³.

«Зачем покидать нашу почву и становиться на иностранную? — развивал концепцию «просвещенного эгоизма» — свободы маневра Дж. Вашингтон. — Зачем, переплетая нашу собственную судьбу с судьбой любой части Европы, втягивать наш мир и процветание в тенета европейского честолюбия, соперничества, интереса, шутки или каприза?

Наша истинная политика — держаться подальше от постоянных союзов с любой частью иностранного мира»⁴⁴.

Это предупреждение дало основание утверждать, будто Вашингтон был убежденным сторонником и проповедником принципа изоляционизма. Подавляющее большинство американских историков именно так и трактует указанные положения прощального обращения*. При этом подчеркивается, что вплоть до второй мировой войны Соединенные Штаты строго следовали принципу изоляционизма, за исключением одного-единственного отступления — двух договоров с Францией от 6 февраля 1778 г.**

* Морисон и Коммаджер, например, говорят о «знаменитой вашингтоновской доктрине изоляционизма», сформулированной в указанном обращении (*S. Morison and H. Commager. Op. cit., p. 368*).

Известный исследователь истории внешней политики США Т. Бэйли также считает, что Вашингтон рекомендовал «политику изоляционизма», хотя он и добавляет, что эта политика «была не столько отчужденностью от дел Европы, сколько исключением европейских агентов и европейского влияния на дела Соединенных Штатов, чтобы американский народ мог наслаждаться благами полной независимости» (*Th. Bailey. A Diplomatic History of the American People. New York, 1940, p. 82*).

** 1. О дружбе и торговле; 2. О совместном союзе против Великобритании. Оба договора были денонсированы конгрессом США 7 июля 1798 г.

Даже, дескать, участие США в первой мировой войне было не столько радикальным нарушением этого принципа, сколько вынужденным временным отступлением от него, поскольку США, приняв участие в войне, затем «решили не ввязываться в дела внешнего мира», отказавшись от членства в Лиге наций. Утверждается, что США отошли от принципа изоляционизма лишь с начала второй мировой войны, когда они начали активно «ввязываться» в международные дела, заключив десятки долговременных союзных договоров и соглашений и создав целый ряд военно-политических блоков под своей эгидой.

С подобной интерпретацией американской внешней политики невозможно согласиться. Чистого изоляционизма в США по сути дела не было, если говорить о главных американских политических течениях и о практической политике США, а не о взглядах тех или иных индивидуумов.

Борьба между так называемыми изоляционистами (сторонниками концепции «Америка — крепость») и интервенционистами, отрицающими целесообразность такого подхода, которая ведется по вопросам внешней политики в правящих кругах США вот уже почти двести лет, идет не за то, следует или не следует Соединенным Штатам прибегать к «позитивному и активному давлению» на международной арене, в том числе и с помощью военной силы; этот вопрос был, так сказать, окончательно и бесповоротно решен Дж. Вашингтоном и его коллегами в положительном смысле. Неизменность принятого подхода подтверждается активными внешнеполитическими акциями, предпринимавшимися правящими кругами США на протяжении всей американской истории.

На деле этот перманентный спор есть всего лишь спор о том, в каком объеме тратить энергию на внешние операции, как наиболее рационально сочетать усилия (ресурсы) на внутреннем и внешнем фронтах политики, как и когда — после того как страна превысила свои экономические и иные возможности в заморских авантюрах — на время несколько «втягивать» орудия внешней экспансии в панцирь «американской крепости», свертывать заморское военное присутствие для передышки, для укрепления собственной внутренней базы и накопления сил перед очередным рывком на внешнеполитической арене. Таков всегда был основной вопрос, по которому шли

баталии между американскими «изоляционистами» и интервенционистами.

Односторонняя концентрация усилий на проблемах внешней политики, как правило, приводила к пренебрежению проблемами внутренними и их обострению (как это, например, произошло на наших глазах в конце 1960-х — начале 1970-х гг.). Поэтому и вполне естественно колебания среди правящих классов: подходить ли к внешней политике с позиции «Америка — крепость» или же с позиции «выдвинутых вперед рубежей». Эти колебания имеют свое логическое обоснование в неравномерности экономического и политического развития американского капитализма*.

Безусловно, политика США до первой мировой войны была более изоляционистской, чем в последующий период. Однако эта конкретная политика США, копивших силы в XIX в., а в XX в. почувствовавших себя достаточно сильными, чтобы выйти на широкую мировую арену

* Американский исследователь Фрэнк Клингберг, профессор университета Южного Иллинойса, на основе анализа содержания ежегодных посланий президентов США конгрессу (так называемого контент-анализа) и систематизации основных событий американской истории составил интересную таблицу, показывающую циклический характер колебаний в «американском настроении», включая настроения правительства и конгресса, между «сосредоточенностью на внутренних делах» и «сосредоточенностью на внешних делах». Таблица Клингберга выглядит следующим образом:

Сосредоточенность
на внутренних делах

1776—1798 гг.
1824—1844 гг.
1871—1891 гг.
1919—1940 гг.

В среднем — 21 год

Сосредоточенность
на внешних делах

1798—1824 гг.
1844—1871 гг.
1891—1919 гг.
1940

В среднем — 27 лет

(F. Klingberg. The Historical Alternation of Moods in American Foreign Policy. — «World Politics», vol. IV, N 2, January 1952, p. 239—273)

Как и любая схема, таблица Клингберга отдает в какой-то мере искусственностью, нарочитостью. Тем не менее нельзя не увидеть рациональное зерно в его подходе к анализу американской политики. Конечно же, «сосредоточенность на внутренних делах» не означала забвения дел внешних, и наоборот. Не делая окончательного вывода по поводу степени научности подхода Клингберга, нельзя вместе с тем не констатировать: в 1952 г. он довольно точно предсказал, что конец 60-х гг. XX в. явится новым периодом поворота США к сосредоточенности на внутренних делах.

империалистической борьбы, не имеет ничего общего с вашингтоновским «завещанием изоляционизма». Ибо Вашингтон, заключивший союз с Людовиком XVI для борьбы против Великобритании, был таким же «изоляционистом», как французский король — республиканцем!

Вашингтон исповедовал не изоляционизм, а «просвещенный эгоизм», не концепцию «замыкания на Северо-Американском континенте», а принцип свободы маневра, при котором всякий союз с иной державой должен рассматриваться как временный, т. е. соблюдаемый США лишь до тех пор и постольку, пока и поскольку Соединенные Штаты с помощью такого союза могут продвигать собственные интересы. Когда же такой союз становится в тягость США, поскольку он вовлекает их в борьбу за чуждые им интересы, то такой союз должен быть расторгнут и заменен в случае необходимости иным союзом — пусть даже со вчерашним врагом США, если это нужно для отстаивания собственных интересов Америки! Понятно, что подобный стратегический принцип не имеет ничего общего с континентальным изоляционизмом.

Отношения между нациями, замечал Дж. Вашингтон, развивая мысль, ранее высказанную Гамильтоном, отнюдь не строятся на альтруистической основе: «Глупо, если одна нация рассчитывает на бескорыстные благодеяния со стороны другой».

«Не может быть большей ошибки, чем ожидать или рассчитывать на реальную услугу одной нации другой»⁴⁵, — повторял он. В основе взаимоотношений между нациями лежит корыстный прагматический интерес, доказывал президент. Ты по неопытности уступаешь что-то реальное, а взамен тебе оказывают номинальную, символическую, никчемную услугу. Поэтому к политическим союзам надо подходить осторожно, и в первую очередь иметь в виду собственный интерес. Таково было стратегическое кредо американских «отцов-основателей», завещанное ими своим потомкам*.

* Ряд американских историков вопреки общепринятой официозной точке зрения говорят об «изоляционизме» США как о весьма условном явлении, как о конъюнктурной по сути дела, а не о принципиальной позиции. Например, исследователь «доктрины Монро» Фрэнк Донован, подчеркивая, что «отцы-основатели» США были «практичными людьми», отмечает: «Американский изоляционизм был политической эгоизма. Когда эгоизм диктовал изменение в политике,

Не должно вызывать удивление то обстоятельство, что они не всегда могли излагать это кредо во всеуслышание. Поскольку США с момента своего рождения оказались «в свете рампы» международной арены, американские лидеры вынуждены были учитывать реакцию в европейских столицах, как дружественных США, так и враждебных, на те или иные их высказывания. Именно поэтому подготовительные черновики прощального послания Дж. Вашингтона содержат некоторые гораздо более откровенные, более прямолинейные советы, опущенные дипломатии ради в окончательном варианте.

В окончательном тексте послания Вашингтон советовал американцам «без опаски доверяться временным союзам для чрезвычайных обстоятельств»⁴⁶. В одном же из ранних вариантов этого послания президент весьма откровенно разъяснял, почему временные политические связи предпочтительнее постоянных: «Если мы не будем с нашей стороны иметь постоянных связей, нас ничто не будет смущать, и мы будем иметь *свободу во всякое время действовать применительно к обстоятельствам и повелениям справедливости — здоровой политики и наших коренных интересов*»⁴⁷ (курсив мой. — Г. Т.). Эта формула — отнюдь не формула изоляционизма, а классическая формула стратегического принципа свободы маневра!

5. КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОЙ СУДЬБЫ КАК ОБОСНОВАНИЕ «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ»

Идея Предустановленной, или Предначертанной свыше, Судьбы Соединенных Штатов (иногда также именуемая концепцией «божественного предопределения», «явного предначертания») родилась из синтеза убеждения, разде-

политика могла быть изменена» (*F. Donovan. Mr. Monroe's Message. The Story of Monroe Doctrine. New York, 1963, p. 9*). Еще более скептически высказывается один из ведущих представителей так называемого ревизионистского направления современной американской исторической школы — Вильям Э. Вильямс: «Далеко не будучи призывом к изоляции, то, что обнародовал Вашингтон, было меркантилистским манифестом, призывающим к созданию империи, которой никто не сможет бросить вызов» (*W. Williams. The Contours of American History. Cleveland and New York, 1961, p. 173—174*).

лявшегося лидерами американской революции, об исключительности, уникальности американского эксперимента с их религиозной идеологией. Как и в Европе в средние века, политическая идеология в США до появления там буржуазных партий выступала в форме идеологии религиозной. Декларация независимости Соединенных Штатов изобилует ссылками не только на принципы справедливости, но и на божественные предустановления. И поскольку исход «американского эксперимента» — Войны за независимость был столь удачен, то кто же, как не всевышний, был в конечном счете ответствен за такой исход, кто, как не сам господь бог, покровительствовал американским колонистам в их борьбе с английской монархией? Именно так рассуждали основатели Соединенных Штатов, глубоко религиозные люди, которые помимо оправдания своих действий соображениями разума, экономической необходимости и т. д. считали обязательным все содеянное американской революцией освятить и высшим, внеземным авторитетом, волей творца. Так родился миф о Предначертанной Судьбе для США, ставший с течением времени одним из главных постулатов американской внешней политики⁴⁸.

Поскольку, по учению «отцов-основателей», возникшая в результате этого уникального эксперимента американская республика — «американская система» — являлась воплощением всего лучшего, что когда-либо было создано, то она, по их мнению, не могла не стать образцом для всего остального человечества, моделью для подражания.

Из постулата американских идеологов об универсальном характере политического, экономического и социального опыта США и родилась идея американской миссии — миссии нести другим народам «американский образ жизни», всячески стимулируя последних встать на путь подражания «американской демократии».

«Люди, которые избрали для гербовой печати Союза штатов девиз «*Novus Ordo Seclorum*», не могли не осознавать мощной тяги к созданию нации, тяги, вытекающей из убеждения многих, если не большинства американцев в том, что это был и впрямь Новый порядок веков, в котором сама судьба предназначила им осуществлять руководство»⁴⁹, — отмечает американский исследователь Дж. Бойд.

Американцы, утверждали руководители США, создали систему не только хорошую во всех отношениях для них самих, но и безусловно наилучшую для всех других народов. Поэтому всякий, сопротивлявшийся этой системе, являлся не только врагом американцев, но и своим собственным врагом, ибо он мог противиться устроению своей жизни по образу и подобию «американской демократии» лишь по неведению, по заблуждению или же по корысти, злему умыслу, как противился этой системе тот же Георг III, стремившийся таким путем не допустить подрыва своей монархической власти, своей империи.

А от этой посылки уже недалеко было и до постулата об универсально-освободительном характере американской миссии, независимо от того, совершилось ли подобное «освобождение» силой примера или силой оружия.

Следует отметить, что тезис о притягательной силе американского примера для других народов так и остался голословным теоретическим постулатом. Это обстоятельство, по-видимому, и вынудило американских экспансионистов довольно быстро взяться за оружие для распространения американского «опыта» — американской системы.

От «активистской концепции» американской миссии в мире, саркастически замечает известный американский политолог Ганс Моргентау, «оставался только один шаг со стороны Америки до позитивного обязательства помочь менее удачливым народам, подпавшим под американское влияние, достигнуть счастья, которым наслаждались американцы. Территориальная экспансия Америки... за пределы границ континента на рубеже века (XX в. — Г. Т.), таким образом, идет рука об руку с самоуверенной и энергичной экспансией американских принципов и правительственной практики»⁵⁰.

Итак, констатирует Моргентау, «миссионерская концепция о взаимосвязи между нашей внутренней ситуацией и нашей внешней политикой здесь переовплощается в третью — концепцию крестового похода. Как миссионеры американского опыта мы предлагали нашу помощь другим, и последние были вольны принять или отвергнуть ее. Как крестоносцы мы стали навязывать ее остальному миру, в случае необходимости — огнем и мечом. Факти-

ческими границами такого крестового похода оказывались пределы американской мощи, ее потенциальными пределами — пределы земного шара. Американский пример трансформировался в формулу всемирного спасения, на которое правильно мыслящая нация согласится добровольно и к которому другие должны быть принуждены силой»⁵¹.

«Фактически, — признавал Моргентау, — идея американской миссии в отношении менее удачливых народов мира является, безусловно, политической идеологией, рационализацией и оправданием политики, которая осуществлялась по иным, в основном эгоистическим, причинам»⁵².

«Предначертанная Судьба... — уточняет известный американский историк Дж. Пратт, — стала оправданием для почти любого приращения территории, для приобретения которой у США имелись воля и сила»⁵³.

Из концепции об осчастливливании других народов путем приобщения их к американскому образу жизни с помощью оружия родился тезис о неагрессивном характере американских военных акций: ведь эти акции, согласно теории «американской миссии», предпринимались не для чего иного, как для «освобождения» этих народов. Поэтому какую бы войну ни развязывали США, эта война с американской стороны являлась якобы освободительной и, следовательно, справедливой. Так постепенно формировалась американская доктрина «справедливой войны», являющаяся одной из фундаментальных и непреходящих теоретических концепций американской внешней политики и «философии силы».

Буржуазная доктрина «справедливой войны» уходит своими корнями в библейскую заповедь «не убий», из которой теологи делают исключение: агрессор может быть отражен. Поэтому для превращения той или иной войны в «справедливую», с точки зрения теоретиков страны, начавшей войну, достаточно лишь более или менее убедительно обосновать тезис о «неагрессивности намерений». Если ваши намерения «неагрессивны», если, например, нападение осуществляется во имя «спасения» стороны, на которую нападают, то даже превентивная атака вполне может сойти за акт «справедливой» войны.

Еще А. Гамильтон, ссылаясь на тогдашние авторитеты в области международного права — Пуфендорфа и Бур-

ламачи, проводил различие между наступательной, но справедливой войной и войной оборонительной, но несправедливой⁵⁴. При соответствующей интерпретации, как это вытекает из дальнейшего развития американской доктрины «справедливой войны» профессором университета Джонса Гопкинса Р. Такером, под «справедливую войну» можно подвести любое использование военного насилия, любое злодеяние. «Интерпретация требований гуманности, — пишет Такер, — будет определяться интерпретацией требований военной необходимости. В этом плане использование атомного оружия против Хиросимы и Нагасаки могло быть и в действительности было оправдано не только как военная необходимость, но и как законное применение на войне принципа гуманности»⁵⁵.

В силу этой доктрины, отмечает американский политолог Р. Осгуд, «если моральные чувства запрещают прибегать к войне как к орудию национальной политики, они не мешают прибегать к ней как к орудию идеологической борьбы, коль скоро война стала неизбежной. В известном смысле моральные чувства даже поощряют это, так как совесть находит в более широких и возвышенных целях («освобождение»? — Г. Т.) своего рода нравственную компенсацию ужасам войны и разумное оправдание своей зараженности этим злом. Таким образом, те самые идеалы, которые отвергают войну, становятся ее побудительным мотивом»⁵⁶.

Тот же Роберт Такер, давший в книге «Справедливая война» (весьма популярной в американских научных кругах) развернутое обоснование этой доктрины, пишет: «С американской точки зрения... поиск бескорыстного морального принципа оказывается не чем иным, как стремлением к реализации просвещенного эгоизма... В конечном счете не обнаруживается расхождений между императивами морального закона и требованиями эффективной политики»⁵⁷. Поэтому, например, «если не брать в расчет чисто пацифистскую позицию, превентивная война, как возможный инструмент политики, не может быть отвергнута на основании одних лишь моральных соображений... Несомненно, что в качестве проблемы американской политики превентивная война не может быть оторвана от фактических обстоятельств — политических и военных, в контексте которых она должна рассматриваться. Тем не менее совсем не очевидно, что эти обстоя-

тельства были и есть однозначно неблагоприятны для успешного осуществления такой политики»⁵⁸.

По мере развития американской атомной стратегии после второй мировой войны, характеризующегося все большей изощренностью в изобретении различных форм и способов использования ракетно-ядерного оружия, параллельно «совершенствуется» и доктрина «справедливой войны»: моральная «справедливость» все более тщательно подгоняется под боевые свойства новейших систем стратегического оружия. Американский теолог П. Рамсей, подвизающийся на поприще военной стратегии, находит, например, что доктрина «справедливой войны» остается действенной, несмотря на то что глобальная ракетно-ядерная дуэль может привести к массовой гибели населения воюющих сторон⁵⁹. Современным вариантом «справедливой войны» он считает «контрсилую войну», иначе говоря, превентивный ракетно-ядерный удар по военному арсеналу противника. В дальнейшем мы подробно остановимся на собственно стратегической концепции «контрсилового удара». Здесь же важно отметить, что оправдание войны как средства политики, в том числе и войны с применением ракетно-ядерного оружия, есть, пожалуй, квинтэссенция доктрины «справедливой войны»*.

6. «БАЛАНС СИЛ» КАК ОСНОВНАЯ РАБОЧАЯ КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИИ США

Первые руководители американской буржуазной республики при определении общих направлений военной политики и стратегии исходили из двух основополагающих факторов: 1) высокой степени безопасности границ США и 2) большой военной слабости США по сравнению с любым крупным государством тогдашнего мира, который

* Критически мыслящий американский католик, член ордена иезуитов, а ныне конгрессмен Р. Дринан, лично наблюдавший в 60-е гг., как претворялась в жизнь во Вьетнаме американская доктрина «справедливой войны», пришел к такому выводу: «Когда проанализируешь кажущуюся неискоренимость войны в западной истории, невольно начинаешь задумываться над тем, не способствовало ли христианство вместо уменьшения вероятности войн (своим учением о любви) резкому усилению на деле возможностей развязывания войн, поставляя поводы для «священных войн» и «крестовых походов» (R. Drinan, S. J. Vietnam and the Armageddon. Peace, War and Christian Conscience. New York, 1970, p. 5).

все еще был «европоцентристским», — миром держав Европы.

Высокая степень безопасности границ США складывалась из двух объективных обстоятельств: а) военной слабости соседей США — индейцев, а также европейских колоний на севере и на юге США и б) защищенности морской границы США широкими просторами Атлантического океана, отделявшего США от главных военных держав. И хотя эта океанская защита не избавила США от двух английских интервенций (в ходе Войны за независимость и войны 1812—1814 гг.), американские лидеры правильно считали одной из главных причин, ослаблявших Великобританию в обеих войнах, растянутасть ее коммуникаций, затруднявшую концентрацию войск, их регулярное обновление и снабжение, координацию действий между политическим руководством в Лондоне и военным командованием британских экспедиционных сил в Северной Америке. Американское руководство осознавало, что помимо «владычицы морей» — Великобритании вряд ли какой другой державе под силу предпринять трансатлантическую операцию такого масштаба, которая бы поставила под угрозу само существование США как государства. Победив англичан в Войне за независимость, американцы по сути дела уже не опасались войны, в которой на карту было бы поставлено само существование США*.

«Наша отдаленность от европейских государств, — подчеркивал Дж. Вашингтон после победоносного завершения Войны за независимость, — в значительной степе-

* В работах американских ученых муссируется тезис о том, что в течение XIX в. США были защищены от внешнего вторжения английским флотом. Однако этот тезис вряд ли можно считать правильным. Даже этот, самый сильный в то время, флот не смог бы обеспечить успех трансатлантической военной операции, которая ставила бы целью не просто какие-то репрессалии в отношении США, а ликвидацию американского государства. Тем более никакое другое государство не могло бы предпринять трансатлантическую операцию по вторжению в США, которой Соединенные Штаты не смогли бы противостоять собственными силами. Миф о «защитительной функции» британского флота, которую он якобы осуществлял по отношению к США в XIX в., усиленно распространялся американскими авторами в первое десятилетие после второй мировой войны, по-видимому, с целью упрочения «особых отношений» между США и Великобританией и укрепления тем самым позиций американского империализма в Западной Европе.

ни освобождает нас от опасений, связанных с наличием у них многочисленных регулярных сил, и от боязни оскорблений и опасностей, проистекающих из их честолюбия»⁶⁰.

При этом американские политики считали слабую стратегическую уязвимость США фактором постоянным и долговременным. Значение защиты океана для безопасности США будет возрастать с течением времени, утверждали они. По мере развертывания фортификационных работ на Атлантическом побережье и усиления американского флота Соединенные Штаты будут приближаться к позиции стратегической неуязвимости для нападения из Европы, а ниоткуда больше, как считалось в США в течение 150 лет, нападения быть не могло.

Что касается второго фактора — военной слабости США, сильно сковывавшей свободу стратегического маневра первых американских правительств, то он рассматривался как фактор временный. По мере укрепления американской политической и экономической структуры и роста военной мощи США, утверждали американские лидеры, они будут все более переходить с позиций военной слабости на позиции равенства военных сил с главными европейскими державами и тогда (и только тогда) смогут проводить более решительную военную политику, которую основатели американской стратегии, предсказывавшие такой поворот событий, сами проводить не могли.

Учитывая совокупное действие обоих названных факторов, американские лидеры пытались подыскать такую военно-политическую концепцию, которая обеспечивала бы им максимальную свободу рук, в первую очередь для экспансии на Северо-Американском континенте, в то же время не требуя «неприемлемых» жертв и военных тягот. В качестве такого рода концепции они остановились на принципе «баланса сил». Принцип «баланса сил» был настолько детально и всесторонне разработан в трудах первых американских стратегов, что последующие столетия мало что добавили к развитой ими концепции.

Концепция «баланса сил», конечно, не была оригинальным изобретением американских политиков. Со времен Древней Греции политика «баланса сил» была одним из главных стратегических принципов государств, вынужденных действовать в условиях многополисного (как в Древней Греции), или, как сейчас говорят, многополюс-

ного, мира. Этой политике следовали и европейские державы начиная со второй половины XVII в., после окончания разрушительных религиозных войн XVI столетия*.

Политика «баланса сил», как ее позднее определил Клаузевиц применительно к современной ему Европе, основывается на том, что «крупные и мелкие интересы государств и народов перекрещиваются между собой самым разнообразным и изменчивым способом. Каждая такая точка скрещения образует закрепляющий узел, ибо в ней направление одного интереса уравнивается направлением другого. Посредством всех этих узлов образуется большее или меньшее сцепление целого, и это сцепление при всяком изменении должно частично преодолеваться. Таким образом, общая сумма отношений государств между собой скорее действует в направлении сохранения целого в его настоящем оформлении, чем в направлении его изменения, т. е. в общем господствует *тенденция* сохранения. Так, полагаем мы, надлежит понимать мысль о политическом равновесии, и в этом смысле она будет возникать сама собой повсюду, где несколько культурных стран будут вступать в разносторонние соприкосновения между собой»⁶¹.

«Таким образом, — продолжал Клаузевиц, — если современная Европа существует в нынешнем ее виде более тысячи лет, то мы можем приписать это явление лишь вышеуказанной тенденции общих интересов, и если защита комплекса не всегда была достаточной для сохранения каждого в отдельности, то это представляет лишь известные ненормальности в жизни комплекса, которые, однако, его не разрушили, а, напротив, были им преодолены»⁶².

Продолжая и, так сказать, четче и грубее выражая эту мысль Клаузевица, американский специалист в области теории игр А. Рапопорт пишет, что при «системе равновесия» «побежденных не добивают до конца, а позволяют (и также способствуют этому) вновь войти в систему»⁶³.

«Общей целью игры, основанной на равновесии сил (целью всех игроков, вместе взятых, в отличие от их ин-

* Петр I, самокритично анализируя промахи в политике России, писал в последний год своей жизни: «Все прочие народы политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседов...» (цит. по: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IX. М., 1963, стр. 553).

дивидуальных целей), было не сохранение мира, а сохранение системы. Победитель в войне обязан был обеспечить, чтобы побежденный участник игры был вновь включен в систему и не утратил способность сражаться вновь в дальнейшем, поскольку, как знать, в следующий раз он может оказаться и союзником»⁶⁴.

Эта «клаузевицевская система», которой Европа продолжала придерживаться и в XIX в. (после неудачной попытки Наполеона Бонапарта создать единую империю, разрушив систему «баланса сил» между независимыми нациями), основывалась, по мнению того же Рапопорта, на следующих соображениях и предположениях:

1. Существует сообщество суверенных государств.
2. Каждое государство имеет собственные интересы, сводящиеся в первую очередь к расширению своей территории и влияния.
3. Интересы каждого государства находятся, как правило, в конфликте с интересами всех остальных.
4. Политика есть искусство создавать ситуации, благоприятствующие осуществлению интересов государства.
5. Война является нормальной фазой во взаимоотношениях между государствами.
6. Образование коалиций или союзов есть часть набора тех действий, которые совершает каждое государство, стремясь к реализации своих интересов.
7. Сила государства воплощена в его вооруженной мощи⁶⁵.

Аналогичными соображениями руководствовались и основатели американского государства, решая в пользу политики «баланса сил».

На путь «баланса сил» основателей американской буржуазной республики подталкивала их собственная внутри-и внешнеполитическая практика. Внутриполитическая практика состояла в организации государственного правления по системе «баланса сил», позаимствованной ими у «матери Британии»*, а внешнеполитическая сводилась в первую очередь к прагматическому использо-

* Речь в данном случае идет о трактовке этой системы самими американскими руководителями. Несмотря на так называемое разделение властей — исполнительную, законодательную и судебную, американское государство с самого начала на деле представляло собой диктатуру класса буржуазии, а не какой-то межклассовый компромисс.

ванию противоречий между двумя главными военными державами Европы, имевшими интересы в Северной Америке, — Великобританией и Францией.

Само рождение Соединенных Штатов стало по сути дела возможным лишь в результате использования англо-французских противоречий. Как отмечал В. И. Ленин, «в своей трудной войне за освобождение американский народ заключал... «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы угнетенных*»⁶⁶.

Использование Соединенными Штатами противоречий между крупными европейскими державами было не спонтанной импровизированной утилизацией неожиданно возникших (или ставших очевидными) обстоятельств; оно заранее планировалось руководителями вооруженного восстания североамериканских колоний против английского владычества. Еще в 1774 г., например, Джон Адамс (впоследствии второй президент США), отвечая скептику (скрывавшемуся под псевдонимом Массачузетец), паниковавшему по поводу «морской мощи» Великобритании (что, дескать, неминуемо обречет на провал любое восстание против ее владычества), показал в своих статьях в «Бостон газетт» ограниченность возможностей Великобритании в деле маневрирования своими военными силами в условиях европейского «баланса». «Пусть она направит к нам все свои корабли, которыми окружены британские острова, — писал Адамс. — Что будет, если ее сварливые соседи — Франция и Испания — осуществят по ней удар во время их отсутствия?»⁶⁷. И это писалось, конечно, в расчете не только на Массачузетца, но и на то, чтобы лишний раз привлечь внимание англичан к этому стратегическому обстоятельству и тем самым заранее осложнить для них планирование военной интервенции в Северную Америку.

Как известно, лишь в результате прямой военной помощи и поддержки со стороны Франции генералу Вашингтону удалось в конце концов разгромить под Йорктауном английские войска и тем самым выиграть Войну за независимость. Хорошо усвоив этот урок блокирования с одной мощной державой для борьбы против другой, США положили данный принцип в основу своей долгосрочной военно-политической стратегии.

С момента победы в Войне за независимость Соединенные Штаты начинают очень осмотрительно лавировать между основными европейскими конкурентами, стремясь не допустить усиления плацдармов последних на Американском континенте.

Основными державами, могущими так или иначе представлять военную угрозу для молодой республики, руководители США считали три европейские державы, каждая из которых имела колонии в Новом Свете, — Великобританию, доминировавшую над Канадой, Испанию, имевшую обширные колонии на юге и западе Северо-Американского континента, и Францию, располагавшую колониями в Вест-Индии и надевавшуюся взять реванш за потерю Канады*.

На протяжении первых сорока лет существования американского государства практически не было такого периода, когда бы США находились либо в хороших, либо в плохих отношениях со всеми тремя европейскими государствами одновременно. Ухудшение отношений США с одной из сторон «треугольника» американское правительство стремилось немедленно компенсировать улучшением взаимопонимания с одной или двумя другими, тщательно учитывая расстановку как военных, так и политических сил, в первую очередь военные намерения и потенции указанных держав в северной части западного полушария.

Учитывая факт военной слабости США, американские лидеры на первых порах рассматривали роль собственной страны в «балансе» как довольно пассивную, оборонительную, допускающую использование американских сил лишь в благоприятно складывающихся обстоятельствах, чтобы улучшить стратегические позиции США, в первую очередь добиться приращения территории.

* С первых дней своего существования Соединенные Штаты уделяли большое внимание еще одной державе «европейского концерта» — России. Однако интересы США и России ни в коей мере не приходили в столкновение, и поэтому в калькуляциях «баланса», непосредственно затрагивавших текущие интересы США, Россия фигурировала в известной мере на втором плане. Отношения между Россией и США, как правило, были дружественными, и американские правительства не раз стремились прибегнуть к посредничеству России в урегулировании своих споров с западноевропейскими государствами (см. *Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966*).

Классической разработкой принципов «баланса» можно считать документ от 12 июля 1790 г., составленный государственным секретарем США Т. Джефферсоном для президента Вашингтона в связи с назревавшей между Великобританией и Испанией войной за американские колонии последней — Луизиану и Восточную и Западную Флориды⁶⁸.

Составив этот документ, который можно считать наброском стратегических альтернатив США в случае войны между Англией и Испанией, Т. Джефферсон показал себя умелым стратегом. Указанный проект убедительно свидетельствует о широте стратегического мышления первых руководителей американского государства, досконально изучавших все потенциальные возможности, которые открывались перед США в деле военно-политического маневрирования в рамках «баланса сил» в «четырёхугольнике» США — Великобритания — Испания — Франция.

Читая этот один из первых документов, относящихся к американскому стратегическому планированию на высшем уровне, нельзя не обратить внимание и на его, так сказать, сугубо современный характер — по духу, стилю, подходу, тщательной проработке альтернатив, совокупному учету политических и военных моментов. Речь идет о типичном «сценарии» (выражаясь языком Германа Кана), написанном стратегом — теоретиком «реальной политики», обсуждающим возможные альтернативы военно-политического поведения США как в случае самого конфликта, так и в предконфликтной ситуации. Этот «сценарий» носит в известной мере нормативный характер, т. е. он в такой же степени предвосхищает события, как и подталкивает их в определенном, желательном для США направлении.

Джефферсон подчеркнул прежде всего, что овладение Англией указанными испанскими колониями будет представлять большую опасность для США потому, помимо всего прочего, что «вместо двух соседей, взаимно уравновешивающих друг друга, мы будем иметь одного с силой большей, чем сложенные силы двух»⁶⁹ *.

* Общие соображения по вопросам стратегии США, содержащиеся в меморандуме Джефферсона, во многом перекликались со стратегическими концепциями Гамильтона, изложенными в его ответе от 15 сентября 1790 г. на вопросник Дж. Вашингтона: «Для нас без-

«Стоит ли вовлекаться в войну ради того, чтобы предотвратить такой оборот событий?» — задает вопрос Джефферсон и далее серией подвопросов, анализирующих доводы «за» и «против» вступления в войну (абсолютно в духе «итоговой оценки» (*net assessment*)), выдаваемой нынешними лидерами Пентагона «за высшее и новейшее» достижение в их аналитической деятельности), он фактически подводит «лицо, принимающее решение», к выводу, что вступление Соединенных Штатов в войну на стороне Испании более отвечало бы их интересам, чем нейтралитет. Однако выбор в пользу такого решения делается, исходя из «допущения, что в войне (против Англии. — Г. Т.) будет участвовать Франция, равно как и Испания. Ибо с одной лишь Испанией война будет безуспешной, и наше положение ухудшится»⁷⁰.

Однако, рассуждает дальше Джефферсон, ввиду неопределенности стратегической ситуации лучшим курсом для США была бы позиция выжидания.

Вместе с тем в случае участия США в войне на той или другой стороне следует «получить от наших союзников плату за нашу помощь»⁷¹. (В частности, «ценой», которую США могли бы потребовать от Испании в обмен на американскую военную поддержку, могло бы быть обязательство последней предоставить независимость ее американским колониям, вместо того чтобы уступать их Англии, указывал Джефферсон. При этом он и его адресат великолепно понимали, что такого рода «независимость» будет в конечном счете означать уступку указанных колоний Соединенным Штатам.)

Далее Джефферсон подробно разбирает в форме постановки вопросов, что следует в данный момент сделать в отношении Испании и Великобритании, и заканчивает свой меморандум следующим заявлением: «...мы должны рассматривать с чрезвычайным беспокойством любые попытки каждой из держав захватить владения другой на нашей границе, так как мы считаем, что интересы нашей собственной безопасности заключаются в соответствующем балансе между соседями»⁷².

Таким образом, меморандум Джефферсона свидетельствует о весьма тонком подходе к проблеме реализации

опаснее иметь две могучие, но соперничающие нации, граничащие с нашими двумя оконечностями, чем одну мощную нацию, которая давит на нас с обеих сторон...» (*A. Hamilton. Papers, vol. VII, p. 46*).

политики «баланса сил». При этом его проект намечал не только принципы самого «балансирования», но и целый ряд других сопутствующих концепций: выжидания максимально благоприятного момента для принятия окончательного решения, экономии сил (Джефферсон выдвигал на обсуждение тезис о том, что для США, возможно, проще будет потом — после изнурения соперников в борьбе — захватить соответствующие колонии, чем с самого начала препятствовать их переделу), политико-дипломатического «торга», игры на противоречиях сторон с целью выторговывания уступок без войны и т. д.

Принцип «баланса сил» лидеры США, стремившиеся играть на противоречиях между европейскими державами, проводили не только в международном, но и в локальном, североамериканском масштабе; они натравливали друг на друга племена индейцев, используя взаимное ослабление борющихся сторон для их оттеснения и в конечном счете уничтожения.

При использовании принципа «баланса сил» в отношении индейских племен США выступали уже не с пассивно-оборонительных позиций, как в своей европейской игре, а в активной роли «суперарбитра» — основного фактора в «балансе», от позиции которого во многом зависела судьба конфликтующих сторон. На подобную же роль претендовали США и в отношении позиций европейских держав на самом Американском континенте. Это ясно следует из цитировавшегося выше меморандума Джефферсона. Еще недвусмысленнее об этом высказался А. Гамильтон: «Твердо придерживаясь своего Союза, — писал он в конце 1780-х гг., — мы можем надеяться вскоре стать арбитром Европы в Америке и быть в состоянии склонять баланс европейского соревнования в этой части мира в направлении, диктуемом нашими интересами»⁷³.

Обдумывая перспективы использования принципа «баланса сил», США надеялись со временем завоевать для себя роль «суперарбитра» и в международном масштабе — главного «вершителя судеб» в спорах между европейскими державами вне Северо-Американского материка. В прощальном обращении к нации президент Дж. Вашингтон говорил, имея в виду будущие позиции США: «Наше уединенное и отдаленное положение позволяет нам проводить ной курс (отличающийся от раскры- тикованного им курса «ввязывания» в превратности ев-

ропейской политики. — Г. Т.). Если мы останемся единым народом под руководством эффективного правительства, недалеко то время, когда мы сможем игнорировать материальный ущерб от нападков извне, когда мы сможем занять такую позицию, которая заставит уважать нейтралитет, которого мы в любое время можем решить придерживаться, когда *ни одна из двух* воюющих наций в условиях невозможности совершать приобретения за наш счет не отважится легко решиться спровоцировать нас *бросить наш вес на противоположную чашу весов*, когда мы сможем выбирать мир или войну, как нам подскажет наш интерес, *направляемый нашей справедливостью*»⁷⁴.

Текст обращения Вашингтона процитирован по предпоследнему варианту. Подчеркнутые слова были выпущены из окончательного текста обращения. Но произведенные опущения более красноречиво свидетельствуют о направленности мыслей первого президента США, чем окончательный, дипломатически округленный вариант его послания. Они свидетельствуют о том, что стратегическая мысль Вашингтона и его коллег, участвовавших в составлении послания, постоянно вращалась вокруг проблемы «баланса сил» и его использования в интересах США.

Политику «силового баланса» «отцы-основатели» американской республики рассматривали как один из коренных долговременных принципов военно-политической стратегии США *. Они учли особенности стратегического положения США, позволившие им включиться в стратегическую игру, основанную на «балансе сил», до поры до времени, однако оставаясь вне системы европейского «баланса» и используя последний лишь постольку, поскольку европейское равновесие или неравновесие затрагивало ситуацию на Северо-Американском и (позднее) на всем

* Этот вывод подтверждается наличием многочисленных вариантов оправдания концепции «баланса сил» в черновых набросках прощального обращения первого президента. Например, в первом черновике Вашингтона, вложенном в его письмо Гамильтону от 15 мая 1796 г., президент отмечал, что лавирование между европейскими нациями необходимо потому, что «нелегко определить заранее... на чью сторону окончательно склонится баланс». А в главном проекте обращения, составленном Гамильтоном, о принципе вступления во временные соглашения при чрезвычайных, не терпящих отлагательства обстоятельствах говорилось как о «генеральном принципе политики» (Washington's Address in Facsimile, p. 169, 197).

Американском континенте. Тем не менее само использование США политики «баланса сил» потенциально превращало «баланс» из чисто европейской системы в мировую. Окончательная реализация этих потенциалов зависела лишь от времени приобретения США «достаточной силы», которая бы позволила им бросить вызов европейским державам вне Америки, как это и произошло в конце XIX в.

При этом идеальной стратегической ситуацией, к которой в душе стремились основоположники американской стратегии, был не «баланс сил», а позиция безусловного военного преобладания США на мировой арене. В конце XVIII — начале XIX в. такого рода ситуация могла рисоваться «отцам» республики лишь в виде далекой заветной цели. Однако они в принципе не исключали того, что в результате промышленного и военного развития США в будущем добьются такого положения и тогда им уже не придется прибегать к хитроумному лавированию между «сильными мира сего» в рамках неустойчивого «баланса».

Чтобы приблизить осуществление этой мечты, первые лидеры США считали категорически обязательным для США оставаться, по мере возможности, в стороне от крупных военных конфликтов, требующих больших затрат сил и ресурсов. Тем самым, думали они, США смогут выиграть время, чтобы укрепить экономически и политически и постепенно создать «позицию силы».

Именно такого рода соображениями объяснялись рекомендации Джефферсона в связи с предполагавшимся англо-испанским конфликтом: выжидать и не ввязываться в военные действия, пока и поскольку это будет возможно. Аналогичную позицию занимал и Гамильтон, считавший, что «бывают случаи, когда нация может, не подвергая себя бесчестью, закрыть глаза на ущемление ее прав»⁷⁵.

Все это рекомендовалось ради одной всезатмевающей цели: недопущения крупного поражения США, растраты ими сил в период, когда перед ними стояла важнейшая перспективная задача создания «позиции силы».

Дж. Вашингтон в прощальном обращении к нации прямо заявлял о том, что курс действий, рекомендуемый им соотечественникам, — неввязывание в европейские дела и отказ от постоянных союзов — основывается на

доминирующем для него соображении: «...выиграть время для нашей страны с тем, чтобы ее недавно созданные политические институты могли устояться и созреть, чтобы страна могла без помех развиваться до такой степени силы и стойкости, которые необходимы для того, чтобы дать ей возможность, выражаясь гуманно, распоряжаться ее собственной судьбой» (курсив мой. — Г. Т.)⁷⁶ *.

Аналогичные мысли развивал и А. Гамильтон. В статьях, опубликованных в прессе в июле 1795 г. и подписанных псевдонимом Камиллус, Гамильтон писал: «Очень мощное государство может частенько отваживаться соединять повышенный и надменный тон с хорошей политикой, однако слабое государство вряд ли когда-либо может так поступать, если оно не действует опрометчиво. Мы пока еще принадлежим к государствам второго типа, хотя и являемся зародышем великой империи. Поэтому в нашем нынешнем положении лучше соизмерять каждый шаг с крайней осторожностью; рисковать как можно меньшим в случаях, когда нам наносят ущерб; соединять умеренность с твердостью и размахивать оружием враждебности только тогда, когда становится очевидным, что его использование неизбежно...»

Если мы сможем избежать войны еще в течение десяти или двенадцати лет, мы к тому времени приобретем зрелость, которая сделает для нас войну не более чем рядовым бедствием и даст нам право в наших национальных выступлениях принять повышенный и более производящий впечатление тон» (курсив мой. — Г. Т.)⁷⁷.

Время, замечал Джефферсон, есть «для нас самая драгоценная из всех вещей»⁷⁸. «В течение ближайших двадцати лет, — писал он в 1815 г., — мы должны рассматривать мир как *summum bonum* (высшее благо. — Г. Т.) нашей страны. В конце этого периода нас будет двадцать миллионов по числу, но сорок — по энергии, когда мы столкнемся с голодными и рахитичными рекрута-

* В первом черновом варианте обращения Вашингтон выражал эту мысль еще более недвусмысленно: «И не будучи пророком, можно смело утверждать: если наша страна сможет прожить в мире еще в течение двадцати лет... ее население, богатство и ресурсы будут, по всей вероятности, такими, что они, в соединении с ее специфически благоприятным положением, удаленным от других районов мира, позволят ей вообще не считаться в справедливых случаях с любой державой земли» (Washington's Address in Facsimile, p. 170).

ми — нищими и карликами из промышленных мастерских Великобритании»⁷⁹.

Таким образом, общей установкой первых руководителей США был призыв к выигрышу времени с целью приобретения позиции «абсолютной силы» по отношению к потенциальным противникам.

Тем не менее в течение многих десятилетий, фактически вплоть до второй мировой войны, основной концепцией военно-политической стратегии США оставался принцип «баланса сил» в условиях многополюсного мира. В рамках этой основной концепции американскими теоретиками были разработаны конкретные правила или принципы, учитывающие специфику «островного» положения США с их отдаленностью от европейского театра и в силу этого возмраставшей военной неуязвимостью. Эти принципы, с одной стороны, вытекали из политики «баланса», а с другой — их соблюдение призвано было способствовать ее претворению в жизнь.

Разработанные в те годы элементарные стратегические принципы и положения остаются действующими в США до настоящего времени, хотя они и подверглись определенным изменениям в связи с прогрессом военной техники, переменами в общестратегической ситуации и дальнейшим развитием стратегической теории. Эти принципы условно можно разбить на две группы: принципы стратегической подготовки (военного строительства) и принципы стратегического действия (использования силы в конфликте).

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

1. ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Концепция «достаточности» сил. С самого начала американские лидеры весьма гибко подходили к вопросу об оптимальной величине вооруженных сил США, необходимых для решения «национальных задач». Анализируя промежуточные ступени между позициями «абсолютной слабости» (в которой Соединенные Штаты находились в момент своего рождения) и «абсолютной силы» (позиции, рассматриваемой в качестве конечной идеальной цели), они решительно требовали скорейшего накопления сил. В то же время американские стратеги считали, что США достигнут «позиции силы» по отношению к европейским державам гораздо раньше, чем приобретут позицию «абсолютной силы». Делая такой вывод, они принимали в расчет выгодность стратегического положения США и преимущества политики «баланса сил».

При использовании последней Соединенным Штатам вовсе не обязательно было добиваться позиции «абсолютной силы» по отношению к каждой из крупнейших европейских держав, тем более к Европе в целом. Достаточно обладать такой военной силой, которую можно было бы использовать в качестве «решающего довеска» (*makeweight*) к военной силе той или другой европейской державы. Привнесение этого американского «довеска силы» в военный конфликт в решающий момент, полагали лидеры США, даст возможность добиться такого его исхода, который будет отвечать интересам Соединенных Штатов.

Рассматривая континент обеих Америк как своего рода «остров», находящийся под покровительством США,

американские лидеры считали, что даже и не очень крупные, но хорошо вооруженные и обученные сухопутные силы США обеспечат им доминирующую позицию на континенте — позицию «абсолютной силы».

Что же касается военной политики США в отношении европейских держав, то главной силой на этом направлении считался военно-морской флот. Последний в силу специфики стратегии межконтинентального «баланса сил» мог быть, по расчетам американских стратегов, не очень крупным, но в то же время достаточным для обороны США, а позднее — для «решающей добавки» силы в конфликтах с участием главных держав мира. Типичный ход рассуждений американских стратегов наглядно виден из обсуждения этой проблемы Томасом Пейном в его знаменитом памфлете «Здравый смысл»:

«Английский список военных судов длинен и грозен, но [лишь] менее десятой части их в любое время годны к службе, многие вовсе не существуют, хотя названия их пышно украшают список, даже если от этих судов осталась лишь доска; и менее пятой части пригодных к службе может быть собрано одновременно в одном месте. Восточная Индия и Вест-Индия, Средиземное море, Африка и другие части света, на которые распространяются притязания Британии, предъявляют большие требования к ее флоту. Из смеси предрассудков и невнимания мы вывели ложное представление об английском флоте, о нем говорили так, как если бы нам предстояло столкнуться со всем флотом сразу, и поэтому предполагали, что мы должны иметь такой же большой флот, чего мы не в состоянии осуществить немедленно... Ничто не является более далеким от истины: если бы Америка располагала только двадцатой долей морских сил Британии, она бы далеко превзошла ее...»¹

В послании конгрессу «О положении страны» от 7 декабря 1796 г. Дж. Вашингтон, подчеркнув необходимость создания существенной военно-морской мощи, отметил, что ВМС США не обязательно должны в количественном отношении соперничать с флотами Англии, Франции или Испании. Они должны быть достаточными для того, чтобы США могли бросить их в решающий момент на чашу весов, что априори заставит воюющие стороны с большим уважением относиться к интересам и требованиям США. «Нас воодушевляет, — говорил Вашингтон, — что их

(США. — Г. Т.) специфическое положение придаст вес и влияние скромным военно-морским силам в их руках»².

Мысли Дж. Вашингтона развивал военно-морской министр Бенджамин Стоддерт, предприимчивый делец из Мэрилэнда. В письме председателю одной из комиссий палаты представителей в декабре 1798 г. Стоддерт отмечал: «Охрана нашего побережья, обеспечение защиты нашей обширной страны от вторжения в некоторые ее более уязвимые места, безопасность нашей торговли и будущий мир, когда морские нации Европы будут воевать друг с другом, — все это, по-видимому, требует, чтобы наши военно-морские силы были увеличены и впрямь увеличены в такой степени, дабы заставить наиболее сильные нации желать дружбы с нами...»

Двенадцать 74-пушечных кораблей, столько же фрегатов и двадцать или тридцать меньших судов могли бы, вероятно, рассматриваться, учитывая наше географическое положение и наши способности к нарушению торговли морских держав, в качестве силы, достаточной для обеспечения нашего будущего мира с нациями Европы»³.

Мысли о военно-морском флоте как об основной военной силе страны для отражения внешней угрозы и для операций на удаленных театрах военных действий и о «достаточности» ввиду специфики положения США определенного уровня американских военно-морских сил неоднократно повторялись впоследствии ведущими государственными деятелями Соединенных Штатов. Например, президент США Э. Джексон (он занимал этот пост с 4 марта 1829 г. по 4 марта 1837 г.) в своем втором ежегодном послании конгрессу подчеркивал: «Наша позиция в отношении большинства могущественных наций мира и нынешнее положение Европы призывают нас лелеять это оружие нашей национальной обороны (ВМС. — Г. Т.) с особенной заботой... Военно-морские силы, достаточные для защиты нашей торговли, находящиеся постоянно на плаву, при одновременном накоплении средств, могущих привести к их быстрому увеличению в случае необходимости, обеспечивают мощь, с помощью которой все агрессии могут быть предотвращены или отражены»⁴.

Как же трактовали понятие «достаточности» американских вооруженных сил руководящие деятели США? «Достаточность», считали они, не может определяться

как некая конечная, застывшая величина. «Достаточность» вооруженных сил и вооружений есть их определенная численность в условиях данного уровня технической оснащенности, устанавливаемая для определенного отрезка времени, охватываемого стратегическим планированием, с учетом следующих моментов: а) целей США; б) оптимальной (а отнюдь не максимальной) угрозы (принимая в расчет «баланс сил» между главными соперниками и исходя из рационально обоснованного понимания риска); в) финансовых, людских и материальных ресурсов США; г) необходимости комплексного (интегрированного) строительства вооруженных сил США.

Иными словами, при прочих равных условиях определение «достаточности» (применительно к армии и ВМС) с позиций чисто оборонительных задач трактовалось как одна величина, с позиций наступательных задач — как иная, более высокая. Нижним порогом величины вооруженных сил США в первый период их существования, с точки зрения американских стратегов, являлись такие армия и флот, которые были бы достаточны для надежной обороны Соединенных Штатов от внешнего вторжения. Поскольку внешняя угроза для США была более опасной, чем «внутренняя», исходящая от американских индейцев или от соседей США на севере или юге, то силы, достаточные для отражения внешней угрозы, рассматривались как вполне достаточные и для осуществления военных мероприятий на Американском континенте. После провозглашения «доктрины Монро» и утверждения США в роли «полицейского западного полушария» именно эта доктрина стала «определять размеры наших армий и флотов»⁵, подчеркивают американские военные теоретики Г. Арнольд и А. Икер.

В одной из первых широких программ строительства ВМС США, разработанной в 1836 г., «надлежащим пределом размеров военно-морских сил» считались такие размеры, «когда ВМС могут быть нужным образом укомплектованы личным составом в случаях, если страна окажется вовлеченной в морскую войну»⁶. Иначе говоря, согласно этой, так называемой программе Роджерса, рост ВМС ограничивался лишь числом потенциальных матросов, пригодных к несению службы на кораблях. Такая трактовка «достаточности» не удивительна, если учесть, что в соответствии с программой Роджерса воен-

но-морской флот США должен был начать нести патрульную службу почти во всех акваториях земного шара: Средиземном море, Индийском, Тихом, Атлантическом океанах (причем не только у побережья США, но и у побережья Латинской Америки и в Мексиканском заливе).

Необходимо, однако, подчеркнуть, что при условии учета «баланса сил» (в региональном американском или международном масштабе) «достаточные» для США силы всегда определялись меньшими величинами по сравнению с тем, что требовалось бы им при реализации аналогичных целей без принятия в расчет «баланса сил».

К началу 40-х гг. XX в., когда в Соединенных Штатах были созданы военно-морские силы, пригодные для постоянного присутствия американского флота на просторах Мирового океана, «достаточность» стала трактоваться как стремление к абсолютному превосходству американских ВМС над всеми остальными.

Интегрированный подход к строительству вооруженных сил. «Отцы-основатели» американской республики, придавая большое значение созданию «достаточного» военно-морского флота США, в то же время считали необходимым «сбалансированное» развитие сухопутных и морских вооруженных сил на основе учета долговременных целей США и перспектив развития международной обстановки.

Одним из первых документов, четко проводивших идею интегрированного (комплексного) подхода к строительству вооруженных сил США, был документ, составленный группой офицеров американских вооруженных сил в начале 1821 г. по заданию военного министра Джона Кэлхауна. Основой «системы обороны границ Соединенных Штатов», говорилось в документе, должны быть: «первое — военно-морской флот; второе — фортификационные сооружения; третье — сеть внутренних коммуникаций по суше и по воде; четвертое — регулярная армия и хорошо организованная милиция: все эти средства должны быть объединены вместе, с тем чтобы образовать полную систему»⁷.

Строительство вооруженных сил по принципу стоимость — эффективность. Создавая национальные вооруженные силы, лидеры молодого американского государства вынуждены были осуществлять большую экономию

средств ввиду тяжелого финансового положения страны. Об огромных трудностях, которые испытывали американские вооруженные силы в первые годы своего существования, достаточно наглядно свидетельствуют бедствия армии Дж. Вашингтона во время ее зимовки в Вэлли-Фордж в 1777—1778 гг., отчаянная ситуация с экипировкой армии, колоссальная текучесть ее состава. Поэтому руководители США с самого начала вынуждены были экономно расходовать средства на военные нужды, оценивать эффективность производимых затрат, выбирая те сферы и отрасли военного строительства и такие формы капиталовложений, которые бы максимально способствовали развитию американских вооруженных сил.

Современные специалисты по проблемам военной экономики и организации вооруженных сил называют сравнительное изучение вариантов, дающих «возможность получить наибольший вклад при данных затратах или достичь данной цели при наименьших затратах... «изучением стоимости — эффективности», или анализом систем»⁸.

С аналогичных позиций подходили к оценке эффективности военных систем и первые руководители военного комплекса США, хотя они и не применяли изощренный математический аппарат, какой используется в США для этих целей ныне.

Наиболее эффективными они считали вложения в военно-морской флот. Выступая в палате представителей США в январе 1816 г., Дж. Кэлхаун говорил: «С любой точки зрения военно-морской флот, безусловно, занимает первое место. Он является наиболее надежным, наиболее эффективным и самым дешевым способом обороны. Ибо, и я призываю запомнить этот факт, наш военно-морской флот стоит меньше, чем наша армия, в расчете на одного военнослужащего, включая сюда и суммы чрезвычайных расходов на озерную флотилию. Этот важнейший факт должен прочно запечатлеться в памяти членов палаты представителей, ибо если эта сила является наиболее действенной и надежной и в то же время самой дешевой, то именно она должна быть нашей основной опорой»^{9*}.

* Как показал в своих лекциях, прочитанных в 1965 г., Ч. Дж. Хитч, занимавший в то время пост проректора Калифорнийского университета в Беркли, исторически вооружения развивались именно на основе отбора систем по их «экономичности» применительно к тем задачам, которые должны были решаться с их помощью.

Будучи военным министром, Кэлхаун, основываясь на стремлении гарантировать эффективность вооруженных сил при уменьшении стоимости их содержания (в частности, в мирное время), выдвинул план сокращения армии США, который предусматривал сохранение основного костяка ее офицерских кадров и структуры, с тем чтобы иметь возможность в случае необходимости быстро увеличить ее численность путем мобилизации рядового состава. Выдвинутый Кэлхауном принцип был положен в основу организации всех современных армий в мирное время.

Планирование по оптимальному варианту. Первые лидеры США придавали исключительно важное значение такому подходу, который бы рассматривал стратегическую ситуацию в ее динамике и учитывал бы не только соотношение сил между США и их потенциальными противниками в данный конкретный момент, но и тенденции в эволюции «баланса сил».

Лидеры США исходили из того, что продуманная стратегия, учитывающая «баланс сил», должна сопровождаться своевременным упреждением противника в акциях, имеющих решающее значение для военно-политического баланса. «Невовлечение в блоки», считали они, может оставаться общим теоретическим принципом, но в случае необходимости США должны заблаговременно предпринимать акции, призванные склонить «баланс сил» в свою пользу.

В период подготовки вооруженного восстания американских колоний придавалось очень большое значение позиции Франции. Стремясь склонить ее на свою сторону, лидеры американских колоний апеллировали к реваншистским чувствам, которые французские правящие круги питали в отношении Великобритании. Один из лидеров американских борцов за независимость, Патрик Генри, за полтора месяца до принятия вторым Континентальным конгрессом Декларации независимости подчеркивал в письме к Дж. Адамсу: «Простите меня за то, что я высказываюсь по поводу дела, которое я считаю делом первостепенной важности: речь идет о том, чтобы упредить врага при французском дворе. Половина нашего континента, предложенная Франции (подразумевается Великобританией. — Г. Т.), может побудить ее помочь уничтожить нас, для чего у нее, безусловно, есть силы.

Я знаю, что свободная торговля со всеми штатами была бы для нее более выгодной, чем любые новые территориальные приобретения. Но в условиях давления на нее вследствие посулов, которые будут ей раздаваться, и, самое главное, в условиях, когда она неосведомлена о той великой вещи, которую мы можем ей предложить, — не окажется ли она потерянной для нас? Последствия были бы ужасными»¹⁰ *.

Организация военного строительства США, учили первые американские стратеги, должна осуществляться в зависимости от оценки степени внешней угрозы. А эта последняя должна оцениваться не только в свете почти что безусловного использования Соединенными Штатами «баланса сил» — блокирования с противником противника, но и в зависимости от степени рациональной обоснованности агрессивных намерений, приписываемых противнику. Заморский противник США, считали американские политики, не пойдет на такую военную авантюру против США, подготовка и осуществление которой потребуют колоссальных средств, а результаты будут ничтожны по сравнению с затраченными усилиями. Поэтому США в организации своего отпора должны исходить из рационально обоснованного риска, на который может пойти противник, а не из максимально возможного риска, на который он предположительно способен. Развернутое обоснование этой точки зрения было дано Б. Стоддертом. Обосновывая перспективную программу строительства военно-морских сил США с учетом вероятной французской угрозы, он писал:

«Если к нашему ВМФ будут добавлены двенадцать 74-пушечных кораблей, вторжение в любую часть нашей страны окажется столь трудным, что его вряд ли попытаются осуществить. Ибо невозможно предположить, что, если мы будем подготовлены к оказанию ей сопротивления, Франция будет рассчитывать путем вторжения в нашу страну получить какое-либо преимущество, которое бы оправдало ее колоссальные расходы и еще более чрезмерный риск. Она будет вынуждена использовать

* Руководствуясь этими соображениями, Континентальный конгресс направил в Париж специального агента Сайласа Дина, которому было поручено вступить в сношения с французским правительством и заручиться его поддержкой в войне против Англии (см. Очерки новой и новейшей истории США, т. I. М., 1960, стр. 85—86).

более чем в два раза большее число судов равной силы, чтобы перевезти свою армию, ее провиант и арсеналы и поддерживать открытыми коммуникации между этой армией и своей собственной территорией. Франция может подсчитать убытки и вероятные прибыли ее мероприятия... И даже Франция со всей ее гордыней и со всем ее героизмом учтет свой интерес и уклонится от войны с Америкой»¹¹.

Таким образом, даже Стоддерт, которому по долгу службы вменялось в обязанность не допускать недооценки сил противника, исходил при анализе внешней угрозы из оптимального, а не максимально худшего варианта, учитывая рациональный подход противника. Такого рода расчет можно свести к простейшей формуле: «Прибыли победы должны быть при любых условиях значительно выше, чем стоимость ее достижения»* — только в этом случае использование военной силы может считаться рационально обоснованным. Эту аксиому американские лидеры применяли не только при оценке возможных намерений противника, но и при организации собственных военных акций, сопоставляя затраты (денежные, материальные, людские) на проведение той или иной операции с возможными плодами, которые получают Соединенные Штаты в результате ее осуществления. Они считали, что в том случае, когда есть основание предполагать, что «прибыли победы» окажутся не намного выше стоимости войны, развязанной в целях достижения такой победы, использование военной силы не является обоснованным и, следовательно, должно быть отвергнуто или отложено до более удобной ситуации (речь, естественно, шла о такого рода случаях, когда применение или неприменение военной силы зависело исключительно от решения самих США).

В то же время первые лидеры американской республики отдавали себе отчет в том, что между военными приготовлениями США и военными приготовлениями их противника (противников) существует теснейшая взаимосвязь: усиление военных приготовлений одной из двух сторон, потенциально противостоящих друг другу, неми-

* «Только идиот будет колебаться между миром и продолжением войны, когда очевидно, что мир принесет больше выгоды, чем даже победа», — говорил Томас Пейн (*Т. Пейн. Избранные сочинения*, стр. 113).

нуемо ведет к усилению соответствующих приготовлений другой стороны. «Средства безопасности, — отмечал Дж. Мэдисон, — могут единственно регулироваться средствами и угрозой нападения. Они фактически будут всегда определяться этими правилами и никакими другими... Если одна нация постоянно поддерживает дисциплинированную армию, готовую служить целям честолюбия или реванша, то это обязывает и самые миролюбивые нации, которые могут оказаться в пределах досягаемости ее мероприятий, принимать соответствующие меры предосторожности»¹² *.

Важность стратегической разведки. В связи со стремлением к рационально обоснованной организации военного строительства по оптимальному варианту руководители американского государства придавали большое значение стратегической разведке с целью выяснения потенциальных способностей и намерений противника.

Дж. Вашингтон, в бытность свою главнокомандующим американской армией, лично руководил организацией стратегической разведки, занимаясь, в частности, внедрением своей агентуры в штаб-квартиру английского экспедиционного корпуса в США. В собрании его сочинений имеется немало документов, которые рассматривают вопросы сбора и пересылки информации о стратегических намерениях противника, а также технические детали организации разведки. 3 мая 1779 г. Вашингтон писал из своей штаб-квартиры в Миддлбруке одному из руководителей американской разведки, Э. Будино: «Это дело великой важности — иметь заблаговременную и хорошую разведывательную информацию о силе врага и его передвижениях и, насколько это возможно, о его замыслах, и собирать эту информацию через разнообразные

* Впоследствии, анализируя военные мероприятия основных империалистических держав в годы, предшествовавшие первой мировой войне, английский математик Л. Ричардсон, основываясь на эффекте «действие — противодействие», построил математическую модель гонки вооружений и военного взаимодействия стран в процессе противостояния, достаточно убедительно объясняющую нарастание вероятности военного конфликта в результате взаимных опасений и взаимного соперничества держав в гонке вооружений (*L. Richardson. Arms and Insecurity. A Mathematical Study of the Causes and Origins of War.* Ed. by N. Rashevsky and E. Trucco. Pittsburg — Chicago, 1960).

каналы». Разведка, откровенно признавался он, — это «дело, которое очень близко моему сердцу»¹³.

Аллен Даллес, занимавшийся историей американской разведки (в 50-е годы XX в. он возглавлял ЦРУ), отмечает, что «Вашингтон, который очень ясно осознавал необходимость соблюдения секретности, хранил осуществлявшиеся им операции в такой тайне, что мы можем никогда не узнать о них полностью»¹⁴. А о широте размаха этих операций свидетельствует тот факт, что, судя по финансовым отчетам Дж. Вашингтона, он истратил на секретную разведку в период революционной войны 17 тыс. долл., что по тем временам составляло огромную сумму¹⁵.

Исключительную важность своевременной политико-дипломатической разведки для принятия стратегических решений подчеркивал и вице-президент в администрации Дж. Вашингтона Дж. Адамс. «Своевременная и достоверная разведка при этих Дворах (Париже, Мадриде, Лондоне и Гааге. — Г. Т.), — говорил он, — может иметь бóльшую ценность, чем затраты на нее»¹⁶. С целью ведения политико-дипломатической разведки американское правительство имело своих агентов в столицах главных европейских держав. Эту же цель преследовали и неофициальные контакты А. Гамильтона, Т. Джефферсона и других членов американского правительства с представителями европейских держав в США.

Необходимость опоры на передовую военную технику. Первые политики Соединенных Штатов придавали исключительно большое значение «наилучшему из всех возможных состоянию обороны» Соединенных Штатов¹⁷. Они полагали, что те или иные недостатки в количестве оружия и другой военной техники могут быть с лихвой компенсированы их качественным совершенством. В связи с этим руководители молодой американской республики с самого начала делали ставку на развитие новой военной техники.

Американская Война за независимость была первой в истории нового времени войной, основанной (с американской стороны) на поголовном вооружении народа. «Американские колонисты были в ту мировую эпоху самым великим народом по части использования оружия»¹⁸, — отмечает Ч. Сойер. Участие в боевых действиях масс, умеющих владеть оружием, привело к резкому

изменению тактики боя, что оказалось одним из важнейших факторов, обеспечивших победу американских колонистов в Войне за независимость.

«Возрождение боя в рассыпном строю, — отмечает Ф. Энгельс, — является результатом американской войны за независимость. В то время как солдатам европейских армий, которых удавалось держать компактно только при помощи принуждения и сурового обращения, нельзя было доверить боя в разомкнутом строю, в Америке солдатам приходилось бороться с населением, которое, не проходя регулярного обучения линейных солдат, было хорошими стрелками и хорошо знакомо с винтовкой... Таким образом бой при Лексингтоне и Конкорде отмечает целую эпоху в истории пехоты»¹⁹.

Массовое вооружение народа огнестрельным оружием послужило мощным стимулом для развертывания производства стрелкового оружия на промышленной основе. А это в свою очередь усиливало тенденцию к стандартизации вооружения и тем самым способствовало ускорению практического использования новых изобретений и усовершенствований в военной технике. Появившаяся в США в начале XIX в. винтовка Э. Уитни со стандартными деталями, легко заменяемыми запасными, открыла эру массового производства вооружений.

Хорошо понимая огромное значение передовой промышленной базы для технического оснащения армии и флота и вместе с тем отдавая себе отчет в том, что в периоды мира производство военной техники может оказаться коммерчески непривлекательным для частных предпринимателей, президент Вашингтон выступил с программой развития государственного производства вооружений.

В последнем ежегодном послании конгрессу США от 7 декабря 1796 г. Вашингтон писал: «Как общее правило, заводы, существующие на общественные средства, нецелесообразны. Но когда положение дел в стране оставляет мало надежд на то, что некоторые отрасли производства будут существовать длительное время; когда эти отрасли имеют характер существенно необходимых для снабжения и обеспечения государственных сил во время войны, не диктуется ли организация предприятий по производству соответствующих изделий за общественный счет, в размерах обычных требований государственных служб,

вскими соображениями национальной политики, в виде исключения из общего правила?»²⁰

Программа Дж. Вашингтона была в определенной мере претворена в жизнь путем строительства государственных оружейных арсеналов и верфей для постройки военных кораблей. Одновременно бурно развивалась и частнокапиталистическая промышленность. В 1802 г. был пущен в действие первый крупный американский завод по производству пороха, построенный фирмой «Дюпон де Немур». К середине XIX в. в США уже имелось 38 заводов, производивших огнестрельное оружие, и 5 заводов, вырабатывавших боеприпасы²¹. При строительстве военных кораблей американское правительство стало сразу же ориентироваться на создание крупных современных кораблей (74-пушечные линейные корабли) *.

И хотя американские специалисты, практически следовавшие принципу опоры на передовую технику, не всегда умели разглядеть новое и прогрессивное в развивающейся военной технике **, все же они старались по мере сил выступать новаторами в технике вооружений. Например, в 1851 г. на Международной выставке в Лондоне американские винтовки произвели сенсацию и получили медали.

Большой толчок развитию новой военной техники в США дала Гражданская война 1861—1865 гг. В ходе ее впервые были широко использованы для военных целей железные дороги, бронепоезда, получил новое качествен-

* В начале XIX в. по настоянию президента Джефферсона было построено также 176 небольших (17-метровых) канонерских лодок с мелкой осадкой, вооруженных, как правило, одной пушкой. Канонерки предназначались для защиты гаваней. Предпринимая их постройку, американское правительство руководствовалось критерием «стоимость — эффективность». Джефферсон считал, что в мирное время большинство этих дешевых судов можно будет просто хранить на берегу, экономя деньги (*R. F. Weigley. The American Way of War. A History of United States Military Strategy and Policy. New York, London, 1973, p. 45*).

** Один из первых примеров такого рода — упоминавшаяся выше военно-морская программа Джона Роджерса 1836 г. Хотя она и призывала к глобальной военно-морской экспансии США, предвосхищая тем самым проекты адмирала Мэхэна, она тем не менее ориентировалась на парусный флот. А в это время ветер в качестве движущей силы кораблей уже начинал заменяться паром. Американские военные специалисты в данном случае оказались в арьергарде технической мысли, несмотря на то, что пароход был изобретен американцем Фултоном!

ное развитие военный флот, начавший одеваться в броню, появилось на вооружении нарезное магазинное оружие (винтовка Винчестера и Ремингтона). В ходе военных действий для наблюдения за противником иногда применялись аэростаты, использовалась телеграфная связь.

Необходимость «плотной обороны». Одним из важнейших элементов обеспечения стратегической безопасности страны являлось, по мнению американских лидеров, создание «плотной» обороны континентальных Соединенных Штатов. Благоприятное стратегическое положение США, проведение соответствующих фортификационных работ с целью укрепления морского побережья, считали они, и впрямь сделают Соединенные Штаты неуязвимыми для внешнего нападения.

Развернутая долгосрочная программа создания системы плотной обороны США содержалась в документе, составленном группой офицеров по заданию военного министра Д. Кэлхауна в 1821 г. Такая система обороны, опирающаяся на развернутую сеть фортов, должна была после ее завершения обеспечить осуществление следующих требований: закрыть для врага важнейшие гавани; воспрепятствовать созданию противником, опирающимся на военно-морское превосходство, постоянных баз на территории США; помешать блокаде внутренних речных путей сообщения силами противника; создать прикрытие для каботажного и внутреннего судоходства и необходимые опорные пункты для действий американского военного флота; обеспечить оборону крупных военно-морских баз США²².

Поскольку быстро организовать такую систему обороны представлялось делом чрезвычайно сложным, США должны были осуществлять ее строительство поэтапно. При таком подходе задачей первоочередной важности, считали американские стратеги, должна быть защита слабейшего звена США, их наиболее уязвимых позиций. Классифицируя задачи по степени их важности, авторы проекта отмечали, что «работами самой неотложной необходимости являются мероприятия, призванные воспрепятствовать созданию противником во время войны постоянного или даже сугубо кратковременного предмостного укрепления на земле Союза; мероприятия, призванные защитить наши крупнейшие военно-морские арсена-

лы, и работы, обеспечивающие защиту наших главных торговых городов»²³.

Таким образом, военное строительство в США призвано было обеспечить, выражаясь современным языком, выполнение двуединой цели: «ограничение ущерба» в случае военного нападения (оборона городов) и «защиту сил возмездия» (ВМС). И хотя первые американские стратеги не пользовались такой терминологией, они постепенно приближались к ней, проводя различие между фортификационными сооружениями на континенте и силами военно-морского флота как между щитом и мечом страны²⁴ *.

Осуществление этих мероприятий, благоприятное географическое положение США, отсутствие у них сильных противников в самом западном полушарии должны были превратить (и превратили, по представлению большинства американцев, которого они придерживались до середины XX в.) Соединенные Штаты в неприступную «американскую крепость».

Необходимость обеспечения поддержки населением военных акций. Мы уже говорили об американской доктрине «справедливой войны», априори оправдывающей любые военные акции США не только требованиями военной необходимости, но и соображениями высокой морали. Однако лидеры американского капитализма считали существование этой общетеоретической формулы недостаточным. Признавая колоссальное значение морально-политического фактора в войне, они не просто требовали разработки теории, оправдывающей действия США; они стремились в случае той или иной конкретной военной акции, намечаемой американским правительством, обеспечить ей общественную поддержку. Только при такой поддержке, считали они, США смогут успешно реализовать и материальные факторы, действующие в их пользу в том или ином конфликте.

Понимая разницу между позицией, которую займет народ в явно оборонительной для США войне и войне с

* Концепция «щита» и «меча», как известно, широко используется современными американскими стратегами. Стратегические наступательные силы США попеременно квалифицировались сначала как «меч», а затем как «щит» НАТО (см. Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М., 1968, стр. 61, 213—217).

американской стороны агрессивной, А. Гамильтон писал: «Если правительство вынуждают на войну, то можно рассчитывать на то, что она будет с энтузиазмом поддержана народом. Но если правительство навлекает войну на себя, то ему придется бороться с неудовольствием и отвращением народа»²⁵. Поэтому, приходил он к выводу, в любом случае война должна быть представлена населению не как результат инициативы правительства, а как вынужденная акция — тогда она будет иметь поддержку. «На поддержку общественного мнения... — подчеркивал он, — можно рассчитывать лишь в войне, явно проистекающей из необходимости»²⁶.

Лидеры американской революции, безусловно, верили в справедливость своего дела, справедливость борьбы американских колоний за свою свободу и независимость, против произвола английской монархии. Они считали поддержку со стороны народа обязательной и в будущих конфликтах, в которых будут участвовать США. Более того, вследствие слабости центрального правительства на первых порах массовая поддержка тех или иных акций была непременным условием их успеха. Однако уже и в этих первых апелляциях к народу сквозили намеки на возможность манипулирования общественным мнением в случае необходимости, на то, что, представляя массам войну как справедливую, лидеры США должны были вызывать не к какой-то абстрактной объективной справедливости, а к справедливости американской — «нашей справедливости», как говорил Дж. Вашингтон. А от такого подхода было недалеко до шовинистической пропаганды в духе Предначертанной Судьбы, неизменно усиливавшейся накануне военных авантур США *, до стремления использовать победоносную войну, развязанную под каким-либо «благородным» предлогом, в качестве

* Накануне первой такой крупной авантюры США — войны с Испанией 1898 г. — милитаристско-шовинистическая пропаганда приняла в США гиперболический размах. «Наша раса, — вещал пастор Джулия Стронг, — с ее ни с кем не сравнимой энергией, с ее неограниченными богатствами и огромной численностью, представительница, будем надеяться, величайшей свободы, чистейшего христианства, высшей формы цивилизации, развившая специфически агрессивные черты, рассчитанные на то, чтобы внедрить ее институты среди всего человечества, распространится по всей земле» (цит. по: *H. Faulkner. Politics, Reform and Expansion*. — «New American Nation Series». New York, 1959, p. 217).

средства отвлечения масс от наболевших внутренних проблем.

Одним из первых предложений на этот счет был проект государственного секретаря в правительстве президента Линкольна Уильяма Сьюарда, считавшего, что правительство сможет «снять» волновавшую северян проблему рабства на Юге США и «объединить нацию» с помощью агрессивной внешней политики. В записке «Мысли для рассмотрения президента», представленной Линкольна в апреле 1861 г., он предложил с помощью «завоевательной войны заменить проблему рабства доктриной Монро» и таким образом «подавить внутреннее восстание» и превратить «грозящее расчленение Союза в триумфальную аннексию Канады, Мексики и Вест-Индии»²⁷.

После выхода США в XX в. на арену мировой империалистической политики американские лидеры часто использовали шовинистическую, ура-патриотическую пропаганду для оправдания своих агрессивных акций перед народом своей страны. Интервенционистские акции часто прикрывались и лозунгами «защиты свободы и демократии» и т. д. Во многих случаях использование такого рода пропагандистских стереотипов оказывалось успешным в смысле воздействия на американского обывателя*. Однако в ходе агрессии США против Вьетнама подобный прием не сработал.

Тот факт, что в 60-е гг. нашего века, пожалуй, впервые за всю историю Соединенных Штатов американский народ в массе своей, а не отдельные его прослойки осознал фальшь тезиса об агрессивной войне, как о войне справедливой, войне во имя «общественных интересов», и решительно выступил против агрессии США во Вьетнаме, стал одной из важных причин, заставивших правительство США пойти на мирное урегулирование**.

* Об использовании правящим классом США пропагандистских стереотипов в современную эпоху для идеологической обработки масс в духе милитаризма и антикоммунизма см. подробно Г. А. Арбагов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., 1970.

** «Мы не должны предпринимать за границей больше, чем способны позитивно воспринять общественное мнение в нашей собственной стране», — заявил в 1971 г. президент Никсон, фактически повторив одну из «заповедей» основателей республики («Weekly Compilation of Presidential Documents», March 1, 1971, vol. 7, N 9, p. 310).

Указывая на важное значение, которое империалистическая пропаганда придает идеологической обработке широких масс в шовинистическом, милитаристском духе, В. И. Ленин не раз подчеркивал необходимость всемерного и последовательного разоблачения стереотипов такой пропаганды, ставящей перед собой цель облегчить реализацию стратегических замыслов данного правительства. «Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне, — писал В. И. Ленин, — являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее, либо, еще больше, отделиваясь по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны и т. п.»²⁸

2. ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Необходимость выбора решающего момента для действия. Одним из важнейших принципов стратегического действия «отцы-основатели» Соединенных Штатов считали принцип действия в решающий момент. В связи с этим они придавали очень большое значение правильному определению такого момента, в частности фактору внезапности.

«Мероприятия, которые кажутся химерическими, — говорил Дж. Вашингтон, — часто оказываются успешными по причине именно этого обстоятельства; здравый смысл и расчетливость будут диктовать бдительность и осторожность, когда опасность ясна и очевидна, но, чем более незначительной кажется опасность, тем более неподготовлен враг, и, следовательно, открывается ясная перспектива успеха»²⁹. Наставляя одного из своих генералов, Вашингтон писал: «Если ваши силы и обстоятельства не таковы, что вы можете с достаточным основанием обещать себе *моральную уверенность* в успехе, я бы настойчиво советовал вам отказаться от задуманного и ограничиться в основном оборонительной операцией»³⁰.

Как уже отмечалось, любую стратегическую ситуацию первые лидеры США рассматривали сквозь призму «ба-

ланса сил» между главными противниками Соединенных Штатов. Выжидание в стратегическом плане они считали важным для накапливания экономических и военных преимуществ и последующего действия. В каждом же конкретном конфликте, начавшемся без участия США, но в исходе которого они были непосредственно заинтересованы, они стремились выбрать такой момент, когда соперники выдохнутся, уравниют свои силы, значительно растратив их, и США смогут, выступив в поддержку той или иной стороны, получить для себя максимальные приобретения (территориального или иного порядка).

«Представляется очевидным, что нашей истинной политикой должно быть соблюдение нейтралитета, — писал Гамильтон в 1790 г., когда стоял вопрос о том, участвовать США или нет в возможной войне Великобритании с Испанией (и Францией) и на чьей стороне. — Это, по крайней мере, является той платформой, на которой мы должны стоять до тех пор, пока не сможем более полно обозреть сцену и обеспечить средства для того, чтобы изменить обстановку с пользой для себя»³¹.

Подчеркивая, что время на стороне США и что они лишь ждут удобного момента, чтобы заставить Великобританию соблюдать положения Версальского мирного договора 1783 г. и освободить незаконно занимаемые ею сторожевые посты на американской территории, американский представитель в Лондоне Г. Моррис писал премьеру Питту: «Ваше поведение естественно вызывает негодование в груди каждого американца. Мы не считаем стоящим делом начинать с вами войну из-за них, но мы знаем наши права и мы воспользуемся ими в подходящее для нас время и при устраивающих нас обстоятельствах»³².

История военных операций США, начиная от войн за испанские колонии в Северной Америке и кончая участием США в первой и второй мировых войнах, убедительно свидетельствует о том, что принцип выбора решающего момента для действия был и остается важным принципом американской стратегии.

Ведение операций на выдвинутых вперед рубежах. Экспансионистский характер американской внешней политики с самого начала превращал наступление в главнейшую форму военных операций США. Таково было логическое требование практики «раздвигающейся гра-

ницы», впоследствии задним числом превращенной Ф. Дж. Тэрнером и его последователями в важнейшее теоретическое положение американской военно-политической стратегии. Однако слабосильность США по сравнению с их главными противниками — Великобританией и другими странами Европы — делала идею наступательной стратегии в широком плане задачей будущего и ограничивала ее практическое применение локальной сферой — борьбой с индейцами на Северо-Американском континенте.

Суровый урок обороны против английских интервентов, сопряженной для молодой республики с большими разрушениями и материальными потерями, не прошел даром для американских политиков. Они очень скоро стали размышлять над возможностями выдвинутой вперед обороны, и поскольку выдвигать ее можно было лишь в Атлантический океан, эти соображения оказались веским доводом в пользу океанской стратегии, которая базировалась на этом принципе.

В долгосрочной программе военно-морского и фортификационного строительства, разработанной в 1821 г., оборона на выдвинутых вперед морских рубежах фигурировала в качестве важнейшей задачи американских военно-морских сил: «После того как система обороны нашего морского побережья с помощью постоянных укреплений будет закончена и Союз будет защищен от всех опасностей вторжения с этой стороны, он сможет направить все свои ресурсы на укрепление своего военно-морского флота. Все национальные ссоры Союза станут тогда решаться на просторах океана и не будут решаться на его собственной территории; все его войны будут морскими войнами. Этот вид войны хорошо соответствует институтам страны, будучи менее дорогостоящим в смысле расходования денежных ресурсов и людских резервов. Такого рода война, удерживая агрессоров вне территории Союза, сохранит в неприкосновенности его промышленность, его сельское хозяйство, его финансовые ресурсы и все другие средства обеспечения справедливой и почетной войны»³³.

Таким образом, по мнению тогдашних американских стратегов, ведение военных операций на выдвинутых вперед рубежах требовалось в первую очередь для сохранения в неприкосновенности американской военно-про-

мысленной базы. Тем не менее в американской стратегии выдвинутых вперед океанских рубежей с самого начала — даже тогда, когда эта стратегия прагматически рассматривалась лидерами США как чисто оборонительная, — был заложен агрессивный, наступательный элемент. Это наглядно обнаруживается при сравнении задач американской морской стратегии с задачами аналогичной стратегии «владычицы морей» — Великобритании, у которой США и позаимствовали основные военномаринистские концепции.

Великобритании — островному государству с ограниченными природными ресурсами, государству, не могущему существовать без обширной заморской торговли, флот нужен был в первую очередь для самосохранения, а потом уже для экспансии. Если Англия разбивала чужой флот, она спасала себя, и наступательная война против нее заканчивалась; если бы был разбит ее флот, война также бы кончилась, но безусловным поражением самой Великобритании. Поэтому, когда адмирал Нельсон 21 октября 1805 г. в битве при Трафальгаре разгромил и уничтожил объединенный франко-испанский флот, он защитил Великобританию, хотя и не победил Наполеона. Для разгрома последнего потребовались генеральные сражения на суше — Бородино и Ватерлоо.

Для США же, как страны внутренне самообеспеченной и не зависящей от внешней торговли, страны, способной к глубоко эшелонированной обороне на самом материке, развитие крупных ВМС не основывалось на задаче самоохранения. Во второй мировой войне нападение Японии на Пирл-Харбор лишило США значительной части кораблей их Тихоокеанского флота, но тем не менее японцы не решились захватить даже Гавайи, не говоря уже о том, чтобы начать вторжение на территорию самих США. Поэтому опора США на флот для действий на выдвинутых вперед рубежах в принципе представляла собой реализацию наступательной океанской стратегии, предназначенной для осуществления планов заморской экспансии.

Не удивительно поэтому, что по мере накопления сил американским государством стратегия *обороны* на морских рубежах все чаще трактовалась как стратегия *действия* на выдвинутых вперед рубежах, действия как оборонительного, так и наступательного в зависимости от

интересов и стратегических соображений американского руководства.

Уже президент Джексон в прощальном обращении к нации (1837 г.) уточнял, что военно-морские операции на отдаленных рубежах не обязательно будут ограничиваться лишь задачами обороны. «Ваш флот, — говорил он, — будет не только защищать вашу богатую и процветающую торговлю в дальних морях, но он даст вам возможность добираться до врага и беспокоить его и придаст вашей обороне величайшую эффективность, встречающая опасности вдалеке от дома»³⁴. Здесь речь уже явно шла о том, чтобы «беспокоить» врага в его собственном доме, а не только на морях, иначе говоря, об агрессивно-наступательной политике.

Готовя американский флот к проведению подобных операций, требуя перевооружения флота на основе новейшей техники (паровой машины и гребного винта), министр ВМС США в 1853—1856 гг. Джеймс Доббин считал необходимым создание таких военно-морских сил, которые бы не уступали флотам крупнейших держав Европы. Предвосхищая выход США для военной борьбы на отдаленные театры, Доббин писал, что великие державы Европы «являются державами, с которыми нам, по всей вероятности, придется сталкиваться в будущих конфликтах, а великий океан есть тот театр военных действий, на котором могут быть решены будущие состязания»³⁵.

В XIX в. США не раз использовали свои военно-морские силы для ведения операций в западном полушарии, а в испано-американской войне они были применены на более далеких рубежах, чем когда-либо прежде. В первой и второй мировых войнах «передовыми рубежами» боевых операций США оказались уже не только океанские просторы, но и сухопутный массив Евразии.

«Наша первая линия обороны... проходит в Европе и по Средиземному морю»³⁶, — говорил Франклин Рузвельт, подтверждая стратегию «выдвинутых вперед рубежей» накануне второй мировой войны. После окончания этой войны рузвельтовская «линия обороны» стараниями администрации Трумэна была превращена в линию передовых фронтовых позиций для наступления на Советский Союз.

Контроль над Мировым океаном. Как уже отмечалось,

с первых дней существования Соединенных Штатов американские лидеры придавали колоссальное значение военно-морскому флоту США как основному орудию «большой» (нелокальной) военной политики и средству контроля над морскими коммуникациями. И когда позже, в конце XIX в., Алфред Мэхэн создал стройную геополитическую теорию, в которой центром судеб человечества он сделал Мировой океан, то эта теория представляла собой не столько оригинальную разработку принципов стратегического контроля над Мировым океаном, сколько обобщение идей, неоднократно излагавшихся ранее политическими и военными теоретиками США и Великобритании*.

Ядром концепции Мэхэна явилась доктрина морской мощи, вобравшая в себя все основные идеи американских адвокатов военно-морского могущества и как бы специально предназначенная для того, чтобы подвести теоретический фундамент под задачи глобальной империалистической экспансии США.

«В нашем младенчестве, — писал Мэхэн, — мы граничили только с Атлантическим океаном; наша юность видела границу уже у Мексиканского залива; сегодня, в период зрелости, мы выходим к Тихому океану. Разве у нас нет права и желания продолжать двигаться дальше?»³⁷

В работах Мэхэна проводилась мысль о том, что морская мощь — важнейший фактор, обуславливающий судьбы страны. Важнейшими условиями, определяющими характер морской силы той или иной нации, Мэхэн считал географическое положение страны, физическую структуру (т. е. природные ресурсы и климат), размеры территории, численность населения, национальный характер, государственный строй. Если эти условия благоприятствуют строительству и содержанию крупного флота, то тем самым создаются предпосылки для обеспечения морской мощи. Последняя, по Мэхэну, является многокомпонентным образованием, складывающимся по

* Как отметили Г. и М. Спрауты в своей истории ВМС США, Мэхэн фактически организовал в систему морской теории те стратегические принципы, которым более или менее слепо следовало британское адмиралтейство на протяжении предшествующих двухсот с лишним лет (*Harold and Margaret Sprout. The Rise of American Naval Power, 1776—1918. Princeton (New Jersey), 1946, p. 205.*)

формуле $N + MM + NB = SP$, т. е. военно-морской флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество.

Таким образом, выдвигая эту формулу, Мэхэн прямо связывал внешнеторговую экспансию с развитием военно-морской силы, что как нельзя более устраивало американских (да и не только американских) империалистических политиков, рвавшихся к расширению сфер влияния и контроля в мире. Вполне понятна поэтому та необыкновенная популярность, которую приобрела теория морской мощи Мэхэна в начале XX в. среди империалистических лидеров всех морских держав.

Известный исследователь создания и развития военного комплекса США Уолтер Миллис пишет по этому поводу: «Для того чтобы господствовать над океанскими магистралями, боевой флот должен обладать глобальным радиусом действия. Это было простым делом для закаленных штормами и находившихся почти на полном самообеспечении парусных кораблей времен Нельсона, однако эта цель оказывалась недостижимой для военных кораблей, приводимых в движение паром, которым нужны легкодоступные углезаправочные станции и ремонтные базы. Но для размещения такого рода станций и баз и их обороны необходимы колонии. Более того, «господство» на море было бы почти бесполезным в военное время, если бы тот, кто обладает таким господством, не имел бы могущественного торгового флота, призванного передвигаться по морским магистралям, охраняемым таким образом, и поставлять резерв кораблей, обученных матросов и производственных мощностей по строительству судов и двигателей, необходимых для осуществления военно-морских или заморских сухопутных операций. Колонии, в которых бы размещались заправочные и ремонтные базы, как раз и обеспечивали бы торговлю, вскармливающую такого рода торговый флот. В мирное время военно-морской флот «защищал» бы его (от чего — никогда не было ясно), а во время войны торговый флот был бы необходим для обеспечения военно-морского флота. Все это, вместе взятое, удивительным образом увязывалось в один славный комплекс преобладающей силы, протекции и прибылей. Большой флот «окупится» даже во время мира.

Это использование наглядных примеров было

решающим достижением Мэхэна; именно это обеспечило ему колоссальную славу за границей, которая позднее была прибита обратно к берегам США, с тем чтобы сделать его работы библией, а его самого — пророком американского военного маринизма»^{38 *}.

В плане чисто военной стратегии рекомендации Мэхэна сводились к тому, что решающими операциями в войне на море являются не акции перехвата на морских путях, а бои линейных кораблей. Одновременно с английским теоретиком морской войны Ф. Коломбом Мэхэн обосновал идею о том, что в войне на море победы можно достичь лишь путем разгрома флота соперника в генеральном сражении.

«Не захват кораблей и конвоев неприятеля, хотя бы и в большом числе, расшатывает финансовое могущество нации, а подавляющее превосходство на море, изгоняющее с его просторов неприятельский флаг или позволяющее появление последнего лишь как беглеца; такое превосходство позволяет установить контроль над океаном и закрыть пути, по которым торговые суда движутся от неприятельских берегов и к ним. Подобное превосходство может быть достигнуто только при посредстве больших флотов...»³⁹

Придавая важное значение генеральному сражению, Мэхэн выдвинул принцип сосредоточения сил на море, исключаящий дробление сил флота путем его деления на отдельные мелкие флотилии и требующий нанесения ударов концентрированными силами боеготового флота.

Навязывание противнику собственных «правил игры». Американские стратеги довольно рано поняли, что реализация военно-политической стратегии США окажется тем успешнее, чем меньше расхождений будет между разработанным ими тем или иным планом осуществления данной задачи и условиями его практического решения. Иначе говоря, чем точнее действия и противодействие оппонентов США будут соответствовать тому, как это предвосхищалось американскими стратегами до начала Соединенными Штатами той или иной операции, тем выше будут шансы на успех.

* После второй мировой войны примерно та же самая «логика» во многом легла в обоснование «необходимости» строительства разветвленной системы баз для ВВС США, охватывающей все районы земного шара.

Максимальное сужение свободы маневра противника рассматривалось в качестве важнейшей практической задачи США при осуществлении ими любой военно-политической или военной акции (наряду с сохранением самими Соединенными Штатами максимальной свободы действий с целью гибкого использования своих ресурсов, войск и возможностей).

Удобным способом достижения этой цели американские стратеги считали навязывание противнику собственных «правил игры». Если противник будет действовать в соответствии с ними, так сказать «по сценарию США», или хотя бы приближаться в своих действиях к их соблюдению, то Соединенным Штатам будет гораздо легче разгрызвать свою стратегическую комбинацию, ибо они с гораздо большей определенностью будут осведомлены о вероятном направлении развития событий, чем в том случае, если противник будет играть по собственным правилам, непонятным для США.

Один из методов навязывания противнику собственных «правил игры» состоит в заблаговременном выборе места и времени битвы, что не раз практиковал Дж. Вашингтон как главнокомандующий армиями восставших колоний в ходе Войны за независимость. В сочинениях Вашингтона, в его директивах американским генералам имеется немало указаний на необходимость навязывания противнику собственного стратегического замысла путем выбора соответствующих военных позиций. «Мысль о... развязывании генерального сражения на их (противника. — Г. Т.) собственных позициях совершенно несовместима с нашим интересом»⁴⁰, — подчеркивал он.

Весьма важным методом принуждения противника к акциям в соответствии с американским замыслом Вашингтон считал искусство стратегического обмана противника. «Ничто не будет более способствовать нашему успеху в районе, где мы действительно намереваемся нанести удар, чем будоражение противника в прямо противоположном районе и отвлечение его внимания в том направлении»⁴¹.

В более широком, философском плане Вениамин Франклин советовал американцам учиться играть в шахматы с их правилами предвидения, осмотрительности и осторожности, включающими умение делать правильные ходы. «Игра... — писал он, — становится отражением

жизни и особенно войны, в которой, если вы неосторожно поставите себя в плохое или опасное положение, то вы не сможете добиться, чтобы противник дал вам возможность отвести войска в более безопасное место...»⁴² Упорно искать новые возможности, не допускать самонадеянности, не падать духом — вот что, учил Франклин, должно стать привычкой американцев, привычкой, полезной во многих случаях жизни.

В настоящее время принцип навязывания противнику собственных «правил игры» развивается в целую теорию о так называемом рефлексивном управлении. Его суть — в искусственном и целенаправленном формировании одной стороной у другой стороны, психологически взаимодействующей с первой и пытающейся разгадать ее замыслы, оснований для принятия решений. Частным случаем такого процесса может, например, являться передача противнику правдивой информации, чтобы он, считая ее ложной, принял соответствующее решение.

Война «по доверенности». Из принципа «баланса сил» вытекал еще один чрезвычайно важный для США принцип стратегического действия: ведение войны чужими руками, или, выражаясь языком современных американских стратегов, «по доверенности».

Двадцатичетырехлетний полковник Джордж Вашингтон, командовавший частями вирджинской милиции, в письме к губернатору Вирджинии Р. Динвидди от 24 апреля 1756 г. выдвинул формулу, которая впоследствии не раз повторялась американскими президентами (в вариациях, учитывающих конкретные потребности США): «Без индейцев, борющихся против индейцев, мы можем надеяться лишь на скромный успех»⁴³ *, — писал он.

* Сравни, в частности, с заявлениями президентов Эйзенхауэра, Джонсона, Никсона.

Эйзенхауэр: «Если там (в Азии. — Г. Т.) война неизбежна, то пусть это будет война азиатов против азиатов, при нашей поддержке стороны, отстаивающей дело свободы» («The New York Times», 3.X.1952);

Джонсон (говоря о Вьетнаме): «Другие... требуют, чтобы мы дали американских парней, чтобы проделать работу, которую должны выполнить азиатские парни» (L. B. Johnson. *My Hope for America*. London, 1964, p. 116);

Никсон (об участии войск Таиланда и Южной Кореи в агрессии США во Вьетнаме): «Я готов скорее заплатить им какие-то деньги, чем держать там вместо них американцев для ведения военных операций» («The New York Times», 9.XII.1969).

Став президентом, Вашингтон не раз прибегал к тактике вовлечения индейских племен с помощью обмана в военную борьбу на стороне США за абсолютно чуждые самим индейцам интересы. Используя с помощью договоров «о мире и дружбе» те или иные индейские племена в качестве военной силы, дружественной США, американское правительство в то же время проводило политику вытеснения индейских племен с занимаемых ими территорий и их истребления. В соответствии с формулой Дж. Вашингтона с помощью одних индейских племен истреблялись другие (в частности, племена, занимавшие территории колоний европейских держав на юге и севере США) и тем самым чужими руками «расчищались территории» для экспансии самих Соединенных Штатов.

В послании к сенату США от 22 августа 1789 г. Дж. Вашингтон подчеркивал необходимость использования индейских племен на юге США (чероки, чикасо, чокто, криков) в качестве военного буфера против колоний европейских держав. «Задача расположить в нашу пользу мощные племена индейцев в Южном округе, насчитывающие, вероятно, четырнадцать тысяч бойцов, и прочно привязать их к Соединенным Штатам может рассматриваться как заслуживающая самого серьезного внимания нашего правительства. Эта мера включает не только обеспечение мира и безопасности всей южной границы, но рассчитана также на создание барьера против колоний европейской державы, которая в силу пертурбаций ее политики может в один прекрасный день стать врагом Соединенных Штатов»⁴⁴.

Довольно быстро практика войны «по доверенности» с помощью индейцев перешла в практику использования «добровольцев» и наемников, действующих якобы от своего собственного имени, по собственной инициативе, но фактически организуемых, субсидируемых и направляемых правительством Соединенных Штатов. В случае провала военных операций, предпринимавшихся этими силами, американское правительство всегда могло откритиковаться от них, как якобы действовавших «самовольно», без правительственной санкции. В случае успеха оно могло признать их действия «законными» и публично взять под свое покровительство (естественно, вместе с частью «освобожденной» ими территории).

В начале 1812 г. президент Мэдисон, используя такого рода «добровольцев», предпринял попытку отторгнуть с их помощью Восточную Флориду у Испании. Однако американские «повстанцы» во главе с бывшим губернатором Джорджии Дж. Мэтьюзом не смогли продвинуться в глубь территории Восточной Флориды; после этого Мэдисон спешно отказался от всех этих «добровольцев», как якобы не имеющих к США никакого отношения (хотя захваченную у испанцев территорию отдавать не хотел!) ⁴⁵.

Другим известным случаем аналогичного использования «добровольцев» были акции по захвату у Колумбии Панамского перешейка в 1903 г. с помощью «революционеров», действия которых планировались из номера 1162 отеля «Уолдорф-Астория» в Нью-Йорке ⁴⁶. В дальнейшем в XX в. использование «добровольцев» и наемников для проведения операций «по доверенности» стало одним из излюбленных приемов США в их «полицейских операциях» в западном полушарии.

В ходе войны американского государства против индейцев (включая и использование индейцев для действий «по доверенности» от правительства США) были разработаны некоторые основные начала того вида полувоенных операций, которые в наше время получили в США название «контринсургентских», или «контрповстанческих», операций.

В то время основными тактическими приемами войны против вооруженного местного населения считались:

- а) внезапность, достигаемая с помощью скрытности;
- б) постепенное просачивание в район действий противника и организация засады;
- в) использование нерегулярных войск, хорошо знающих местную обстановку и обычаи противника;
- г) максимальное использование благоприятных условий местности;
- д) отказ проводить различие между комбатантами и некомбатантами противника, т. е. членами вооруженных отрядов и мирным населением. Жестокие карательные операции против населения;
- е) комплексное сочетание психологическо-политических методов действия (так называемого умиротворения — pacification) с военными операциями. При этом, как правило, мирные методы, состоявшие в различного

рода обещаниях индейцам, заключении с ними договоров, формально признающих их права на определенные территории, а фактически аннексирующих указанные земли и т. д., сводились в основном к обману с целью выигрыша времени и укрепления позиций для дальнейшего наступления*.

Многие из этих приемов были впоследствии широко использованы США в ходе карательных операций в странах Латинской Америки, а в 60-е гг. XX в. взяты за основу боевого обучения отрядов специальных сил — «зеленых беретов», созданных в годы президентства Дж. Кеннеди. Поэтому вряд ли правильно утверждать, как это иногда делается, что войска США во время агрессии в Индокитае в 60-е гг. опирались в первую очередь на опыт «контрповстанческой войны», накопленный англичанами в ходе операций в Малайе после второй мировой войны. У американцев на этот счет было достаточно собственного боевого опыта, приобретенного как в войне с американскими индейцами, длившейся более ста лет, так и в последующих «полицейских» (карательных) операциях, которые вели американские войска в различных районах мира, в частности во время подавления восстания на Филиппинах после их оккупации Соединенными Штатами в 1898 г.** и во время подавления национально-освободительного движения в этом же районе после второй мировой войны.

Американские стратеги, анализируя проблему использования локальных (неамериканских) вооруженных сил в интересах США, исходили не только из насущных потребностей американской политики, но и заглядывали в отдаленное будущее. Некоторые из них ставили вопрос о соответствующей — психологической, идеологиче-

* «На границе в долинах Огайо и Миссиссипи... между 1801 и 1810 гг. индейцев путем обмана с помощью договоров, которые они плохо понимали, заставили отдать Соединенным Штатам более 100 млн. акров первоклассных земель и их быстрехонько изгнали из их старых владений», — говорится в одном из учебников по истории США (*R. Hofstadter, W. Miller, D. Aron. The Structure of American History. Englewood Cliffs, 1964, p. 101*). Такова была стандартная американская практика «умиротворения», закончившаяся к началу XX в. истреблением большей части коренного населения США и созданием резерваций для уцелевшей его части.

** Хотя США сначала использовали национально-освободительное движение филиппинцев во главе с Эмпилио АгINALДО для окончательного изгнания испанцев с Филиппин!

ской, военной — подготовке народов, начинавших выходить на арену самостоятельной внешней политики, с целью использования их в качестве региональных агентов Соединенных Штатов. Такая подготовка должна была вестись как с помощью американских миссионеров, так и иными способами.

В этом смысле весьма показательны предложения А. Т. Мэхэна, во многом предвосхитившего современные американские идеи «корпуса мира» и «вьетнамизации». Мэхэн обращал внимание в первую очередь на Китай как на потенциально нераскрытую силу Азии. Мэхэн предсказывал, что может наступить такой момент, когда «огромные массы Китая, теперь инертные, могут подчиниться одному из тех импульсов, которые в прежние века сметали цивилизацию волной варварских нашествий. Великие армии Европы... могут оказаться предназначенными судьбой служить барьером против этого грандиозного нашествия... Но Китай может сломать эти барьеры как на Востоке, так и на Западе, как к Тихому океану, так и к континенту Европы»⁴⁷.

Для того чтобы не допустить превращения Китая в антиамериканскую силу и «канализировать» устремления Китая на Север, Мэхэн считал категорически необходимым распространить американское идеологическое влияние на «китайские массы».

«Представляется, — писал он, — что главными целями, которые следует иметь в виду в китайском вопросе, являются: 1) предотвращение преобладающего политического контроля любого из иностранных государств или группы государств и 2) настоятельная необходимость открытых дверей в более широком смысле, чем тот, в котором эта фраза обычно употребляется. А именно дверь должна быть открыта не только для торговли, но и для входа европейской мысли и излагающих ее учителей»⁴⁸.

Сочетание прямых и не прямых действий. Один из первых выдающихся военных теоретиков, живший в V в. до н. э., Сунь-цзы, в трактате о военном искусстве отмечал: «Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь. Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости»⁴⁹.

Со времен Сунь-цзы и до наших дней для военных кампаний характерно сочетание прямых действий с не-

прямыми, ударов по наиболее уязвимому звену противника с обходными, отвлекающими маневрами, уклонением от боя и т. д. В более широком плане военно-политической стратегии не прямые действия весьма часто направлены на подрыв морально-политической базы противника: лишение его путем различных дипломатических и политических маневров свободы действий, уверенности в своих силах, развал коалиций, создание экономических затруднений и т. д. и т. п. Некоторые теоретики военного дела, и в первую очередь известный английский стратег-теоретик Лиддел Гарт (первым обобщивший опыт не прямых действий в основных войнах истории западного мира), вообще считают, что в подавляющем большинстве случаев стратегический успех приходил к полководцам и политикам лишь тогда, когда они полагались на стратегию не прямых действий⁵⁰ *.

Как показывает опыт истории, косвенный подход зачастую оказывается более успешным даже тогда, когда сторона, принявшая стратегию не прямых действий, могла бы, пользуясь явным перевесом в силах, добиться победы и путем прямых действий. Нечего и говорить о том, что особенно результативным оказывается применение не прямой стратегии тогда, когда искусное сочетание прямых и косвенных методов давления стороной, находящейся в стратегически менее выгодном положении (в силу ли географических факторов, неподготовленности, слабости и т. д.), дает ей возможность свести на нет те или иные явные преимущества другой стороны.

Не удивительно, что первые американские руководители, хорошо знакомые с военной историей прошлого, с самого начала стремились сочетать в своей стратегии прямые действия с непрямыми. В плане чисто военной стратегии типичными примерами не прямых действий являются акции, осуществлявшиеся Дж. Вашингтоном в ходе военных кампаний 1775—1781 гг., когда, понимая свою слабость в силах, он стремился искусным маневри-

* Лиддел Гарт, однако, столь широко трактует категорию «не прямых действий», что среди «прямых» у него по сути дела ничего не остается, кроме фронтальной лобовой атаки, что, конечно, неверно. При таком подходе он даже Наполеона ухитряется представить сторонником не прямых действий, явно смешивая стратегический маневр при более или менее прямых действиях с действительными приемами и методами стратегии косвенного подхода.

рованием затруднить действия английских полководцев, уклоняясь в то же время от генеральных сражений.

О том, что американские лидеры с момента образования США весьма хорошо разбирались в тонкостях стратегии непрямых действий и умело использовали в целях такой стратегии естественные преимущества своей страны, в частности обширность территории, компенсирующие их многочисленные слабости перед лицом мощного противника, свидетельствуют действия генерала Натаниэля Грина, руководившего в 1781 г. по поручению Дж. Вашингтона военной кампанией американцев в южных штатах США — Южной и Северной Каролинах. Уклоняясь от решающих битв и заманивая английские экспедиционные силы в глубь страны, где они оказывались отрезанными от баз, во враждебном партизанском окружении, Грин, потерпевший ряд тактических поражений в стычках с англичанами, фактически одержал стратегическую победу, измотав английские войска, которыми командовал генерал Корнуоллис. Стратегия Грина во многом обеспечила армии Дж. Вашингтона победу под Йорктауном, приведшую к окончанию войны.

Что же касается теории «непрямых действий», то ее с достаточной полнотой изложил молодой адъютант генерала Грина Томас Пейн, публицистические выступления которого вскоре принесли ему широкую известность. «Во всех войнах, к которым вы прежде имели отношение, — писал Пейн, обращаясь к английским интервентам в своем втором памфлете из серии «Американский кризис», — вам приходилось сражаться только с армией; в данном случае вам приходится сражаться как с армией, так и со всей страной. . . Отступая из одного штата в другой, мы будем подобны реке, повернувшей свое течение вспять; наша сила возрастет в такой же степени, в какой ваша сократится, и в конечном счете мы сможем сокрушить вас»⁵¹.

Ярким примером стратегии непрямых действий могут служить и акции одного из полководцев федеральной армии, генерала Уильяма Шермана, в ходе Гражданской войны в США. Лиддел Гарт, подробно исследовавший стратегию Шермана, считает, что его искусное маневрирование на восточном фронте борьбы северян против южан и подрыв морального и экономического потенциалов противника путем непрямых действий его войск в

глубоком тылу рабовладельческого Юга в 1864—1865 гг. явились решающим военным фактором, обеспечившим победу северян⁵². Одним из важнейших принципов стратегии Шермана были разработка альтернативных вариантов той или иной военной кампании и маневрирование войска таким образом, чтобы как можно дольше оставлять противника в недоумении по поводу истинной цели предпринимаемой акции.

Американские стратеги отдавали себе отчет в том, что при благоприятном сочетании условий и искусном использовании «баланса сил» в обстановке «многополюсной конфронтации» не прямые действия могут дать благоприятные результаты и в области «большой», военно-политической стратегии. Именно такого рода косвенный подход был принят первыми руководителями США в лавировании между Англией и Францией в период и после заключения Версальского мира 1783 г.

В качестве одного из методов стратегии не прямых действий США широко применяли способ инфильтрации и вытеснения противника с занимаемых им позиций (территорий). Примером такого рода не прямых действий является овладение США Техасом (в 1836 г. провозгласившим независимость от Мексики, а в 1845 г. аннексированным США) и Калифорнией (в 1846 г. — «независимостью», 1849 г. — присоединение к США).

Американские теоретики и практики инфильтрации, естественно, предпочитали осуществлять свои приобретения «мирным способом», без войны. Однако в случае сопротивления законного владельца территории вооруженные американские первопроходцы — «добровольцы», просочившиеся на данную территорию и укрепившиеся на ней, быстро прибегали к оружию с целью военного подавления противника. Именно таким был ход событий при овладении Техасом и Калифорнией.

При использовании приемов стратегии не прямых действий американские политики особое значение придавали «торгу с противником»; они рассматривали сам «торг» не как изолированный процесс, а как важное средство комплексной военно-политической стратегии, — средство, которое должно применяться параллельно и наряду с наращиванием экономического, психологического и т. д. давления на другую сторону, давления «с позиции силы».

Вместе с тем при применении переговоров как сред-

ства в политике «баланса сил» американская сторона стремилась использовать эти переговоры для того, чтобы заранее оговорить «плату», которую она получит за участие в конфликте на той или иной стороне или за соблюдение нейтралитета. Размер этой платы США должны знать до того, как они свяжут себя тем или иным обязательством, подчеркивал Гамильтон. «В тот момент, когда мы привяжем себя к той или другой стороне, преимущества нашего положения для ведения переговоров будут утрачены. Они окажутся утраченными, — подчеркивал он, — даже по отношению к той стороне, с которой мы сотрудничали, ибо, втянувшись сразу в войну, мы не смогли бы выставить определенные требования в качестве условий нашего вступления в нее»⁵³.

Таким образом, по мнению американских теоретиков «большой» стратегии, сочетание Соединенными Штатами прямых и непрямых действий в отношении своих потенциальных противников-союзников должно было обеспечить США возможность гибкого реагирования в зависимости от конкретной стратегической ситуации.

Принцип «сдерживания». Одной из основных задач американских вооруженных сил Дж. Вашингтон и его коллеги считали «сдерживание» (они тогда использовали не слово «containment», применяемое в этом смысле ныне, а термины «prevention», «keeping out» — «предотвращение», «удержание») основных противников от посягательств на территорию США. Такими потенциальными противниками считались Канада и Флорида на континенте и их заморские метрополии — Великобритания и Испания, а также в перспективе и Франция, несмотря на американо-французский союзный договор.

Разработанная американскими теоретиками концепция «сдерживания» была отнюдь не пассивно-оборонительной. Она являлась чисто оборонительной лишь в очень узком аспекте — в плане воспрепятствования европейским державам вмешиваться в дела Соединенных Штатов. Однако этот оборонительный аспект концепции «сдерживания» был нужен Соединенным Штатам для защиты американской экспансии на Северо-Американском континенте, а вскоре и во всем западном полушарии.

Эта диалектическая взаимосвязь двух аспектов концепции «сдерживания» — оборонительного и наступательного — представляет самую важную ее особенность.

По мере возрастания великодержавных амбиций США, по мере выхода США на мировую арену наступательный аспект «сдерживания» оказывался все более доминирующим элементом этой, казалось бы, внешне оборонительной концепции. Тем не менее оборонительный ее элемент никогда не исчезал полностью; и в периоды наибольшей опасности, когда лидерам США начинало казаться, что в мире складывается неблагоприятный для них баланс сил, они стремились выпятить на первый план именно оборонительный аспект концепции «сдерживания».

Но, как правило, «оборона» трактовалась Соединенными Штатами весьма своеобразно. Оборона, в американском понимании, не сводилась к защите территориального статус-кво. Такое узкоформальное понимание принципа обороны американские лидеры с порога отвергали. Они трактовали оборону как отпор стремлениям воспрепятствовать территориальной (вначале, а потом — экономической и военной) экспансии США, пытавшихся «раздвигать американскую границу». Джон Джей, первый председатель Верховного суда США в правительстве Дж. Вашингтона, писал: «Легко увидеть, что зависть и беспокойство могут постепенно проникнуть в сознание других наций и их правительств и что нам не приходится ожидать, что они будут с чувством безразличия и хладнокровия рассматривать наши успехи в единении, в накоплении мощи и, как следствие этого, *наше продвижение по суше и по воде*. Народ Америки знает, что *из этих обстоятельств*, а также и из других, не столь очевидных в настоящее время, *могут возникнуть побуждения к войне*. . . Благоразумно поэтому рассматривает он Союз и хорошее национальное правительство как необходимые для того, чтобы поставить американцев в такое *положение, которое вместо того, чтобы навлекать войну, будет иметь тенденцию подавлять ее, отбивать от нее охоту*» (курсив мой. — Г. Т.) ⁵⁴. «Под главенством энергичного национального правительства, — продолжал ту же мысль Гамильтон, — естественная сила и ресурсы страны, используемые в общих интересах, опрокинут все комбинации европейской зависти, направленные на то, чтобы ограничить наш рост. . . Мы сможем игнорировать мелкие ухищрения мелких политиков, стремящихся контролировать или изменить неуловимый и неизменяемый естественный ход событий» ⁵⁵.

В связи с такой постановкой вопроса Дж. Вашингтон квалифицировал всех, кто стоит на пути американской экспансии, в частности индейцев, всех, кто мешает США осуществлять «естественный ход событий», как... агрессоров! В своем послании конгрессу от 8 января 1790 г., говоря о западных и южных штатах США, жители которых и занимались в первую очередь «раздвиганием границ» США путем «отодвигания» и истребления индейских племен, Дж. Вашингтон заявлял: «Мы должны быть готовы обеспечить защиту этим частям Союза и в случае необходимости наказать агрессоров»⁵⁶ *.

Итак, «сдерживание» в трактовке основателей США означало не только оказание отпора тем, кто претендовал на территорию Соединенных Штатов, но и обуздание тех, кто препятствовал американской экспансии. Соединенные Штаты «сдерживали» других от проникновения в свою «сферу влияния», которую они сами непрерывно расширяли. Если проследить историческую эволюцию концепции «сдерживания», то окажется, что Соединенные Штаты осуществляли пресловутое «сдерживание» на все более удаленных рубежах, а в середине XX в. перешли к «сдерживанию» в глобальном масштабе. Однако это в конце концов оказалось непосильным для США и потребовало радикального пересмотра их стратегии.

Таким образом, американская концепция «сдерживания» прошла в своем развитии ряд этапов, соответствовавших этапам развития самих США, наращивания их военной силы и эволюции политики экспансионизма.

При этом каждая новая трактовка концепции «сдерживания» соответствовала определенному этапу американской экспансии. По сути дела видоизменение трактовки «сдерживания» было призвано оправдать каждый качественно новый этап наступательной стратегии. Развитие двух аспектов концепции «сдерживания» можно проиллюстрировать следующей схемой:

* «Завоеватель всегда миролюбив», — утверждал, по свидетельству Клаузевица, Бонапарт (*Клаузевиц. О войне*, т. II, стр. 24). Эту же мысль применительно к США весьма конкретно и откровенно сформулировал Р. Такер: «Нет ничего, в чем мы нуждались в этом веке, что не могло бы быть получено с помощью мирных средств, если бы только другие нации воздерживались от применения силы в качестве инструмента политики (курсив мой. — Г. Т.)» (*R. Tucker. The Just War*, p. 25). Именно такого «воздержания» требовали США и от индейцев, которых они «мирными средствами» сгоняли с земли.

Эволюция концепции „сдерживания“

Годы	«Оборонительный» аспект	Основополага- ющая доктрина или концепция	Наступательный аспект
1776— 1812	Сдерживание европейских держав от воен- ного вмешательства в дела США	„Доктрина Вашингтона“	Военная экспансия в пределах „свобод- ной“ (т. е. занятой индейцами) террито- рии Северной Амери- ки. Отказ от прямого ввязывания в европей- ские дела.
1812— 1823	Сдерживание европейских держав от уча- стия в делах Северной Аме- рики	Экспансио- нистские кон- цепции блока „военных ястребов“ в конгрессе	Наступление на коло- нии европейских дер- жав в Северной Аме- рике с целью их ан- нексии и ликвидации там европейских плац- дармов.
1823— 1898	Сдерживание европейских держав от вме- шательства в де- ла западного по- лушария	„Доктрина Монро“	Завершение экспансии в Северной Америке, начало экспансии на Латиноамериканском континенте.
1898— 1914	Сдерживание европейских держав от при- обретения осо- бых прав и при- вилегий в других (еще не оконча- тельно поделен- ных) районах мира	Добавление Т. Рузвельта к „доктрине Монро“, „Доктрина Хэя“ („открытых дверей“)	Выход на арену меж- дународной империа- листической борьбы, захват Гавайских ост- ровов, Филиппин, Пу- эрто-Рико, Гуама, островов Самоа, зоны Па- намского канала.
1914— 1945	Активное сдер- живание евро- пейских, а также азиатских (Япо- нии) держав от приобретения доминирующих позиций, могу- щих подорвать	„Доктрина В. Вильсона“ („сделать мир безопасным для демокра- тии“), докт- рина „невме- шательства“, а с 1941 г. —	Участие в первой и второй мировых вой- нах, расчистка пози- ций для установления „Pax Americana“ („американского мира“).

Годы	„Оборонительный“ аспект	Основополагаю- щая доктрина или концепция	Наступательный аспект
	„баланс сил“ в Европе или Азии и тем самым создать угрозу для „островной безопасности“ Соединенных Штатов	концепция антигитлеровской и антияпонской коалиций	
1945—1970	„Сдерживание коммунизма“ — частичный отход от классического принципа „баланса сил“	„Доктрина Трумэна“, „Программа Трумэна“, „план Маршалла“, региональные доктрины Даллеса (Дальний Восток), Эйзенхауэра (Ближний Восток), Джонсона (Латинская Америка)	Попытки „отбрасывания“ коммунизма на „центральный фронт“, акции против Польши, ГДР, Венгрии (1945—1956) и в „периферийных“ районах (корейская война, интервенции в Ливане, Конго, против Кубы, Доминиканской Республики, агрессия в Индокитае). Осуществление функций «мирового жандарма».
1970— ...	Политика, направленная на поощрение и использование „крупноблочного“ „баланса сил“ в глобальном масштабе („пятиугольник“ США — СССР — КНР — Япония — Западная Европа)	„Доктрина Никсона“, Тихоокеанская „доктрина Форда“	Локальные „полицейские операции“ в американской „сфере влияния“ + военная помощь союзникам и их поддержка.

Комментируя эту схему, можно отметить, что уже на первом этапе претворения в жизнь концепции «сдерживания», когда американские лидеры были озабочены в первую очередь сдерживанием вмешательства европей-

ских держав в дела США, только-только становившихся на ноги, они уже нацеливались на большее. Например, А. Гамильтон писал: «Наше положение обязывает нас, а наши интересы подталкивают нас к тому, чтобы стремиться к доминированию в системе американских дел. Мир в политическом, равно как и в географическом, плане может быть разделен на четыре части, каждая из которых имеет отличающийся от других комплекс интересов. К несчастью для трех остальных частей, Европа с помощью оружия и переговоров, силой и обманом в различной степени распространила свою власть на все части. Африка, Азия и Америка по очереди чувствовали ее господство.

Господствующее положение, которое она долгое время сохраняла, соблазнило ее облачиться в одежды Хозяйки Мира и рассматривать остальное человечество как созданное ради ее выгоды. На нашу долю выпала задача, — декларировал Гамильтон, — реабилитировать честь человеческой расы и научить эту высокомерную сестру умеренности». Далее Гамильтон призывал тринадцать американских штатов создать «единую великую американскую систему, стоящую выше контроля и влияния трансатлантических сил и способную диктовать условия связей между Старым и Новым Светом»⁵⁷.

Первой реальной попыткой американского руководства перейти от чисто негативной политики удержания европейских держав от вмешательства в дела США к «позитивному» курсу «расчистки» Северо-Американского континента от плацдармов европейских держав была война 1812—1815 гг., объявленная Соединенными Штатами Великобритании 18 июля 1812 г.

Исходя из анализа состояния европейского «баланса сил» и пытаясь перейти к его более активному использованию в своих интересах, американское правительство, по-видимому, решило, что Англия, находившаяся в смертельной схватке с наполеоновской Францией, не сможет выделить сколько-нибудь значительные силы для защиты Канады, и последняя, таким образом, достанется США.

Эту цель США, однако, не смогли реализовать как ввиду их просчетов в определении развития ситуации в Европе (мало кто в то время ожидал, что поля России окажутся могилой для армии французского императора),

так и ввиду чрезвычайно плохой подготовки к войне, объяснявшейся беспечностью и надеждой на «легкую победу». Тем не менее в результате побед В. Г. Гаррисона (будущего президента) Соединенным Штатам удалось установить свой контроль над большим куском спорной территории на американском северо-западе (на которой ныне размещаются шесть штатов Среднего Запада).

Следующим этапом в эволюции концепции «сдерживания» было провозглашение президентом Монро в его послании конгрессу от 2 декабря 1823 г. доктрины, получившей широкую известность в виде краткой формулы: «Америка для американцев»*.

Сущность «доктрины Монро» обстоятельно исследована в работах советских авторов, и здесь нет необходимости подробно анализировать причины ее провозглашения. Достаточно отметить, что «доктрина Монро» явилась логическим следствием всей предыдущей военно-политической стратегии правительства США и что она соответствовала всем установкам основателей американской республики.

«Доктрина Монро» полностью принимала в расчет европейский «баланс сил», в частности противоречия между Великобританией и членами Священного союза. Именно поэтому, хотя у самих США было явно недостаточно сил для того, чтобы в случае какой-либо объединенной акции Священного союза в испанской Америке оказать эффективное противодействие такой интервенции, Соединенные Штаты все же решились на столь смелое заявление о своих притязаниях. Они рассчитывали

* «Было сочтено правильным, — говорилось в послании Монро, — утвердить в качестве принципа, с которым связаны права и интересы Соединенных Штатов, что американские континенты в силу избранного и поддерживаемого ими свободного и независимого состояния отныне не должны рассматриваться в качестве объектов дальнейшей колонизации любой из европейских держав... Поэтому, исходя из чувства открытости и дружеских отношений, существующих между Соединенными Штатами и этими державами, мы считаем себя обязанными заявить, что мы будем рассматривать любую попытку с их стороны распространить их систему на любую часть этого полушария как создающую угрозу нашему миру и безопасности. Касательно уже существующих колоний или зависимых территорий любой европейской державы мы не вмешивались и не будем вмешиваться» (Documents of American History. Ed. by H. S. Commager. New York, 1945, p. 236).

на то, что в случае необходимости реального военного сдерживания держав Священного союза они окажутся в одном лагере с Великобританией. Тем не менее, несмотря на такой расчет, США не пошли на совместную с Великобританией декларацию, как намечалось первоначально, а выступили с односторонним заявлением, явно рассчитывая использовать в будущем «доктрину Монро» также и против Великобритании.

Момент такого использования (середина 90-х гг. XIX в.) озаменовал поворот Соединенных Штатов от чисто «сдерживающих» операций (в основном путем угроз применить «доктрину Монро»), направленных против акций европейских держав в Латинской Америке (при одновременном завершении экспансии США на Северо-Американском континенте), к активно интервенционистской политике как в масштабах западного полушария, так и за его пределами.

В 1895 г. американский президент Кливленд, сославшись на «доктрину Монро», фактически предъявил ультиматум Великобритании, потребовав, чтобы спор последней с Венесуэлой по поводу границы Венесуэлы с Британской Гвианой был передан на арбитраж США. В ноте правительству Великобритании от 20 июля 1895 г., составленной государственным секретарем США Олни, безапелляционно утверждалось, что Великобритания нарушает «доктрину Монро», и далее подчеркивалось: «Ныне Соединенные Штаты практически осуществляют верховную власть на этом континенте, и их указ является законом для подданных, на которых они распространяют свое посредничество. Почему? Не из-за того, что к ним испытываются чувства дружбы или доброй воли. И не просто по причине их благородного характера как цивилизованного государства, а также и не потому, что мудрость, и справедливость, и равенство являются неизменными характерными чертами деятельности Соединенных Штатов. А потому, что в дополнение ко всем другим основаниям их безграничные ресурсы, соединенные с их изолированной позицией, делают их хозяевами положения, практически неуязвимыми против любой другой или всех других держав»⁵⁸.

Несмотря на силу своих позиций и своего военного положения (в частности, безусловного превосходства военно-морского флота), Великобритания была вынуж-

ждена принять американское предложение о компромиссе, что во многом объяснялось благоприятным для США «балансом сил» в Европе (обострением англо-германских отношений). Ноту Олни Великобритании можно назвать первой декларацией (в полный голос!) о превращении США в империалистическую державу. Недавно американский историк Т. Бейли отмечает: «Вероятно, этот инцидент, а не испано-американская война, должен считаться датой появления Америки как мировой державы»⁵⁹.

Именно в момент завершения территориальной экспансии США на Северо-Американском континенте американский историк Ф. Дж. Тэрнер выступил с нашумевшей и ставшей классической в американской историографии концепцией «раздвигающейся границы». Эта концепция задним числом подводила теоретическую базу под территориальную экспансию США и в то же время «открывала перспективу» молодому американскому империализму, рисуя процесс «раздвигания границы» по сути дела в качестве непрерывной акции, конечными лимитами которой являются лишь пределы земного шара.

В докладе «Значение границы в американской истории», прочитанном на собрании Американской исторической ассоциации в Чикаго 12 июля 1893 г., Ф. Тэрнер вдохновенно нарисовал суровый образ американского землепроходца — «раздвигателя границы», ведущего яростную борьбу за «права белого человека», так сказать, по закону джунглей: «Дикая местность становится хозяином колониста... Она срывает с него одежды цивилизации и облачает его в охотничью рубашку и мокасины. Она вселяет его в деревянную хижину чероки или ирокеза и возводит вокруг индейский палисадник. Вскоре он уже сажает индейскую кукурузу и пашет землю с помощью остро отточенной палки; он издает военный клич и снимает скальп в ортодоксальной индейской манере»⁶⁰.

«Первой же границе, — признает Тэрнер, — пришлось столкнуться со своим индейским вопросом, вопросом о распоряжении общественными угодьями...»⁶¹ «Индейский вопрос» решался очень просто — путем тотального уничтожения индейцев, после чего «спор о принадлежности общественных земельных угодий» оказывался бесспорно «урегулированным» в пользу американских

экспансионистов. И недаром Тэрнер сочувственно цитировал стихи барда «бремена белого человека» Редьярда Киплинга насчет «первооткрывателя», тем самым косвенно показывая истоки своей концепции беспредельно «раздвигающейся границы»: «Он будет идти вперед до тех пор, пока юг не обернется севером — угрюмым и лишенным кого-либо, претендующего на право владения»⁶² *.

Как бы предвосхищая доктрину «открытых дверей» (на ней мы подробнее остановимся ниже), Тэрнер развивал идею «торговой границы», которая «неуклонно подрывала» власть индейцев, «делая их племена в конечном счете зависящими от белых»⁶³.

Непрерывно раздвигаемая вооруженной и экономической силой США многослойная, многоаспектная граница, по Тэрнеру, в конце концов сформировала саму американскую нацию — ее психологию и идеологию; граница явилась «школой военной подготовки» и т. д. «И опрометчив был бы тот пророк, — заканчивал Тэрнер свое сообщение в исторической ассоциации, — который стал бы утверждать, что экспансивный характер американской жизни ныне полностью заглох. Ее доминирующим фактором всегда было движение, и, если не считать, что подобная тренировка не оказала никакого влияния на на-

* Соответствующий отрывок из стихотворения Киплинга «The Voortrekker», который лучше привести в оригинале, гласит:

«His neighbours' smoke shall vex his eyes, their voices
break his rest.

He shall go forth till south is north, sullen and
dispossessed.

He shall desire loneliness and his desire shall bring,
Hard on his heels, a thousand wheels, a People and
a King.

He shall come back on his own track, and by his
scarce-cooled camp

There shall he meet the roaring street, the derrick and
the stamp,

There shall he blaze a nation's ways with hatchet and
with brand,

Till on his last — won wilderness an Empire outposts
stand!»

В другом стихотворении Киплинга «The Explorer», на которое также ссылался Тэрнер в своей книге, английский поэт прямо проводит мысль о «стране белого человека вне всяких споров», открываемой «исследователем», выполняющим «божью волю»! (*Rudyard Kipling's Verse. Definitive Edition. London, 1958, p. 103—106, 555*).

род, американская энергия будет непрерывно требовать все более широкого поприща для своего применения»⁶⁴ *.

Таким «поприщем» за неимением «свободных территорий» в самих США оказались к концу XIX в. «плохо лежащие» владения старых колониальных держав. Соединенные Штаты стали первой страной, развязавшей империалистическую войну за передел мира. Это была начатая США в 1898 г. война против Испании, в итоге которой США приобрели ряд испанских колоний (Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам), оккупировали Кубу и установили над ней протекторат.

В. И. Ленин рассматривал эту войну в качестве исторического рубежа перехода домонополистического капитализма США более раннего периода к «реакционному, монополистическому капитализму (империализму) новейшей эпохи». Эта эпоха, отмечал В. И. Ленин, «в Америке отграничивается особенно ясно испано-американской империалистической (т. е. вызванной дележом добычи между двумя разбойниками) войной 1898 года»⁶⁵.

Американо-испанская война означала качественно новый этап в интерпретации стратегического принципа

* Симптоматично, что концепция «раздвигающейся границы» одновременно появилась во всех капиталистических странах, вставших на путь империализма. В Англии ее проповедниками были Киплинг и лорд Китченер. Во Франции с идеей «движущихся границ» выступил в конце XIX в. историк Альбер Вандаль, приписывавший подобную политику Наполеону Бонапарту (см. *Е. В. Тарле. Наполеон. М., 1957, стр. 7*). В Германии теорию раздвигающихся, или «блуждающих», границ для «расширяющихся народов» развивал предтеча современных геополитиков географ Фридрих Ратцель (*F. Ratzel. Politische Geographie. München und Leipzig, 1897, S. 3, 25, passim*).

В североамериканской художественной литературе романтизация «границы» и белого человека — «первопроходца» фактически произошла за полвека до теоретических изысканий идеологов империализма. В произведениях Уильяма Симмса, Дж. К. Полдинга, Р. М. Бэрда, Фенимора Купера и многих других писателей первой половины XIX в. были созданы образы героев американского Запада — «пионеров», «лесовиков», отличавшихся большей или меньшей степенью жестокости в отношении индейцев, но тем не менее «раздвигавших границу» или же проводивших рекогносцировку для последующего ее раздвигания. Широкую популярность в американском фольклоре приобрела колоритная фигура «полковника» Дэйви Крокетта — романтика «границы», героя жестоких экспедиций против индейцев, превращенного усилиями анонимных авторов в легендарную личность общенационального масштаба. И недаром первая установка для стрельбы малыми ядерными зарядами в американской армии была названа по имени этого героя «раздвигающейся границы».

«сдерживания». Отныне США чувствовали себя полновластным гегемоном в западном полушарии и острее «сдерживания» направлялось вовне — против притязаний других империалистических держав на приобретение «исключительных прав» в других районах мира.

Двумя ключевыми теоретическими положениями, призванными скорректировать концепцию «сдерживания» в соответствии с новым, международно-экспансионистским интересом США, явились так называемое добавление Т. Рузвельта к «доктрине Монро» и «доктрина Хэя».

«Добавление Рузвельта» сводилось к толкованию «доктрины Монро» как якобы уполномочивающей Соединенные Штаты осуществлять в случае необходимости интервенцию в страны западного полушария.

6 декабря 1904 г. Т. Рузвельт заявил: «Хронические правонарушения... могут в Америке, как и повсюду, в конце концов потребовать интервенции со стороны какой-либо цивилизованной нации; и в западном полушарии приверженность Соединенных Штатов доктрине Монро может вынудить Соединенные Штаты, независимо от их желания, в вопиющих случаях таких правонарушений или бессилия осуществлять международную полицейскую власть»⁶⁶.

Так в рамках все той же всеобъемлющей концепции «сдерживания» была сформулирована доктрина «превентивной интервенции», иначе говоря, превентивной войны. Эта доктрина, которую с полным основанием можно назвать «доктриной Т. Рузвельта», была призвана задним числом оправдать и официально утвердить практику, к которой Соединенные Штаты уже прибегали в Латинской Америке в предшествующие десятилетия.

Решение правительства США в начале XX в., так сказать, публично узаконить практику вооруженной интервенции свидетельствовало о том, что капиталистический правящий класс США почувствовал, в частности, под влиянием победы в войне с одной из крупных европейских держав XIX в. — Испанией, что американская военная сила приобрела новое качество, дающее США возможность более смелого и решительного ее использования на мировой арене. Правда, лидеры США в то время еще не решались официально претендовать на роль мирового полицейского. «Доктрина Т. Рузвельта» оговари-

вала «право» США на вооруженную интервенцию лишь в пределах западного полушария.

Тем не менее молодой американский империализм уже почувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы активно участвовать в мировой, а не только региональной политике.

Официально стратегия США, направленная на то, чтобы не дать другим державам приобрести «исключительные», «особые» позиции в тех районах мира, где таковые ими еще не были созданы, и в то же время «по ходу дела» создать «позиции силы» для самих США, была изложена в серии нот государственного секретаря США Джона Хэя другим ведущим державам мира (Великобритании, России, Германии, Японии, Италии, Франции). В этих нотах американское правительство выступило за принцип «открытых дверей» в Китае, иначе говоря, потребовало, чтобы державы, предпринимавшие попытки к разделу его на сферы влияния, отказались от такого курса и соревновались в завоевании коммерческих позиций в Китае, так сказать, на равных основаниях*.

«Доктрина Хэя», формально излагая позицию США лишь в отношении Китая и будучи, по видимости, направлена на защиту исключительно их коммерческих позиций, на деле явилась важным актом военно-политической стратегии США. Она фактически распространяла принцип «сдерживания» за пределы непосредственной и традиционной сферы влияния США — Латинской Америки.

В начале XIX в. правящие круги США стремились «доктриной Монро» сдерживать европейские державы от приобретения ими новых политических и военных плацдармов в западном полушарии. С начала же XX в. молодой американский империализм попытался давлением «с позиции силы» воспрепятствовать дальнейшему укреплению влияния европейских держав и Японии в «неосвоенных» районах мира путем приобретения ими особых прав и привилегий, поскольку это могло подорвать возможности США соревноваться с другими империалистическими хищниками за мировые рынки, сорев-

* Речь идет о циркулярных письмах Хэя от 6 сентября 1899 г. и 3 июля 1900 г. и о его инструктирующем письме от 20 марта 1900 г.⁶⁷

новаться путем, так сказать, «равноправной» торгово-промышленной конкуренции — по силе, по капиталу.

По мнению американского историка Т. Деннета, доктрина «открытых дверей» была сугубо интервенционистской доктриной. Он писал: «У нас нет никаких затруднений в том, чтобы поставить доктрину Хэя на то место, которое ей принадлежит, — в рубрику интервенционистских... Я использую слово «интервенция» в самом широком смысле... Я подразумеваю под этим любую форму вмешательства, мирного или военного, в дела другого государства»⁶⁸.

Проводя политику «сдерживания» в Азии с помощью доктрины «открытых дверей», Соединенные Штаты опирались на все тот же принцип «баланса сил» в региональном масштабе, используя, в частности, расхождения между Францией и Россией, с одной стороны, Англией и Японией — с другой.

Увлечись принципом «баланса сил», в первую очередь между странами, опирающимися на «морскую мощь», и страной, опирающейся на «сухопутную мощь» — Россией, А. Т. Мэхэн и разработал в те годы свою геополитическую концепцию «сдерживания России» с помощью альянса «латинизированных», или «тевтонских», держав. Аналогичная идея широко популяризовалась в те годы видными американскими историками Генри и Бруксом Адамсами, экономистом Г. Пауэрсом. Все они считали необходимым, чтобы США перешли от поддержания регионального баланса, будь то в Европе или Азии, к установлению «разумного» глобального баланса, который, по их внутреннему убеждению, должен был быть «балансом» против России.

Если США останутся в стороне, уйдут от активного участия в таком глобальном балансе, подчеркивал, например, Г. Пауэрс, возникнет гигантская континентальная держава, скорее всего под «русским господством», и ее цивилизация станет универсальной. Только политика «осторожного, но энергичного самоутверждения» со стороны «англосаксонской расы» может предотвратить такой оборот событий, пророчествовал Пауэрс. «В конце концов все сводится к проблеме — славянин и сакс... кто из них будет править миром?»⁶⁹

В то время, однако, эти глобальные геополитические идеи американских теоретиков экспансионизма не нашли

должного отклика в правительственных кругах США. Указанные концепции Мэхэна и других геополитиков оказались признанными через столетия — после второй мировой войны, когда они фактически легли в основу военно-политической стратегии США.

Тем не менее нельзя сказать, что концепции Мэхэна, Адамсов, английского геополитика Х. Маккиндера вообще не оказали никакого влияния на мышление государственных деятелей США того времени. Отнюдь нет. Президент США в 1913—1921 гг., видный американский историк Вудро Вильсон в принципе был вполне согласен с идеей необходимости для США участвовать в поддержании глобального баланса. Именно для того, чтобы утвердить себя в качестве «решающего веса» в таком балансе, США в конце концов приняли участие в первой мировой войне. Однако Вильсон, как и многие другие государственные деятели США того времени, был обеспокоен не столько политикой России, сколько далеко идущими экспансионистскими притязаниями главных партнеров США по первой мировой войне — Англии, Франции и Японии, а также главного соперника — Германии.

После Великой Октябрьской социалистической революции Вильсон, подобно многим другим государственным деятелям Запада, считал, что власть «максималистов» (так буржуазная западная пресса называла тогда революционных рабочих и крестьян России) окажется скоропреходящим явлением и что в результате весьма вероятен (не без «помощи» со стороны западных держав) распад русского государства. Такой процесс, считали в Вашингтоне, неминуемо приведет к непомерному усилению влияния на континенте главных западноевропейских держав и Японии, фактически — к дележу между ними русской территории. Стремясь предотвратить подобную ситуацию, при которой США, как считали Вильсон и его коллеги, почти наверняка оказались бы отстраненными от «выгодного бизнеса» — эксплуатации необъятных русских ресурсов, президент США попытался применить в отношении России ту же политику «открытых дверей», которая была провозглашена в «доктрине Хэя» по отношению к Китаю.

Шестой пункт из известных четырнадцати пунктов программы устройства послевоенного мира, сформули-

рованной президентом В. Вильсоном в его выступлении на объединенной сессии конгресса США 8 января 1918 г., в полном соответствии с духом «доктрины Хэя» предусматривал недопущение территориального расчленения западноевропейскими державами охваченной гражданской войной России*. Он был направлен не только против Германии, оккупировавшей значительную часть европейской территории бывшей царской России, но и против Англии и Франции, стремившихся, по свидетельству А. Ф. Керенского, возвратить Россию к «границам допетровской Москвы»⁷⁰. Как и в случае с Китаем, США считали, что они смогут успешнее соревноваться со своими европейскими соперниками в деле экономической колонизации России в условиях «равных возможностей», чем в ситуации, когда значительные части территории бывшей царской империи оказались бы поделенными на «сферы влияния».

Успешное утверждение Советской власти на территории бывшей царской России и разгром белогвардейцев и иностранных интервентов на полях сражений гражданской войны сорвали осуществление замыслов как западноевропейских, так и американских империалистов.

Провозглашая принцип «открытых дверей», американский правящий класс в основном уповал на «всепоглощающий доллар», который должен был обеспечить победу США в экономическом соревновании между капиталистическими монополиями в колониальных районах мира. По мере наращивания военных сил Соединенные Штаты стали использовать для «сдерживания» других держав не только политико-дипломатические акции, но и прямую военную интервенцию.

* «Шестой пункт» Вильсона гласил: «Вывод иностранных войск со всей русской территории и такое урегулирование всех вопросов, касающихся России, которое обеспечит наилучшее и самое свободное сотрудничество других наций мира в обеспечении для нее беспрепятственной возможности независимого решения относительно ее собственного политического развития и национальной политики... То, как будут обращаться с Россией другие сестры — нации в предстоящие месяцы, явится серьезной проверкой их доброй воли, их понимания ее нужд в отличие от их собственных интересов и их разумной и неэгоистичной симпатии» (The Public Papers of Woodrow Wilson. Authorised Edition. Ed. by R. Baker and W. Dodd, vol. III. New York and London, 1927, p. 159).

Вступление США в первую мировую войну опиралось по сути дела на уверенность американских правящих кругов в том, что теперь они могут использовать свою роль «решающего довеска» в европейской системе «баланса сил» не просто для решения дел чисто американских (или всего западного полушария), а для участия в решении в американских интересах дел Европы и других регионов мира.

Такая роль США не была еще глобальной в нынешнем значении этого термина, но это, безусловно, была уже роль мировой. Соединенные Штаты, следуя принципу «баланса сил» и руководствуясь концепцией «сдерживания», выступали против той державы, которая грозила занять гегемонистское положение в Европе и тем самым лишить США возможности участвовать в поддержании «баланса» непрямым образом — в качестве суперарбитра.

В Вашингтоне считали, что состязание с державой, подчинившей себе ресурсы всей Европы, будет для США заведомо гораздо более рискованным и опасным делом, чем то или иное участие в конфликте между равноценными европейскими державами, при котором США смогут выжидать и при необходимости поддерживать одну из сторон, пользуясь позицией островной безопасности. Поэтому — и в полном соответствии с заветами Дж. Вашингтона, а не вопреки им — Соединенные Штаты и «ввязались» в первую мировую войну именно на стороне Антанты с целью «восстановить равновесие». При этом, конечно, на принятие решения о выборе союзной стороны оказали влияние и другие, но подчиненные соображения: расчет экономических выгод, систематическое улучшение англо-американских отношений в начале XX в., ненависть к германскому милитаризму среди широких кругов американцев и т. д.

Разгром Германии силами союзников в 1918 г. и послевоенная экономическая катастрофа, еще более подкосившая ее силы, снова привели, с точки зрения США, к известному «дисбалансу» в европейском равновесии. В силу этого американские капиталисты стали рьяно помогать германскому капитализму восстанавливать свою мощь, в особенности в связи с тем, что на восточном горизонте все более могучим становилось дыхание нового колосса — Советской республики.

Все более крепнувший в США антикоммунизм в сочетании с соображениями «баланса сил» заставил Соединенные Штаты сделать основную ставку на Германию как на бастион антикоммунизма в Европе. Однако политику США в годы, предшествовавшие второй мировой войне, не следует полностью отождествлять с политикой Англии и Франции, как это иногда делают. Соединенные Штаты проводили свою собственную линию, соответствующую принципам «просвещенного эгоизма» и «баланса сил».

Накануне второй мировой войны США не играли роль основной антикоммунистической силы, несмотря на то что на протяжении шестнадцати лет проводили политику непризнания Советской власти. Застрельщиками антикоммунизма выступали в тот период сначала правящие круги Великобритании, а затем германский фашизм, недвусмысленно провозгласивший своей целью поход на Восток ради завоевания «жизненного пространства».

Установление США дипломатических отношений с СССР в 1933 г. после прихода к власти администрации Франклина Рузвельта в существенной степени объяснялось пониманием трезвомыслящими американскими политиками опасностей, связанных с гегемонистскими устремлениями нацистской Германии.

«...Фашистский переворот в Германии, — отмечает Г. Н. Цветков в монографии, посвященной политике США в отношении СССР в 1917—1933 гг., — усилил остроту американо-германских противоречий, что заставило правительство Франклина Рузвельта в поисках «противовеса» для «баланса сил» в Европе менять свое отношение к Советскому Союзу»⁷¹ *.

* К аналогичному выводу приходят и другие советские исследователи. Н. Н. Иноземцев, говоря о заинтересованности правящих кругов США в нормализации отношений с Советским Союзом, отмечает: «В обстановке обострения американо-германских и американо-японских противоречий значительная часть этих кругов рассматривала улучшение отношений с СССР в качестве важнейшего элемента такого «баланса сил», который мог бы быть использован ими в будущем» (Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, стр. 292); Н. Н. Яковлев подчеркивает: «...для ФДР (Ф. Д. Рузвельта. — Г. Т.) главными были политические соображения — попытаться противопоставить Советский Союз Германии и Японии в высоких целях защиты «демократии» и конкретных интересов

И сколь бы важными для правящих кругов Америки ни были в тот период соображения антикоммунизма, соображения «баланса сил» в конце концов взяли верх над соображениями идеологической антипатии. Руководители американского правительства во главе с Ф. Д. Рузвельтом сознавали, что победа фашистской Германии и установление нацистского господства в Европе резко подорвали бы безопасность США, поставив на карту саму их судьбу*. Именно этим объясняется поворот правящих кругов США к союзу с СССР после нападения на него Германии.

«Национальный интерес», столь ярко выраженный в принципе «просвещенного эгоизма», завещанном «отцами-основателями», оказался в какой-то момент выше соображений идеологии и привел к подчинению идеологических соображений расчетам военно-политической стратегии, недвусмысленно доказывавшим жизненную необходимость для США всячески поддерживать те силы, которые представляли собой «контрбаланс» державам «оси» с их непомерными глобальными амбициями. Если же считать, что антикоммунизм при всех обстоятельствах и во все периоды после 1917 г. являлся главной движущей силой американской внешней политики, то тогда

американского империализма» (Н. Н. Яковлев. Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969, стр. 228). Тезис о соображениях «баланса сил» в качестве одного из мощных побудительных мотивов, обусловивших поворот США в 30-е гг. к улучшению отношений с СССР, разделяется многими американскими историками и политиками. К. Хэлл (государственный секретарь США в трех администрациях Ф. Рузвельта), в частности, пишет в своих мемуарах, что осенью 1933 г. он не раз беседовал с президентом по вопросу о признании США Советского Союза. В одной из бесед Хэлл подчеркнул: «Я выступаю за признание России... Мировая система вступает в опасный период как в Европе, так и в Азии. Россия может оказать большую помощь в стабилизации ситуации, так как время идет, а угроза миру все более нарастает» («The Memoirs of Cordell Hull», vol. I. New York, 1948, p. 297).

* «Если падет Великобритания, — говорил, например, Рузвельт в речи по радио 29 декабря 1940 г., — державы оси поставят под свой контроль континенты Европы, Азии, Африки, Австралии и морские просторы, и они смогут обратить военные и военно-морские ресурсы против нашего полушария. Можно без преувеличения сказать, что все мы, в обеих Америках, оказались бы живущими под дулом пистолета — пистолета, заряженного разрывными пулями, экономическими, равно как и военными» (The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1940 Volume. War and Aid to the Democracies. New York, 1941, p. 635—636).

поворот США к военному союзу с СССР оказывается необъяснимым, непонятным.

Формулируя цели участия США во второй мировой войне, начальник штаба американской армии генерал Маршалл и главнокомандующий ВМС США адмирал Старк считали, что США должны вести войну в интересах «создания в конечном счете в Европе и Азии баланса сил, который вернее всего обеспечит политическую стабильность в этих районах и будущую безопасность США»⁷².

А уже после второй мировой войны большая группа американских политиков и историков школы «реальной политики» (С. Бемис, Х. Болдуин, У. Буллит, Г. Моргентав, Д. Перкинс, Г. Фейс и др.) обрушилась с нападками на покойного президента, обвиняя его в том, что, «увлекшись» идеей разгрома Германии, он якобы «упустил из виду» коренные стратегические интересы США, которые требовали восстановления «баланса сил» в Европе, а не уничтожения германской военной машины. В результате такой «ошибочной политики» Ф. Рузвельта баланс-де оказался ликвидированным, только в роли европейского гегемона очутилась не Германия, а... Советский Союз*.

* Резюмируя обвинения, выдвигавшиеся на Западе по адресу Франклина Рузвельта насчет его «неправильной стратегии» в отношении Германии в ходе второй мировой войны, известный французский политолог Раймон Арон заявил, что «с американской стороны не было сделано никакой попытки проанализировать, будет ли мир, который образуется в результате тотальной военной победы, соответствовать долгосрочным целям США». А эти цели, по мнению Арона, состояли в том, чтобы избежать «излишнего усиления случайного союзника, но постоянного врага и чрезмерного ослабления врага на данном этапе, но будущего союзника...» (*R. Aron. Peace and War. A Theory of International Relations. New York, 1966, p. 29*).

Упреки по адресу Ф. Рузвельта и демократов вообще были демагогически раздуты в 50-е гг. руководством республиканской партии США, в первую очередь Дж. Ф. Даллесом, и в пылу предвыборной полемики превратились из концепции о «непреднамеренной ошибке» в обвинение в сознательном «предательстве интересов Америки» путем заключения «секретных сделок» с СССР в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Торжественное обещание, что «правительство Соединенных Штатов под водительством республиканцев откажется от всех обязательств, содержащихся в секретных соглашениях, типа ялтинского», было внесено по настоянию Дж. Ф. Даллеса в предвыборную платформу республиканской партии 1952 г. («*The New York Times*», 11.VII.1952).

Однако, когда республиканское руководство пришло к власти в январе 1953 г., оно обнаружило, что никаких «секретных согла-

Подобная ситуация, по мнению такого рода теоретиков, потребовала, чтобы США начали новый раунд борьбы за «восстановление европейского баланса».

Таковы некоторые соображения, которые были использованы правящими кругами США при переходе к послевоенному этапу осуществления концепции «сдерживания». Для такого рода «сдерживания», а по сути дела попыток отбрасывания СССР с завоеванных им и возникшей мировой системой социализма позиций и была развязана «холодная война» против Советского Союза и других социалистических стран. На проблеме послевоенной американской стратегии в отношении СССР мы подробно остановимся в последующих главах.

«Сдерживание» путем «устрашения». Специфическим случаем реализации концепции «сдерживания» является

шений ни Рузвельт, ни Трумэн с СССР не заключали; расторжение же общеизвестных международных соглашений, заключенных на конференциях глав трех держав, ударит, поняли Эйзенхауэр и Даллес, в первую очередь по интересам самих США, лишив их, например, юридического основания на сохранение американских войск в Западном Берлине.

Поэтому проект резолюции о расторжении соглашений военного времени, внесенный республиканцами в конгресс США, оказался (по настоянию того же Даллеса!) погребенным в недрах комиссий конгресса, хотя у рядового американца явно осталось впечатление, что республиканцы докопались-таки до какого-то «предательства» со стороны Рузвельта. (Проект указанной резолюции конгресса см. в сборнике «American Foreign Policy 1950—1955. Basic Documents», vol. 11, G. P. O. Washington, 1957, p. 1957—1961.) Лишь из примечания пети-том к этой публикации можно понять, что указанный проект так никогда и не был принят конгрессом.

«Средний американец глубоко мистифицирован. Он недоумевает по поводу того, как плоды победы были утрачены в ходе самого процесса достижения победы», — писал по этому поводу американский авиаконструктор и военный теоретик А. Северский, которого никак нельзя было причислить к друзьям СССР. Однако, продолжал он, «тайна легко раскрывается, если ее проанализировать не в понятиях дипломатии, а в понятиях стратегии. Тогда становится очевидным, что капитуляция (США и Англии. — Г. Т.) перед Советской Россией была актом отчаяния со стороны военных, которые были убеждены в том, что лишь русская живая сила, превращенная в изумительную боевую машину, могла предотвратить победу Германии и Японии». А раз война была выиграна в основном усилиями Советского Союза, то западные державы, резонно доказывал Северский, не могли не уступить СССР в вопросах, касающихся обеспечения его долгосрочной безопасности: «... никакая цена в смысле политических и территориальных уступок не казалась чрезмерной» (A. P. de Seversky. Air Power: Key to Survival. New York, 1950, p. 25—26, 29).

сдерживание (отбрасывание) противника путем «устрашения» с позиции безусловно превосходящей силы. «Отцы-основатели» США довольно скоро открыли возможность такого рода стратегического действия и широко применяли «устрашение» в своей стратегии. Принцип «устрашения», заложенный в современной американской ядерной стратегии, по сути дела является не более чем применением в новых стратегических условиях концепции «устрашения», разработанной на заре существования Соединенных Штатов.

Лидеры американского государства, осуществляя покорение индейцев, быстро поняли, что огромное военное превосходство США над индейскими племенами может быть использовано не только для физического, но и для психологического воздействия на противника — воздействия путем «устрашения». Убедительной демонстрацией превосходства американской армии, ее оружия, внушающей противнику мысль об абсолютном неравенстве сил, могли бы быть только бой, сражение. Лишь после того как противник почувствует и осознает наличие реальной и достаточно большой диспропорции в силах, «устрашающая» сторона может использовать в дальнейшем одну только угрозу или эскалацию угроз для «сдерживания» другой стороны или в максимальном варианте — для принуждения последней к отступлению без войны.

Каковы же должны быть размеры такой диспропорции, сначала воочию продемонстрированной, а затем уже закрепленной в сознании противника как несомненное убеждение в его собственной слабости, чтобы «устрашающая» сторона могла в дальнейшем влиять на последнего в нужном направлении?

На основе опыта войны с индейцами американские стратеги приходили к убеждению, что искомая диспропорция есть величина, прямо пропорциональная величине уступок, требуемых у противника. Для простого удержания противника от нежелательных действий «устрашающая угроза» может быть в принципе меньшей, чем в том случае, когда с помощью такой угрозы противника вынуждают не просто к сдержанности, а к уступкам в направлении безоговорочной капитуляции.

На том же опыте американские лидеры убедились, что сколь бы «устрашающей» она ни была, нельзя принудить противника к капитуляции без войны. Даже угро-

за «тотального уничтожения», к которой прибегали лидеры США, не могла заставить противника добровольно согласиться на принятие невыносимых условий. В такого рода ситуации он всегда предпочтет умереть с честью, сражаясь, чем уступить без сражения. Ведь фактически у него не остается выбора: он должен либо погибнуть в сражении, либо погибнуть без войны. В такой ситуации человек, коллектив всегда избирают бой.

Для того чтобы угроза «тотального уничтожения» была действенной, сторона, выдвигающая угрозу, должна требовать от противника гораздо меньшего, чем полной капитуляции: уступки части территории, некоторого отхода с определенных позиций, частичного разоружения и т. п. Тогда, взвешивая альтернативы, противник может признать более целесообразным уступить без войны, чем ввязываться в конфликт, угрожающий «тотальным уничтожением».

В условиях широкого взаимодействия двух сторон, а не только чисто военной конфронтации угроза «тотального уничтожения», выдвигаемая стороной, господствующей в данной стратегической ситуации, может быть не только угрозой военного уничтожения, но и угрозой экономического удушения или же физического невоенного насилия (например, затопления территории) и т. д. Если противник верит в эвентуальную осуществимость такой угрозы и если он осознает свое бессилие воспрепятствовать ее осуществлению, он будет склонен уступить в ответ на «устрашение» при условии, что от него не требуют «неприемлемых» уступок.

«Сдержать» же противника, т. е. удержать его от тех или иных акций, можно, даже не прибегая к угрозе «тотального уничтожения», а убеждая его в бесцельности войны, в результате которой его ущерб будет больше, чем выигрыш.

При этом понятие «неприемлемого ущерба» должно каждый раз определяться конкретно, исходя из существующей ситуации, потенциала противника, степени его сплоченности, решимости и т. д. Потому рассматриваемое в теоретическом плане, это понятие весьма неопределенно, независимо от того, насколько точны и обоснованны методы, при помощи которых та или иная сторона определяет уровень ущерба. Абстрактно рассуждая, ясно лишь, что, чем ближе этот уровень к тотальному уничто-

жению, тем он определеннее, но тем менее рациональной становится содержащая подобную угрозу стратегия. Чем меньше тот «неприемлемый ущерб», угрозой нанесения которого можно оказать воздействие на волю противника, тем выше рациональный уровень оперирующей такой угрозой стратегии, но тем неопределеннее становятся возможности «сдерживания».

Таковы вкратце интуитивно-эмпирические выводы, к которым пришли первые американские теоретики концепции «сдерживания (принуждения) путем устрашения». Естественно, что эти выводы не были изложены ими в столь суммированном и обобщенном виде. Можно, однако, без всякой натяжки утверждать, что все эти соображения и расчеты были хорошо усвоены первыми американскими стратегами и систематически использовались ими.

Задача «устрашить» (to awe) индейцев была важнейшей военной целью, поставленной Дж. Вашингтоном перед американскими вооруженными силами. Одной из главных причин для создания Соединенными Штатами большой сухопутной армии Вашингтон считал необходимость «предстать в качестве заслуживающих уважение в глазах индейцев в начале нашего национального общения и торговли с ними»⁷³. А «заслуживающими уважения в глазах индейцев», по мнению первых американских лидеров, можно было стать, лишь имея безусловно превосходящую военную силу и продемонстрировав ее путем жестокого и решительного применения.

Многие западные историки отмечают, что жестокость, проявленная американцами в войнах против индейцев, затмевает многие кровавые эпизоды мировой военной истории. В предисловии к роману «Разведчик», посвященному периоду становления США, Уильямс Симмс писал: «В это безумное время на опустошенной земле просто жечь и убивать было в диковину. Жечь бессмысленно и убивать хладнокровно, прибегая к самым жестоким пыткам, — вот что стало обычным явлением тех времен...»⁷⁴

«Вся их (американцев. — Г. Т.) дисциплинированная ярость, — отмечает Р. Леки, — была выпущена на свободу против индейцев. Снимались скальпы, за головы индейцев предлагались награды, а плененные краснокожие продавались в рабство в страны Средиземноморья

и Вест-Индию»⁷⁵. Р. Леки, как и ряд других военных историков, объясняет эту жестокость, стремление к тотальному истреблению местного населения погоней за землей. «Ища землю ради нее самой, а не ради ее золота или ее мехов, они (англо-американцы. — Г. Т.) были гораздо более расположены выселять, чем эксплуатировать. А когда изгоняемые сопротивлялись и давали отпор, следовало уничтожение»⁷⁶ *.

Поголовное истребление местного населения в Новом Свете помимо «расчистки земли» было призвано создать базу для политики «принуждения путем устрашения» и осуществления экспансионистских целей без войны.

После такого рода «ужасающих демонстраций силы» главнокомандующий американской армией мог при своих встречах с представителями индейских племен предъявлять им ультиматумы, угрожая в противном случае повторить военное истребление. В письме президенту Континентального конгресса от 21 июня 1778 г. Дж. Вашингтон описал одну из своих встреч с представителями индейского племени сенека (которых сопровождали представители племен онейда и тускарора): «Я обошелся с ними вежливо, но в то же время заявил в ответ на их речи как в Совете, так и в качестве воинов, что если они немедленно не прекратят военных действий и не станут нашими друзьями или по крайней мере нейтралами, то в тот момент, когда мы освободимся от британской армии, я поверну все наши вооруженные силы против них и других (индейских) наций, находящихся в войне с на-

* Известный английский историк Арнольд Тойнби вообще считает беспощадность военных методов характерной чертой англичан и их потомков — американцев. «Поголовное уничтожение ранее существовавшего населения, — пишет он, — что отличало наш английский метод заморского заселения от методов заморского заселения, практиковавшихся большинством других западноевропейских народов в современные времена, есть та же характерная черта, которая отличала заселение англичанами территорий Римской империи от заселения других варваров во время междоусобиц, последовавшего за крушением Римской империи и распадом эллинского общества... Дюжиной столетий позднее именно английские поселенцы были единственными, кто уничтожал население, которое они встретили в Новом Свете. Таким образом, в двух случаях, разделенных многими веками, англичане выделились среди своих собратьев и современников особой жестокостью в обращении с чуждым населением, которое они завоевывали» (A. J. Toynbee. A Study of History, 2nd ed., vol. I. London, 1935. p. 465).

ми... и уничтожу их до последнего человека». С целью подкрепления угроз представителям индейцев «была показана основная часть нашей армии и рассказано о наших великих ресурсах людской силы и о численности войск в других местах»⁷⁷.

Поступая столь жестоко по отношению к индейцам, США преследовали далеко идущие цели «устрашения» не только их, но и других «потенциальных противников». Подобная беспощадность и решительность в военных действиях должны были «внушать уважение» к американцам и создавать тем самым для них в глазах противников «позицию превосходящей силы». «Враждебность Соединенных Штатов должна быть столь же устрашающей, как их дружба — желанной»⁷⁸, — подчеркивал Дж. Вашингтон.

Правда, на первых порах у США не было таких военных сил, чтобы осуществляемое ими «устрашение» могло иметь ощутимый эффект в отношении противника иного, чем индейцы. Какие бы угрозы ни расточали они по адресу Великобритании, эти угрозы нельзя было считать «заслуживающими веры». Однако после заключения союзного договора с Францией у Соединенных Штатов появилась возможность не только усилить военный отпор войскам английского короля, но и оказать определенный психологический нажим на Великобританию, изображая потенции и последствия американо-французского союза большими, чем они были на самом деле.

Одним из первых политических деятелей Соединенных Штатов, который осознал эту возможность, был Томас Пейн. В серии памфлетов, обращенных к англичанам, он стремился не только показать захватнический характер войны, которую вела Великобритания против американских штатов, но и припугнуть английский правящий класс возможностью «эскалации» войны, если применить современную терминологию. В частности, Пейну принадлежит идея сдерживания противника путем угрозы нанесения ему «неприемлемого ущерба» в порядке ответного удара.

После заключения американо-французского союза британские уполномоченные в Нью-Йорке Э. Карлейль, генерал Клинтон и В. Иден обратились к американцам с воззванием, в котором фактически угрожали им политикой «выжженной земли» и иными карами в случае про-

должения сопротивления. «Создавшаяся обстановка, — говорилось в воззвании, — вынудит Великобританию действовать согласно закону самосохранения, и если она увидит, что английские колонии должны попасть в руки Франции, *она постарается сделать все, чтобы они оказались приобретением как можно более бесполезным для ее врагов*» (курсив мой. — Г. Т.) ⁷⁹.

В ответ на столь жестокую угрозу Пейн выступил с контругрозой развязать диверсионную войну внутри самой Великобритании, чтобы с помощью такой войны нанести ей неприемлемый ущерб. «Вам, конечно, известно, господа, — писал он в выражениях, как две капли воды похожих на рассуждения современных американских «математических стратегов», — что в настоящее время Англия и Шотландия могут быть опустошены огнем с гораздо большей легкостью, чем Америка. В нашей стране немного городов, и наши богатства заключаются в земле и ее ежегодных плодах, поэтому им можно нанести лишь незначительный ущерб. В Англии как раз наоборот. Ее богатства сосредоточены главным образом в крупных городах, на промышленных складах и купеческих кораблях... Суда, стоящие на Темзе, можно поджечь так же легко, как был несколько лет назад подожжен временный мост; а ведь до сих пор это дело так и не расследовано. Если для каждого такого поджога будет выбрано наиболее подходящее время, то вы понесете потери, значительно превышающие наши. Ист-Индия Хаус и Английский банк тоже не застрахованы от подобного вида разрушений, а, согласно справедливому замечанию доктора Прайса, пожар банка будет означать банкротство целой нации... Существуют и другие способы ответного удара, — подчеркивал Пейн, — о которых я, по ряду причин, предпочитаю умолчать. Но смею вас уверить, что, как только вы приведете свою угрозу в исполнение, немедленно последует контрудар» ⁸⁰.

Выводя более или менее общий закон «сдерживания» с помощью угрозы нанесения крупного ущерба путем ответного удара, Пейн подчеркивал: «Испанская поговорка гласит: «Тот, кто живет в стеклянном доме, никогда не должен первым бросать камни»» ⁸¹. Иначе говоря, в военном конфликте вести себя несдержанно может лишь та сторона, которая считает себя надежно защищенной от возмездия в порядке ответного удара. Если же такой

уверенности ни у одной из сторон нет, то они должны соблюдать «правила игры», взаимно приемлемые для обеих.

Идею «сдерживания» противника путем угрозы нанесения ему удара в его чувствительном звене высказывали и другие американские политики. Выступая в 1816 г. в палате представителей, Дж. Кэлхаун говорил, обращаясь к конгрессменам: «Не только на вас могут совершать нападения, но и вы сами имеете силу для нападения; ее (Великобритания. — Г. Т.) провинции (Канада, Вест-Индия. — Г. Т.) граничат с нашей территорией, и страх потерять их, если вы готовы их атаковать, будет способствовать тому миру, который каждый честный человек стремится поддерживать. . .»⁸² *.

И если угроза Пейна в 1778 г. нанести «ответный удар» по Лондону была во многом теоретической и вряд ли могла всерьез рассматриваться в качестве фактора военного «сдерживания» Великобритании, то угрозы Кэлхауна в 1816 г., после того как США померялись с Англией, хотя и неудачно, силами в борьбе за Канаду и отторгли у Испании часть ее американских владений, уже могли рассматриваться англичанами в качестве «заслуживающих веры».

По мере роста экономического могущества Соединенных Штатов и наращивания их военных сил стратегия «сдерживания» с помощью угрозы нанесения «неприемлемого ущерба» все чаще превращалась в политику принуждения более слабых противников к уступкам с помощью угрозы приведения в действие превосходящей американской военной силы и нанесения им ущерба, намного превышающего размер требуемой уступки. С этой целью американскими стратегическими теоретиками был разработан специфический метод военного давления, по-

* Кэлхаун также доказывал возможность «сдерживания» Великобритании при помощи угрозы нанести «фатальный удар» по ее морской торговле путем каперства. Эта идея была реализована правительством США позднее, в 1871 г., когда его угроза развязать необъявленную — пиратскую — войну против торгового судоходства Великобритании заставила последнюю признать законность претензий США на компенсацию по «делу Алабамы». (Так называемое дело Алабамы — по названию каперского судна конфедератов — было связано с оснащением и вооружением в английских портах каперских судов южан во время Гражданской войны в США).

лучивший впоследствии известность как метод «балансирования на грани войны».

Уже в августе 1790 г. Т. Джефферсон в инструкции Уильяму Кармайклу, представителю США в Мадриде, подробно разработал последовательные этапы давления на испанский королевский двор с помощью угрозы военных акций США против испанских колоний в Америке. В конце концов именно «балансирование» США «на грани войны» вынудило испанское правительство уступить Соединенным Штатам свои колонии на юге Северной Америки*. «С 1789 по 1899 г. наша дипломатия в отношении Испании представляла собой цепь ультиматумов, следовавших один за другим»⁸³, — отмечал профессор А. Б. Харт.

В период президентства Э. Джонсона давление, оказанное США на Францию с позиции «доктрины Монро» (после того как руки США оказались развязанными по окончании Гражданской войны), заставило французского императора Луи Наполеона вывести французские войска из Мексики, что привело к ликвидации ранее провозглашенной там французами монархии и установлению дружественного США режима.

Первые американские теоретики и практики «большой» стратегии считали возможным нанесение «неприемлемого ущерба» противнику не только с помощью военных действий, но и экономических санкций.

Мы держим в своих руках «те инструменты миролюбивого принуждения, которыми может оперировать любая нация и во время мира, если они применяются в совокупности»⁸⁴, — писал президент Джефферсон американскому посланнику в Париже Р. Ливингстону, подчеркивая, что США должны развить и использовать указанные средства (связанные с предоставлением американской экономической, финансовой, дипломатической и т. п. помощи или, наоборот, отказом в ней).

* После того как США отторгли у Испании в 1810—1813 гг. Западную Флориду, они перенесли военное давление на Восточную Флориду. В 1818 г. войска генерала Э. Джексона, будущего президента, вторглись в Восточную Флориду под видом «преследования индейцев» и сместили испанского губернатора. Эти акции заставили испанское правительство прийти наконец к выводу о том, что у него нет реальных сил воспрепятствовать переходу всей Флориды в руки США, и «уступить» Восточную Флориду Соединенным Штатам по договору 1819 г.

Стремление принудить американских оппонентов к уступкам в пользу США лежало в основе эмбарго на торговлю с Европой и ее колониями, установленного решением конгресса в декабре 1807 г. Однако в своей политике блокады правительство Джефферсона замахнулось сразу на всю Европу и тем самым в определенном смысле отступило от политики «баланса сил». Ущерб для США от блокады оказался не меньшим, чем для тех, против кого она была установлена. Именно поэтому блокада потерпела фиаско и была отменена 1 марта 1809 г. Тем не менее инструмент экономического принуждения остался в арсенале американской стратегии, и в последующие годы США не раз прибегали к этому средству, подкрепляя экономические санкции угрозой применения силы.

Глава третья

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ

1. ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ. ФИЛОСОФИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»

И после второй мировой войны главными исходными постулатами для формирования американской внешней политики и военно-политической стратегии продолжали оставаться те же принципы, которые были положены в основу внешнеполитической деятельности США «отцами-основателями»:

1. Убеждение в том, что военная сила представляет собой в конечном счете главный фактор внешней политики.

2. Концепция «просвещенного эгоизма».

3. Идея Предустановленной Судьбы.

Естественно, что под влиянием полуторастолетнего опыта и особенно под воздействием новой стратегической ситуации, сложившейся в итоге второй мировой войны, эти принципы претерпели определенную трансформацию, однако их первооснова не изменилась.

Под военной силой стала подразумеваться в первую очередь авиационно-атомная, а позднее — ракетно-ядерная мощь. «Просвещенный эгоизм» диктовал американским лидерам «необходимость» заполнения экономических, политических и иных «вакуумов», и прежде всего «вакуумов силы», образовавшихся, по утверждению американских теоретиков, в результате краха колониальной системы и состояния протрации, в котором оказались многие бывшие метрополии, как побежденные, так и победители: Германия, Италия, Япония, Великобритания, Франция, не говоря уже о более мелких капиталистиче-

ских государствах. Наконец, Предусмотренная Судьба неумолимо влекла правящий класс США воспользоваться существующей ситуацией в мире, ростом экономического могущества Америки, не испытавшей бедствий войны, для установления на земле «американского мира» (Рах Americana).

До второй мировой войны американские политики считали существование социалистического государства и марксистской идеологии в известной мере лишь косвенной угрозой «американскому образу жизни». Теперь же, когда американский империализм принимал на себя «роль своеобразного гаранта и охранителя международной системы эксплуатации и гнета»¹, лидеры США увидели в идеологии советского общества — научном коммунизме непосредственную антитезу «американской идее свободного предпринимательства». В экономических, социальных, научно-технических успехах Советского Союза, внесшего решающий вклад в разгром германского фашизма и японского милитаризма, в становлении и развитии мировой социалистической системы они усмотрели главное препятствие на пути осуществления США своей «глобальной миссии» по установлению «американского мира». Поэтому борьба США за оттеснение Советского Союза с завоеванных им позиций, за ликвидацию мировой социалистической системы в идеологическом плане преломилась как «крестовый поход» против коммунизма.

Процесс выработки военно-политической стратегии США в послевоенный период был долгим и мучительным. В своем развитии он прошел два этапа, так сказать, два приближения к форме, более или менее учитывающей сложности глобальной стратегической ситуации и отличающейся более реалистическим подходом к проблемам войны в век ядерного оружия и межконтинентальных средств его доставки.

Такой формой автор считает концепцию «гибкого реагирования», ставшую официальной стратегией американского правительства с начала 60-х гг. и в главных своих аспектах остающуюся в силе до сих пор, несмотря на определенную модификацию ее в 70-е гг. Однако, прежде чем американская научная мысль и официальное руководство США пришли к этой концепции, американская военно-политическая стратегия претерпела ряд пер-

турбаций, связанных с попытками разработать адекватную теоретическую основу для использования ядерного оружия, в первую очередь стратегического, увязать его использование с применением обычных видов оружия и вооруженных сил, найти соответствующие формы военной организации и военного строительства. Такими постепенными приближениями к более развернутой, гибкой военно-политической стратегии, учитывающей сложности глобальной стратегической ситуации, были стратегия «сдерживания» (containment) и стратегия «массированного ответного удара» (massive retaliation).

Основное идейное влияние на формирование военно-политической стратегии США после второй мировой войны оказала политологическая и историческая школа так называемой реальной политики, рассматривающая все внешнеполитические отношения исключительно через призму силовых или, чаще, военно-силовых отношений*.

Американская школа «реальной политики» возникла в конце XIX в., в период перерастания американского капитализма в империализм. Одними из ее первых представителей были историки Генри и Брукс Адамсы, рисовавшие внешнеполитическую картину мира в качестве непрерывно сталкивающихся «силовых потоков» и требовавшие, чтобы США овладели «источниками энергии»**.

Философской основой школы «реальной политики» является прагматизм, разработанный в трудах американских философов Уильяма Джемса (1842—1910) и Джона

* Один из главных американских теоретиков «реальной политики», Ганс Моргентау, пишет: «Международная политика, как и всякая политика, есть борьба за власть. Каковы бы ни были конечные цели международной политики, власть является ее непосредственной целью» (*H. Morgenthau. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace, 4th ed. New York, 1967, p. 25*).

** Генри Адамс считал человеческую историю проявлением развития «социальной энергии» и даже пытался изобразить ход истории как проявление второго начала термодинамики, постулирующего, как известно, возрастание энтропии, т. е. уменьшение свободной энергии. «История, — писал он, — есть летопись последовательных фаз сжатия, разделенных периодами взрывного расширения, имеющая всегда тенденцию к конечному равновесию в форме массы нескоординированных человеческих молекул одинаковой интенсивности» (*H. Adams. The Degradation of Democratic Dogma, with an Introduction by B. Adams. New York, 1958, p. 209*).

Дьюи (1859—1952) и ставший в XX в. наиболее популярным философским течением в США. Прагматизм, или инструментализм, как называл свою версию прагматизма Дьюи, отрицает существование «упрямых фактов» — объективной истины и ставит ее в зависимость от результатов, возникающих в силу веры. Поэтому прагматизм не признает объективных факторов, ограничивающих волю, деятельность человека, и толкает адептов этой философии на путь волюнтаризма, ощущения того, что «все дозволено». Ваше преуспевание является мерой истинности, а сама истина есть не что иное, как подтверждение правоты вашей веры в успех. Такого рода философия открывает неограниченные возможности для манипулирования силой, сама по себе является философией силы. И недаром Бертран Рассел в «Истории западной философии» (первое ее издание вышло в 1946 г.), характеризуя философию Дьюи, писал об «определенном роде безумства — интоксикации силой»^{2*}.

В расцвете школы «реальной политики» в США после второй мировой войны большую роль сыграло то, что традиционные американские идеи силовой политики оказались «оплодотворенными» концепциями немецкой *Realpolitik*, привезенными в США учеными-эмигрантами из Германии и Австрии в 30-е гг. Немецкая же «реальполитик» во многом отталкивалась от идей основателя геополитики шведа Р. Челлена, учившего, что сила есть самый главный атрибут государства и что силовые отношения суть основа внешнеполитических отношений.

Вскоре после окончания войны американская школа «реальной политики» превратилась в официозную. Она наложила сильный отпечаток на теоретическое мышление лиц, «делающих» американскую политику, став доминирующим направлением в американской исторической науке и политологии. Школа «реальной политики» фактически сформулировала для руководящих кругов США основные концептуальные установки их послевоенной внешней политики и стратегии.

* «Я убежден, — продолжал Рассел, — что эта интоксикация является самой величайшей опасностью нашего времени и что философия, которая, пусть даже и ненамеренно, способствует этому, усиливает угрозу колоссальной социальной катастрофы» (*B. Russell. History of Western Philosophy. London, 1962, p. 782.*)

Американские лидеры субъективно оценивали новую стратегическую ситуацию, как весьма благоприятствующую решениям в «национальных интересах» США. То, что Дж. Вашингтон, А. Гамильтон, Т. Джефферсон ставили как задачу на будущее: приобретение Соединенными Штатами такой «позиции силы», когда они смогли бы по собственному усмотрению выбирать между миром и войной, казалось во второй половине 40-х гг. XX в. американскому руководству достигнутым, и оно сделало недвусмысленный выбор — создание «американского мира» с позиции американской силы путем подавления сопротивляющихся такому миру войной или угрозой войны.

Важно подчеркнуть, что в условиях появления у США «абсолютного оружия» определенные круги в принципе считали вполне достаточным одной лишь угрозы атомной войны, чтобы решать международные дела по-своему. Не удивительно, что с самого начала они придавали колоссальное значение психологическому воздействию на мир, внушению остальным государствам и их руководителям мнения о том, что в условиях единоличного обладания Соединенными Штатами таким сверхмощным оружием, как атомное, против которого «не может быть никакой защиты», всякое сопротивление американским целям бесполезно и лучше решать дела «по-мирному», уступая Соединенным Штатам, чем пытаться перечить им.

Психологическое давление было адресовано в первую очередь Советскому Союзу. Сейчас безусловно доказано, что использование атомного оружия против Хиросимы и Нагасаки было вызвано не столько желанием американского руководства побыстрее закончить войну с Японией, сколько желанием воздействовать на Советское правительство, продемонстрировав ему «на деле», сколь мощным, всепокрушающим оружием обладают США, и тем самым «сделать Россию сговорчивой в Европе»³, как выражался тогдашний государственный секретарь США Дж. Бирнс.

Если проблему соотношения войны и политики поставить в более широком плане, то новым в американском послевоенном подходе было следующее. Традиционно война считалась средством политики, и военные действия были призваны обеспечить достижение той или иной политической цели путем лишения противника воли к сопротивлению. Цели войны могут быть разными, но они

всегда были конкретными и включали в себя какие-то осязаемые и конечные политические результаты: приобретение территории, присоединение другого государства, изменение его политической структуры. Цель войны никогда не предусматривала убийство ради убийства.

В 1945 г. в результате первых шагов научно-технической революции гением человека было создано оружие, массированное применение которого давало возможность стереть с лица земли крупнейшие города и промышленные комплексы, «уничтожить мировую цивилизацию», как заявил позднее президент Эйзенхауэр. И вот, вместо того чтобы понять, что атомное оружие не может быть адекватным средством достижения политических целей, ибо нет такой рациональной политической цели, которая могла бы оправдать вакханалию убийств и разрушений с помощью сбрасывания атомных бомб на города противника, американское руководство пошло по другому пути: оно решило возвысить внешнеполитические цели США до масштабов колоссальной разрушительной мощи атомного оружия. Поскольку атомное оружие является «абсолютным», то, по логике тогдашних лидеров Вашингтона, абсолютной могла стать и политическая цель: не просто те или иные «поправки» в «балансе сил» в пользу США, не просто приобретение тех или иных рынков или политического влияния в различных регионах, а

1) абсолютное верховенство воли США в решении международных дел;

2) абсолютное «право» США на вмешательство в дела других стран и изменение неугодных им режимов, в первую очередь социалистического;

3) абсолютный контроль США за ядерным сырьем — ураном в качестве гарантии сохранения монополии США на атомное оружие.

Все эти цели должны были достигаться «мирно», без войны. Но кто мог помышлять о войне, считали в Вашингтоне, если ни у кого, кроме США, не было «абсолютного оружия», а они имели «фору» в 10—20 лет, чтобы за это время устроить дела в мире по своему усмотрению и навсегда лишить другие страны возможности получить военную силу, равноценную военно-атомной силе Соединенных Штатов?

2. ГЕОПОЛИТИКА КАК ТЕОРИЯ «СДЕРЖИВАНИЯ РОССИИ» И ЭКСПАНСИОНИЗМА

Основоположники марксизма, разрабатывая теорию диалектического и исторического материализма, постоянно подчеркивали взаимосвязь и взаимообусловленность истории общества и истории природы, считая анализ этой связи одним из важнейших моментов материалистического понимания истории.

Развивая концепции Маркса и Энгельса, основанные на классовом подходе к изучению истории, В. И. Ленин создал стройную теорию империализма, глубоко проникающую в суть мирового хозяйственного единства, основанного на капиталистической экономике, и в то же время открывающую перспективу замены этой системы эксплуатации широких трудящихся масс и целых стран горсткой империалистов справедливой общественной системой — социализмом.

Буржуазные же историки, социологи, экономисты, отказывающиеся принять классовый подход к изучению истории, пошли в создании глобальных схем и теорий мирового общественного развития другими путями. Те из них, кто признавал громадное воздействие социально-экономических отношений и технического прогресса на ход развития общества, но тем не менее отказывался принять концепцию классовой борьбы в качестве генератора мирового исторического процесса, стали на путь конструирования «теорий цивилизации» — их зарождения, развития, расцвета и гибели. Таковы теории О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби и их многочисленных подражателей.

Определенная же часть буржуазных ученых, в первую очередь из числа географов, начала конструировать комплексную картину мирового развития, положив в основу принцип географического детерминизма. Так, в конце XIX в. появилась теория геополитики, возводящая в абсолют воздействие физико-географических факторов на мировой социально-исторический процесс.

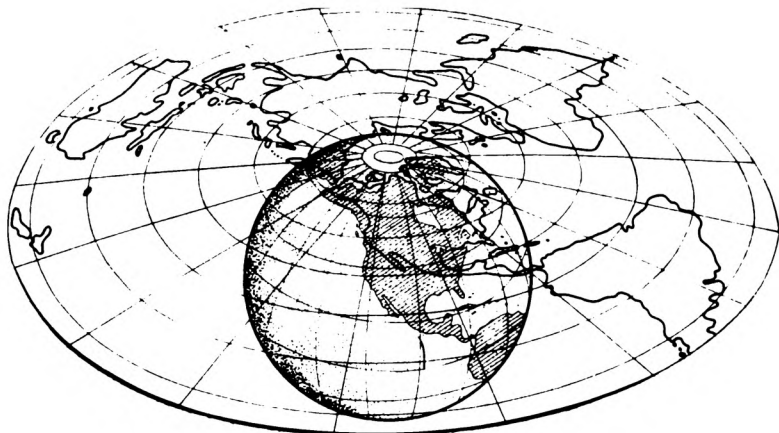
Наиболее видными представителями — основателями геополитики были адмирал А. Т. Мэхэн (1840—1914), шведский государствовед — пангерманист Р. Челлен

(1864—1922), английский географ Х. Маккиндер (1861—1947) и немецкий географ генерал К. Хаусхофер (1869—1945), на протяжении нескольких десятилетий возглавлявший Институт геополитики в Мюнхене.

Что касается американской геополитической школы, то, как отмечают современные американские исследователи Д. Коллио и Б. Роулэнд, ее ядро «сформировалось в последней четверти прошлого века вокруг небольшого кружка друзей и родственников, принадлежавших к старой американской элите: Генри и Брукса Адамсов, Генри Кэбота Лоджа, Альфреда Тайера Мэхэна, Джона Хэя и Теодора Рузвельта... Во многих отношениях они были предшественниками того империалистического интеллектуального, военного и политического комплекса, который представляет собой столь знакомую часть современной американской жизни. Группа не только оказывала давление в пользу заморской экспансии (как это делали и многие другие элементы в американском обществе), но и разработала то, что можно было бы справедливо назвать империалистическим мировоззрением»⁴.

Если представителям англосаксонской школы геополитики не чужды были отдельные верные наблюдения о влиянии тех или иных географических факторов на макроисторию человечества, то немецкая школа геополитики, расцветшая в Германии в годы гитлеризма и откровенно поставившая свои теории на службу агрессивным планам фашистского фюрера, наглядно продемонстрировала несостоятельность геополитики как научной концепции. Соединив реакционную идею «неравноценности рас» с экспансионистской теорией «жизненного пространства», геополитика служила в фашистской Германии одним из главных идеологических обоснований политики агрессии и уничтожения славянского населения на территориях, временно захваченных гитлеровскими агрессорами в годы второй мировой войны.

Универсальные глобально-гегемонистские притязания США после второй мировой войны привлекли внимание политиков и идеологов Вашингтона к геополитическим идеям и теориям как собственно американским, так и позаимствованным у «теоретиков» немецкой школы. В 1942 г. профессор военной академии США полковник Г. Бьюкима так объяснял американцам значение геополитики: «Геополитика может послужить нам первым

Принцип полярной азимутальной равнопромежуточной проекции

длинным шагом в направлении реализма, необходимого для того, чтобы мирное урегулирование представляло собой нечто большее, чем еще один Версаль, нечто лучшее, чем перемирие на пути к третьей мировой войне... Отделение зерен геополитики от мякины, смысла от бессмыслицы, создает базу для применения ее фундаментальных принципов к нашим непосредственным и долгосрочным проблемам. Изучение отношения между пространством и силой не должно более быть уделом лишь небольшой группы офицеров армии и ВМС. К нашему пробуждающемуся сознанию мировой ответственности мы можем присоединить изучение средств, с помощью которых эта ответственность должна осуществляться... Старая пословица гласит: знание — сила. Она никогда еще не находила более выдающегося подтверждения, чем в знании геополитики»⁵.

Основной идеей, от которой отталкивалось подавляющее большинство геополитиков, была идея об извечной конкуренции между морской (островной и приморской) и сухопутной (континентальной) силами. Конкуренция, считали они, и является важнейшим двигателем общественного прогресса. Эта концепция была выдвинута американским геополитиком — маринистом А. Т. Мэхэном в конце XIX в. Мэхэн при этом подчеркивал в качестве

основной характеристики силы степень ее мобильности и экономичности. По этим двум параметрам он считал морскую (водную) силу превосходящей сухопутную.

Однако американских стратегов и теоретиков 40-х гг. XX в. интересовали не только и не столько эти общие концепции Мэхэна (которые вновь вошли в моду в США гораздо позднее, к началу 70-х гг.), а разработанная им теория «сдерживания» континентальной державы — России путем альянса держав, преобладающих в области «морской мощи». В связи с тем что указанная концепция Мэхэна и «дорабатывавших» ее Маккиндера и Спикмэна легла в основу глобального стратегического мышления американских политиков и стратегов после второй мировой войны, нам придется рассмотреть ее более детально.

Мэхэн называл широкую полосу суши, протянувшуюся с запада на восток на 5 тыс. миль между 30-й и 40-й параллелями северной широты, своего рода «спорной территорией», за которую «идет конкуренция» между континентальной державой севера — Россией и обошедшими эту полосу с юга (ввиду наличия морской мощи) морскими державами: Великобританией, Германией, Соединенными Штатами. «Азия делится на восточную и западную, но движение в ней происходит в северном и южном направлениях, — писал Мэхэн. — Именно характер этого движения и его вероятное будущее, как оно обозначается соответствующими силами и линиями, которые в физике именуются линиями наименьшего сопротивления, должны подвергнуться изучению. Ибо громадная величина приза (при относительной урегулированности положения в других местах) предопределяет несомненность того, что движение будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто урегулирование — либо к удовлетворению всех, либо же путем достижения безусловного превосходства одним из состояющихся»⁶.

Важнейшая задача США, считал Мэхэн, так организовать это «движение», чтобы сдавить Россию железным кольцом, не допустив возобладания «сухопутной силы» над морской. Однако, подчеркивал Мэхэн, «центр России не может быть сломлен. Лишь путем давления на фланги и с флангов должно быть в случае необходимости осуществлено сдерживание...»⁷.

Для проведения политики давления с флангов на Россию необходим союз между США и державами, преоб-

ладающими в области «морской мощи»: Великобританией и Германией — на западном фланге России, Японией — на восточном. При этом США должны были действовать с обоих театров. (Интересно, что Мэхэн, а позднее и Маккиндер исключали Францию из числа держав западного союза как страну, национальные интересы которой во многом совпадают с интересами России!)

Поскольку Мэхэну трудно было найти какой-то рациональный «общий интерес», сплавивший участников предлагавшегося им (гласного или негласного) союза, ибо большинство из них находилось в смертельной конкуренции друг с другом, он усмотрел «объединяющее начало» в расистской теории «извечной борьбы» «тевтонской» (латинизированной) расы со славянской. При таком подходе Мэхэну для придания стройности своей теории пришлось зачислить в число «тевтонов» и японцев! * «На одном из флангов русской линии, — писал Мэхэн, — расположена армия Японии, на другом, на расстоянии пяти тысяч миль, — армия Германии. Последнее соображение иллюстрирует заинтересованность Соединенных Штатов в сохранении энергии европейской нации»⁸.

Взяв за отправную точку положения Алфреда Мэхэна, английский географ Хэлфорд Маккиндер в начале XX в. развил их. При этом империалистические интересы англосаксонских держав (а в случае с Маккиндером — по сути дела глобальные интересы непосредственно британского империализма) оказались еще более закамуфлированными «вечными и неизменными» импульсами географического детерминизма.

По Маккиндеру, у морских держав не было задачи важнее и неотложнее, чем «сдерживание России» путем оказания на нее постоянного военного давления. Обосновать эту политику была призвана разработанная им «по мотивам» Мэхэна концепция, согласно которой мир состоит из евразийского центра и двух концентрических полуколец.

Евразийский континент (в его состав Маккиндер включал и всю Северную Африку вплоть до естественного географического барьера — пустыни Сахары) он рассматривал как своеобразный Мировой остров. Цен-

* «По типу и методам их мощи и по их непосредственным интересам тевтонская группа и Япония составляют одно целое» (A. Mahan. *The Problem of Asia*. . . p. 108).

тром этого острова является так называемая Сердцевинная земля — Хартлэнд — территория суши, расположенная в четырехугольнике между (примерно) Печорским морем и Восточно-Сибирским морем на севере и Каспийским морем и озером Байкал на юге. Реки этого массива суши, как известно, имеют сток в меридиональном направлении либо во внутренние замкнутые водоемы (типа Каспия), либо же в практически непригодный для навигации (по Маккиндеру, впервые выступившему со своей теорией в 1904 г.) Северный Ледовитый океан⁹. В силу этого Хартлэнд на протяжении многих тысячелетий не был доступен для проникновения, т. е. покорения со стороны опирающихся на морскую (водную) силу государств, которые составляют Внутренний полумесяц Мирового острова (Германия, Австрия, Турция, Индия, Китай) или же его Внешний полумесяц (Британия, Южная Африка, Австралия, США, Канада, Япония).

Дальнейшее развитие морского транспорта и Великие географические открытия XV — XVI вв. привели к тому, что морская мощь государств, расположенных по периметру Хартлэнда, обрела исключительно высокую мобильность и, так сказать, обошла с юга сухопутную мощь Хартлэнда, пользуясь непрерывностью Мирового океана. В результате «морская мощь» увеличила в 30 раз площадь своего контроля над поверхностью земли (это было уже крайним выражением англоцентристской точки зрения Маккиндера).

В то же время, считал Маккиндер, ввиду прекращения нашествий восточных кочевников на запад из глубин Азии сухопутная сила, базирующаяся на глубинные районы Мирового острова, перестала быть мобильной. Однако, вещал Маккиндер, развитие сети железных дорог в Хартлэнде, — дорог, идущих в широтном направлении, придаст его сухопутной силе новую, гораздо более высокую мобильность и вновь поставит под угрозу позиции периферийных держав, опирающихся на морскую мощь.

Россия — держава, господствующая в Хартлэнде и тем самым занимающая «центральную стратегическую позицию», предсказывал Маккиндер, начнет «давить» на государства Внутреннего полумесяца, в частности Западную Европу. Этому давлению, учил английский геополитик, должно быть противопоставлено «сдерживаю-

щее контрдавление» государств Внутреннего полумесяца, которые одновременно должны повышать свои способности давления на Хартлэнд путем укрепления связей с государствами Внешнего полумесяца, в особенности путем развития «Амероевропы» («Амероевропой» Маккиндер называл комбинацию государств, которую Генри Адамс именовал «атлантической системой», а нынешние американские политики и стратеги именуют «атлантическим сообществом») ¹⁰.

Правда, Маккиндер в целом весьма невысоко отзывался о потенциях и возможностях Америки, в частности США, считая континенты обеих Америки лишь несущественным придатком к Мировому острову. Тем не менее, зловещим образом рисуя военный потенциал Хартлэнда, Маккиндер в первую очередь ставил задачу «повысить бдительность» лидеров западных держав и заставить их приумножить усилия в нажиме на державу, господствующую в Хартлэнде. «Тот, кто контролирует Восточную Европу, — писал Маккиндер, — господствует в Хартлэнде, кто правит Хартлэндом — господствует над Мировым островом, кто правит Мировым островом — господствует над миром» ¹¹.

Американских стратегов и политиков привлекала в геополитике не только идея «сдерживания» державы, «господствующей над Хартлэндом», т. е. Советского Союза. Целый ряд других идей и построений геополитики оказался созвучен традиционным идеям военно-политической стратегии США *, что и предопределило широкое распространение геополитического мышления в указанных кругах и колоссальное влияние геополитических концепций на американскую военно-политическую мысль после второй мировой войны.

Весьма популярной геополитической идеей, получившей моментальное признание в США, была идея необузданного экспансионизма, открывающая перспективу «раздвигающейся границы» в масштабах всего земного шара. Концепция «раздвигающейся границы», переработанная Хаусхофером в теорию границы как постоянной «зоны битвы», весьма импонировала американским стратегам, усвоившим философию Тэрнера, как боевая, «ак-

* Недаром К. Хаусхофер назвал «доктрину Монро» «геополитическим шедевром» (*A. Dorpalen. Op. cit.*, p. 13).

тивистская» идея, «открывающая перспективу». К той же категории принадлежала и хаусхоферовская теория «силовых полей» во взаимодействиях между государствами, которая была в свою очередь трансформирована американскими идеологами в теорию «вакуума силы» в районах, где отсутствует соответствующее «силовое поле» Запада.

Геополитика, особенно в ее немецком варианте, выдвигала идею о том, что экспансия начинается вслед за распространением соответствующей «культуры» (или в переводе на американскую терминологию — «образа жизни»). Такой подход вполне отвечал традиционной американской концепции и удивительно перекликался с доктриной «открытых дверей». С этой же доктриной перекликалась и геополитическая идея торговой экспансии как мощного средства «мирного проникновения» на вражескую или «ничейную» территорию наряду с использованием глобальной торговой войны в качестве средства ограничения жизненных ресурсов, которыми располагает потенциальный противник. Американских стратегов привлекало в теориях немецких геополитиков то, что последние доводили многие традиционные концепции до их логической крайности, как это, например, произошло и с идеей пропагандистской обработки масс, превращенной в концепцию и практику психологической войны. Именно эта крайность геополитики в разработке всех аспектов конфликта и притягивала к себе американских политологов, которые по сути дела были новичками в теории подлинно глобальной стратегии.

Как уже отмечалось, лидерам и стратегам США была не чужда и концепция расового конфликта, падавшая на почву расовых предрассудков в самих США. Понятно, что расистские идеи трактовались американскими геополитиками не в грубом и примитивном духе Хаусхофера — Розенберга, а в более рафинированном виде положений Мэхэна и Маккиндера. Именно в этом «облагороженном» виде они и были возрождены У. Черчиллем в его фултонской речи в 1946 г., легшей в основу «теоретического» обоснования политики «холодной войны»*.

* Все время подчеркивая тот факт, что он рассматривает мировую перспективу с точки зрения «всеохватывающей стратегической концепции», Черчилль упирал на то, что только Великобритания с ее империей и США «обладают силой для того, чтобы спасти буду-

Американские политики и стратеги послевоенного периода быстро «вошли во вкус» геополитики, как ее понимал Мэхэн, в качестве идеального концептуального инструмента для страны, стремящейся к мировой гегемонии, поскольку геополитика рассматривает мир как сумму государств, находящихся в состоянии перманентного конфликта. Она требует подчинения всех остальных государственных соображений задаче достижения выигрыша, победы в этом конфликте, ибо, как гласит стандартная аксиома империализма, «не продвигаться вперед — значит отступать, а отступить перед конкурентом — значит погибнуть».

В то же время геополитика была приемлема для широкого круга американских стратегов и политиков потому, что она оказывалась «нейтральной» в извечной конкуренции между специфическими стратегиями, отстаиваемыми различными видами вооруженных сил. Геополитика была в равной степени приемлемой для армии, ВМС и становившихся все более самостоятельными ВВС, поскольку открывала перспективу для каждой из специфических стратегий, в то же время являясь как бы общей концептуальной основой победоносной стратегии.

Армейских теоретиков геополитика прельщала своими предложениями о новом изменении «баланса сил» на Евразийском континенте, сместившегося после второй мировой войны в пользу Советского Союза. Теоретиков морской стратегии геополитика привлекала постулированием конечного превосходства «морской мощи». Наконец, энергичных сторонников «воздушной мощи» геополитика манила концепцией динамизма «силы в пространстве», которое толковалось авиационными теоретиками как пространство «третьего измерения», и своим «авиационным взглядом» на географическую карту мира. Американским стратегам казалось «несущественным» то обстоятельство, что именно геополитический подход лежал в основе «большой стратегии» Гитлера, битой на полях сражений Великой Отечественной войны. Германия, считали они, фактически выполняла долгосрочные зада-

щее», и что с этой позиции превосходящей силы англосаксонских держав и надо нажать на русских, «пока еще есть время», для того чтобы обеспечить устройство мира по англо-американскому образцу («The New York Times», 6.III.1946, а также «Правда», 11 марта 1946 г., в которой были опубликованы выдержки из речи Черчилля).

чи США, «сдерживая Россию», и лишь непомерные захватнические посягательства фюрера привели к тому, что США пришлось выбирать «меньшее из двух зол» — союз с «коммунистической Россией». Разгром фашистской Германии, усиливший позиции Советского Союза, сделал как никогда настоящей, считали в США, задачу «сдерживания» и «отбрасывания» СССР, и в этом смысле геополитические идеи, сформулированные теоретиками, искавшими пути и способы ликвидации «русской угрозы», оказались как нельзя более подходящей концептуальной основой для разработки американской стратегии. Однако, прежде чем геополитические идеи могли быть использованы для выработки конкретной военнополитической стратегии США, они должны были подвергнуться определенной корректировке, призванной привести указанные теории и концепции в большее соответствие со специфическими интересами США в середине XX в.

3. КОРРЕКТИРОВКА АНГЛО-НЕМЕЦКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ С ПОЗИЦИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО «АМЕРИКАНОЦЕНТРИЗМА»

Одним из главных американских теоретиков, скорректировавших идеи Маккиндера, был профессор международных отношений Йельского университета США Николас Спикмэн, умерший в 1944 г., но в течение военных лет сумевший приспособить геополитические идеи европейских теоретиков к потребностям будущей глобальной стратегии США, направленной на установление «американского мира».

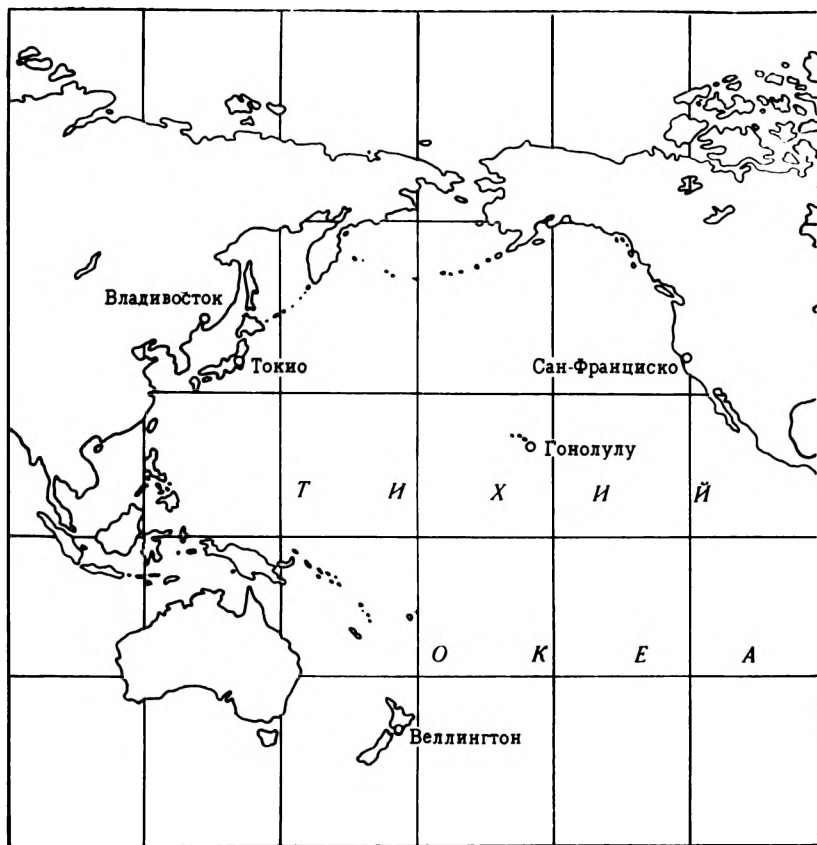
Одним из самых простых, но радикальных шагов в этом плане Спикмэну и его коллегам казался переход от европоцентристских картографических проекций к американоцентристским. Спикмэн писал: «Картой, которую традиционно использовали для того, чтобы показать политические отношения государств мира в глобальном масштабе, является цилиндрическая карта, обычно проекции Меркатора, с центром вдоль северо-южной оси на нулевом градусе долготы, т. е. на долготе Гринвича. Это ставит Европу в центр, а весь остальной мир группирует

вокруг нее. В век морской мощи, когда Европа распространяла свой контроль по всему миру, такое центрирование карты было вполне правильным. Именно из Европы политическое господство распространялось по всему миру, и именно условия баланса или дисбаланса сил в Европе в основном определяли силовые позиции государств в остальных районах.

В понятиях такого европоцентристского мира и получили свое название великие регионы земли. Западное полушарие, Ближний Восток, Дальний Восток — все эти названия с их оттенками, подразумевающими направления, логичны только в том случае, если не забывать, что мы исходим из карты мира, в которой Европа является центром.

До тех пор пока центр мировой мощи находился в Европе и главными державами, боровшимися за мировое господство, были европейские державы, в то время как остальные части земли представляли собой колониальный или полуколониальный мир, эта европейски-центрированная карта была вполне удовлетворительной. С наступлением же двадцатого века, однако, возникли независимые источники мощи, бросившие вызов Европе как единственной детерминанте мировой политики... Цилиндрическая карта, в центре которой находятся Соединенные Штаты, даст сегодня более ясное представление об их позиции в отношении как Европы, так и Дальнего Востока. США ныне, — продолжал Спикмэн, уже отчасти корректируя Маккиндера, — являются континентальной страной, объединенной железными дорогами и Панамским каналом, так что оба их побережья имеют легкий доступ к обеим сторонам Евразийского континента через Атлантический и Тихий океаны»¹².

Таким способом, с карты начинал Спикмэн строить свой американоцентристский мир в предвидении будущих силовых баталий. Но дело не сводилось только к карте. Спикмэн ставил под вопрос само маккиндеровское понятие евразийского Хартлэнда как основы мировой мощи и выдвигал новую концепцию. Не углубляясь в детали, следует отметить здесь лишь то, что Спикмэн упрекал Маккиндера в определенном искажении геополитической «действительности» под влиянием «специальной исторической точки зрения, представляемой Великобританией», на которой стоял Маккиндер во время напи-

Модифицированная Миллером проекция

сания своей основной работы. «Реальная» же силовая картина не такова, отмечал Спикмэн. Вводя новое понятие для широкой сухопутной оконечности Евразийского материка (вместо маккиндеровского Внутреннего полумесяца) — Окраинный пояс земель (Rimland), Спикмэн делал в конечном счете вывод: «Маккиндеровское изречение: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, господствует в Хартлэнде, кто правит Хартлэндом — господствует над Мировым островом, кто правит Мировым островом — господствует над миром», — является лож-

Меркатора с западным полушарием в центре

ным. Если для силовой политики Старого Света необходим лозунг, он должен гласить: «Тот, кто контролирует Окраинный пояс земель, правит Евразией, кто правит Евразией — определяет судьбы мира»¹³.

Хотя Спикмэн и говорил о «правиле» для Старого Света, фактически он имел в виду США. И такое переименование формулы учителя было единственно приемлемым с точки зрения правящего класса США. Подобный подход и впрямь открывал перспективу для американской глобальной силовой политики: Соединенные

Штаты никак не могли надеяться заполучить контроль над Хартлэндом по окончании второй мировой войны в условиях решающего вклада СССР в разгром Германии и Японии. На получение же контроля над Окраинным поясом земель, т. е. Западной Европой, Ближним Востоком, Южной Азией и несоветским Дальним Востоком, они, по мысли Спикмэна, вполне могли метить. Он и «открывал глаза» американским политикам, доказывая, что держава, господствующая над этими районами, неминуемо будет в силу «объективных геополитических факторов» господствовать и над Хартлэндом, а в конечном счете и над всем миром. Спикмэн считал, что любая организация (включая государство), вовлеченная в борьбу за власть, «должна сделать не только свое самосохранение, но и улучшение своей силовой позиции главной целью своей как внутренней, так и внешней политики»¹⁴.

Поскольку Спикмэн писал все это в 1942—1943 гг., когда исход борьбы в Европе и Азии был далеко не решен, когда не было ни реактивной авиации, ни ракет, ни атомной бомбы, то он ориентировался на политику «баланса сил» как наиболее эффективную для США в будущей силовой борьбе на мировой арене, фактически предлагая, чтобы США создали в «окраинных землях» «местный военный потенциал», способный поставить под контроль Хартлэнд, иначе говоря, Советский Союз.

Аналогичные идеи создания или, вернее, воссоздания благоприятного для США «баланса сил» на Евразийском континенте как одной из важнейших американских целей во второй мировой войне развивали в своих работах, написанных в военные годы, У. Липпман, Р. Страус-Хюпе, Э. Эрли, А. Волферз, Г. Крейг, Г. Кэрк, Г. Спраут и многие другие американские теоретики*.

* Среди американских специалистов, мыслявших геополитически, были и ученые, приходившие к выводам, отличным от мнения большинства, считавшего неизбежным возникновение войны между СССР и США. Одним из таких ученых был видный американский китаевед Оуэн Латтимор.

«В Азии, даже еще больше, чем в Европе, — писал он, — русские занимают позицию, владея которой они могут переждать кого угодно. Именно на нас падает задача объявить правила игры. Если мы выскажемся в пользу сотрудничества в военном, политическом и экономическом отношении, они в состоянии сотрудничать и сделать сотрудничество действенным». Если же, утверждал Латтимор, США выступят с инициативой одностороннего захвата стратегических баз, экономических сфер влияния и приобретения политических союзни-

Однако появление в конце второй мировой войны реактивной авиации и ракет стратегического назначения и создание атомной бомбы усилило внимание определенной части теоретиков США к проблемам стратегической воздушной войны. Указанная группировка американских теоретиков попыталась, используя традиционные геополитические идеи, определенным образом «модернизировать» их в свете достижений современной техники, так сказать, оплодотворив их концепциями Дуэ.

4. ДОКТРИНА «ВОЗДУШНОЙ МОЩИ» Д. ДУЭ И НОВЫЙ АВИАЦИОННО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КАРТУ МИРА

Хотя итальянский генерал Дуэ, создавший в 20-е гг. нынешнего века доктрину воздушной войны, формально не принадлежал к геополитикам, его идеи оказались как нельзя более конгениальными геополитическому подходу к миру в силу глобальной масштабности его подхода к воздушной войне*.

В конечном счете доктрина воздушной войны генерала Дуэ сводилась к следующему:

1) будущая война будет схваткой между целыми народами и прямой угрозой жизни и благосостоянию всех граждан;

ков, то русским не останется ничего другого, как отвечать тем же. США, считал Латтимор, должны договариваться с Россией и «избегать изоляции России» потому, что в конечном счете подобная политика «изолирует нас больше, чем русских» (*O. Lattimore. Solution in Asia. London, 1945, p. 133, 134*).

Однако ученые типа Латтимора были в то время в США в явном меньшинстве, а в период разгула маккартизма в США в 50-е гг. представители подобной «антиконфликтной» точки зрения вообще лишались какого бы то ни было влияния в научных и тем более политических кругах, а некоторые, как тот же Латтимор, были вынуждены эмигрировать из США, спасаясь от «охоты за ведьмами».

* Американские теоретики обычно любят говорить не о «доктрине Дуэ», а о «доктрине Дуэ — Митчелла», стремясь «застолбить» «приоритет» своего соотечественника. Генерал У. Митчелл (1879—1936 гг.) внес крупный вклад в создание американской авиации, однако его даже с большой натяжкой нельзя назвать теоретиком авиационной стратегии, сравнимым по богатству мыслей с Дуэ или даже с другим авиационным теоретиком — английским генералом, позднее — маршалом Х. М. Тренчардом (подробно о взглядах Митчелла см. *W. Mitchell. Winged Defense. New York, 1925; I. Levine. Mitchell: Pioneer of Air Power. New York, 1943*).

2) она будет борьбой, в которой решительное преимущество получит тот, кому удастся завоевать господство в воздухе;

3) она будет крайне ожесточенной борьбой сокрушительного характера, по существу направленной на подрыв моральной сопротивляемости противника, следовательно, борьбой, в которой решение будет достигаться быстро и экономно;

4) она будет борьбой, которая, не позволяя оказавшемуся неподготовленным к ней выиграть время для исправления недостатков своей организации, будет решена средствами, имеющимися в готовности к началу войны*.

Дуэ утверждал, что выход человека на просторы «третьего измерения» — в воздушный океан радикально меняет формы и методы войны: «Нет больше необходимости прорывать линии неприятельских сил, чтобы достичь намеченной цели. Линии сил больше не защищают того, что находится у них в тылу»¹⁵.

Дуэ считал, что для современной войны необходимо создать военно-воздушные силы, способные осуществить стратегическую задачу разгрома противника самостоятельно, без помощи традиционных видов вооруженных сил — армии и ВМФ, которые должны выполнять лишь вспомогательные функции в отношении военной авиации — главной военной силы государства.

Основной таких стратегических ВВС должна быть бомбардировочная авиация, вернее, универсальный боевой самолет дальнего действия, приспособленный как для сражения в воздухе с вражескими самолетами, так и для нанесения бомбовых ударов по тылам противника.

Эти боевые самолеты должны быть сформированы в воздушную армию, силы стратегического назначения. Главная задача воздушной армии — завоевание господства в воздухе.

Определяя суть понятия «господство в воздухе», Дуэ писал: «Завоевать господство в воздухе — это значит получить возможность предпринимать против неприятеля

* Это обобщение основных положений «доктрины Дуэ» было сделано в свое время С. С. Каменевым — заместителем председателя РВС СССР и начальником Управления противовоздушной обороны Красной Армии (см. предисловие С. С. Каменева к переводу книги: *Вотье. Военная доктрина генерала Дуэ*. М., 1935, стр. V).

наступательные действия... превосходящие все иные, какие только может вообразить ум человеческий; это значит быть в состоянии отрезать неприятельскую сухопутную армию и морской флот от их баз, лишив их возможности не только сражаться, но и жить; это значит защитить верным и безусловным способом свою территорию и свои моря от подобных нападений; сохранять в боеспособном состоянии свою армию и свой флот, позволить своей стране жить и работать в полнойшем спокойствии; одним словом, это значит — *победить*.

Потерпеть поражение в воздухе, т. е. быть лишенным возможности летать... означает *быть побежденным* и вынужденным принять те условия, какие неприятелю угодно будет поставить»¹⁶.

Авиация, считал Дуэ, является наступательным видом оружия. Поэтому его концепция военной борьбы с помощью авиации — это концепция борьбы, «состоящей только из нападения, без какой-либо обороны»¹⁷. А раз таковы свойства авиации, являющейся уникальным наступательным оружием, то она и должна использоваться соответствующим образом: массированно, концентрированно и решительно путем нанесения внезапных ударов по противнику и лишения его, таким образом, господства в воздухе.

«Для завоевания господства в воздухе, т. е. для достижения возможности воспрепятствовать неприятелю летать, необходимо лишить неприятеля воздушных средств, а это может быть достигнуто лишь уничтожением этих средств либо в воздухе, либо на их базах, либо на заводах, где они изготавливаются, — одним словом, повсюду, где возможно их пребывание или производство»¹⁸.

Таким образом, Дуэ выступал прежде всего за уничтожение военного, в первую очередь авиационного, потенциала противника в качестве наиболее верного и эффективного способа лишения его господства в воздухе. В современной американской теории такой удар против основных стратегических сил противника (в отличие от удара по центрам концентрации населения) называется «контрсиловым».

Удар против авиации противника, считал Дуэ, будет наиболее эффективным тогда, когда его авиация будет уничтожена, еще не успев взлететь, т. е. на земле. В свя-

зи с этим он придавал огромное значение внезапности, фактически отстаивал идею «упреждающего» удара, наносимого еще до объявления войны.

«...Будущие войны будут начинаться в воздухе и... значительные воздушные операции будут иметь место еще до объявления войны, так как каждый будет стремиться использовать к своей выгоде преимущество внезапного нападения», с тем чтобы «как можно скорее нанести противнику максимальный урон». «Вследствие выгод, создаваемых внезапностью и упреждением противника, дипломатическими формальностями пренебрегут»¹⁹.

Таким образом, созданная Дуэ доктрина была агрессивно-наступательной доктриной превентивной воздушной войны — своего рода блиц-крига с помощью внезапного упреждающего «контрсилового» бомбового удара по основным военным объектам противника. Не удивительно, что она пришлась по вкусу руководству фашистской Италии и командованию авиации фашистской Германии (хотя Гитлер ее не воспринял, в чем, по утверждениям многих послевоенных американских теоретиков, якобы и заключался один из основных военных просчетов фюрера).

Оценивая «доктрину Дуэ» ретроспективно, в свете опыта второй мировой войны, нельзя не признать, что, несмотря на отдельные гениальные догадки итальянского стратега относительно характера будущей войны и роли в ней военной авиации, война в целом велась не по «доктрине Дуэ», а гораздо более традиционно, если говорить о наиболее общих принципах.

Решающими сражениями второй мировой войны, имевшими кардинальное значение для ее результатов, были сухопутные сражения Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков. В ходе этих сражений, характеризовавшихся введением в бой крупных масс войск и широким использованием военной техники — танков, артиллерии и авиации, в результате осуществления решительных наступательных операций гитлеровская военная машина была сокрушена.

Все воюющие стороны во второй мировой войне использовали авиацию, в том числе и бомбардировочную, в основном в качестве средства оперативно-тактического

назначения для населения массированных ударов по противнику в непосредственной полосе боевых действий и в ближнем тылу*.

Правда, к концу второй мировой войны США и Великобритания стали широко применять авиацию для бомбардировок крупных промышленных центров Германии. Однако эффект указанных бомбардировок далеко не соответствовал предсказаниям Дуэ. Бомбардировки союзнической авиацией Германии не только не привели к «абсолютной деморализации населения», но даже не вызвали сколько-нибудь существенного снижения военного производства**.

* Вместе с тем вторая мировая война продемонстрировала большое значение авиации как средства стратегической транспортировки войск, сделавшего возможным осуществление массовых парашютно-десантных операций в глубоком тылу противника.

** 3 ноября 1944 г. в соответствии с директивой президента Рузвельта была учреждена Комиссия по определению эффекта стратегических бомбардировок Германии, в частности «в целях оценки важности и потенций воздушной мощи в качестве инструмента военной стратегии для планирования будущего развития вооруженных сил США и определения будущей экономической политики в отношении национальной обороны». Позднее аналогичная комиссия была учреждена и для Японии. Всего было издано 208 отдельных документов оценок, касающихся эффекта стратегических бомбардировок на европейском театре войны и 108 — на тихоокеанском. Оценкой общего экономического эффекта бомбардировок Германии авиацией США и Великобритании руководил молодой тогда американский экономист Дж. К. Гэлбрейт. Комиссия провела тщательное исследование результатов бомбардировок и оперативно опубликовала доклад. В этом документе американские эксперты приходили к выводу, что до лета 1943 г. «воздушные рейды не оказали какого-либо заметного эффекта на немецкое производство вооружений или же национальное производство в целом» («The United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on German War Economy. Overall Economic Effects Division». October 13, 1945, p. 11).

После лета 1943 г., когда бомбардировки Германии союзной авиацией усилились, ВВС США и Великобритании удалось нанести более или менее серьезный ущерб заводам по производству авиационного горючего (производство авиабензина сократилось к концу 1944 г. в 6 раз по сравнению с началом года (Ibid., p. 80)) и германской транспортной системе. Что же касается сокращения производства в других отраслях, то эффект бомбардировок, как показали выводы комиссии, был довольно незначительным; в частности, это касалось угледобывающей, сталеплавильной, машиностроительной промышленности, строительства, производства вооружений и боеприпасов. Комиссия констатировала, что быстрое ухудшение общего состояния немецкой экономики с декабря 1944 г. было результатом целого ряда причин, «действовавших в комбинации» с бомбардировками.

Тем не менее американские военачальники, в особенности руководство военно-воздушных сил, пришли к выводу о решающем характере стратегических бомбардировок Германии для исхода войны*. Применение же атомных бомб против городов Японии окончательно укрепило американское военное руководство и американских политиков во мнении о решающем значении стратегической бомбардировки как средства военной победы. «Атомные взрывы над Хиросимой и Нагасаки послужили ярким доказательством решающего значения стратегических бомбардировок, — отмечал впоследствии генерал Тейлор, отнюдь не являющийся адвокатом воздушной войны. — Атомная бомба усилила воздушную мощь новым оружием огромной разрушительной силы и вновь укрепила веру в то, что наши военно-воздушные силы обладают абсолютным оружием, которое позволит Соединенным Штатам навязать миру своего рода «Рах Америка»»^{20 **}.

Короче говоря, если «доктрина Дуэ» оказалась не очень соответствующей ходу второй мировой войны и способам применения в ней авиации, то появление атомной бомбы, по мнению вашингтонских теоретиков, сразу же ставило эту доктрину во главу угла стратегических

* Преувеличение роли стратегических бомбардировок Германии служило одним из способов умаления решающей роли Советских вооруженных сил в разгроме гитлеровской военной машины. Следует также иметь в виду, что в связи с затягиванием Великобритании и США открытия второго фронта стратегические бомбардировки до июня 1944 г. по сути дела были главной формой англо-американского участия в вооруженной борьбе против Германии.

** Относительно воздействия стратегических бомбардировок на Японию выводы американских экспертов гораздо больше соответствовали точке зрения адвокатов «воздушной мощи», чем их заключения по Германии. «Мало смысла пытаться более точно приписать безоговорочную капитуляцию Японии какой-либо одной из многих причин, совокупное действие которых привело Японию к катастрофе. Не может быть никаких сомнений касательно абсолютного характера ее поражения. . . Кажется ясным, однако, что господство в воздухе и его позднейшее использование в войне против Японии было крупным фактором, который определил время объявления ею капитуляции и исключил необходимость вторжения» (The United States Strategic Bombing Survey. Japan's Struggle to End War. Chairman's Office. 1 July, 1946, p. 13). В то же время комиссия отметила: «Атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, не нанесли поражения Японии, а также не они, согласно показаниям вражеских лидеров, закончивших войну, побудили Японию принять безоговорочную капитуляцию» (Ibid., p. 12).

концепций, которыми должны были впредь руководствоваться США при подготовке к будущей войне. Таково было мнение командования американских ВВС, получавших решающую роль в американском военном комплексе в силу того, что именно ВВС становились главным и до поры до времени единственным носителем средства массового поражения — атомного оружия.

Геополитика оказывалась нужной американским стратегам-теоретикам не только потому, что она (в откорректированном Спикмэнском варианте) открывала перспективу для глобальных замыслов США, так сказать, принижая возможности обороны «сердцевины» евразийского массива суши, иначе говоря, территории Советского Союза. Геополитика в максимальной степени популяризировала «авиационное» — с высоты полета самолета — видение мира, вернее, его северного полушария, на долю которого приходится 93% населения земного шара и 75% обитаемой суши.

Таким «авиационным взглядом» на мир была карта, основанная на азимутальной равнопромежуточной проекции северного полушария с Северным полюсом в центре, наиболее удобная для вычисления кратчайших расстояний между точками на континенте Северной Америки и континенте Евразии. С середины 40-х гг. эта карта стала буквально новой библией американских геополитиков, просто политиков и военных стратегов, ибо подобное видение мира открывало совсем иные перспективы для стратегической авиации США, чем традиционные в прошлом подходы (см. стр. 129).

«Говорят, — писал Спикмэн, — что наши атлантическое и тихоокеанское побережья не являются более самыми важными линиями контакта со Старым Светом. К северу лежит третий фронт, на котором будет господствовать самолет и который по важности для нашей военной и мирной стратегии быстро затмит все другие границы, если этого уже не произошло. Поскольку северный фронт является тем, который в понятиях воздушной мощи ставит нас наиболее близко к евразийским центрам силы, неизбежно — так идет ход рассуждений, — что любая точная карта для военной стратегии должна сосредотачиваться на этом фронте.

Карта, которая наиболее удовлетворительным образом выполняет эту функцию, является полярной азиму-

тальной равнопромежуточной проекцией... Эта проекция также указывает на факт непрерывности массивов суши вокруг Северного Ледовитого океана, в то время как традиционные цилиндрические проекции подчеркивают океаническую прерывистость и помещают западное полушарие на периферийную позицию, что не дает возможности увидеть его важность и его очень тесную связь с Евразией»²¹.

Отталкиваясь от этих «азимутальных проекций», введенных в моду Спикмэном и некоторыми его единомышленниками*, американские теоретики стратегии стали пересматривать взгляды самого Спикмэна, утверждая, что в наступающий «авиационный век» реальным Хартлэндом, господство над которым и определит «владыку мира», оказывается Арктика, где перекрещиваются все стратегические воздушные направления.

Американский географ Г. Т. Реннер выступил с тезисом о том, что в век авиации «естественная мировая крепость, или Хартлэнд, оказалась расширенной и включает в себя внутренние части Европы, Азии и Северной Америки — всех сухопутных массивов, которые образуют кольцо вокруг Полярного Средиземного моря». Он соединил эту концепцию Хартлэнда с концепцией аэромобильности в высоких широтах²². Другой американский геополитик, С. Джонс, отталкиваясь от концепции Реннера, позднее предложил считать саму Арктику «осевым районом», где «мобильность является главным стратегическим фактором»³² **.

Американский авиационный инженер и теоретик стратегии А. Северский считал воздушную сферу над Арктикой тем центром, где произойдет решающая битва треть-

* «Северополусная азимутальная равнопромежуточная проекция... является, несмотря на свое название, очень хорошей картой для глобальной стратегии... Мир Меркатора — это мир морской силы... Фактически Меркаторов ум начисто отбрасывает Арктику в бесконечность, в то время как он скрупулезно фиксирует истинные размеры джунглей Экваториальной Африки, дождливые леса Амазонки и пустыни Аравийского полуострова», — писали в 1943 г. Р. Харрисон и Р. Страус-Хюпе, акцентируя внимание на геополитических, т. е., с их точки зрения, глобальных, аспектах стратегии (*R. Harrison and R. Strausz-Hupe*, *Maps, Strategy and World Politics*. — «Foundations of National Power», p. 66, 67).

** Дж. Б. Кресси вообще перенес «мировую цитадель», или Хартлэнд, в Северную Америку (*G. Cressey*, *The Basis of Soviet Strength*. New York — London, 1945. p. 41).

ей мировой войны за господство в воздухе, которая фактически и выявит победителя. «Мы привыкли, — писал он, — думать об Азии как о расположенной к западу от нас, с Европой на востоке. Но в авиационный век мы должны привыкнуть смотреть «вниз» на нашу планету с Северного полюса. С этой точки наблюдения направления компаса оказываются полностью измененными. «Полярная проекция» заменяет многовековой давности карту Меркатора. Эта проекция должна быть сделана стандартной в наших школах, с тем чтобы стереть отжившие географические концепции. Планы обороны и безопасности, составленные под влиянием старых географических представлений, стали полностью нереальными... Новая география... обусловлена новым этапом в развитии авиации»²⁴.

Английский маршал авиации Дж. Слессор, внесший свою лепту в разработку «атлантической» доктрины воздушной войны, писал в 1954 г.: «Давайте не будем отвлекаться геополитическими разговорами насчет хартлэндов, что было хорошо в дни Маккиндера, но перестало иметь какое-либо значение с появлением бомбардировщика дальнего радиуса действия. Центральная позиция России имеет некоторые тактические преимущества в отношении ее соседей, но в мировой воздушной войне она окажется в решающе невыгодном положении. Воздушная мощь превратила широкие пространства, которые были ее главной защитой против Наполеона, Гинденбурга и Гитлера, в источник слабости»²⁵. Рассуждая, а вернее, блефуя подобным образом в первое послевоенное десятилетие, западные стратеги, помимо всего прочего, «упускали из виду» то немаловажное обстоятельство, что именно СССР первым проложил воздушную дорогу через Северный полюс и что советские летчики свободно летали в высоких широтах еще до второй мировой войны.

5. СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ПУЛА ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ АТОМНОЙ СТРАТЕГИИ

Итак, весь этот набор основополагающих стратегических принципов, геополитических концепций, как традиционных, так и модифицированных, окрашенных возрожденными теориями воздушной войны и американским опытом применения качественно нового оружия массового

уничтожения, явился тем пулом идей, который определял основы и рамки послевоенной глобальной военно-политической стратегии США, приспособляемой к задаче установления «Рак Американа». Многие из этих идей были несовместимы друг с другом. Но в одном отношении они олицетворяли некое единство: то был набор идей для экспансионистской внешней политики, рассчитанной на установление гегемонии США в мире. Какими же способами они будут завоевывать это положение, при помощи какой конкретно стратегии, это был уже другой вопрос.

В конечном счете на основе всей суммы идей американских теоретиков сложилось два основных теоретических направления, соревнование между которыми во многом определяет модификации военно-политической стратегии США в послевоенный период. Эти направления можно условно назвать стратегическим плюрализмом и стратегическим монизмом. Американская стратегическая мысль развивается, приспособляясь, как правило, с запозданием, к объективным изменениям в расстановке классовых сил на мировой арене, к результатам исторического соревнования двух противоположных социально-экономических систем, — соревнования, характеризующегося неуклонным усилением позиций социализма. Она учитывает и другие изменения в мировой общестратегической ситуации, прогресс в военной технике и т. д. Поэтому проведение некоего водораздела, отделяющего друг от друга взаимопереплетающиеся, хотя в известном смысле и альтернативные, стратегические теории, не может не представлять известных затруднений. Приводимая ниже схема условно показывает водораздел между двумя общестратегическими направлениями, наметившимися в США в первые послевоенные годы.

Стратегический плюрализм	Стратегический монизм
Традиционная геополитика	„Авиационная“ геополитика
(Американоцентрированная проекция Меркатора как картографическое выражение) (см. стр. 139).	(Полярная азимутальная равнопромежуточная проекция как картографическое выражение) (см. стр. 129).
Традиционное „сдерживание“ („Containment“)	Ядерное „сдерживание“ (устрашение) („Deterrence“)

Ядерный щит	Ядерный меч
„Баланс сил“	„Биполярность“
Опора на все виды вооруженных сил	Опора на „абсолютное оружие“ и ВВС как его главного носителя
Завоевание территории	Господство в воздухе
Дозированное использование силы	Массированное использование силы
Стратегия, делающая упор на не прямые действия	Стратегия прямых действий
Ограниченная война	Тотальная война
Победа как закрепление частичных изменений статус-кво	Абсолютная победа — полная капитуляция противника
Коалиционная стратегия как важная опора политики „баланса сил“	Коалиционная стратегия как простое средство приращения силы и приобретения баз для ВВС США
Подчинение военных средств целям	Тенденция к подчинению целей средству („абсолютному оружию“)
Переговоры с оппонентом параллельно с наращиванием сил	Переговоры только „с позиции силы“
Интервенционизм	Неоизоляционизм как форма интервенционизма, придающая первостепенное значение экономическому, моральному и военному укреплению „американской крепости“
Традиционалисты	Абстракционисты
„Реалисты“	Утописты

Как уже говорилось, между этими двумя направлениями не было и нет абсолютного водораздела. К примеру, сторонники стратегического плюрализма, отдавая предпочтение ограниченной войне — ядерной или неядерной, не отказывались вообще от инструмента тотальной ядерной войны, хотя и считали ее менее вероятной. В то же время большинство сторонников стратегического монизма, отдавая предпочтение ядерному оружию и авиации (впоследствии ракетам) как средству его доставки, как правило, не сбрасывали со счетов другие виды вооруженных сил, не считали, как Дуэ, армию и флот лишь «подчиненными» видами вооруженных сил, хотя, безусловно, и принижали их значение.

По сути дела американская стратегическая мысль все послевоенные годы была направлена на то, чтобы как-то скомбинировать оба подхода: традиционный, делающий ставку на гибкую игру на «балансе сил» в мире, на обычные вооружения и вооруженные силы, и нетрадиционный, ставящий во главу угла ядерное оружие и признающий лишь бескомпромиссные, однозначные, военно-силовые решения. Те или иные формулировки конкретных американских стратегий, действовавших после второй мировой войны, в основном зависели от способов корреляции двух названных подходов, обращившаяся то более традиционным «сдерживанием» (containment), то атомно-авиационным «сдерживанием-устрашением» (deterrence), а то и определенным равновесием между ними.

То, каким образом осуществлялась корреляция этих двух подходов, и будет предметом дальнейшего рассмотрения.

Глава четвертая

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ: СТРАТЕГИЯ «СДЕРЖИВАНИЯ»

1. ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ США В УСЛОВИЯХ «БИПОЛЯРНОЙ КОНФРОНТАЦИИ»

Правящие круги США, не веря в экономические возможности социалистической системы, не задумываясь глубоко над уроками истории и исторической перспективой, пришли после окончания второй мировой войны к выводу, что СССР не сможет в обозримом будущем бросить Соединенным Штатам экономический и научно-технический вызов. Экономическая же сила США, полагали они, не затронутых бедствиями войны, находящихся в блеске могущества перед лицом «обессиленного войной СССР», даст им возможность вовлечь в орбиту своего влияния и Советский Союз путем предложения ему экономической помощи, обставленной политическими условиями, и шантажа «с позиции силы». Как впоследствии заметила американская исследовательница Ж. Николс, американские лидеры в то время считали, что они владеют «главным орудием деструкции — атомной бомбой и главным орудием реконструкции — таким богатством, каким до этого не обладала никакая другая страна»¹.

Военное и политико-психологическое давление США на СССР, для того чтобы оно оказалось успешным, должно было, по замыслу политиков Вашингтона, прийти к власти после смерти Ф. Рузвельта, подкрепляться военным «сдерживанием»*. При этом «сдерживание» по-

* Необходимо иметь в виду, что военно-политическая стратегия «сдерживания» (containment), точнее, «сдерживания коммунизма», осуществлявшаяся правительством Трумэна, была частным случаем, конкретным воплощением в новых условиях борьбы двух систем американского генерального стратегического принципа «сдерживания» (prevention, keeping out), суть которого была разобрана в главе первой.

нималось в сугубо традиционном плане: отнюдь не как способ сохранения статус-кво (в частности, положения, сложившегося в Европе в результате победы антигитлеровской коалиции), а как политика, призванная не позволить Советскому Союзу оказывать противодействие «расширению американской границы». Применительно к Европе этот курс означал стремление изменить в пользу США, в пользу капитализма сложившееся статус-кво, а в глобальном масштабе — установить американскую экономическую, политическую и военную гегемонию.

Стратегия «сдерживания», как полагали ее творцы, должна была привести не только к «оттеснению» Советского Союза с занимаемых им позиций, но и к «внутренней трансформации» — перерождению советского строя*.

Обосновывая стратегию «сдерживания», главный официальный теоретик того периода Дж. Кеннан подчеркивал: «Фактически возможности американской политики никоим образом не ограничиваются лишь тем, чтобы удерживать линию и надеяться на лучшее. Полностью в пределах возможностей Соединенных Штатов повлиять своими действиями на внутреннее развитие как самой России, так и всего международного коммунистического движения...» Речь идет о том, продолжал Кеннан, чтобы «увеличить в колоссальной степени ту напряженность, под воздействием которой должна осуществляться советская политика... и поощрять тенденции, которые должны в конце концов найти выход либо в распаде, либо в постепенном размягчении Советской власти»².

Главной и фактически единственной силой, которая якобы могла и должна была осуществить такое давление, оказывались США, поскольку во всем остальном капиталистическом мире образовался, по представлению Вашингтона, «вакуум силы».

Лидеры Вашингтона сразу же отвергли как необоснованные притязания Великобритании на роль «равноправного члена тройственного уравниения». В 1944 г. профес-

* Г. Киссинджер, говоря о стратегии «сдерживания», отмечал позднее: «Подлинная цель сдерживания в конце концов состояла в том, чтобы вызвать внутреннюю трансформацию Советского Союза» (H. A. Kissinger. *Central Issues of American Foreign Policy. — «Agenda for the Nation»*, K. Gordon, ed. Washington, 1968. p. 607).

сор Йельского университета У. Фокс высказал мысль о том, что окончание войны привело к наступлению эпохи «биполярной силовой системы» *. Эту же мысль несколько позднее развил Р. Страус-Хюпе, ставший впоследствии видным теоретиком американской стратегии **. После же того как английское правительство в 1947 г. обратилось к Вашингтону с просьбой «заместить» английское военное присутствие в Греции, «взяв на себя ответственность», крах имперских возможностей Великобритании стал очевидным для всех.

«Биполярность» мира объяснялась, однако, не только фактом ослабления целого ряда капиталистических государств, но и началом научно-технической революции; лишь две страны — США и СССР владели научно-техническими и экономическими ресурсами, позволяющими в полном объеме реализовать возможности, открываемые наукой.

Но раз мир биполярен, то, следовательно, не может быть использован традиционный классический механизм «баланса сил» на Евразийском континенте, на который делали ставку американские политики на протяжении предшествовавших 170 лет. Это было, на взгляд лидеров Вашингтона, самым важным изменением в стратегической ситуации.

Теория «биполярной конфронтации», с одной стороны, устраивала США, так как она фактически постулировала устранение всех независимых и самостоятельных оппонентов и конкурентов США («центров силы») в «западном мире». С другой стороны, она требовала от США гораздо большего напряжения сил в борьбе с СССР, чем того хотелось американским правящим кругам и что решалось долгосрочными потребностями американского

* «После этой войны будет... общепринятым говорить о Соединенных Штатах и Советском Союзе как о «большой двойке», — писал Фокс, одним из первых в США пустивший в оборот модный ныне среди буржуазных теоретиков термин «сверхдержава» (*W. Fox. The Super-Powers. New York, 1944, p. 101*).

** «Парадоксально, — писал Страус-Хюпе, — что поддержание баланса сил в Европе привело к тому, что баланс сместился в сторону США». «Британия может надеяться играть в мировой политике и торговле лишь роль «блестящего второго» по отношению к США. Мировая система, таким образом, будет биполярной, а не трехсторонней» (*R. Strausz-Hupé. The Balance of Tomorrow. The Reappraisal of Basic Trends in World Politics. Philadelphia, 1945, p. 26, 36*).

капитализма в ресурсах, необходимых для хозяйственной деятельности внутри страны. Поэтому с самого начала одной из стратегических целей США стало восстановление антисоветского «баланса сил» в Европе, а по возможности и в Азии, дабы получить большую свободу рук на мировой арене.

Задаче восстановления антисоветского «баланса сил» в Европе (под гораздо большим, чем до второй мировой войны, контролем США) и были подчинены два основных послевоенных мероприятия США в Западной Европе: «план Маршалла» — с экономической стороны и созданный в 1949 г. Североатлантический союз (НАТО) — с военно-политической. Ту же цель на южном фланге СССР преследовала «доктрина Трумэна» о военной помощи Греции и Турции, способствовавшая втягиванию этих двух стран в НАТО.

В основу «доктрины Трумэна», провозглашенной президентом США 12 марта 1947 г., была положена идея антикоммунистической миссии США в духе классической концепции Предустановленной Судьбы. Только теперь «Судьба» повелевала США не просто распространять на весь мир «американский образ жизни», но осуществлять это с помощью наступления на систему социализма. «Доктрина Трумэна» была первым развернутым официальным изложением стратегии «сдерживания» коммунизма.

Через несколько дней после провозглашения своей доктрины Трумэн счел необходимым специально подчеркнуть историческую преемственность предпринятых им акций. Правительство, заявил он, продолжает на новом этапе развивать политику, заложенную в «доктрине Монро» (которую Трумэн ухитрился представить как якобы направленную на «защиту прав наций»). «Мир, — продолжал Трумэн, — смотрит сегодня на нас как на лидера. Неумолимый ход событий заставляет нас принять на себя эту роль. Нынешний период в нашей национальной жизни является критическим. Процесс приспособления к новой концепции нашей мировой ответственности является, естественно, трудным и болезненным. Цена по необходимости высока. Но не в нашем характере уклоняться от обязательств...»³

Антикоммунистическая «доктрина Трумэна» тесно переплеталась с провозглашенной несколькими неделями

ранее «программой Трумэна»*, предусматривавшей все ту же антикоммунистическую «миссионерскую» деятельность США в глобальном масштабе, которая в практическом плане выступала как политика, нацеленная на военно-политическое окружение и изоляцию социалистических стран.

Стратегия «сдерживания», разработанная Трумэном, Бирнсом, Маршаллом, Ачесоном, Гарриманом, Кеннаном, базировалась на традиционных геополитических постулатах**.

В области конкретных военно-политических мероприятий стратегия «сдерживания» означала проведение вокруг СССР и стран народной демократии своеобразной «красной черты», призванной обозначить так называемый американский «периметр обороны»***. Все страны и народы, находящиеся внутри этого периметра, считались автоматически входящими в сферу влияния США и утратившими право на какие-либо социально-политические изменения в своем образе жизни без санкции Вашингтона. Осуществляя стратегию «сдерживания», США опоя-

* «Программа Трумэна», выдвинутая президентом США 20 января 1949 г., предусматривала: 1) поддержку ООН (которая в то время очень устраивала США, ввиду того что они имели механическое проамериканское большинство голосов в этой организации); 2) предложение международных программ типа «плана Маршалла»; 3) укрепление и расширение военных союзов под эгидой США; 4) техническую помощь США слаборазвитым странам и поощрение частных капиталовложений в их экономику с целью способствовать их «самостоятельному развитию» («The New York Times», 21.I.1949).

** Главной задачей внешнеполитической активности США, писал Кеннан, должно быть «предотвращение слияния в единое целое военно-индустриального потенциала всей евразийской континентальной массы под властью одной державы, угрожающей интересам островных и морских районов земного шара» (G. Kennan. Realities of American Foreign Policy. London, 1954, p. 65).

*** В Европе США проводили «периметр обороны» по линии границ между странами, вступившими на путь строительства социализма, и капиталистическими странами Западной Европы. При этом, однако, Соединенные Штаты отказывались признать необратимость социально-политических изменений, происшедших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В Азии государственный секретарь США Д. Ачесон в январе 1950 г. определил «периметр обороны» как проходящий вдоль Алеутских островов к Японии и далее к островам Рюкю и Филиппинам. Ачесон назвал Японию и Корею районами «прямой ответственности» США, представляющими к тому же «благоприятные возможности для действия» («The Department of State Bulletin», January 23, 1950, p. 116).

сали социалистические страны кольцом военных баз, расположенных в районах маккиндеровского Внутреннего полумесяца.

В Европе важнейшими стратегическими целями США наряду с созданием НАТО были вовлечение всей Германии, включая и восточную ее часть, в орбиту военных блоков Запада и ликвидация социалистических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти цели должны были осуществляться путем военного давления — создания «ситуаций силы» (Ачесон) или «контрсилы» (Кеннан), подкрепляемого экономическим давлением и психологической войной. «Сдерживание и освобождение, — подчеркивал Кеннан, — всего лишь две стороны одной и той же медали»⁴.

Трумэн, Маршалл, Ачесон и другие тогдашние творцы американской внешней политики в принципе не исключали переговоров с Советским Союзом. Априорный отказ от любых переговоров с СССР безусловно подрывал бы позиции правительства внутри самих США. Однако непременным предварительным условием переговоров с СССР считалось создание Соединенными Штатами пресловутых «ситуаций силы». Такой подход был равнозначен полному отказу от курса на переговоры и политическое урегулирование спорных проблем.

Кеннан, назначенный в декабре 1951 г. послом США в Москве, отмечал в тот период в своем дневнике: «Наше правительство не хочет в данное время никакого соглашения с Советским правительством, касающегося Германии, и желает по возможности уклониться от любой дискуссии, которая увлекла бы нас на подобный путь; мы сделали ставку в данный момент целиком на попытку добиться новых договорных соглашений с западногерманским правительством и соглашения о европейских оборонительных силах — подписанных и «в шляпе», — прежде чем какие-либо обсуждения с русскими могли бы усложнить положение дел»⁵.

В Азии, в частности на Дальнем Востоке, основной стратегической задачей, поставленной Вашингтоном, было восстановление японского капитализма, тесно привязанного к США, а после «потери Китая» в 1949 г. — проведение мероприятий, направленных на обострение напряженности в этом районе с целью расколоть интернациональное единство социалистических стран путем

противопоставления «восточных» интересов социалистического содружества «западным».

Подводя итоги эволюции концепции «сдерживания», известный американский «советолог» М. Шульман (занимавший в то время пост директора Русского института при Колумбийском университете США) писал в 1968 г.: «В своей первоначальной форме идея сдерживания основывалась на посылке о том, что заполнение вакуума силы в Европе было необходимым предварительным условием урегулирования путем переговоров...» Однако, отмечал Шульман, затем концепция «сдерживания» эволюционировала «в нескольких фундаментальных отношениях».

«Во-первых, из в основном территориальной концепции сдерживание все более превращалось в идеологический крестовый поход... Антикommунизм стал центральной догмой американской цели за границей. Во-вторых, военная сторона сдерживания стала все более и более господствующей. Политические соображения утонули во всепоглощающей одержимости военной силой в качестве главного средства политики... И в-третьих, политика сдерживания, начатая в Европе, была распространена на Азию, в особенности после корейской войны. Результатом этого явилась сеть военных союзов против Китая, равно как и против Советского Союза... Соединенные Штаты оказались вовлеченными во многие бывшие колониальные районы такими способами и в таких формах, которые игнорировали реальные нужды местного населения»⁶.

2. ОФИЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ СТРАТЕГИИ «СДЕРЖИВАНИЯ»

«Ситуации силы», или «контрсилы», должны были создаваться путем комбинированного использования Соединенными Штатами всех видов вооруженных сил и ускоренного наращивания авиационно-атомной мощи, которая и стала основой военного комплекса США.

Для того чтобы по-настоящему разобраться в военно-технических и социально-политических проблемах ядерной войны, американским стратегам и теоретикам потребовалось почти тридцать лет, и не будет преувеличением сказать, что до сих пор некоторые аспекты ракетно-ядерной стратегии не до конца ясны американским специали-

стам. В первые же послевоенные годы мало кто в США понимал всю немыслимую сложность атомной стратегии, тем более предвидел тупик в этой стратегии — фактическую невозможность для США реально использовать ядерное оружие. Ядерное оружие с самого начала рассматривалось как «абсолютное оружие», как оружие Армагеддона — финальной битвы сил Добра и Зла, — затмевающее все, что когда-либо было создано человеком в области средств ведения войны. Тот факт, что США стали, по выражению Трумэна «опекуном над этой новой силой», ставил для них проблему использования военной силы в совершенно иную плоскость по сравнению с предыдущими периодами американской истории.

Монопольное владение «абсолютным» оружием поставило Соединенные Штаты, по мнению американских политиков, в исключительное положение, дававшее им возможность осуществить переустройство мира в соответствии со своими взглядами и интересами.

Для того чтобы эта стратегическая цель могла стать реальностью, рассуждали в Вашингтоне, Соединенные Штаты должны воспользоваться сложившейся стратегической ситуацией и закрепить свою позицию «абсолютной силы» путем сохранения монополии на ядерное оружие. Основным средством увековечивания такого положения они считали угрозу применения этого оружия.

В документе Комитета начальников штабов (КНШ) Соединенных Штатов, направленном государственному секретарю США 29 марта 1946 г., подчеркивалось: «Необходимо постоянно помнить об одной из фундаментальных основ национальной мощи и престижа, а именно о способности поддерживать силой политику и обязательства нашей страны... В конечном счете самым главным отдельно взятым фактором безопасности мира (!) является абсолютная военная безопасность Соединенных Штатов»⁷.

Об основных официальных установках военно-политической стратегии США в первые послевоенные годы дает представление документ «Основа для формулирования военной политики США», впервые опубликованный правительством США в 1972 г. Этот документ был одобрен Комитетом начальников штабов США 19 сентября 1945 г. и представлен на рассмотрение президента США, а позднее направлен военным министерством для дальнейшей

доработки в Координационный комитет госдепартамента — военного министерства — министерства военно-морского флота (СВНKK — по первым буквам английских слов) *.

Документ КНШ исходил из того, что главными задачами «национальной политики Соединенных Штатов» являются: «Поддержание территориальной целостности и безопасности Соединенных Штатов, их территорий, владений, арендованных районов и подопечных территорий».

«Обеспечение и поддержание международного мира в пределах западного полушария (иначе говоря, осуществление задач, поставленных «доктриной Монро». — Г. Т.) путем коллективных, совместных с другими американскими государствами действий, однако *в случае необходимости путем действий в одиночку*» (курсив мой. — Г. Т.).

«Поддержание Соединенных Штатов в наилучшей из всех возможных позиций по отношению к потенциальным вражеским государствам таким образом, чтобы США были готовы в случае необходимости предпринять военные действия *за рубежом*» (курсив мой. — Г. Т.) для обеспечения безопасности и целостности Соединенных Штатов».

Из указанного документа следовало, что в основу долгосрочного военного строительства в США, призванного обеспечить способность военного комплекса к выполне-

* Указанный документ циркулировал в различных комитетах американского правительства вплоть до 1948 г. Несмотря на то что документ, по-видимому, не был одобрен в том виде, как он ныне опубликован, формулировки его, безусловно, весьма широко и адекватно отражают мышление и позиции высшего политического и военного руководства США по вопросам «большой» стратегии в первые послевоенные годы. В американской публикации текст документа приведен по тому варианту, который был разослан СВНKK заинтересованным лицам 27 марта 1946 г. (SWNCC — 282) с грифом «совершенно секретно» («FRUS», 1946, vol. I, p. 1160—1165).

СВНKK (State-War-Navy Coordinating Committee) был создан в 1944 г. с целью координации внешней и военной политики и выработки единых рекомендаций для политического и военного руководства. СВНKK служил также в качестве канала связи, через посредство которого госдепартамент запрашивал и получал оценки военных органов по проблемам, относящимся к вопросам внешней политики. После создания в 1947 г. министерства авиации его представители были включены в состав Координационного комитета, который продолжал функционировать в качестве рабочего органа, несмотря на создание Совета национальной безопасности.

нию поставленных задач, должны быть положены следующие принципы:

1. Должна быть обеспечена «достаточность» вооруженных сил США, понимаемая как достижение военным комплексом США позиции абсолютного и безусловного превосходства по сравнению с вооруженными силами других государств. Это вытекало из следующих требований: США должны сохранять «подавляюще мощные вооруженные силы во время мира». Эти силы должны быть в состоянии сделать «неразумным для любой крупной агрессивной нации начать большую войну вопреки воле США» (весьма важно: войну не «против США», а «вопреки воле США»!).

Таким образом, и это очень существенно, речь шла не о том, чтобы США были в состоянии предотвратить нападение на себя или своих союзников, а о том, чтобы утвердиться в роли глобального военного гегемона, санкционирующего «мировой порядок»!

Такая постановка вопроса означала разрыв с традиционной политикой сохранения Соединенными Штатами роли «решающего довеска» в заморском «балансе сил» и означала принятие ими на себя функции главной силы капиталистического лагеря.

2. США должны осуществлять свое стратегическое планирование по наихудшему варианту. Эта установка прямо вытекала из вышеизложенной трактовки «достаточности» вооруженных сил, что опять-таки означало отход от традиционного принципа стратегии США, постулировавшего планирование по оптимальному варианту, исходя из учета средней, а не максимально возможной угрозы и разумного риска. Симптоматично, что установка о планировании по наихудшему варианту выдвигалась спустя лишь месяц после победоносного окончания коалицией держав, в которую входили США, второй мировой войны! Ставя так вопрос, КНИШ уже исходил из «возможности раскола» между главными державами послевоенного мира, т. е. из установки на военное противостояние Соединенных Штатов Советскому Союзу.

3. Часть сил должна быть расположена на передовых рубежах: «Поддержание достаточных активных сил, чтобы обеспечить гарантию безопасности Соединенных Штатов, их территорий и владений в начальный период мобилизации национальных средств».

«Совершенно обязательно... чтобы эти силы имели самую лучшую в мире военную подготовку и были оснащены превосходящей военной техникой и оборудованием и так стратегически размещены, чтобы они могли быть использованы против источников вражеской силы или же в других критических районах».

4. Вооруженные силы США должны опираться на разветвленную сеть военных баз. С этой целью необходимо «развить и поддерживать систему внешних баз, соответствующим образом оснащенных и защищенных для поддержки наших мобильных сил и способных к быстрому расширению».

5. США должны быть готовы к нанесению как ответного, так и карательного — превентивного — удара (в том числе и с помощью ядерного оружия). При этом КНШ явно отдавал предпочтение тактике первого удара, на чем мы остановимся ниже.

6. Стратегия США должна опираться на передовую военную технику. Эта техника в свою очередь должна основываться на «превосходящих технических и промышленных способностях» США.

В связи с задачей обеспечения технического превосходства в области вооружений документ КНШ выдвинул тезис о необходимости для США вести гонку вооружений против своих же собственных систем: «разработку нового оружия и контрмер против него». Этот принцип явился по сути дела главным генератором гонки вооружений в США. «На протяжении тридцати лет США снова и снова предпринимали односторонние действия, которые без нужды ускоряли гонку вооружений»⁸, — подчеркивает видный американский ученый физик Г. Йорк, принимавший непосредственное участие в разработке систем стратегического оружия США и общей технической политики в области вооружений.

7. США должны создать «разведывательную систему, которая гарантировала бы получение нашим правительством информации касательно военных, политических, экономических и технических событий и явлений за границей и таким образом обеспечивала бы необходимое предупреждение о намерениях и способностях противника».

8. США должны поддерживать «мобильные ударные силы соответствующей численности и состава, находя-

щиеся в состоянии готовности к осуществлению быстрых и надлежащих акций, а также необходимые стационарные и мобильные средства поддержки и обеспечения таких сил».

9. Необходимо держать страну в состоянии высокой военно-мобилизационной готовности и поддерживать надлежащую военно-промышленную базу. В этих целях предусматривалась необходимость:

- а) всеобщей военной подготовки;
- б) поддержания боеготового резерва личного состава и материально-технической части;
- в) обеспечения возможностей мобилизации для военных нужд гражданской авиации и военно-морского флота;
- г) координации деятельности гражданских и военных учреждений в области технических исследований и разработок;
- д) рассредоточения промышленности;
- е) создания запасов стратегического сырья и материалов.

Такова была программа материально-технического обеспечения стратегии «сдерживания», легшая в основу военного строительства и — в более широком смысле — государственной политики⁹.

Эта программа во многих своих чертах исходила из традиционных принципов и постулатов военного строительства, типичных для США и в прошлом. Новыми моментами были проходившая красной нитью через всю эту программу мысль об опоре на атомную силу и призыв к переводу всей государственной жизни на военные рельсы с целью увеличения шансов на достижение главной внешнеполитической задачи США — установление мировой военно-политической гегемонии. Подобная задача, естественно, была совершенно новой задачей, ни разу до этих пор не ставившейся американским руководством за всю историю США.

Но что должна была представлять собой «абсолютная военная безопасность» США, если посмотреть на эту проблему не из Вашингтона или какого-либо другого североамериканского города, а из любого другого пункта Земли? Логически рассуждая — и в этом рассуждении нет никаких натяжек, — «абсолютная безопасность» США могла быть достигнута лишь путем создания ситуации

«абсолютной небезопасности» для всех других членов мирового сообщества государств.

Ведь «абсолютная» (а не относительная) безопасность предполагает такую степень военного могущества, при которой военный потенциал любой другой страны или даже группы стран не может существенным образом повлиять на американские военные способности, поскольку он будет представлять собой лишь какую-то незначительную, «неопасную» (для США) величину по отношению к американскому потенциалу. Поэтому нацеливание военного строительства в США на создание «абсолютной безопасности» фактически означало постановку таких задач в этой области, которые, по крайней мере на порядок, должны были превышать программы военного строительства в других странах.

Поскольку США явно не могли рассчитывать сохранять такой разрыв по отношению к другим странам, в частности к СССР, просто путем состязания в количественном наращивании вооружений и вооруженных сил, то задача достижения «абсолютной безопасности» Соединенных Штатов в первую очередь подразумевала обеспечение качественного отрыва США. А это могло быть сделано, считали в Вашингтоне, в первую очередь и главным образом путем закрепления американской монополии на «абсолютное оружие» — атомное.

Поэтому все усилия США в первые послевоенные годы были направлены на сохранение американской атомной монополии. Единственно реальная и крупная опасность для США, по мнению американских теоретиков и руководителей, пришедших к власти в США после смерти Ф. Рузвельта, заключалась в том, что СССР сможет овладеть секретом «абсолютного оружия» — атомной бомбы и на этой основе не только «выйти» из-под опеки, которую рассчитывали навязать ему США, но и бросить вызов США, решительно выступив против их курса на установление в мире «американского порядка». Поэтому свою первоочередную стратегическую цель, реализация которой призвана была обеспечить решение остальных глобальных задач американской политики, руководство США усматривало в том, чтобы не допустить приобретения Советским Союзом ядерного оружия или, на худой конец, надолго отсрочить его.

3. БОРЬБА США ЗА СОХРАНЕНИЕ ЯДЕРНОЙ МОНОПОЛИИ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ «СДЕРЖИВАНИЯ»

В меморандуме с грифом «Совершенно секретно», направленном 23 января 1946 г. Комитетом начальников штабов США в СВНKK, в разделе «Рекомендации» говорилось:

«...б) производство атомной энергии любой нацией для промышленного и научного использования приблизит эту нацию к получению непосредственной способности производства атомной бомбы. Информация, существенно необходимая для такого рода (т. е. мирного. — Г. Т.) использования атомной энергии, должна поэтому рассматриваться как относящаяся к той же категории, что и технологические секреты самой атомной бомбы;

в) пока все еще не существует и не намечается никакой реалистической системы инспекции и контроля, которая создавала бы гарантии против производства атомных бомб для военных целей в стране, владеющей такими способностями...

г) атомное оружие может с максимальной эффективностью использоваться против высокоразвитых стран, имеющих концентрированную промышленность. США являются такой страной. Следовательно, в интересах Соединенных Штатов принять на себя активное руководство в установлении международных средств контроля за ядерным оружием. Пока Соединенные Штаты являются единственной страной, обладающей атомной бомбой и наиболее далеко продвинувшейся в области атомной энергии, они располагают превосходной позицией для осуществления такого руководства. С течением времени эта превосходящая позиция постепенно исчезнет. Поэтому должны быть предприняты все возможные действия под руководством Соединенных Штатов до того, как другие нации создадут свое собственное ядерное оружие»¹⁰. Яснее, кажется, трудно поставить задачу!

Западными политиками, историками и журналистами написаны тысячи страниц по поводу того, как Трумэн в Потсдаме невнятно, мимоходом сообщил Сталину о том, что США обладают-де атомной бомбой, а Сталин якобы

даже не понял, о чем идет речь *. Однако американские ученые в отличие от политиков понимали, что научный «секрет» атомной бомбы в 1946 г. уже являлся секретом Полишинеля. Американские специалисты считали (и справедливо), что в СССР ведутся соответствующие работы и что сам принцип атомной бомбы не представляет для русских ученых тайны. Вместе с тем они (основываясь на трудном опыте создания атомной бомбы в США) считали, что реальным секретом атомной бомбы является не принцип конструкции, а технология, в первую очередь технология обогащения природного урана — выделения урана-235 — изотопа, пригодного для изготовления атомной бомбы, из массы природного урана, в основном состоящего из урана-238 (в природном уране на каждые 993 атома урана-238 приходится всего лишь 7 атомов урана-235).

В приложении к цитируемому выше меморандуму КНШ США от 23 января 1946 г. говорилось: «Элементами, которые в настоящее время могут быть использованы

* Версию эту пустил в оборот Черчилль. В шестом томе своей книги «Вторая мировая война» он рассказал о том, как со стороны наблюдал реакцию Сталина: «Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина... Казалось, что он был в восторге... Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет себе всего значения того, о чем ему рассказывали... Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершилась, то это сразу было бы заметно» (*W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI. London, 1954, p. 579—580*). Эту версию полностью поддержал Трумэн в своих мемуарах, вышедших через год после опубликования книги Черчилля (*H. S. Truman. Memoirs, vol. I, Year of Decisions. New York, 1955, p. 416*).

Как впоследствии остроумно заметил Г. Киссинджер: «На деле-то почти наверняка Сталин узнал о возможности ядерных взрывов задолго до того, как об этом стало известно Трумэну, который не был информирован о существовании программы получения атомной энергии до тех пор, пока он не стал президентом в апреле 1945 г. Поведение Сталина в Потсдаме отражало решение умалить важность ядерного оружия, с тем чтобы продемонстрировать независимость Кремля и невозможность запугать Кремль» (*H. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, 1957, p. 365*).

И наконец, ныне широко известно свидетельство Маршала Советского Союза Г. К. Жукова о том, что Сталин, вернувшись после разговора с Трумэном, в его присутствии сказал: «Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы» (*Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 713*).

для изготовления атомной бомбы, являются уран и, возможно, торий. Все крупные державы в той или иной степени имеют доступ к необходимому сырью, однако контроль за районами богатых залежей и обеспечение надежного доступа в эти районы будет приобретать все большее стратегическое значение. . .

«Секрет» атомной бомбы является не столько научным секретом, сколько секретом научной, промышленной и инженерной техники и технологии, и в особенности высшего класса американского промышленного руководства, и умения производить в изобилии сложные инструменты, оборудование и технику, требуемые для этого.

Производство расщепляющихся материалов для использования в атомных взрывчатых веществах является гигантским мероприятием. Можно ожидать, что любая великая держава, начинающая с нуля и располагающая той информацией, которая ныне доступна, если она полна решимости изготовить атомную взрывчатку, сможет осуществить эту цель в течение *пяти — семи лет, если она получит помощь в поставке и использовании специализированного оборудования и станков от наций, наиболее способных к производству атомных зарядов, и в период от пятнадцати до двадцати лет без такой посторонней помощи*¹¹ (курсив мой. — Г. Т.).

Отсюда родилась мысль: если поставить под американский контроль основные природные источники урановой руды и сделать недоступной для любого другого государства, в первую очередь для Советского Союза, американскую технологию обогащения урана, то проблема увековечивания американской атомной монополии будет решена. И если даже — ради реализации этого проекта — Соединенным Штатам в каком-то отдаленном будущем придется ликвидировать свой собственный запас атомных бомб (для того чтобы проект смог быть реализован), то эта ликвидация будет с лихвой компенсирована отсутствием атомного оружия у американских конкурентов — союзников и противников, что даст США возможность в полной мере использовать мощь американского военно-экономического потенциала в их международной политике. К тому же, даже уничтожив наличный запас атомных бомб, США при этом останутся единственной державой, могущей быстро наладить вновь их изготовление в случае необходимости. На этих соображениях и был основан

американский план Ачесона — Лилиенталя — Баруха, более известный как «план Баруха», который был внесен США на рассмотрение комиссии ООН по контролю над атомной энергией летом 1946 г.

О плане Баруха и скрытых мотивах и расчетах правящих кругов США, стоявших за этим планом, уже написано немало в советской научной литературе и здесь нет нужды повторять критический разбор этого плана, данный в соответствующих монографиях¹². Однако опубликованные в 1972 г. документы американского правительства, фигурировавшие в 1945 и 1946 гг. под рубрикой «секретных» и «совершенно секретных», проливают дополнительный свет на мотивы и расчеты США при выдвижении этого плана. Эти документы полностью подтверждают мнение советских ученых о том, что «план Баруха» был ловушкой, в которую американские руководители демагогическими заявлениями о великодушии США пытались завлечь все страны мира, чтобы распоряжаться их судьбой.

Во-первых, из документов ясно следует, что высшей и решающей (непосредственно перед президентом) инстанцией США в определении политики в атомных вопросах был отнюдь не государственный департамент, формально ответственный за разработку американского проекта установления «международного контроля» за ядерной энергией, а Комитет начальников штабов США. Последний рассматривал всю эту политику лишь под одним углом зрения: как эффективнее увековечить американскую монополию, как надежнее лишить Советский Союз доступа к секретам и возможностям производства атомного оружия.

Во-вторых, правительство США, выдвигая «план Баруха», рассчитывало на то, что он послужит рычагом для «трансформации советского строя». Военный министр в правительстве Трумэна Г. Стимсон одно время прямо связывал возможность нажима США на СССР (с целью осуществления изменений в советском общественном строе) с наличием у Соединенных Штатов ядерного оружия. Свою точку зрения на этот счет Стимсон изложил в секретном меморандуме, представленном президенту Трумэну 19 июля 1945 г. во время Потсдамской конференции — через два дня после получения американской делегацией сообщения из Аламогордо об успешном взры-

ве первой американской атомной бомбы. «Прежде чем мы поделимся нашим новым открытием с Россией, — говорилось в записке военного министра, — мы должны тщательно продумать, можем ли мы это сделать при любой системе контроля до того, как Россия на деле осуществит предлагавшуюся конституцию, о которой я упоминал.

Если это является необходимым условием, мы должны не торопиться раскрывать какие-либо сведения или соглашаться на какое бы то ни было русское участие, а непрерывно изучать вопрос о том, как наш опередивший других старт с Х (т. е. с атомной бомбой. — Г. Т.) и русское стремление участвовать в этом деле могут быть использованы для того, чтобы приблизить ликвидацию указанных трудностей»¹³.

Ведущий эксперт по «русскому вопросу» в госдепартаменте США Чарльз Болен писал в одной из памятных записок: «И в самом деле, при надлежащем претворении в жизнь международный контроль над атомной энергией мог бы повести к изменениям в советской структуре»¹⁴.

В-третьих, американские военные, да и политические лидеры считали, что в случае если им не удастся вовлечь в этот проект Советский Союз, то «план Баруха» должен быть выброшен на свалку. Например, посол США в Москве генерал У. Б. Смит в шифровке в госдепартамент от 19 ноября 1946 г. высказал мысль о том, что США должны передавать секреты, связанные с производством атомной энергии для мирных нужд, тем нациям, «которые проявляют готовность добросовестно принять меры по контролю, предложенные нами, и сотрудничать в их осуществлении. Это в конечном счете включило бы большинство стран несоветского мира...»¹⁵. Комментируя эту телеграмму, Ч. Болен подчеркнул, что он не согласен с тезисом Смита о передаче американских атомных секретов некоторым другим странам, согласным принять условия «плана Баруха». «Чистым конечным результатом могло бы быть размывание нашего преимущества как владельцев атомной бомбы без какой бы то ни было ощутимой выгоды, *если Советы останутся вне его*» (курсив мой. — Г. Т.)¹⁶ *.

* Как известно, в нарушение квебекского соглашения между Рузвельтом и Черчиллем (август 1943 г.), положившего начало участию английских ученых в «Манхэттенском проекте» — создании атомной бомбы, правительство Трумэна категорически отказалось озна-

В-четвертых, несмотря на разглагольствования представителей США в Комиссии ООН по атомной энергии об их желании «покончить навсегда с ядерным оружием», «план Баруха» был основан на порочном принципе «контроля до разоружения». При этом из секретных документов американского правительства выясняется, что вопрос о том, как США должны поступить с собственными бомбами, в случае если все государства примут их план, оставался самым болезненным для них вопросом. Лидеры США, особенно военное руководство, никак не хотели с ними расставаться, допустить, что США придется уничтожить имеющиеся у них атомные бомбы — пусть даже в каком-то неблизком будущем, когда все остальные условия «плана Баруха» окажутся выполненными (а судьей в этом деле, согласно тому же плану, должны были бы быть сами США).

На бесконечных совещаниях у Баруха, у государственного секретаря Д. Бирнса, его заместителя Д. Ачесона, в различных совещательных и межведомственных комитетах снова и снова дебатировался вопрос: «Как ответить русским, если они спросят о том, что США намерены сделать с наличным запасом своих атомных бомб?» Большинство участников внутренних дискуссий стремились уйти от ответа на этот вопрос или отделаться предложением какой-либо демагогической схемы. И лишь военные (которым, как уже говорилось, в конечном счете принадлежало решающее слово) отвечали однозначно, без обиняков: США ни при каких условиях не должны отказываться от ядерного оружия! *

комить с секретами атомной технологии даже Великобритании. «Что касается проблемы нашего вступления в соглашение о том, чтобы помочь Соединенному королевству построить завод по производству атомной энергии, я думаю это было бы чрезвычайно неумно с точки зрения Соединенного королевства, равно как и Соединенных Штатов», — писал Трумэн английскому премьеру Эттли, довольно грубо отклоняя просьбы последнего об оказании США помощи Великобритании в деле освоения атомной энергии (FRUS, 1946, vol. I, p. 1236).

* Из ответов семи руководителей американского военного комплекса (генералов Эйзенхауэра, Спаатса, Макартура и Макнарри и адмиралов Леги, Нимница и Кинга) на вопросник Баруха по поводу его плана госдепартамент США решил опубликовать лишь ответы Леги, Нимница и Эйзенхауэра. Все трое отмечали, что наличие атомной бомбы у США является крупным преимуществом, которое необходимо «эксплуатировать в целях создания удовлетворительного ми-

Нежелание Соединенных Штатов уничтожить свои запасы ядерного оружия даже в случае реализации «плана Баруха» объяснялось, помимо всего прочего, тем обстоятельством, что американские авторы плана «международного контроля» рассматривали ядерное оружие США как «конечную гарантию» того, что план будет претворен в жизнь. Санкциями за нарушение тех или иных положений плана, даже на первых стадиях его осуществления, они считали... ядерную войну! Контрдействия против государств, не соблюдающих полностью соглашения, «по всей вероятности, означали бы, что мир оказался бы свергнутым в атомную войну, — признавалось в цитиrowавшемся выше меморандуме. — Тем не менее такая система представляется жизненно необходимой»¹⁷.

Вопрос фактически ставился так: либо другие государства принимают американский план, оставляя за США при этом «опеку» за американским ядерным оружием, и тогда вся проблема решается «мирным путем», либо же, в случае если возникнут заминки в осуществлении указанного плана, США используют атомную войну, чтобы... обеспечить его претворение в жизнь!

4. ПРЕВЕНТИВНАЯ ВОЙНА КАК ОДНА ИЗ АЛЬТЕРНАТИВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Параллельно и отчасти под воздействием разработки «плана Баруха» обрели новое содержание и, так сказать, «новую жизнь» такие традиционные американские стратегические концепции, как концепция «устрашения», концепция «принуждения с позиции силы» и концепция «превентивной войны», в случае если принуждение с помощью устрашения не работает.

Концепция «ядерного устрашения — сдерживания» («deterrence») получила «права гражданства» в лексиконе американских военных теоретиков с момента появления ядерного оружия, и сейчас трудно докопаться, когда именно это старое английское слово было впервые использовано как военно-стратегический термин. Во всяком

ра» (Нимпц). «Мы не можем в данное время ограничить нашу способность производить или использовать это оружие», — писал Баруху Эйзенхауэр (FRUS, 1946, vol. I, p. 852—856).

случае термин «deterrence» в смысле угрозы использования ядерного оружия уже мелькал в американских правительственных документах в конце 1945 — начале 1946 г. При этом подразумевавшийся оттенок смысла этого термина (и это важно учитывать) сводился не столько к значению «сдерживание», сколько к значению «устрашение»*. Лишь после появления ядерного оружия у Советского Союза и создания ситуации так называемого ядерного тупика термин «deterrence» стал все чаще использоваться американскими лидерами именно в смысле «сдерживания» или «взаимного сдерживания» (часто — «mutual deterrence» — термин, отражающий ситуацию ядерного паритета США и СССР). В короткий же период существования атомной монополии США американское ядерное оружие использовалось сугубо как фактор устрашения, который, по замыслам американских теоретиков, позволял, мог позволить США добиться своих стратегических целей без войны, с помощью одного лишь запугивания угрозой возможного применения такого оружия.

Этот нажим с позиции, как считали американские лидеры, «абсолютной военной силы», подкрепленный экономическим нажимом и соответствующими политико-дипломатическими мероприятиями, должен был принудить противника к принятию американских условий. Такое принуждение американский военный теоретик Т. Шеллинг впоследствии обозначил термином «compellence», создав целую теорию такого рода акций**.

* Глагол «to deter» в английском языке означает «удерживать от совершения чего-либо», отпугивать. Более точно значение «устрашать» передается глаголом «to awe», который, как мы видели в первой главе, и использовался Дж. Вашингтоном. Однако глагол «to awe» имеет тот недостаток, что образованное от него существительное (того же написания) означает не «устрашение», а просто «страх», а прилагательное «awesome» может означать как «устрашающий», так и «испуганный». Поэтому использование глагола «to awe» и его производных для целей военно-политической стратегии атомного века было бы затруднительным. По-видимому, возникновение нового понятия объясняется, помимо всего прочего, и стремлением подчеркнуть новизну самой концепции, связанной именно с ядерным фактором.

** Используя для своей концепции термин «compellence», Шеллинг вместе с тем признавал, что это же значение передается и термином «coercion» (который, кстати, использовал Т. Джефферсон, когда говорил о «средствах мирного принуждения»; см. первую главу). Шеллинг определяет разницу между «deterrence» и «compellence»

В условиях существования «абсолютного оружия» угрозой, рассчитанной на принуждение оппонента, естественно, становилась война с применением этого оружия, при этом война не оборонительная (которая по сути своей могла быть лишь ответной реакцией на чье-то нападение), а война наступательная, не спровоцированная противником превентивная война.

Атомное оружие на первых порах рассматривалось американскими теоретиками всего-навсего как некая гигантская бомба — сверхбомба, которая приносила лишь один новый элемент в стратегию, применявшуюся в ходе второй мировой войны: она давала возможность быстро, решающего и широкомасштабного уничтожения индустриального и людского потенциала противника.

Однако практическое использование атомных бомб для уничтожения основных центров промышленности и населения такой обширной страны, как СССР, ввиду ограниченности запаса атомных бомб у США в первые послевоенные годы американские теоретики не считали посильной задачей. Поэтому американское атомное оружие предназначалось в основном для двух целей: а) психологического давления на СССР путем угрозы массированного применения атомных бомб. (Такая угроза и должна была в первую очередь, по расчетам американских теоретиков, заставить СССР принять американские условия «международного мира», т. е. пойти на серьезные односторонние уступки Соединенным Штатам по ряду существенных вопросов); б) лишения Советского Союза возможности производить собственное ядерное оружие путем уничтожения соответствующих советских заводов и центров в случае, если СССР не откажется от такого производства добровольно.

Строя подобные расчеты, американские стратеги и политики исходили из единственного опыта применения ядерного оружия на практике — использования его против японских городов с целью «устрашения». Поскольку,

как разницу между статичным и динамичным состояниями. «Чтобы сдержать, некто окапывается или устанавливает минное заграждение и ждет, будучи заинтересованным в том, чтобы действие не произошло. Чтобы принудить, некто набирает достаточную скорость (в переносном или иногда в буквальном смысле), с тем чтобы заставить другого действовать с целью избежать столкновения» (*Th. C. Schelling. Arms and Influence. New Heaven and London, 1966. p. 71*).

по мнению лидеров и стратегов Вашингтона, подобное применение ядерного оружия оказалось успешным, то атомное оружие и в будущем должно было применяться аналогичным образом — как средство массированного воздействия, призванное быстро привести к торжеству воли США над волей противника.

В рамках подобного подхода и была разработана концепция атомной превентивной войны. В наших публикациях американская стратегия превентивной атомной войны иногда рассматривается как линия, которую отстаивало агрессивно-шовинистическое крыло американского правящего класса, крыло, полностью оторвавшееся от реальной почвы и желавшее во что бы то ни стало «свести счеты» с социализмом. Все это, безусловно, верно. Однако ознакомление с документами американского правительства, относящимися к первому послевоенному периоду, показывает, что идея превентивной войны не была просто навязчивой идеей кучки «свихнувшихся» генералов, а весьма тщательно и всесторонне разрабатывалась «реалистической» школой американских политиков и стратегов в качестве «нормального» и «законного» средства обеспечения мирового «порядка» и международного мира, понимаемого как мир американский.

Санкция превентивной атомной войны против нарушителей «международного договора» являлась, как отмечалось выше, основной и фактически единственной санкцией, предусмотренной «планом Баруха»; при этом осуществлять эту «санкцию» международного агентства» должен был не кто иной, как США. В случае же непринятия Советским Союзом «плана Баруха» та же самая санкция рассматривалась как единственно возможное средство недопущения подрыва американской ядерной монополии. Таким образом, главным средством сохранения атомной монополии США, независимо от того, будет принят «план Баруха» или нет, должны были стать угроза ядерного «возмездия» и само «возмездие» в случае, если бы декларированная угроза оказалась неэффективной.

В уже упоминавшемся документе Комитета начальников штабов США от 19 сентября 1945 г., посвященном формулированию военно-политической стратегии США после второй мировой войны, вопрос о превентивной войне ставился без обиняков. В качестве средства «обеспече-

ния безопасности», — говорилось в нем, — Соединенные Штаты должны обладать «готовностью и решимостью предпринять быстрые и эффективные военные действия за границей с целью упреждения и предотвращения нападения».

«Мы не можем позволить себе, поддавшись какой-нибудь вводящей в заблуждение и губительной идее о том, что мы должны избегать агрессивной позиции, допустить, чтобы мы подверглись первому удару. Наше правительство... должно оказывать давление с целью быстрого разрешения спорного вопроса политическими средствами, в то же время осуществляя все приготовления для того, чтобы при необходимости нанести первый удар» (курсив мой. — Г. Т.)^{18*}.

В свете вышесказанного становится ясно, что различие между наиболее воинствующим крылом американского правящего класса и «центром», стоявшим у руководства, заключалось не в том, что одни были за превентивную войну, другие — против. Различие это состояло в том, что одни были за оказание давления на СССР путем угрозы превентивной войны, считая реальную возможность развязывания такой войны зависящей от учета целого ряда важных конкретных факторов мировой стратегической обстановки, которые должны быть приняты во внимание при окончательном решении вопроса, а воинствующие милитаристы выступали за осуществление превентивной войны против СССР при любых обстоятельствах.

Примерный «сценарий» будущей войны против СССР в соответствии со стратегией «сдерживания» не раз откровенно излагался в конце 40-х — начале 50-х гг. в выступлениях американских руководителей, в первую очередь представителей вооруженных сил США. Этот сценарий сводился к тому, что вначале американская стратегическая авиация, переброшенная на базы в Европе и

* Данный меморандум КНИШ не единственный документ такого рода. В памятной записке от 2 января 1946 г. о будущей стратегии США, представленной руководителем «Манхэттенского проекта» генералом Л. Гровсом, подчеркивалось, что значительная часть американских вооруженных сил в будущем должна состоять «из частей, включая военно-воздушные, которые должны быть готовы мгновенно предпринять наступательную войну против врага. С атомным оружием должна быть готова нанести первый удар в случае необходимости» (FRUS, 1946, vol. I, p. 1201).

на Ближнем Востоке (ввиду отсутствия у США в тот период сколько-нибудь значительного парка бомбардировщиков подлинно межконтинентального радиуса действия), нанесет внезапный атомный удар по главным промышленным и военным объектам СССР.

Руководители военного комплекса США, вынужденные учитывать ограниченность американского арсенала атомного оружия в те годы, исходили из того, что такой удар сам по себе не приведет к поражению Советского Союза, однако в достаточной степени ослабит его, что существенно повысит шансы на последующую победу в наземной войне против СССР вооруженных сил США, действующих с территории Европы вкупе со своими западноевропейскими союзниками. Американский военноморской флот при этом должен был осуществлять операции по охране морских коммуникаций и материальному снабжению американских войск, сражающихся в Европе (или на каком-либо другом заморском театре) *.

Подчеркивая комплексный подход к использованию вооруженных сил США, министр обороны США Джеймс Форрестол писал: «Было бы величайшей глупостью предполагать, что война может быть выиграна путем использования какого-либо одного вида оружия. Если нам когда-либо придется вести войну, я не могу представить себе ситуации, в которой один из видов вооруженных сил действовал бы независимо. Мы должны иметь сильную армию, сильный военно-морской флот и сильные воздушно-воздушные силы, и мы должны обеспечить их теснейшее взаимодействие при любых обстоятельствах»¹⁹.

Аналогичные идеи развивали Луис Джонсон, сменивший Форрестола на посту министра обороны, министр армии Ф. Пейс, адмирал Рэдфорд (до тех пор пока он, став председателем КНШ в 1953 г., не превратился в адвоката «массированного возмездия») и многие другие американские военные и политики.

* В первые послевоенные годы предполагалось, что ВМС станут основным носителем ядерного оружия с помощью самолетов, базирующихся на авианосцах. Когда же в качестве основного носителя были выбраны ВВС (что, в частности, привело к отмене строительства гигантского авианосца «Соединенные Штаты», на который руководство ВМС возлагало большие надежды), американский адмиралский корпус на какое-то время потерял интерес к атомному оружию, а некоторые адмиралы даже выступили в комиссиях конгресса с осуждением атомного оружия как бесчеловечного!

Иначе говоря, делая ставку на атомную бомбу и рассматривая ядерное оружие в качестве главной силы в арсенале вооружений США, американские политические и военные руководители в течение первых пяти — семи лет после второй мировой войны оставались на позициях стратегического плюрализма, считая единственно возможной стратегией в военных операциях лишь стратегию, опирающуюся на комплексное использование всех видов вооруженных сил*.

Вашингтонскими стратегами предусматривались разные варианты приведения в действие вышеназванного «сценария», в том числе и в порядке превентивного нападения. И тот факт, что американский империализм был вынужден отказаться в конечном счете от развязывания войны против СССР, объясняется не какими-то гуманистическими соображениями, а все той же калькуляцией на основе требований «реальной политики». Трезвый расчет заставил американских стратегов сделать вывод о том, что использование Соединенными Штатами их ограниченного запаса атомных бомб против СССР не приведет к его «окончательному военному поражению»**. В то

* Однако при первых признаках международного кризиса они все же довольно часто хватались за атомную бомбу. Тот же Форрестол, отстаивавший в принципе «комплексный подход», был энергичным адвокатом превентивного использования ядерного оружия. Во время «берлинского кризиса» 1948 г. председатель американской Комиссии по атомной энергии Д. Лилиенталь записал в своем дневнике (13 сентября 1948 г.): «Форрестол усиленно подталкивает президента принять решение о применении атомных бомб, но Совет национальной безопасности... порекомендует президенту, что нет причин решать этот вопрос именно сейчас» («The Journals of David Lilienthal», vol. II. The Atomic Energy Years 1945—1950. New York, Evanston and London, 1964, p. 406).

** Соединенные Штаты к концу 1948 г., как отмечается в американской литературе, могли производить не более четырех ядерных боеприпасов в месяц, а общий запас атомных бомб в США составлял 100—150 единиц. В конце 40-х гг. США стали более эффективно использовать расщепляющиеся материалы, однако к концу 1951 г. запас атомных бомб в США составлял менее тысячи единиц (The Balance of Military Power. — «The Atlantic», June 1951, p. 21—22; «The Journals of David Lilienthal», vol. II, p. 453—454; G. H. Quester. Nuclear Diplomacy. The First Twenty-Five Years. New York, 1970, p. 5). Генерал М. Тейлор в своих мемуарах сообщает, что одной из причин, почему США не пошли на применение ядерного оружия в Корее, была ограниченность запаса атомных бомб, имевшихся в их распоряжении (M. D. Taylor. General U. S. Army (Ret.). Swords and Plowshares. New York, 1972, p. 134).

же время существующий в Европе «баланс сил» наверняка резко изменился бы в пользу СССР, поскольку последний в порядке самозащиты вынужден был бы ликвидировать американские предмостные укрепления в Западной Европе (которые и должны были служить основными плацдармами для нападения на СССР) *. Именно это соображение было, на наш взгляд, одним из основных, заставивших Вашингтон воздержаться от превентивной войны против СССР в 1946—1950 гг.

Таким образом, превентивная война, угроза превентивной войны, отнюдь не являясь для американской стратегической теории новой концепцией (новизна была связана лишь с ядерным аспектом такой войны), органически входила в военно-политическую стратегию правительства Трумэна, а также во все последующие стратегические курсы США.

Появление у СССР в 1949 г. собственного ядерного оружия заставило вашингтонских стратегов изменить планы и, так сказать, отложить «пробу главных сил» с СССР до того времени, когда США смогут создать резкий качественный перевес сил в отношении СССР (на этот раз уже с помощью «сверхбомбы» — водородного оружия, более совершенной, межконтинентальной авиации и «ударного кулака НАТО») **.

* Даже в условиях атомной монополии США использование ими их запаса атомных бомб против СССР не избавило бы Западную Европу от поражения, — констатирует один из ведущих исследователей европейской стратегии США, Р. Осгуд. «Всеобщим предположением было то, что Европа (по крайней мере до Пиренеев) в любом случае была бы быстро захвачена» (*R. E. Osgood. NATO. The Entangling Alliance. Chicago, London, Toronto, 1962, p. 291*).

** Интересно описывает в своем дневнике реакцию на сообщение об испытании атомной бомбы в СССР первый председатель КАЭ США Д. Лилюенталь: «11.30 утра (21 сентября 1949 г. — Г. Т.) в моем кабинете: старые знакомые вещи кажутся неизвестными; что я тут делаю? Вероятность того, что это нечто иное (а не атомный взрыв. — Г. Т.) категорически отмечается — Роберт Оппенгеймер совершенно определен, без уверток, даже Боб Бачер почти без «оговорок». Чувство в животе: вот оно. То, чего мы боялись, начиная с января 1946 г., с момента первого заседания нашей Консультативной группы в Американ Тракинг билдинг. Вермонтское дело — вот мы и приехали» («Вермонт» был кодовым наименованием США для первого атомного оружия, которое будет создано в СССР) («*The Journals of David Lilienthal*», vol. II, p. 570). С этого дня руководители США начали лихорадочно ускорять работы по созданию «сверхбомбы» — водородного оружия, о чем президент Трумэн официально объявил 31 января 1950 г. («*Memoirs by H. S. Truman*», vol. II, p. 353).

Существенную роль в сдерживании американской атомной агрессии против Советского Союза сыграли мировое общественное мнение, всемирное движение сторонников мира. Это обстоятельство не могут не признать и американские теоретики. «Советский Союз, — писал Генри Киссинджер, — обладал еще одним преимуществом в первые послевоенные годы: растущим убеждением общест­венности несоветской части мира... в том, что ядерная война представляла бы собой неимоверную катастрофу». Отмечая сдерживающее влияние, оказанное на политику США всемирным движением сторонников мира, Киссинджер констатировал: «По каждому спорному вопросу, начиная от блокады Берлина и кончая Кореей, мы давали ясно понять с самого начала, что мы не применим нашего самого мощного оружия потому, что мы пришли к убеждению, вероятно, правильному, что мировое общественное мнение не простило бы нам его применения...»²⁰

Именно такой и была реакция мирового общественного мнения, несмотря на колоссальные усилия правящих кругов США убедить общественность в «законности» возможного использования атомного оружия против СССР*.

Необходимо особо подчеркнуть, что, по тогдашним американским понятиям, речь шла не об окончательном отказе США от «пробы главных сил» с СССР, а лишь о том, что Вашингтон откладывал такую пробу до более благоприятного момента, когда США смогут создать «безусловное стратегическое превосходство».

Однако, поскольку подобного «безусловного стратегического превосходства» по отношению к СССР Соединенным Штатам так никогда и не удалось создать, с течением времени «сдерживающий фактор» (deterrent) стал трактоваться американскими стратегами не как фактор устрашения — принуждения оппонента (СССР), а лишь как один из способов, вариантов традиционного «сдерживания» (containment), в специфическом смысле нейтрализации возможностей прямого нападения на США. Но прежде чем окончательно утвердиться в такой трактовке

* Проблема нейтрализации общественного мнения, «осуждающего использование и производство атомной бомбы», не раз обсуждалась на секретных совещаниях американского военного и политического руководства (см., например, FRUS, 1946, vol. I, p. 889—892).

концепции «сдерживания», американской военно-политической стратегии пришлось пройти через пароксизм «массированного возмездия» Эйзенхауэра — Даллеса — Рэдфорда, когда на какое-то короткое время американским правящим кругам показалось, что они вот-вот добьются такого стратегического превосходства, которое сделает для США дозволенной любую военную акцию.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МОНИЗМ: СТРАТЕГИЯ «МАССИРОВАННОГО ВОЗМЕЗДИЯ»

1. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ В США КОНЦЕПЦИЙ ДУЭ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стратегия «массированного возмездия» теоретически не была новой в 1952 г., когда к власти пришло правительство Эйзенхауэра. Она уже давно существовала в пуле стратегических идей высшего военного и политического руководства США наряду со стратегией «сдерживания». Но если последняя была официальной стратегией, то первая существовала в качестве неофициальной или, вернее, полуофициальной стратегии. О «полуофициальном» ее существовании мы говорим потому, что и стратегия «сдерживания» фактически не действовала в «чистом виде», а все время, так сказать, оплодотворялась концепцией авиационного «возмездия».

Стратегический авиационный монизм, как показано выше, ведет свое начало от сплава концепций Дуэ — Митчелла с теориями традиционной геополитики. Получив «подтверждение», как считало высшее американское командование, в ходе второй мировой войны в результате действий стратегической авиации США и Великобритании против Германии, а также американских атомных бомбардировок Японии, стратегия массированного авиационного действия в качестве решающего средства победы стала альфой и омегой стратегических воззрений высшего руководства ВВС США, загипнотизировав в то же время и многих в американском политическом руководстве.

Первоначальные наброски стратегии «массированного возмездия» были сделаны еще в ходе второй мировой войны генералами ВВС Г. Арнольдом, А. Икером, известным авиаконструктором Александром Северским и др.

После окончания второй мировой войны командующий американскими ВВС генерал К. Спаатс развил основные элементы будущей американской стратегической доктрины, ориентированной на массированное использование атомного оружия с помощью авиации¹.

Исход тотальной войны с фашизмом, утверждал он, «был не ясен до тех пор, пока не была найдена и не доказала своего решающего значения в массированном наступлении новая техника. Этим новым инструментом явилась стратегическая воздушная мощь». Гитлеровцы, по его мнению, совершили большой просчет, не сумев с воздуха разгромить Англию в 1940 г., когда они вполне могли это сделать. Иначе говоря, они не поняли роли стратегической бомбардировки. «Историческим наказанием, заплаченным нацистами за их ошибку, было то, что они канули в вечность, и Германия лежит в руинах», — писал Спаатс, как если бы и впрямь исход войны в Европе, в которой с обеих сторон участвовало одновременно до 1000 дивизий сухопутных сил, был в основном результатом англо-американских стратегических бомбардировок Германии! Япония же, утверждал американский генерал, произвольно перечеркивая решающее значение, которое имел для победы на Дальнем Востоке разгром отборной японской Квантунской армии советскими войсками, была полностью разгромлена с воздуха. «Вторжение наземных сил оказалось не необходимым. *Эта воздушная кампания останется классическим прототипом стратегической концепции, реализованной во второй мировой войне*» (курсив мой. — Г. Т.).

Из «уроков второй мировой войны», вернее, из своего постулата о том, что массированные бомбовые удары по глубоким тылам противника оказались решающим фактором победы, Спаатс делал следующие выводы на будущее:

1. Американцы во второй мировой войне имели много времени на подготовку к «окончательному всеобщему наступлению» — четыре с половиной года. «Немыслимо, чтобы нам снова была дана такая отсрочка... В будущей войне... нам не дадут четырех с половиной лет на то, чтобы создать воздушные силы... Америка будет целью номер один; мы выстоим или погибнем с теми авиационными силами, которые будут у нас в наличии в первый критический момент».

2. Военно-воздушные силы ныне выработали свою собственную стратегию и тактику, специфическую для «третьего измерения». Они в максимальной степени используют стратегический принцип массирования удара «своей способностью с широко рассредоточенных баз сконцентрировать все имеющиеся в их распоряжении единицы ударной мощи на одной точке — сердце противника. Любая другая сила, действующая в двух измерениях (т. е. на поверхности, а не над ней. — Г. Т.), должна наносить удары по периферии, по традиционному военному кордону и может достичь глубинных центров противника лишь после успешно проведенных полевых кампаний. Воздушная мощь в своем полном потенциале сводит на нет преимущества укрепленных оборонительных рубежей, которыми раньше пользовались страны, расположенные в глубине континента. Воздушные силы не привязаны к определенной битве, а возвращаются на свои базы для подготовки к нанесению новых ударов. Никакой другой инструмент войны не обладает такими же качествами».

3. Необходимо для успешного применения воздушной стратегии обладать господством в воздухе, с тем чтобы иметь возможность проводить непрерывные операции, не встречая противодействия.

4. «Следующая война, сколь бы отдаленной в будущем она ни была, по всей вероятности, будет решена какой-то формой воздушной мощи (намек на ракеты. — Г. Т.), прежде чем силы, действующие на поверхности, будут в состоянии войти в соприкосновение с противником в крупных сражениях. Это является высшим военным уроком современного периода истории».

В этих высказываниях командующего американских ВВС содержались по существу все основные элементы стратегии «массированного возмездия»:

а) опора на стратегическую бомбардировку (или угрозу бомбардировки) в качестве решающего средства победы;

б) требование массирования воздушных ударов (а эта массированность повышалась на десятки порядков в результате применения ядерного оружия);

в) подход к будущей войне как к воздушному блицкригу;

г) признание стратегической важности Хартлэнда, но

в то же время подчеркивание стратегической уязвимости «центральнорасположенных держав» в новых условиях;

д) требование заблаговременной подготовки к войне, иначе говоря, поддержания «воздушной мощи» в постоянной боевой готовности;

е) корректировка «доктрины Дуэ» в плане признания необходимости проведения специальных мероприятий по обеспечению свободы действий собственной стратегической авиации в мировом воздушном пространстве.

Еще в то время, когда руководители держав-победителей обсуждали в Потсдаме в июле 1945 г. планы завершения войны с Японией и основные проблемы, связанные с устройством послевоенного мира, представители США и Великобритании за спиной своего советского союзника приступили к разработке стратегии нажима на СССР, в которой основная ставка делалась на то, что созданное Соединенными Штатами ядерное оружие и авиацию в качестве средства его доставки.

Известно, что У. Черчилль, получив от Трумэна информацию об успешном испытании в США атомной бомбы, сразу же стал строить планы ее использования против СССР. Такие же настроения доминировали и в кругах американской делегации. На уровне же «экспертов» разговор шел в весьма конкретной форме. Описывая свою беседу во время Потсдамской конференции с главным маршалом ВВС Великобритании Чарльзом Порталом, командующий ВВС американской армии (тогда они еще не были самостоятельным видом вооруженных сил США) генерал Арнольд рассказывает: «Мы пришли к согласию в том, что мы должны иметь базы по всему миру, которые могут быть использованы королевскими ВВС и ВВС США... Мы оба были убеждены, что нашим следующим врагом будет Россия, и из нашей беседы возникло общее направление мышления. Русские хорошо разбираются в сухопутной военной мощи, и они уверены, что их армия — самая лучшая в мире. Они не боятся военно-морского флота, ибо знают, что никакой флот не сможет приблизиться к ним на такое расстояние, чтобы причинить ущерб. Но одной вещью, которой они опасаются и которой не понимают, является стратегическая воздушная мощь — бомбардировщики дальнего радиуса действия. Они никогда не имели собственных бомбардировщиков дальнего радиуса действия и, по-видимому, не

знают принципов их использования. Завтра, однако, положение вещей может стать иным. Для успешного использования нашей стратегической воздушной мощи мы должны иметь базы, расположенные по всему миру таким образом, чтобы с них можно было поражать любую цель, которую нам укажут. В этом мы оба, Портал и я, были согласны»².

Официальные документы американского правительства также подтверждают, что доктрина «массированного возмездия» была сформулирована в правящей верхушке США уже в первые послевоенные годы почти в тех же самых выражениях, в которых ее сформулировал впоследствии государственный секретарь США Д. Ф. Даллес.

Еще летом 1946 г. в докладной записке Д. Ачесону Д. Кеннан предлагал «мгновенный ответный удар» («instant retaliation») в качестве средства американской стратегии³. Развивая идею «массированного возмездия», Кеннан подчеркивал в одном из своих меморандумов (написанном зимой 1946 г.), что не следует «бояться использовать тяжелое оружие в делах, которые, на наш взгляд, являются малыми». Эту рекомендацию, признавал Кеннан, многие американцы воспримут скептически. «Вообще говоря, применять отбойный молоток для того, чтобы убить муху, вряд ли можно назвать хорошим способом. Но когда имеешь дело с русскими, это иногда необходимо»⁴.

Идея применения военной силы, в первую очередь атомного оружия, «в местах по нашему собственному выбору» развивалась в секретной памятной записке, подготовленной для СВНKK 1 апреля 1946 г. сотрудником госдепартамента США Мэттьюсом. Последний обращал внимание на то, что предлагаемый им «реалистический курс» учитывает «военную неэффективность» США «внутри сухопутных массивов Евразии»⁵. Идея атомного «возмездия» развивали генерал Эйзенхауэр в своей переписке с Б. Барухом и многие другие высокопоставленные военачальники США.

Наиболее глубокую разработку доктрина стратегического монизма и стратегия глобальной войны с использованием бомбардировщиков — носителей ядерного оружия получили в книгах американского авиационного ин-

женера и военного теоретика А. Северского *. Уже в работе «Победа посредством воздушной мощи», вышедшей в 1942 г., Северский отмечал, что «быстрое увеличение радиуса действия и ударной мощи военной авиации гарантирует, что США через какой-то определенный промежуток времени будут столь же подвержены разрушению с воздуха, как ныне — Британские острова»⁶. В связи с этим, настаивал он, США должны готовиться к новой форме войны — войне в «третьем измерении», «войне между полушариями непосредственно через океаны» и разработать для этого не только соответствующую военную технику, но и новую военную организацию и новые стратегические концепции, которые бы обеспечили США безусловную победу в такого рода «тотальной войне»^{**}. Развернутую стратегическую концепцию «войны нового типа» Северский изложил в своей второй книге: «Воздушная мощь: ключ к выживанию», вышедшей в 1950 г.

В полном соответствии со взглядами Дуэ — Митчелла Северский исходил из того, что появление такого средства доставки боеприпасов, как авиация межконтинентального радиуса действия, сделало все остальные средства вооруженной борьбы в «большой» войне устаревшими. В особенности это, по его мнению, коснулось военно-морского флота, который уже не может претендовать в будущем на выполнение стратегических задач, что, дескать, было предreshено еще событиями в Пёрл-Харборе, когда японская авиация сыграла решающую роль в разгроме американского флота. Появление же такого мощного разрушительного средства, как атомная бомба, ставит крест на стратегической роли ВМС с их медлительностью и уязвимостью для авиации.

Северский считал основным революционным переворотом в военной технике именно появление нового средства доставки боеприпасов — стратегической авиации (а в будущем и стратегических ракет), а не факт создания

* А. Северский (1894—1974 гг.) — летчик русской авиации, прибыл в США по заданию Временного правительства и остался там, приняв в 1927 г. американское гражданство.

** По этой книге Северского У. Дисней сделал мультипликационный фильм, который по настоянию У. Черчилля был показан Ф. Рузвельту на их встрече в Квебеке в 1943 г. Просмотр фильма, как утверждают, убедил Рузвельта придать гораздо большее значение проблеме завоевания господства в воздухе перед высадкой англо-американских сил в Нормандии.

принципиально нового типа боеприпасов — ядерных зарядов. Победу в будущей мировой тотальной войне одержит тот, утверждал он, кто сумеет создать решающий перевес не столько в количестве и качестве взрывчатки — обычной или ядерной, сколько в качественно новых средствах ее доставки на цели.

Такая победа будет решена битвой за превосходство в воздухе между воздушными силами США, доминирующими в западном полушарии, и воздушными силами СССР, доминирующими в восточном полушарии. Завоевание абсолютного господства в воздухе даст возможность установить абсолютный контроль и над находящейся внизу территорией — поверхностью океанов и суши, что и обеспечит победу, сделав крупные сухопутные или военно-морские батальи ненужными.

Такая стратегия единственно возможна для США, доказывал Северский, ибо битва в воздухе будет сражением на условиях США: состязанием в области техники, где бесспорное количественное и тем более качественное лидерство принадлежит, не может не принадлежать Соединенным Штатам.

Участие Соединенных Штатов в сухопутных батальях на Евразийском континенте было бы ведением войны на условиях России, которую США, что бы они ни делали, не могут обойти по размерам и качеству сухопутных сил. В любой сухопутной битве в Евразии с участием советских вооруженных сил США безусловно обречены на поражение.

Распыление сил и средств Соединенных Штатов на военное строительство «сбалансированных» вооруженных сил трех видов еще более усугубит их стратегическое неравенство по сравнению с СССР и даже не даст возможности создать надлежащую противовоздушную оборону Северо-Американского континента. При такого рода стратегическом строительстве перевес неизбежно склонится в сторону СССР, поскольку последнему, учитывая его центральное континентальное положение, можно без опаски концентрировать свои усилия на строительстве лишь двух видов вооруженных сил — армии и авиации.

Сосредоточение же усилий США на создании мощной авиации дальнего действия, способной нанести «массированный удар» по СССР, даст Соединенным Штатам бесспорные преимущества, в особенности учитывая воз-

возможности «передовой американской технологии» и высокую квалификацию ее промышленных рабочих. При этом, доказывая Северский, чем более развита в промышленном отношении страна, тем опаснее для нее угроза массированной бомбардировки ввиду ее зависимости от современных средств транспорта, связи, жизнеобеспечения и т. д., а также высокой концентрации промышленности. Поэтому даже с точки зрения чистой обороны США большое значение должно быть придано авиации, которая должна перехватить вражеские бомбардировщики на подступах к США и со своей стороны нанести поражение противнику, завоевав прежде всего глобальное господство в воздухе.

Именно такую стратегию, делающую ставку на завоевание глобального господства в воздухе, Северский считал «стратегией инициативы», в то время как стратегию, исходящую из принципов комплексного строительства и использования всех трех видов вооруженных сил, он считал стратегией ретроградной, бездумно переносящей опыт начального этапа второй мировой войны на опыт войны будущей *. Будучи сторонником чистого стратегического монизма, Северский выступал за уход США с заморских сухопутных баз, расположенных по пери-

* Американские теоретики стратегии, делающей упор на авиацию, в целях вящей убедительности своих аргументов ссылались на свидетельства руководителей гитлеровского вермахта и Люфтваффе (ВВС). Арнольд и Северский ссылались на Геринга (допрошенного американцами 10 мая 1945 г.), который заявлял, что он «всегда верил в стратегическую воздушную силу» и лишь Гитлер «мешал» ему претворить его теорию в жизнь (см., например, *H. Arnold. Global Mission*, p. 578—579).

Генерал Спаатс цитировал показания командира 26-й немецкой бронетанковой дивизии генерал-лейтенанта Линнарца, который во время (вернее, вместо) допроса 26 июня 1945 г. прочел американцам целую лекцию о значении стратегической воздушной мощи: «Основополагающая концепция выигрыша войны через посредство стратегической воздушной мощи является здоровой... Война вполне может быть начата с попытки уничтожить материальную силу страны путем использования мощного оружия дальнего действия. В этой войне таким оружием был тяжелый бомбардировщик дальнего радиуса действия. В будущей войне таким оружием вполне может стать оружие типа усовершенствованной «Фау». По моему мнению, — лил Линнарц бальзам на души «допрашивавших» его генералов, представлявших военно-воздушные силы США, — вы вполне могли бы выиграть войну посредством лишь стратегических бомбардировок при условии, если бы у вас были надлежащие базы, хорошо защищенные в тактическом отношении» («*Foreign Affairs*», April 1946, p. 393).

ферии евразийского Хартленда и беззащитных перед тактическими воздушными силами «главного противника». Эти базы, по его мнению, служат лишь средством «продления жизни» устаревшим армии и ВМС (первая сохраняет свою роль, «охраняя базы», а вторые — снабжая их через океан). Наличие стратегической авиации даст возможность действовать из «центра силы» без распыления военных сил и средств на содержание и охрану никому не нужных баз, доказывал он.

Северский разработал теорию «трех фаз» в американской послевоенной стратегии. Эти три фазы выглядели следующим образом:

«Фаза первая: когда воздушная мощь не может добиться решения, если она не обеспечена заморскими базами. В этой фазе требуется продолжать поддерживать сохранение больших армий и флота. Национальные усилия, таким образом, расколоты на три, так что ни один из видов вооруженных сил не достигает максимального потенциала.

Фаза вторая: когда воздушная мощь обладает достаточным радиусом действия, чтобы добиться решения путем акций непосредственно из своего континентального источника силы, не прибегая к услугам внешних баз. Национальные усилия в этом случае целиком сосредотачиваются на строительстве воздушной мощи таким образом, чтобы она достигла своего максимального потенциала. Армия и ВМС как вспомогательные силы сокращаются до минимума.

Фаза третья: когда атомные и другие взрывчатые вещества смогут быть доставлены на вражеские цели сверхзвуковыми управляемыми ракетами-роботами межполушарного радиуса действия. Почти все национальные усилия идут тогда на строительство этих беспилотных ракет, а армия, военно-морские силы и военно-воздушные силы низводятся до роли второстепенных вспомогательных сил»⁷.

В этой третьей фазе «кнопочной войны», предсказывал Северский, «мобильный конфликт уступит место статичной бомбардировочной дуэли глобальных масштабов», и, «поскольку большинство беспилотных систем оружия, если не все, будут контролироваться и направляться электронным способом, реальной борьбой — также в глобальном масштабе — станет борьба за обеспечение права

электронного проникновения. Источники электронной энергии будут рассматриваться в качестве цели номер один. Та сторона, которая добьется господства в области электроники, разгромит соперничающую «крепость» до точки капитуляции»⁸.

Правда, эту третью фазу Северский относил к отдаленному будущему (в то время как она стала реальностью уже в начале 60-х гг.). Задачей же США он считал переход от первой фазы, в которой, по его мнению, находились Соединенные Штаты в 1950 г., ко второй. Таким образом, в концепции Северского явно видна законченная модель стратегии «массированного возмездия», тем более что он, как и позднее лидеры республиканского правительства США, аргументировал целесообразность перехода к стратегии «массированного возмездия» также и соображениями стоимости — эффективности: авиационная мощь, будучи самой результативной, является с точки зрения достигаемого эффекта наименее дорогостоящей по сравнению с двумя другими видами вооруженных сил — сухопутными и военно-морскими*. При этом Северский считал, что предлагаемая им стратегия применима лишь в подлинно глобальном столкновении, а не как ответ на любой кризис. В принципе он выступал за «ядерное сдерживание» (*nuclear deterrence*) с помощью угрозы стратегического нападения и весьма скептически высказывался о бомбардировках районов крупной концентрации населения противника, считая, что такие бомбардировки не отвечают политическим целям войны.

* Одним из первых теоретиков, поставивших проблему стоимости — эффективности на статистическую основу, был Ст. Поссони, ставший впоследствии видным адвокатом стратегии «массированного возмездия». В своей книге «Завтрашняя война», вышедшей в канун второй мировой войны, Поссони в подтверждение своего тезиса о том, что с точки зрения отношения стоимости к эффективности авиационная мощь не имеет себе равных, приводил подсчеты эффективности использования различных систем оружия в первой мировой войне. В этой войне на каждую тонну снарядов (включая пули), выпущенных из наземных систем оружия, приходилось менее одного убитого или раненого, каждая тонна снарядов дальнобойной артиллерии убивала или ранила в среднем 22—23 человека, а каждая тонна боеприпасов, сброшенных во время воздушных налетов, убивала или ранила в среднем 32 человека (*S. Th. Possony. To-morrow's War. Its Planning, Management and Cost. Translated from German. London, Edinburgh, Glasgow, 1938, p. 118—119*).

В этом отношении его взгляды в известной мере расходились с доктриной «массированного возмездия», принятой на вооружение правительством Эйзенхауэра.

2. АВИАЦИОННО-АТОМНЫЙ БЛИЦКРИГ КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

О превращении концепции «массированного возмездия» в официальную военно-политическую стратегию США было объявлено государственным секретарем США Д. Ф. Даллесом в его выступлении перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке 12 января 1954 г. Это выступление было не простым изложением принципов новой стратегии, но, так сказать, обоснованием общей концепции использования военной силы, которую отстаивало руководство республиканской партии, ее «философии силы». В то же время решение о выборе стратегии «массированного возмездия» представляло собой итог многомесячных обсуждений различных вариантов стратегических курсов, происходивших в правительственных сферах Соединенных Штатов после прихода к власти правительства республиканцев в январе 1953 г. *

В своей речи государственный секретарь США, отметив, что «многие из предыдущих политических курсов

* Три специальные «ударные команды» под общим руководством заместителя государственного секретаря У. Б. Смита и специального помощника президента по вопросам национальной безопасности Роберта Катлера обсуждали перспективы и целесообразность принятия одной из трех «больших» стратегий: а) продолжение традиционного «сдерживания» (containment); б) глобальное «сдерживание (устрашение)» (deferrence) с помощью ядерной угрозы и в) «освобождение районов, удерживаемых коммунистами», с помощью экономического давления, полувоенных мероприятий и методов психологической войны. Президент и кабинет остановились на документе, разработанном КНШ во главе с его новым председателем адмиралом Рэдфордом, в котором основной упор делался на «массированное возмездие» с помощью авиации. При этом «локальная оборона» должна была в основном осуществляться силами американских союзников при оказании им поддержки военно-морскими и военно-воздушными силами США. В конце октября 1953 г. эти принципы были зафиксированы в документе СНБ-162/2. В нем также «было установлено, что военное командование могло рассчитывать на использование ядерного оружия, тактического и стратегического, когда в этом появится военная необходимость» (S. Brown. *The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson*. New York and London, 1969, p. 71—73).

были хорошими», и подчеркнув двухпартийный характер американской внешней политики, тем не менее подверг критике стратегию правительства Трумэна, которая, по его словам, представляла собой серию недалековидных, «аварийных мероприятий», уступающих инициативу противнику. «На эти мероприятия нельзя надеяться как на такие, которые могут служить нашим долгосрочным интересам». Советский Союз, заявил Даллес, «планирует, исходя из перспективы того, что называют целой исторической эпохой, и мы должны делать то же самое»⁹.

Правительство Эйзенхауэра, сообщил он, решило трансформировать американскую стратегию, устранив те «негативные моменты», которые были заложены в предыдущей.

Каковы же эти негативные моменты?

«Не является разумной военной стратегией постоянное размещение сухопутных сил США в Азии в такой степени, что это лишает нас какого бы то ни было стратегического резерва».

«Не отвечает требованиям здоровой экономики или хорошей внешней политики постоянная поддержка других стран, ибо в конечном итоге она вызывает в отношении США не меньше отрицательных чувств, чем и чувств благодарности».

Неправильно быть постоянно связанными крупными военными расходами, что неизбежно поведет к «практическому банкротству». Необходимы перемены. «Это может быть сделано путем большей опоры на сдерживающую силу и меньшей зависимости от локальной оборонительной силы».

«Прежде чем военное планирование могло быть изменено, — заявил Даллес, — президент и его советники, представленные в Совете национальной безопасности, должны были принять некоторые основополагающие решения в области политики. Это было сделано. Самым основным является решение полагаться главным образом на большую способность к мгновенному ответному удару средствами и в местах по нашему собственному выбору. Теперь министерство обороны и Комитет начальников штабов, вместо того чтобы вести военное строительство, предвосхищая многочисленные возможные варианты поведения противника, могут формировать наш военный

комплекс так, чтобы он соответствовал нашей политике. Это позволяет вместо простого наращивания всех имеющихся средств осуществлять выбор между военными средствами. В результате принятого решения становится возможным добиться более основательной безопасности при меньших затратах и совместно пользоваться ею (очевидно, совместно с американскими союзниками. — Г. Т.)»¹⁰.

Если это выступление рассматривать лишь в контексте приведенных цитат, то оно может на первый взгляд показаться менее воинственным, чем было на самом деле. Ведь никто не будет возражать против того, что государство, в данном случае США, может заявить о своей готовности дать отпор в случае нападения на него, причем такими способами и средствами, которые будут определены им самим. С точки зрения международного права в такой постановке вопроса нет ничего предосудительного.

Тем не менее мировая печать единодушно расценила это выступление государственного секретаря США как воинственное, по сути дела поджигательское, а новую стратегическую доктрину Соединенных Штатов — как проявление крайнего авантюризма. Для того чтобы понять причины такой безусловно правильной оценки, следует обратить внимание на то, что представлял собой *casus belli* — повод к войне, согласно «доктрине Даллеса», иными словами, что американское правительство подразумевало под «агрессией», которая требует решительного и немедленного ответа средствами и в местах по выбору США.

Отвечая на этот вопрос, следует подчеркнуть, что лидеры США сознательно уходили от конкретного и четкого определения понятия «агрессия». В то же время они достаточно прозрачно намекали, что поводом для приведения в действие механизма «массированного возмездия» может быть любой конфликт в любой части мира, возникший в результате «коммунистической агрессии», под которой подразумевалось не только нападение со стороны социалистического государства, но и проявление любого внутреннего социального, национально-освободительного революционного движения в той или иной стране, начиная от народного восстания и кончая крупной забастовкой!

Согласно позиции Вашингтона, любой такого рода «конфликт» мог представлять собой *casus belli* не только тогда, когда он непосредственно затрагивал территорию США или их заморских владений или же американскую собственность в других странах, но и в любом случае, когда создается опасность для существования любого режима, внутреннего порядка в той или иной стране, ликвидацию которого США считают невыгодной для себя. При возникновении такого рода конфликта — партизанского движения, народного восстания, революции, свержающей тот или иной режим, даже верхушечного государственного переворота в любой стране любого района мира — правительство Соединенных Штатов угрожало вмешаться «средствами и в местах» по его собственному выбору, не скрывая при этом, что таким «средством» будет в первую очередь стратегическая авиация, оснащенная ядерным оружием, а «местом» — «очаг всех бед», всех «заговоров», всех «антиамериканских провокаций» — Москва!

Взгляды Даллеса и других тогдашних американских стратегов, отождествлявших любое социальное движение и любой кризис в мире с «коммунистическим заговором, направляемым из Кремля», помогают уяснить ход их «логики»: СССР виновен во всех происходящих в мире событиях, ведущих к изменению социального статус-кво. Чтобы этого не произошло, надо заставить СССР отказаться от осуществления такого рода революционных перемен. А этого можно добиться, лишь угрожая Советскому Союзу «с позиции силы». Чтобы угроза была достаточно эффективной, она должна быть гиперболической — непомерной, возвещающей немыслимую катастрофу. Такой угрозой может быть лишь угроза атомного удара по столице СССР — Москве и по другим его центрам. Чтобы угроза была «внушительной» (*credible*), Москва должна быть убеждена в решимости США осуществить ее. Для этого нужно как можно больше рисковать, как можно ближе подойти к грани войны, давая тем самым почувствовать легкость, с которой США могут перешагнуть эту грань! Такова была безумная логика авторов стратегии «массированного возмездия».

Мировая общественность резко осудила правительство Эйзенхауэра за провозглашение стратегии «масси-

рованного возмездия». Именно под влиянием всемирного протеста против неумного американского бряцания ядерным оружием Д. Ф. Даллес был вынужден выступить с существенными оговорками в отношении нового стратегического курса правительства США буквально через несколько недель после его официального провозглашения. Принятая процедура была весьма своеобразной.

В апреле 1954 г. в американском официозном журнале «Форин афферс» была помещена статья Д. Ф. Даллеса «Политика для безопасности и мира». Эта статья представляла собой дословный пересказ его выступления 12 января 1954 г. в Совете по международным отношениям. Статья отличалась от речи Даллеса в Совете в одном-единственном отношении: в нее было вставлено пять новых абзацев, в которых Даллес усиленно подчеркивал, что «массированное возмездие» не будет применяться во всех случаях, что США не намерены по каждому поводу развязывать всеобщую мировую войну*.

Как выяснилось впоследствии, выступая с подобными оговорками, Даллес на деле лишь приближал декларируемый им 12 января стратегический курс к той реальной стратегии американского правительства, которая была сформулирована в принятой СНБ директиве 162/2, одобренной президентом Эйзенхауэром в октябре 1953 г. и уточненной в декабре того же года.

Согласно «новому подходу» к американскому военному планированию, силы «массированного возмездия» рассматривались в основном в качестве средства «ядерного сдерживания» (nuclear deterrence) большой войны

* «Массированное атомное и термоядерное возмездие не является тем видом силы, который с наибольшей пользой может быть применен при всех обстоятельствах». «Первоначально этот пересмотр нашей военной программы был неправильно квалифицирован в различных отношениях. Некоторые заявили, — писал Даллес, явно отвечая критикам, — что Соединенные Штаты намеревались целиком полагаться на крупномасштабную стратегическую бомбардировку в качестве единственного средства сдержать агрессию и дать ей отпор. То, что уже было сказано, должно устранить эту ошибочную мысль. Потенциал для массовой атаки будет всегда содержаться в состоянии мгновенной готовности, но наша программа будет сохранять широкий набор средств и масштабов ответа на агрессию» (*J. F. Dulles. Policy For Security and Peace. — «Foreign Affairs», April 1954, p. 356, 363*).

между СССР и США или же средства, предназначенного для использования во всеобщей войне. Директива также обращала внимание на то, чтобы сделать американских союзников на местах способными к локальным военным действиям¹¹.

Однако выступление государственного секретаря США 12 января 1954 г. создавало, как мы видели, иное впечатление: оно демонстрировало решимость правительства США превращать любой локальный конфликт в военную конфронтацию глобального масштаба. Оговорки, сделанные им в статье в «Форин афферс», отнюдь не проясняли многих моментов. В первую очередь они не устраняли разделявшего многими как в самих США, так и в Европе мнения о том, что официальный Вашингтон своей новой стратегией вступил на путь рискованного военного авантюризма.

Но именно такого впечатления, по-видимому, и добивался Даллес, ибо неопределенность возможной военной реакции США в тех или иных кризисных ситуациях была одним из главных элементов, нарочито заложенных в новую стратегию. И на это обращал внимание сам ее автор, подчеркивая, что не следует «заранее точно объявлять масштабы военных действий» США в случае того или иного кризиса. Надо-де оставить другую сторону «неосведомленной» по этой части¹².

Такая позиция полностью соответствовала даллесовскому принципу «балансирования на грани войны» с целью оказания психологического и политического давления на оппонентов. Подобная линия безусловно не принесла Соединенным Штатам ощутимых успехов. Однако прежде чем более детально углубляться в проблему эффективности или неэффективности стратегии, основанной на угрозе «массированного возмездия», следует сказать несколько слов о тех общих предпосылках, которые привели республиканское руководство в начале 50-х гг. к мнению о целесообразности принятия на вооружение стратегии, представлявшей в первую очередь взгляды теоретиков наиболее агрессивного элемента американских вооруженных сил — командования стратегической авиации ВВС США.

3. ПРИЧИНЫ ПЕРЕХОДА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ К СТРАТЕГИИ «МАССИРОВАННОГО ВОЗМЕЗДИЯ»

Насколько можно судить сейчас, на подобный выбор республиканского руководства США в 50-е гг. оказали решающее влияние три группы факторов:

1. Оценка им общестратегической ситуации в мире.
2. Оценка Вашингтоном перспектив военного соревнования с СССР, особенно в области стратегических вооружений.
3. Внутрипартийная борьба в США, в частности в руководящих кругах самой республиканской партии.

Одним из наиважнейших факторов новой стратегической обстановки с точки зрения республиканского руководства, пришедшего к власти в США в 1953 г., был провал американской интервенции в Корее.

Война в Корее, принеся немалые прибыли определенному, однако, довольно узкому кругу «большого бизнеса», усугубила инфляционные процессы в стране, привела к существенному дефициту в американском бюджете. Значительные жертвы, понесенные США в корейской авантюре (157 530 убитых и раненых), вызвали всеобщее недовольство внешней политикой правительства Трумэна. Обещание Д. Эйзенхауэра положить конец войне в Корее оказалось решающим фактором, обеспечившим его победу на президентских выборах 1952 г.

Новое американское руководство не могло не признать, что стратегия «сдерживания», испытательным полигоном которой стала в 1950 г. Корея, фактически потерпела фиаско. После трех лет сражений США оказались в Корее на той же самой черте, откуда они начали, — на 38-й параллели, по которой проходит граница между КНДР и Южной Кореей. Однако ввиду того что так называемая «ничья» была зафиксирована в результате столкновения вооруженных сил США не с вооруженными силами «главного противника» — Советского Союза, а с вооруженными силами КНДР и китайскими добровольцами, большинство военных теоретиков расценили эту «ничью» как безусловный провал США*.

* «Генерал Альберт С. Ведемейер обратил внимание на оценку в Азии корейской войны: вражеская команда третьего класса

Провал стратегии США в Корее существенно подрывал доверие к США со стороны американских союзников, особенно со стороны тех, кого Соединенным Штатам все-таки удалось втянуть в «коллективную акцию» в Корее*. А такая утрата доверия, несомненно, предвещала для США большие внешнеполитические трудности в предстоящие годы.

При этом представители школы «стратегического минимизма» пугали вашингтонское руководство угрозой «многих Корей» в условиях развития национально-освободительного движения. Вмешательство США в такого рода конфликты потребовало бы «все большего и большего количества наземных сил, тактической авиации и морского транспорта, истощая... людскую силу и производственные мощности...»¹³. Поэтому и с этой точки зрения перспектива развития стратегической ситуации, как ее представляли себе многие в Вашингтоне, требовала отказа от «пассивной» стратегии «сдерживания» и перехода к «более инициативной» стратегии.

одержала победу над нашей первоклассной командой... Раймон Арон заявил, что для США — сильнейшей державы мира — непобеда или тупик были поражением, а для китайцев непобеда или тупик означали победу» (*W. Gordon, U. S. Army. What do we mean by «win»?* — «*Military Review*, January 1966, p. 9).

* Рассматривая события ретроспективно, можно сказать, что фиаско США в Корее, равно как неспособность американского империализма решить проблему «отбрасывания социализма» на «центрального фронта» — в Европе (а эту «проблему» Вашингтон торжественно обещал решить, принимая на себя миссию мирового жандарма), привели в 50-е гг. к первому этапу отхода от США их союзников. Страны Западной Европы стали на путь проведения более самостоятельной политики, прежде всего в отношении СССР (установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ в 1955 г., визит советской партийно-правительственной делегации в Великобританию в 1956 г. и премьера Великобритании Г. Макмиллана в Москву в январе 1959 г., поиск Францией независимой стратегии, «восточная политика» де Голля и т. д.). Второй этап переоценки странами, входящими в лагерь капитализма или ориентирующимися на него, значения Соединенных Штатов как внешнеполитического партнера был начат провалом агрессии США в Индокитае. Характерно, что эту авантюру США их западноевропейские союзники и Япония практически не поддержали. Поражение США во Вьетнаме привело к тому же процессу среди азиатских союзников США, к которому поражение в Корее привело их европейских партнеров: поиску более самостоятельной, менее зависимой от Вашингтона внешней политики (примеры: эволюция внешней политики Пакистана, Таиланда, Филиппин и др.).

В общестратегической ситуации, по оценке республиканского руководства, имелись и определенные «обнадеживающие моменты», якобы также говорившие в пользу авиационной доктрины. В мае 1952 г. страны будущего «Общего рынка» * подписали договор о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС), что открывало перед США перспективу более равномерного распределения «военного бремени» между ними и их западноевропейскими партнерами. В марте 1953 г. умер И. В. Сталин. Это событие породило в Вашингтоне надежды на «внутренний кризис» в советском руководстве и сопутствующее ослабление внешнеполитических позиций СССР. Наконец, и это обстоятельство нельзя игнорировать при учете всех факторов, легших в основу принятия решений по вопросам стратегии, у республиканской верхушки сложилось убеждение в том, что добиться перемирия в Корее на основе признания довоенного статус-кво с незначительными изменениями границы в обе стороны (а США в 1953 г. считали такое урегулирование наилучшим для себя вариантом) им помогла угроза использовать против КНР ядерное оружие в случае затягивания конфликта. Вера в то, что атомный шантаж сработал в отношении Пекина, о чем прямо пишет Эйзенхауэр в своих мемуарах¹⁴, подтолкнула американское руководство к бредовой мысли о том, что «в новых условиях» он может сработать и в отношении СССР, что и явилось одним из побудительных мотивов обращения лидеров США к стратегии «массированного возмездия».

Вторым обстоятельством, подтолкнувшим Эйзенхауэра, Даллеса, Рэдфорда (председателя КНШ), Ч. Вильсона (министра обороны в правительстве Эйзенхауэра) к принятию указанной стратегии, явилась оценка ими и экспертами Пентагона и госдепартамента перспектив военного соревнования с СССР.

Республиканское руководство исходило из убеждения, что в ближайшей перспективе США смогут создать превосходящие стратегические силы по отношению к СССР, рассчитывая в первую очередь на американские «преимущества» в средствах доставки ядерного оружия.

Уже правительство Трумэна (и здесь мы как раз имеем пример взаимопереплетения и взаимоперехода

* Бельгия, Голландия, Италия, Люксембург, ФРГ, Франция,

одного стратегического курса в другой), проводя стратегию «сдерживания», рядом своих постановлений фактически предприняло еще больший упор американской стратегии в дальнейшем на ядерное оружие и стратегическую авиацию в качестве средства его доставки.

Речь идет прежде всего об ускорении работ над созданием водородного оружия («сверхбомбы») и о решении, утвержденном Советом национальной безопасности США 1 октября 1951 г. и устанавливавшим определенные уровни трех видов вооруженных сил, которые должны были быть достигнуты к моменту завершения 1954 бюджетного года: 21 дивизия для армии, 409 крупных боевых кораблей для ВМС, 3 дивизии и 3 авиагруппы для корпуса морской пехоты и 143 авиагруппы («крыла» — по американской терминологии) для ВВС США. «Эти силы представляли относительно небольшое увеличение в процентном отношении армии, ВМС и морской пехоты, но означали расширение ВВС более чем в два раза»¹⁵.

В результате указанного решения СНБ на вооружение США поступили дозвуковой реактивный межконтинентальный бомбардировщик В-52 (в 1954 г., в дополнение к среднему реактивному бомбардировщику В-47, поступившему на вооружение в конце 40-х гг.) и сверхзвуковой тяжелый бомбардировщик В-58 (сконструированный в начале 50-х гг.).

В целом на вооружении США к середине 50-х гг. имелось около 1000 бомбардировщиков среднего и дальнего радиуса действия, размещенных на базах в самих США и на 200 авиационных базах, расположенных по периметру Советского Союза (не считая самолетов тактической авиации в Европе и на Дальнем Востоке, способных нести ядерное оружие)¹⁶.

В целях увеличения возможностей стратегической авиации США для действий против СССР правительством Трумэна была развернута обширная программа строительства авиабаз в Арктике, продолженная правительством Эйзенхауэра. Был создан и принят на вооружение ряд управляемых самолетов-снарядов, способных нести ядерные боезаряды («Снарк», «Матадор», «Регулус»), начаты работы над различными видами ракетного оружия.

Правительство Эйзенхауэра в первый же год своего пребывания у власти приняло ряд новых решений в об-

ласти стратегического строительства, важнейшими из которых были решения о резкой интенсификации работ по созданию баллистических ракет дальнего радиуса действия. В 1956—1962 гг. на программу строительства стратегических сил США («Программу № 1») ежегодно отводилось в среднем 18 млрд. долл. (в ценах 1974 г.)¹⁷. И хотя правительству США было известно о том, что СССР идет опережающими темпами как в создании термоядерного оружия, так и в конструировании мощных баллистических ракет, вера американских руководителей в «технологическое превосходство» США привела их к убеждению, что Соединенные Штаты, учитывая размеры государственных вложений в авиакосмическую промышленность, смогут вырваться далеко вперед СССР и стратегия «массированного возмездия» будет, таким образом, подкреплена фактом безусловного превосходства США в области средств ведения большой войны. Собственно говоря, с точки зрения лидеров Вашингтона, указанная стратегия и впрямь могла иметь какой-либо смысл только в том случае, если США смогли бы продемонстрировать потенциальному противнику свое «абсолютное превосходство» в области современных систем вооружений и тем самым «упугнуть» его.

Именно эта уверенность американских стратегов в значительных преимуществах США над СССР в области средств доставки ядерного оружия (включая и преимущества в их географическом размещении) и явилась, по-видимому, самым веским аргументом в руководящих органах Вашингтона в пользу принятия стратегии «массированного возмездия».

Наконец, третьей причиной, предопределившей выбор республиканским руководством «смелой» стратегии «возмездия», было давление со стороны американских неоизоляционистов, составлявших мощное крыло в республиканской партии. Американский неоизоляционизм 50-х гг. не имел ничего общего с изоляционизмом в общепринятом толковании этого слова. Это была специфическая форма интервенционизма, ставившего во главу угла принцип «экономии сил» и сохранения западного полушария в качестве «Гибралтара западной цивилизации», как говорил один из лидеров неоизоляционистов, бывший президент США Г. Гувер.

Главный соперник генерала Эйзенхауэра в период вы-

бора кандидата для баллотировки на пост президента от республиканской партии в 1952 г. сенатор Тафт, признанный лидер американских неонизоляционистов, выступая со своей предвыборной программой по американскому радио, говорил:

«Внешняя политика глубоко переплетена с военной политикой. Имеется лишь одна внешняя и военная политика, которая сохранит нашу безопасность, и наш мир, и нашу платежеспособность; и она заключается в создании авиационной мощи, достаточно большой для того, чтобы контролировать воздушное пространство над нашей страной, над океанами, которые окружают этот континент, и способной доставить атомные бомбы на русские города и промышленные предприятия. Такие военно-воздушные силы будут, несомненно, в состоянии предотвратить распространение коммунизма через море на островные державы. Всякие другие политические курсы должны быть подчинены этой главной политике...»¹⁸

При этом Тафт, Гувер, лидер республиканской фракции в сенате Ноулэнд и другие неонизоляционисты исходили из того, что политика «ядерного сдерживания» в Европе (в качестве паузы, позволяющей в дальнейшем перейти в наступление) должна дополняться политикой наступления в Азии с помощью чанкайшистов и других союзников США, поддерживаемых американской авиационной и морской мощью. Вместо политики «Европа прежде всего» они требовали политики «Азия прежде всего» для того, чтобы с помощью высокотехнической военной мощи «отбросить» там социализм, «взять реванш» за поражение США в Корее.

Такова была программа неонизоляционистов, программа Тафта, против которой его внутриреспубликанский соперник Эйзенхауэр решительно боролся с позиций, так сказать, традиционного интервенционизма. Но как это часто случается в США, победив Тафта на республиканском предвыборном конвенте и одержав победу на общенациональных выборах, Эйзенхауэр и его главный внешнеполитический советник Даллес в своей практической политике во многом взяли на вооружение программу Тафта. Это объяснялось целым рядом причин: стремлением «сплотить партию», давлением со стороны самого правого, маккартистского крыла той же партии, обвинявшего Трумэна и Ачесона (!) в... предательстве интере-

сов США и жаждавшего внешнеполитического реванша, а также и тем, что стратегическая философия «кухонного кабинета» президента, состоявшего из высокопоставленных промышленников и военных, мало чем отличалась от философии неоиоляционистов, хотя сам Эйзенхауэр как генерал, придерживавшийся сугубо традиционалистских военных воззрений, имел определенные оговорки по части универсализма стратегии «массированного возмездия». Таковы были основные факторы, предопределившие принятие администрацией Эйзенхауэра стратегии «массированного возмездия».

4. ПРОВАЛ СТРАТЕГИЧЕСКОГО БЛЕФА «С ПОЗИЦИИ СИЛЫ»

Как отмечалось выше, стратегическая угроза Даллеса — Рэдфорда нанести ядерный удар по СССР в случае любого локального конфликта, мнимо или реально связанного с коммунистическим движением (а под эту рубрику тогдашние американские лидеры, как известно, стремились подвести любые проявления освободительной борьбы народов), носила явно блефовый характер. Реальная американская стратегия, как она была определена СНБ, не предусматривала такого рода эскалации конфликта действиями самих США.

Если проанализировать условия вступления США в конфликт, как они были записаны в целом ряде двусторонних и многосторонних соглашений, заключенных США с другими странами при правительстве Эйзенхауэра, то они носили более осторожный, менее связывающий США характер, чем, например, соответствующая формулировка Североатлантического пакта, заключенного правительством Трумэна. Поступая подобным образом, Вашингтон оставлял себе большие возможности для маневрирования, чем исключалось автоматическое втягивание США в конфликт между третьими сторонами.

Что же касается прямого советско-американского противостояния и конфликта, который бы начался не в результате какой-либо эскалации на периферии, а непосредственно, как таковой (например, в результате той или иной провокации США или их союзников на «центральном фронте», т. е. в Европе), то в данном случае

стратегия «массированного возмездия» сочетала блефовый аспект, рассчитанный на политико-психологический нажим на СССР, с элементом реальной угрозы, выразившейся в потенциальной готовности США перейти при благоприятном стечении обстоятельств к решению силой проблем политических взаимоотношений с СССР. Это была все та же идея, присутствовавшая и в стратегии «сдерживания», о целесообразности военного решения при условии более или менее надежной уверенности, что такое решение будет выигрышным для США.

Выдвигая эту стратегию, Вашингтон рассчитывал на то, что завышение им «ставок» в военно-психологической конфронтации с СССР может заставить Советский Союз пойти на односторонние уступки США по спорным проблемам, а как максимум — поведет к «сужению сферы социализма» и «трансформации» внутреннего строя в СССР (на что, как мы видели выше, делала ставку и доктрина «сдерживания»).

Еще в мае 1952 г., т. е. за полтора года до официального провозглашения стратегии «массированного возмездия», Д. Ф. Даллес изложил эту доктрину в журнале «Лайф» практически в тех же самых выражениях, которые он использовал в своем выступлении в Нью-Йорке в январе 1954 г. При этом Даллес прямо связал стратегию «массированного возмездия» с политикой «освобождения» восточноевропейских стран, вставших на путь строительства социализма¹⁹. Таким образом, «массированное возмездие» выступало не в качестве оборонительной политики, как это могло казаться из самой формулировки — «возмездие», а в качестве агрессивной наступательной доктрины, с помощью которой США фактически рассчитывали изменить политико-территориальные реальности, как они сложились в Европе в итоге второй мировой войны и послевоенного развития.

В специальном выпуске «Анналов американской Академии политических и социальных наук», посвященном проблеме воздушной мощи, не кто иной, как заместитель начальника штаба ВВС США генерал Томас Уайт, весьма недвусмысленно дал понять, что американское военное планирование исходило из задачи подготовки к превентивному атомному удару по СССР.

«Дивизия противника, уничтоженная в глубине вражеской территории нашей воздушной мощью, — писал

Уайт, — это дивизия, которая уже не причинит потерь дружественным войскам. Возможно, еще большее значение имеет тот факт, что вражеский бомбардировщик, отправленный на тот свет нашей воздушной мощью, пока он еще только загружает свой смертоносный груз, не сбросит этот груз на наш собственный гражданский или военный личный состав или на наши города».

Как бы для того, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что речь шла именно о подготовке к превентивному нападению, Уайт подчеркивал: «Преимущества инициативы, внезапности и разнообразных методов нападения очень сильно склоняют чашу весов в пользу наступательных сил. Соответственно мы должны привязать эти самые наступательные преимущества к нашему собственному делу, используя авиацию дальнего действия...»²⁰

Такова была двуединая идея психологического и военного нажима на Советский Союз с «позиции силы», основанная на убеждении лидеров Вашингтона в том, что Соединенные Штаты обладают существенным превосходством над СССР в области стратегического ядерного оружия*.

Тем не менее, как показали последующие события, Соединенным Штатам не удалось перевести свое превосходство в стратегических средствах доставки ядерного оружия в какие-либо осязаемые политико-дипломатические успехи, не говоря уже о возможностях прямого военного действия. Наоборот, как отмечают известные американские журналисты Р. Драммонд и Г. Кобленц, «совокупный сдвиг в балансе сил против США стал доминирующим, трагическим фактом даллесовской эры. Этот сдвиг приобрел вызывающие беспокойство масштабы, когда Советы проложили путь в космическое пространство»²¹. А Генри Киссинджер еще раньше в своей книге, вышедшей в тот год, когда Советский Союз запустил первый искусственный спутник Земли, пессимистически констатировал: «Вряд ли какой-либо технический прорыв в обозримом будущем будет более фундаментальным, чем

* Это «превосходство» для руководителей Вашингтона в тот период выглядело как 15 или даже 20 к 1 в пользу США. Об этом сообщил в 1972 г. президент Никсон, занимавший в те годы пост вице-президента в правительстве Эйзенхауэра («Правда», 31 октября 1972 г.).

наше изобретение атомной бомбы. И тем не менее обладание ею не дало нам возможности помешать враждебной державе расширить орбиту своего влияния и развить способность к нанесению смертельного удара по Соединенным Штатам»²².

Именно эта способность, появившаяся у СССР в то самое время, когда Соединенные Штаты объявили о переходе к стратегии «массированного возмездия», так сказать, свела на нет эту стратегию и впервые заставила американское руководство подумать о необходимости использовать более осторожные, более гибкие формы противоборства, в том числе и в военной сфере. «Советский авиационный парад в июле 1955 г. был, вероятно, одним из наиболее успешных военных демонстраций в мирное время. Он в значительной степени повлиял на западную оценку стратегического баланса в последующие два года — до того момента, когда СССР испытал свою первую межконтинентальную баллистическую ракету»²³*, — констатируют А. Хорелик и М. Раш, эксперты «РЭНД корпорейшн», ведущего научно-исследовательского учреждения США.

Появление на вооружении у СССР современного межконтинентального бомбардировщика подорвало основную установку, на которой базировалась американская стратегия «массированного возмездия», — убеждение в односторонности, безнаказанности такого рода «возмездия», в том, что США даже в случае атомного нападения на СССР не подвергнутся в ответ такому же удару. Крушение этой посылки означало, что стратегия «массированного возмездия», выдвигавшаяся республиканским

* Тогдашний глава ЦРУ США Аллен Даллес впоследствии писал по этому поводу: «В 1954 г. появились свидетельства того, что СССР производит тяжелые межконтинентальные бомбардировщики дальнего радиуса действия, сравнимые с нашими В-52. Сначала все данные, включая парад 1955 г. ... приводили к выводу, что русские принимают на вооружение эту систему оружия в качестве главного элемента своих наступательных сил и планируют выпускать тяжелые бомбардировщики с той скоростью, как это позволяют их экономика и технология. ... Все это повело к предположениям в нашей стране относительно «отставания по бомбардировщикам»...

Бомбардировочное отставание так и не стало реальностью. Причиной этого вполне понятна, поскольку в то время начали появляться свидетельства о прогрессе русских в программе производства межконтинентальных баллистических ракет, что начало вызывать беспокойство» (A. Dulles. *The Craft of Intelligence*. London, 1963, p. 161).

руководством в качестве «новой и победоносной» стратегии по сравнению со стратегией «сдерживания», фактически обанкротилась в момент ее провозглашения.

«Те, кто формулировал политику массированного возмездия, — отмечает канадский генерал Бэрнс, — казалось, не были сильно обеспокоены тем, что СССР произвел взрыв атомной бомбы в 1949 г. и термоядерной в 1953 г. Иначе говоря, они, по-видимому, не предусматривали возможность того, что Советский Союз окажется в состоянии создать группировку средств доставки ядерного оружия, которая сможет причинить Соединенным Штатам неприемлемые разрушения. Другими словами, при разработке этой политики не была предусмотрена ситуация ядерного тупика. Может быть, это произошло из-за того, что большинство американцев с легкостью предполагало, что они смогут держаться намного впереди Советского Союза в научном и техническом развитии — самонадеянность, которая была окончательно разбита вдребезги запуском первого спутника в 1957 г.»²⁴

Вместе с крушением стратегии «массированного возмездия» рухнул и неоизоляционистский миф об «американском Гибралтаре» — неуязвимом оплоте западного военного альянса, могущем единолично «решать мировые проблемы», так сказать, из «центра силы». На парижской сессии Совета НАТО в декабре 1957 г. (проходившей впервые на уровне глав правительств) представители США были вынуждены вымаливать у своих европейских партнеров согласие на предоставление США новых баз на Европейском континенте с целью размещения там ракет среднего радиуса действия. Таким путем, а также путем размещения в Западной Европе дополнительного запаса американских атомных бомб американское правительство пыталось в срочном порядке улучшить позиции Соединенных Штатов в изменившемся балансе сил*. Так реально обстояло дело с возможностью военного использования США своих стратегических вооруже-

* Прямым отражением понимания нового соотношения сил между США и СССР был тот факт, что лишь три страны НАТО согласились удовлетворить американскую просьбу о размещении на их территориях ракет США: Великобритания, Италия и Турция. Первая — в силу традиционной тесной военной кооперации с США, две другие — по причине большой зависимости их правительств от американской экономической поддержки.

ний против СССР в 50-х гг. независимо от тех или иных позднейших комментариев вашингтонских политиков о состоянии американско-советского стратегического баланса в указанный период.

Не удалось Вашингтону использовать стратегию «маскированного возмездия» и в ее блефовом, политико-психологическом аспекте. А на этот аспект использования стратегии «возмездия» политическим руководством Вашингтона делалась чуть ли не основная ставка, в особенности после того, как обнаружилось, что возможности реального использования американской стратегической авиации против СССР сведены на нет его успехами в строительстве стратегических вооружений.

Правила так называемого стратегического блефа ныне довольно хорошо разработаны, и поэтому, анализируя попытку использования США этого метода, возвышенного Дж. Нейманом и О. Моргенштерном от прагматики картежной игры до уровня раздела математической теории стратегических игр, можно сделать кое-какие выводы относительно причин провала вашингтонской попытки блефовать.

Основное правило заключается в том, что важно в первую очередь не то, какой реальный перевес объективно имеет та или иная сторона над другой, а то, каким образом данный перевес оценивается противоположной стороной.

Другое правило состоит в том, что требования к противнику не должны превышать таких, какие он сам мог бы предъявить, если бы перевес сил (реальный или лишь воображаемый) сложился в его пользу. Иначе говоря, размер уступок, которые одна сторона требует от другой, должен соответствовать силовым возможностям данной стороны в оценке противника.

Недопустимо предъявлять противнику, даже в случае давления реально превосходящей силой, требования столь чрезмерные, что они истощают «предел терпения» последнего и могут вынудить его принять скорее неравный бой, чем навязываемые ему абсолютно неприемлемые условия (это правило, как отмечалось выше, интуитивно понимали еще «отцы-основатели» США).

Наконец, еще одно важнейшее положение гласит, что блеф, окончившийся неудачей, становится бумерангом, который с удвоенной силой бьет по позициям метнувшей

его стороны. После такого психологического фиаско не только противник, но даже и сторонние соседи-наблюдатели уже не придают большого значения жестким декларациям, исходящим от стороны, которая не смогла подтвердить реальность своей угрозы.

При использовании стратегии «массированного возмездия» в целях политико-психологического давления на международной арене американское руководство фактически пренебрегло всеми названными положениями, выступая с непомерными угрозами и еще более непомерными целями («отбрасывание социализма!»). Эти цели совершенно не соответствовали ни фактическим возможностям США, ни представлениям о них у «людей, способных реалистически оценивать как существо назревших международных проблем, так и действительное соотношение сил и факторов, определяющих международную обстановку»²⁵, как отмечала газета «Правда», комментируя одно из выступлений Эйзенхауэра.

Несомненно, что самое сильное психологическое воздействие в международном масштабе в 50-е гг., воздействие, имевшее самое непосредственное отношение к вопросу о возможностях США добиться политических преимуществ с помощью угрозы «массированного возмездия», оказал запуск первого советского искусственного спутника Земли. Ведь создалось буквально парадоксальное положение: в то время как руководители США угрожали СССР мгновенным «массированным возмездием», наиболее эффективное средство быстрой доставки ядерных боеприпасов на стратегические расстояния — межконтинентальная баллистическая ракета впервые появилось на вооружении у Советского Союза! Запуск искусственного спутника свидетельствовал не только о выравнивании стратегического баланса между США и СССР. Основным для американского политического и научного руководства и специалистов в области стратегии было крушение столь долго и упорно пропагандируемого мифа о якобы органически свойственном советскому обществу «неискоренимом» научно-техническом отставании от США. В качестве первой из «основополагающих предпосылок американской военной и внешней политики, оказавшихся несостоятельными в силу факта ракетного отставания США», сенатор Джон Кеннеди назвал в своем нашумевшем выступлении в конгрессе 14 августа 1958 г.

посылку о том, что «американское оружие и наука превосходят любое другое оружие и любую другую науку в мире»²⁶.

Успехи СССР в области ракетостроения аннулировали для Даллеса и его коллег возможность превратить реально складывавшуюся ситуацию «ядерного взаимосдерживания» в ситуацию «ядерного устрашения» Соединенными Штатами Советского Союза и сделали «устрашающую» позицию США неубедительной, если не сказать несерьезной, не только для всего остального мира, но и для многих трезвомыслящих людей в самом американском руководстве. Об этом, хотя и несколько туманно, пишет и сам Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах, говоря, что «спутник обнаружил психологическую уязвимость нашего народа... Советские искусственные спутники были подлинным техническим триумфом, но этот триумф был превзойден их пропагандистской ценностью»²⁷.

Во время рассмотрения американской внешней политики в Комиссии по иностранным делам сената США в феврале 1958 г. состоялся следующий характерный диалог между членом Комиссии влиятельным республиканским сенатором Уайли и главным редактором Британской энциклопедии, а в прошлом сенатором и руководителем радиостанции «Голос Америки» Уильямом Бентоном:

«Сенатор Уайли. Как я понимаю, в ваших показаниях перед Комиссией вы проводили мысль о том... что появление спутника создало психологический страх в мире, наносящий ущерб нашей собственной позиции. Другими словами, появление спутника укрепило другие народы в мысли о способностях Кремля. Я хорошо помню, каков был непосредственный эффект спутника в нашей стране...»

Бентон. Вы полностью правы в вашем мнении о том, что это событие оставило глубокий психологический след повсюду в мире и что за пределами США его воздействие было очень сильно просоветским»²⁸.

Осознание республиканским руководством реальных изменений в мировом балансе сил привело лидеров США за стол мирных переговоров с руководителями СССР по широкому кругу проблем, заставило их пойти на первые прямые дипломатические контакты с КНР.

Однако, идя на переговоры с СССР, тогдашние лидеры США надеялись добиться за столом переговоров того, чего они не смогли добиться, «балансируя на грани войны». Такой подход предопределил незначительность конкретных результатов советско-американских встреч на высшем уровне в 50-е гг. Эти контакты создавали лишь кратковременные улучшения в международной атмосфере («дух Женевы», «дух Кэмп-Дэвида»), но не повели к сколько-нибудь существенному повороту в сторону мирного сосуществования между двумя державами. Политика давления на СССР «с позиции силы» делала невозможным налаживание конструктивного и равноправного сотрудничества между двумя странами.

5. РЕАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЭЙЗЕНХАУЭРА КАК КОМПРОМИСС МЕЖДУ КОНЦЕПЦИЯМИ ТРАДИЦИОННОГО «СДЕРЖИВАНИЯ» И «МАССИРОВАННОГО ВОЗМЕЗДИЯ»

Несмотря на громкую рекламу, созданную в США в 50-е гг. теории «массированного возмездия», эта стратегия, как и ее предшественница — стратегия «сдерживания», не действовала в чистом виде.

Намерение Пентагона пойти на применение ядерного оружия в Индокитае весной 1954 г. (во время осады патристическими силами в крепости Дьен Бьен Фу французских колониальных войск) было по сути дела единственной попыткой осуществить на практике стратегию «массированного возмездия». Однако эта попытка была заблокирована союзниками США, в первую очередь Англией, и реалистически мыслящими силами в самом правящем классе США. После того как вашингтонские лидеры осознали широту масштабов оппозиции этой авантюристической стратегии в их собственном лагере, они предпочитали действовать более осторожно в конфликтах, имевших место в 50-х гг. «Индокитайский кризис, — отмечает сотрудник «РЭНД корпорейшн» П. Хэммонд, — подчеркнул колоссальное несоответствие между военной мощью, измеренной в технических категориях, и военной мощью, которая была политически используемой»²⁹.

Во всех основных конфликтах, имевших место на протяжении этого периода: двух кризисах в районе Тайваня (1954—1955 гг. и 1958 г.), суэцком (1956 г.), иракской революции и вооруженной интервенции США в Ливане (1958 г.) и некоторых других, вашингтонское руководство действовало не в соответствии с объявленной генеральной стратегией, а гораздо более осторожно, стремясь к локальным акциям в духе раскритикованной им стратегии «сдерживания». Генерал Максвелл Тейлор, занимавший в администрации Эйзенхауэра пост начальника штаба армии США (1955—1959 гг.), в своих мемуарах говорит об «эволюции стратегии массированного возмездия от ее первоначальной чистоты к гибриду, который ко времени моего ухода из Пентагона в 1959 г. имел некоторое сходство со стратегией гибкого реагирования, вскоре принятой администрацией Кеннеди»³⁰.

За время пребывания у власти двух администраций Эйзенхауэра произошло не меньшее, если не большее, чем в бытность Трумэна, расширение формальных американских военно-политических обязательств за границей. Все это дало повод американским авторам, исследующим этот период внешнеполитической деятельности США, писать о «пактомании Даллеса».

Эта «пактомания» объяснялась не только тем, что Даллес «рассматривал весь коммунистический мир как американскую сферу влияния, которую он стремился защитить целью союзов, опоясывающих по периферии районы коммунистической власти»³¹. Дело в том, что и в 50-е гг. авиационная мощь США все еще не была способна эффективно действовать против «основного противника», т. е. СССР, непосредственно с территории США. Потребность в авиационных базах на заморских «дружественных территориях» невольно повышала значение армии и флота (защита соответствующих территорий, охрана коммуникаций), создавая в определенной мере противодействие крену в сторону односторонней опоры на авиацию.

В известной мере «доктрина Эйзенхауэра» для Ближнего и Среднего Востока с заложенной в ней идеей строительства местных проамериканских военных сил была прообразом «доктрины Никсона» 70-х гг. с ее упором на «вьетнамизацию», «корейзацию», «европеизацию» и т. д. военных усилий американских союзников. Но еще более

характерным был общий подход правительства Эйзенхауэра к военной политике США за границей. Под влиянием «уроков Кореи» Эйзенхауэр говорил: «Так как наши ресурсы были и остаются ограниченными, мы не можем поставлять все сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы для всего свободного мира. Логически роль наших союзников, расположенных по периферии железного занавеса, поэтому должна заключаться в том, чтобы... поставлять сухопутные силы, в то время как Соединенные Штаты, расположенные в центре и обладающие сильными производственными мощностями, обеспечивали бы мобильные резервные силы всех видов с упором на военно-морские и военно-воздушные контингенты»³².

В то же время Эйзенхауэр подчеркивал, что «национальная безопасность не может быть измерена лишь в понятиях военной силы. Взаимосвязь, например, между военной и экономической силой является очень тесной и неразрывной»³³. Именно это желание не удушить экономику чрезмерными военными расходами толкало президента и его ближайших советников вроде министра финансов Дж. Хэмфри, министра обороны Ч. Вильсона и других представителей корпораций, придерживавшихся традиционно-консервативных экономических взглядов, на поиск «дешевой стратегии», которая бы обеспечивала, как с мужицкой откровенностью выражался Ч. Вильсон, «больше лязга на каждый кусок» (доллар) — «Bigger bang for a buck».

При таком подходе, ставившем во главу угла сугубо бухгалтерскую, а не политическую оценку стоимости по отношению к эффективности при выборе систем оружия, предпочтение отдавалось мнимой дешевизне осуществления военных задач США с помощью «массированного возмездия», несмотря на немыслимо высокую и по сути дела запретительную (самоубийственную) для США стоимость фактического осуществления этой стратегии.

Кстати говоря, и версия о финансовой дешевизне стратегии «массированного возмездия» оказалась на поверку несостоятельной. Несмотря на прекращение войны в Корее и, следовательно, колоссальных расходов, связанных с ней, несмотря на существенное сокращение численности вооруженных сил США (с 3 555 тыс. человек в 1953 г. до 2 476 тыс. человек в 1960 г.), прямые военные

расходы США (исключая пенсии и услуги ветеранам) за 8 лет президентства Эйзенхауэра (1954—1961 финансовые годы) на 145 млрд. долл. превысили расходы правительства Трумэна за 8 лет (1946—1953 финансовые годы; 356 млрд. долл. при Эйзенхауэре против 211 млрд. долл. при Трумэне) ³⁴.

В начале 60-х гг. к власти в США пришла более вдумчивая, более критически и реалистически мыслящая, хотя бы в вопросах ядерной войны, администрация Дж. Кеннеди, которая произвела заново анализ соотношения сил между империализмом и социализмом, США и СССР. В результате она вынуждена была сделать вывод о том, что военно-технические возможности социалистической системы и реальное соотношение сил в стратегических вооружениях таковы, что судьба самой американской цивилизации может быть и впрямь поставлена под вопрос в случае развязывания США ядерной войны против СССР. Именно признание вероятности подобной перспективы и заставило администрацию Кеннеди кардинальным образом изменить стратегию США, сдав в архив доктрину «массированного возмездия».

СИНТЕЗ: СТРАТЕГИЯ «ГИБКОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Со второй половины 50-х гг. военно-политическая стратегия США в силу обнаружившейся несостоятельности концепции «массированного возмездия» начала эволюционировать в обратном направлении — в сторону традиционного «сдерживания». По свидетельству генерала М. Тейлора, уже в январе 1955 г. Совет национальной безопасности США «предпринял первый широкий пересмотр провозглашенного в 1953 г. «нового курса». Была признана возможность взаимного сдерживания и необходимость иметь на этот случай гибкие, находящиеся в постоянной готовности войска, способные дать отпор ограниченной агрессии»¹.

Однако вплоть до начала 60-х гг. «массированное возмездие» продолжало оставаться официальной стратегией США. Вторая половина 50-х гг. была периодом «разброда и шатаний» в области стратегических концепций: на словах американские лидеры все еще пытались запугивать потенциальных противников угрозой «массированного возмездия», а на деле все полнее учитывали реальность ядерного возмездия против США в ответ на ту или иную американскую провокацию. «Лишение США монопольного владения ядерным оружием выбило из рук милитаристов главное средство шантажа и угроз, и в конечном счете они вынуждены были считаться с возросшей мощью Советского Союза»², — отмечал Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

Быть может, именно по причине растерянности, охватившей американские правящие круги, в конце 50-х гг. в США начался подъем военно-теоретической мысли.

Лидеры и идеологи американского империализма искали ответы на вопросы, поставленные жизнью, в связи с изменившимся не в пользу США соотношением сил на мировой арене и фактом ликвидации «неуязвимости» собственно американской территории.

Ввиду усложнения проблем, вытекающих из многоаспектного характера противоборства двух социальных систем на мировой арене, колоссальных возможностей военной силы, возникших в результате создания ракетно-ядерного оружия, усилий одних лишь военных стратегов оказалось недостаточно для их решения. В заповедную область военной стратегии и военной политики устремился поток гражданских ученых — специалистов в области математики, экономики, социологии, политики, международных отношений и т. д., поставивших перед собой задачу сформулировать концептуальные основы более рациональной военно-политической стратегии США.

В результате вмешательства гражданских специалистов в процесс выработки стратегических концепций расширились теоретические горизонты стратегического анализа. Акцент был сделан на политическом подходе к проблемам противоборства. Вместе с тем углубилась фундаментальность исследований, поскольку военно-политические проблемы стали рассматриваться в крупномасштабных исторических категориях.

Наиболее активно рассмотрением стратегических проблем занимались научные сотрудники «РЭНД корпорейшн», Института оборонного анализа, ученые и общественные деятели, работавшие под эгидой Совета по международным отношениям США и Фонда братьев Рокфеллеров. Существенную роль в анализе новой внешнеполитической ситуации сыграла и серия докладов (общим объемом почти в 1500 страниц) по проблемам внешнеполитической, научно-технической и военной стратегии США на 60-е гг. Эти доклады были подготовлены специалистами ряда американских учебных и научно-исследовательских заведений по заданию Комиссии по иностранным делам сената США («Комиссии Фулбрайта»).

Новые теоретические концепции в области военно-политической стратегии, витавшие в воздухе во второй половине 50-х гг., получили наиболее полное отражение

в книге профессора Гарвардского университета Генри Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика» и в книге отставного армейского генерала Максуэлла Тейлора «Ненадежная стратегия».

Киссинджер одним из первых на Западе по-новому подошел к рассмотрению проблем соотношения политики и военной силы как орудия политики в эпоху ядерного противостояния. В результате предпринятого анализа Киссинджер пришел к следующим выводам.

В конце 40-х — начале 50-х гг. в США считалось, что грандиозные средства разрушения, которыми владеют Соединенные Штаты, дают им возможность ставить и решать неограниченные внешнеполитические, в том числе и военные, задачи. В противовес этому Киссинджер выдвинул тезис о том, что военные средства колоссальной разрушительной силы, созданные в результате научно-технической революции, оказываются чрезмерными для осуществления сколько-нибудь реальных политических целей. «...Наша атомная монополия... — реалистически констатировал он, — не дала нам возможности добиться стратегической трансформации в нашу пользу»³.

Происходит это по двум причинам. Во-первых, потому, что возможности военной силы в большинстве случаев превышают ныне те политические задачи, которые должны решаться с помощью этой силы: применением атомной бомбы нельзя решить подавляющее большинство тех конфликтов, в которых участвуют США. Во-вторых, накопленный США арсенал ракетно-ядерного оружия не может быть рационально использован и для реализации основных внешнеполитических целей, ибо потенциальный противник США — Советский Союз может противопоставить Соединенным Штатам аналогичную стратегическую мощь. В этих условиях попытка достигнуть тотальной победы становится невозможной без риска самоуничтожения.

При такой девальвации стратегической военной силы на видное место в конфронтации двух систем на мировой арене с неизбежностью выдвигаются политико-психологические (идеологические), экономические и иные невоенные формы борьбы.

Однако, выдвигая этот тезис, Киссинджер в тот период отнюдь не ратовал за перенос противоборства в невоенные сферы. Наоборот, его крайне беспокоил тот

факт, что в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене использовать военную силу США в соответствии с установками стратегии «массированного возмездия» оказывалось невозможным, равносильным самоубийству. Использовать же ее каким-либо иным образом представлялось для США затруднительным ввиду отсутствия соответствующих концепций: ведь стратегия «массированного возмездия» постулировала необходимость и вероятность одного-единственного способа использования военной силы США.

Это не значит, конечно, что США вообще не могли использовать военную силу ограниченным и локальным образом. Как показала высадка американских войск в Ливане в 1958 г., они это делали. Но Киссинджера и других теоретиков беспокоило именно расхождение между теорией и практикой. Если концептуальные установки не соответствуют практике, основывающейся на реальных возможностях, то, доказывал Киссинджер, надо привести теорию в соответствие с практикой — изменить стратегию. Изменить для того, чтобы военная сила США вновь стала используемой. «Война, — подчеркивал он, — должна быть сделана используемым инструментом политики»⁴. «Ибо, если обращение к силе фактически становится невозможным, дипломатия также может утратить свою эффективность... Невозможность использовать силу может увековечить все споры, сколь бы пустяковыми они ни были»⁵.

Выражая точку зрения, которой в то время придерживалось подавляющее большинство американских стратегов, Киссинджер доказывал, что, несмотря на создавшийся между США и СССР «ядерный тупик», Соединенные Штаты не должны отказываться от достижения позитивных (а не только «негативных» — оборонительных) целей военным путем. Чтобы иметь возможность сделать это, надо в известной мере дисциплинировать необузданную силу и применять ее ограниченно, ибо стратегическое ядерное оружие не ликвидирует вообще используемость силы, а лишь делает необходимым ее осмотрительное, гибкое использование. «В ядерный век гибкость зависит от способности встретить целый спектр возможных вызовов, а не только лишь самый абсолютный»⁶.

Военная борьба, подчеркивал Киссинджер, в условиях «ядерного тупика» должна вестись на более низ-

ких уровнях насилия, чем «тотальный», — уровнях, не чреватых взаимным уничтожением. Таким уровнем должна быть ограниченная война — ядерная или неядерная.

Ограниченные войны должны приводить к ограниченным изменениям в статус-кво, а постепенное «невызывающее» накопление таких изменений могло бы дать преуспевающей стороне в конечном итоге новое качество силы, существенным образом улучшить ее глобальные стратегические позиции. «Ограниченная война, — писал Киссинджер, — несовместима с попытками навязывания безусловной капитуляции. Но невозможность навязать безусловную капитуляцию не должна быть смешиваема с неизбежностью возвращения к статус-кво анте»⁷.

Примерно такую же точку зрения высказывал и военный теоретик генерал М. Тейлор, занимавший в 1955—1959 гг. пост начальника штаба армии США, но вышедший в отставку из-за своего несогласия с военными концепциями и стратегическим строительством, базирующимся на авиационном «монизме» и ведущими к принижению роли сухопутных и морских сил в военном комплексе США. В книге «Ненадежная стратегия» и многочисленных выступлениях в Совете национальной безопасности США и комиссиях конгресса Тейлор подверг стратегию «массированного возмездия» критике, доказывая ее неприемлемость при сложившемся соотношении мировых сил.

«В условиях ядерного паритета, когда обе стороны обладают способностью к взаимному уничтожению, стратегия массированного ядерного удара может служить лишь средством устрашения для предотвращения тотальной ядерной войны или репрессалии в случае, если такая война начнется, — говорил Тейлор на одном из заседаний Совета национальной безопасности в 1958 г. . . . Отныне мы, — продолжал он, — должны ориентироваться на так называемые силы ограниченной войны, как на активный элемент нашей стратегии»⁸. Именно Тейлор предложил назвать национальную военную программу, пересмотренную в предлагавшемся им и другими теоретиками «плюрализма» направлении, стратегией «гибкого реагирования».

Наряду с Г. Киссинджером и М. Тейлором, развивавшими теорию ограниченной войны, целый ряд специали-

стов подвергли анализу и критике стратегию «массированного возмездия» в ее чисто ядерном аспекте. Они предложили новые, более уточненные теории использования собственно ядерного оружия, отличающиеся от грубого примитивизма стратегии «массированного возмездия».

Среди создателей развернутой американской теории ядерной войны, теории, учитывающей появление на вооружении США и СССР не только стратегической авиации, но и межконтинентальных баллистических ракет, наибольшую известность в начале 60-х гг. получили два сотрудника ведущей «фабрики мысли» — «РЭНД корпорейшн» Герман Кан и Бернард Броди. В исследованиях «О термоядерной войне» (Г. Кан) и «Стратегия в век ракетного оружия» (Б. Броди) они выступили с предложениями относительно «оптимальной» для Соединенных Штатов ядерной стратегии в период, когда «ядерное возмездие», безусловно, превратилось в двустороннюю перспективу.

В работе «О термоядерной войне» Г. Кан суммировал и проанализировал все основные теоретические концепции, относящиеся к так называемой центральной ядерной войне между основными противниками в условиях, когда у обеих сторон имеется стратегическое ракетно-ядерное оружие.

Надо сказать, что к началу 60-х гг. даже американские «математические стратеги», представляемые Г. Каном и вообще всей рэндовской школой и рассматривавшие ракетно-ядерную войну всего лишь как математический «частный случай» обычной войны, начали подходить к проблемам ядерной войны гораздо осторожнее, чем это имело место в начале 50-х гг. Не отвергая в принципе возможности такой войны, более того, предсказывая ее вероятность и разрабатывая стратегии, призванные обеспечить «победу» США в случае ее возникновения, они в своих расчетах все же исходили из концепции «сдерживания» стратегической ракетно-ядерной войны между США и СССР, а не ее ведения. Правда, американские стратеги, и в первую очередь тот же Кан, преуменьшали последствия обмена ракетно-ядерными ударами, доказывали «переносимость» глобальной атомной катастрофы. Тем не менее они выступали все же за необходимость ограничений даже при использовании «основной силы»,

за то, чтобы «решение спора» в ходе «центрального конфликта» заканчивалось на более низких уровнях насилия, чем максимально допускаемый потенциалом, имеющимся у каждого из двух главных оппонентов.

Согласно Кану, в официальных и научных американских кругах к началу 60-х гг. циркулировали три типа концепций («альтернативных стратегий») «ядерного сдерживания»:

1. «Минимальное сдерживание» («Minimum Deterrence»). Согласно этой концепции, достаточно, чтобы каждая из сторон имела несколько атомных бомб; угроза их применения будет сдерживать каждую из сторон от нападения.

2. «Предельное сдерживание» («Finite Deterrence»), представляющее собой фактически «минимальное сдерживание», но со «страховкой в целях надежности». Сторонники «предельного сдерживания», отмечал Кан, более или менее понимают тонкости «сдерживания», связанные с необходимостью даже после перенесенного нападения сохранить достаточный арсенал ядерных стратегических сил для ответного удара и т. д. *

Сторонники «предельного сдерживания» утверждают, что нельзя убить кого-либо больше одного раза; де-

* Современная американская теория применения стратегических сил под способностью «первого удара» подразумевает возможность нанести по противнику удар такой разрушительной силы, после которого ответный удар последнего сохранившимися у него силами не причинит очень большого («неприемлемого») ущерба стороне, совершившей нападение. Р. Макнамара определял минимальную величину «неприемлемого ущерба» для любой индустриальной нации XX в. как потерю ею 20—25% населения и 50% промышленного потенциала.

Под способностью «второго», или ответного, удара подразумевается сохранение вооруженными силами стороны, подвергшейся нападению, возможности нанести оставшимися у нее стратегическими ядерными средствами удар по напавшей стороне такой силы, который причинит последней «неприемлемый ущерб». «Первый удар», если рассматривать эту проблему в сугубо теоретическом плане, может быть как превентивным, т. е. неспровоцированным действиями другой стороны, так и преземптивным (упреждающим), призванным упредить противника, готового предпринять нападение. На практике, по-видимому, могло бы оказаться довольно затруднительным провести различие между этими двумя типами ударов, поскольку атакующая сторона имела бы склонность в любом случае квалифицировать свой удар как упреждающий, вызванный опасениями в отношении военных приготовлений другой стороны, и, наоборот, сторона, подвергшаяся напа-

сятикратное убийство не более желательно, чем сверхубийство в коэффициенте два: это ненужная трата усилий. Они также утверждают, что, поразмыслив, можно легко сконструировать стратегические системы, которые могут сверхпоражать даже при нанесении ответного удара. И как только мы создадим ограниченные (т. е. предельные) силы, необходимые для осуществления данной работы, мы получим достаточные стратегические силы и не будем нуждаться больше ни в чем, что бы ни делал противник»⁹.

3. Позиция «контрсилы» (Counterforce). В общепринятом американском понятии под способностью к «контрсиловому» удару подразумевается способность уничтожить силы противника на земле*. Однако Кан трактовал стратегию «контрсилы» шире: не только как способность к уничтожению сил противника на земле, но и как совокупность мер, позволяющих свести к минимуму возможные последствия ответного удара стратегических сил противника — «ограничить ущерб».

«Понятие «контрсила» включает в себя не только активную контрсилу, способную уничтожить или повредить вражеские силы на земле, но и другие способы противодействия, такие, как активная и пассивная оборона»¹⁰.

Необходимо учитывать при этом, что стратегия «контрсилы» в любой трактовке — расширительной (удар по военным объектам противника плюс меры, призванные ограничить собственный ущерб) или ограничительной (уничтожение военных сил противника) — непременно и в первую очередь предусматривает удар по стратегическим наступательным силам противостоящей стороны. Такой удар может иметь смысл лишь в том случае, если

дению, в любом случае, очевидно, рассматривала бы удар противника как превентивный, т. е. сугубо агрессивный, неспровоцированный удар.

В трактовке «второго удара» американские стратеги проводят различие между чисто «ответным ударом» (launch on impact), осуществленным после того, как удар противника фактически обрушился на территорию страны, наносящей ответный удар, и «встречным ударом» (launch on warning), осуществляемым по сигналу систем предупреждения в промежуток времени, когда ракеты противника уже стартовали, но еще не достигли целей данной стороны.

* Антонимом термину «контрсила» является понятие «контрценностный» удар, т. е. удар не по военным силам противника, а по центрам концентрации его промышленности и населения.

он наносится как первый удар. Бессмысленно наносить стратегический «контрсилловой» удар как ответный: в таком случае он будет ударом по пустым аэродромам, пустым ракетным шахтам, так как другая сторона уже «нажала кнопку» первого удара.

Надо сказать, что Кан не был в США пионером в разработке теории, рассматривающей войну в ядерную эпоху как противоборство специально создаваемых государствами для этой цели сил, а не просто как взаимное истребление гражданского населения*.

В середине 50-х гг. американский специалист по системам авиационного вооружения Т. Ф. Волковиц выступил с концепцией, проводившей различие между стратегической ядерной достаточностью и военной ядерной достаточностью. При этом Волковиц показал, что так называемый стратегический ядерный паритет не обязательно является военным ядерным паритетом и что в рамках стратегического ядерного паритета, дающего каждой из сторон возможность «контрэкономического» (или, по терминологии Кана, «контрценностного») удара, одна из них может добиться такого изобилия ядерного боезапаса, которое позволит действовать не только против экономических целей, но и против стратегических сил противника с целью обезоружить его и лишить способности к ответному «контрценностному» удару^{11**}.

* Характерной тенденцией войн XX в. является увеличение доли погибшего гражданского населения. «В первой мировой войне было убито приблизительно около 10 миллионов человек, из которых 95% составляли солдаты и 5% — мирные жители. Во второй мировой войне было убито 50 миллионов — примерно поровну солдат и гражданского населения (52% и 48%). Во время войны в Корее из девяти миллионов убитых 84% составили мирные жители и только 16% — солдаты» (Макс Борн. *Моя жизнь и взгляды*. М., 1973, стр. 136). Та же тенденция преобладала и в самой последней из войн XX в. — вьетнамской агрессии США. По данным Стокгольмского международного института по изучению проблем мира, среди убитых в результате американской агрессии в Индокитае свыше 90% мирных жителей. Авторы исследования делают вывод, что исключительно высокий процент мирных жителей среди убитых в Индокитае — прямое следствие массированных бомбардировок американской авиацией городов и деревень ДРВ, Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи (см. «Литературная газета», 1 января 1973 г.).

** Обмен «контрэкономическими» ударами, приводящий к огромным людским потерям и уничтожению большей части американского промышленного и городского комплексов, доказывал Волковиц, поставил бы под вопрос сохранение американских «концепций и ни-

Опираясь на труды стратегов типа Волковица и на свои собственные теоретические обобщения, основанные на системном анализе проблем ядерной войны, Кан развил идею о трех типах «сдерживания» (deterrence):

«Сдерживание» первого типа есть сдерживание прямого нападения на Соединенные Штаты, обеспечиваемое путем создания способности к нанесению «неприемлемого ущерба» противнику в порядке второго (ответного) удара.

«Сдерживание» второго типа есть «сдерживание» многих других форм действий против интересов США. По сути дела «сдерживание» этого типа не подразумевает просто оборону американской территории, а трактует «сдерживание» в его традиционно-американском плане: как форму устранения препятствий к продвижению «национальных интересов» США, «расширению границы», т. е. как форму наступления. С помощью такого рода «сдерживания» в эпоху стратегического ядерного равновесия должны обеспечиваться возможности силовой политики США в широком диапазоне, в том числе поддержка военной политики европейских союзников США.

Но для «сдерживания», трактуемого столь широко, обладания потенциалом «ответного удара» явно недостаточно. «Сдерживание» этого типа предусматривает наличие способности к первому (т. е. «контрсилового») удару.

«Сдерживание» третьего типа есть «контролируемое сдерживание», опирающееся на «высшее сдерживание» одного из первых двух типов и предусматривающее возможность «дозированного» использования силы для ограниченных действий в рамках «правил игры», устанавли-

ститутах», иначе говоря, существование американского строя. «Это коренное несоответствие между национальными целями (сохранение «американских концепций и институтов». — Г. Т.) и неограниченной «контрэкономической» войной в условиях стратегической ядерной симметрии между Соединенными Штатами и Советским Союзом требует, чтобы мы объективно исследовали любую из альтернативных стратегий военной победы, которые уменьшают вероятность автоматического обмена контрэкономическими ядерными ударами». Основной целью США, утверждал Волковиц, должен быть «выигрыш любой войны главным образом путем уничтожения наличных военных сил противника»¹². Аналогичные идеи развивал и полковник запаса ВВС США Р. Легхорн¹³.

ваемых самим фактом существования стратегического «ядерного баланса». «Сдерживание третьего типа, — подчеркивал Кан, — включающее использование как военных, так и невоенных средств борьбы, предусматривает действия «по правилам игры», взаимно соблюдаемым сторонами в ограниченном конфликте, и поэтому «не дает повода для выхода за рамки правил в порядке репрессалии»¹⁴.

При этом Кан решительно высказывался за стратегическое строительство, обеспечивающее «сдерживающий фактор второго типа» (обладание потенциалом «первого удара»). «Если мы обладаем слабым сдерживающим фактором первого типа, — отмечал Кан, — то имеется много провоцирующих или сильных акций, которые мы побоялись бы или должны были бы бояться осуществить потому, что они могли бы напрочь наш сдерживающий фактор типа I до точки его полного провала»¹⁵.

При этом Кан доказывал, что «сдерживающий фактор типа II» якобы может быть «вполне совместим со многими важными и желательными мерами в области контроля над вооружениями, предназначенными для того, чтобы уменьшить угрозу неожиданного нападения или же войны по случайности»¹⁶.

Во многом близки концепциям Г. Кана взгляды, высказанные Б. Броди в книге «Стратегия в век ракетного оружия». Однако эти взгляды выражены в более традиционной, менее бьющей на парадоксальность манере, чем это сделано в лекциях Кана. Броди выступал за стратегию «ядерного сдерживания», требующую создания надежно защищенных сил возмездия, хотя при этом он также склонялся к тому, чтобы США имели и «контрсиловую» способность «первого удара»¹⁷.

Книги Киссинджера и Тейлора, Кана и Броди оказались в конце 50-х — начале 60-х гг. наиболее известными из множества работ американских теоретиков, в которых разрабатывались новые концепции плюралистской стратегии в эпоху достаточности ядерной взрывчатки у двух «сверхдержав», как называли они США и СССР. К такого рода концепциям разной степени «гибкости» пришло к началу 60-х гг. подавляющее большинство американских специалистов в вопросах военной и военно-политической стратегии, за исключением, пожалуй, верхушки командования ВВС США, оставшейся на позициях стра-

тегического монизма и считавшей авиационно-ракетно-ядерный «блицкриг» и угрозу им лучшей формой стратегического действия при любых обстоятельствах¹⁸ *.

Среди американских теоретиков, отстаивавших более гибкие концепции как в области войны вообще, так и в тактике использования ядерного оружия, следует назвать Х. Болдуина, М. Гальперина, Дж. Гэвина, К. Кейзена, М. Каплана, У. Кауфмана, Дж. Кеннана, П. Кешкемети, Дж. Кинга, У. Липпмана, Г. Моргентау, П. Нитце, К. Норра (К. Кнорра — в другом написании его фамилии по-русски), Р. Осгуда, М. Риджуэя, Г. Снайдера, А. Уолстеттера, Р. Хилсмена¹⁹. В частности, У. Кауфманом были разработаны критерии «ядерного сдерживания» **; А. Уолстеттером развиты основные принципы подхода к «взаимосдерживанию» путем создания стратегических сил, способных пережить ядерное нападение и нанести противнику «неприемлемый ущерб» в порядке ответного удара²⁰.

Определенный вклад в разработку теории «сдерживания» (deterrence) был внесен профессором политических наук университета штата Нью-Йорк в Буффало Гленном Снайдером. В работе «Сдерживание и оборона» Снайдер утверждал, что стратегические силы, могущие хорошо выполнять функцию «сдерживания», в то же са-

* Доктрина «авиационного монизма» была четко представлена в качестве альтернативы военно-политической стратегии «гибкого реагирования» в избирательной платформе кандидата в президенты от республиканской партии на выборах 1964 г. Б. Голдуотера — генерала резерва ВВС США, требовавшего «жесткого реагирования».

В избирательной кампании 1968 г. та же стратегическая «альтернатива» выдвигалась К. Лимэем — бывшим начальником штаба ВВС США, кандидатом в вице-президенты США от американской независимой партии небезызвестного расиста Дж. Уоллеса. Книга Лимэя «Америка в опасности» по сути дела являлась внешнеполитической платформой этой партии.

** Согласно У. Кауфману, для «сдерживания» необходимо и достаточно совокупное выполнение трех условий; потенциальный противник будет сдержан, если он будет убежден в том, что: 1) Соединенные Штаты обладают способностью действовать в соответствии с той угрозой, которая ими декларируется; 2) претворение этой угрозы в жизнь нанесет противнику потери, цена которых превысит цену преследуемых им целей, и 3) Соединенные Штаты в кризисной ситуации будут действовать в соответствии с декларированной ими стратегией (W. W. Kaufman. The Requirements of Deterrence. — «Military Policy and National Security», ed. W. Kaufman. Princeton, New Jersey, 1956, p. 12—38).

мое время могут оказаться не очень пригодными для фактического ведения войны. Силы «сдерживания», согласно Снайдеру, в основном работают против намерений оппонента, в то время как те же самые силы, рассматриваемые как силы ведения войны, работают против материальных способностей оппонента в направлении сокращения возможностей последнего причинить ущерб данной стороне.

Стремясь доказать возможность «гибкого применения» стратегических ядерных сил, Снайдер выдвинул идею «ограниченного» использования стратегического оружия и фактически в общих чертах определил спектр вариантов использования современных вооруженных сил (набор «стратегических альтернатив»), перехода от низших форм конфликта (использования силы) к «высшим» с определенными «критическими порогами» между различными фазами подъема²¹. В начале 60-х гг. основные посылы этой концепции (ее разработкой занимался также П. Кешкемети из «РЭНД корпорейшн») были развиты Г. Каном в теорию «эскалации»²² *.

Некоторые концепции, высказанные в 50-е гг. американскими теоретиками, оказались, так сказать, преждевременными и стали осваиваться американской стратегической теорией и официальным руководством США лишь в конце 60-х гг. К такого рода концепциям можно отнести высказанную Дж. Кеннаном еще в 1954 г. идею о постепенной замене «биполярной» стратегической конфронтации ситуацией «многополярности», которая характеризуется наличием в мире не двух, а нескольких

* Г. Кан смоделировал так называемую лестницу эскалации из 44 ступеней. Каждая ступень этой «лестницы» соответствует определенному уровню конфликта. Согласно модели Кана, той или иной конфликтной ситуации должен соответствовать конкретный способ использования вооруженных сил, определяемый характером применяемого оружия, масштабами театра военных действий и интенсивностью операций. Усиливая использование вооруженных сил в рамках этих трех параметров, т. е. эскалируя военные действия, или, наоборот, ослабляя их применение, т. е. производя деэскалацию конфликта, американское руководство, по мнению Кана, может осуществлять должный стратегический контроль за развитием конфликта, в то же время ведя с противником переговоры об условиях его урегулирования. Параллельное осуществление двухаспектного контакта с противником: противоборство на поле боя (при постепенном «повышении ставок») и конфиденциальный диалог с ним — одно из важнейших положений теории «эскалации».

«центров силы»²³ *. Г. Снайдер выступил с концепцией «нового баланса сил» как некой комбинированной совокупности традиционного «баланса сил» (т. е. баланса обычных вооруженных сил и вооружений, называемого им «тактическим балансом») и нетрадиционного «равновесия страха», связанного со стратегическими системами ядерного оружия. Снайдер утверждал, что при дальнейшей эволюции «многополюсной» системы будет происходить все большее взаимодействие и взаимопереплетение между традиционным и нетрадиционным «балансами сил» и что общий баланс сил будет все более определяться кумулятивным балансом «на всех возможных уровнях насилия» с учетом таких факторов, как вероятное преимущество традиционной обороны перед наступлением, мобилизационные возможности после нападения, географическое положение сторон, асимметрия в тыловом обеспечении и пр.²⁴

Таковы были основные направления в области стратегической теории, когда начали свою деятельность президент Кеннеди и его стратегический «мозговой центр» во главе с министром обороны Р. Макнамарой.

2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ДЖ. КЕННЕДИ

Основным «нововведением» Кеннеди и его администрации в области военно-политической стратегии было официальное возвращение на платформу «стратегического плюрализма». Но то не был простой отход на позиции трумэнзовского «сдерживания». Стратегическая доктрина Кеннеди вобрала в себя весь послевоенный опыт США в области стратегической теории. Она широко заимствовала из основного «пула идей» все те, которые в той или иной степени были применимы к мировой стратегической ситуации начала 60-х гг. и в то же время совместимы с внешнеполитическими целями США.

* Именно учитывая явление «многополярности», Кеннан и призывал к выработке новой военно-политической стратегии США, делающей упор на гибкие невоенные методы противоборства (*G. F. Kennan. Russia, The Atom and the West. New York, 1958; idem. Disengagement Revisited. — «Foreign Affairs», January 1959, p. 187—210).*

Основным новым фактором ситуации в мире, как полагали американские руководители, была известная стабилизация ядерного баланса между СССР и США, создание Советским Союзом сил, способных нанести сокрушительный ядерный удар непосредственно по Соединенным Штатам в случае их нападения на Советский Союз. В этих условиях, приходили к выводу американские лидеры, прямой ракетно-ядерный удар США по СССР или угроза такого удара уже не может рассматриваться в качестве реальной военно-политической цели. В силу этого не только прямое нападение на Советский Союз, но и любая война нелокального, т. е. мирового, масштаба не отвечала бы интересам США, поскольку она вела бы к военному столкновению Соединенных Штатов с СССР, ставшему нежелательным для американского империализма в условиях нового соотношения сил.

«Ни США, ни СССР не желают ядерной войны, — говорил Дж. Кеннеди. — Ни одна из сторон не хочет зажигать пожар, который может уничтожить цивилизацию, как мы ее понимаем, прежде чем пламя этого пожара будет в конце концов потушено, — начинать войну, которая не оставит в целостности и сохранности один Рим, но приведет к уничтожению двух Карфагенов и отбросит по меньшей мере на поколение или больше усилия обеих стран в осуществлении экономического, социального и культурного прогресса»²⁵.

Кеннеди неоднократно и вполне откровенно разъяснял американцам, почему он считал войну между США и СССР нежелательной: русские, говорил он, «осуществили гораздо большее, чем просто добились равенства с Соединенными Штатами в фактическом владении ядерными бомбами. Их потрясающие успехи в ракетной технике... сделали недействительной первоначальную стратегическую концепцию НАТО, поскольку они, так сказать, обошли с фланга ее ключевой элемент — сдерживающую силу стратегического авиационного командования США. Тем самым они также усилили военное значение сухопутной армии России, оснащенной обычными вооружениями»²⁶.

Таким образом, в условиях, когда развязывание Соединенными Штатами так называемой центральной войны, т. е. войны против «главного противника» — Советского Союза, становилось чреватым катастрофическими

последствиями для самих США, американская стратегия, считал Кеннеди, должна, руководствуясь принципом «просвещенного эгоизма», свести к минимуму шансы на возникновение такой ненужной, опасной для США войны.

По мнению Кеннеди, Макнамары и их советников, вероятность возникновения такой «центральной» войны могла быть уменьшена прежде всего путем проведения более или менее четкой границы между «большой» и «малой» войнами. Создание такого «водораздела» должно было, по мысли американских стратегов, обеспечиваться: а) подходом к «малой» войне как к неядерной и б) «дозированным» использованием военной силы в конфликте, т. е. применением силы таким способом, который бы свел к минимуму шансы эскалации данного неядерного локального конфликта до уровня «центрального» — ракетно-ядерного.

Однако признание нежелательности прямого военного конфликта между США и СССР вовсе не означало в тот период твердого желания Вашингтона закрепить взаимоприемлемыми соглашениями советско-американский стратегический баланс, дабы и на будущее исключить возможность лобового столкновения между двумя странами. Отнюдь нет!

В полном соответствии с традицией администрация Кеннеди просто откладывала рассмотрение вопроса о «решительной угрозе силой» Советскому Союзу «до лучших времен» — до той поры, когда кардинальные поправки в балансе стратегических сил в пользу США не позволят им возобновить «политику давления» на СССР. А вся политика администрации Кеннеди (как, в принципе, и администрации Джонсона) была рассчитана именно на то, чтобы добиться восстановления «позиции силы» визави СССР. Это должно было быть достигнуто путем: а) максимального ускорения темпов и расширения масштабов строительства стратегических вооружений США и б) военных действий в «неопасных» районах — на периферии силами и средствами максимально низкого, или, как выражаются американские теоретики, «непровоцирующего» уровня.

Такова была двойная военно-политическая задача, поставленная перед американским военно-промышленным комплексом правительством США.

Кеннеди и его ближайшие советники смотрели на революционные движения в мире не столь примитивно, как Трумэн и Эйзенхауэр. Они учитывали колоссальную роль экономических, социальных и политических факторов как ферментов общественного брожения в «третьем мире». Именно понимание существенной роли указанных факторов и стремление повлиять на них в благоприятном для США духе вызвали к жизни такие социально-политические программы США, как «Союз ради прогресса» для Латинской Америки и деятельность «Корпуса мира»*.

Однако, подспудно чувствуя, что революции не делаются по заказу, Кеннеди и его «мозговой центр» в момент прихода к власти рассматривали мир под углом зрения «биполярной силовой конфронтации», в плане «игры с нулевой суммой», как выражались системные аналитики в Пентагоне, т. е. такого взаимодействия, когда выигрыш одной стороны является чистым проигрышем другой и когда обе стороны не имеют никакого общего интереса, например интереса в совместном предотвращении сползания к ядерной войне.

«Тогда как наступление ядерного века подкрепило биполярную структуру мировой силы, — писал Дж. Кеннеди, — его вторичные эффекты ныне стимулируют расщепление силы и влияния... Новая ситуация вызвала также возрождение небольших и средних государств в качестве важного международного фактора и создала более

* Понимание этих факторов американским военным ведомством с его новым гражданским «профессорским» руководством, состоявшим из лиц, «рукоположенных во храм Системного анализа», как остроумно заметил один американский обозреватель, привело к появлению таких военных проектов, как скандально знаменитый армейский «проект Камелот», ставивший своей целью изучение характерных для развития ряда стран мира социальных и иных невоенных факторов под углом зрения их военного значения и возможности использования вооруженными силами США (*J. L. Horowitz. The Life and Death of Project Camelot, «Sociology in Action. Case Studies in Social Problems and Directed Social Change». Ed. by A. B. Shostak. Homewood (Ill.), 1966, p. 324—338*). «В основе своей, — пишет Горовиц, — это был проект по изучению и предсказанию причин революций и восстаний в слаборазвитых районах мира. Он также ставил своей целью нахождение путей искоренения этих причин или же способов того, как совладать с революциями и восстаниями» (*Ibid.*, p. 325).

сложный и текучий баланс силы»²⁷. Короче говоря, «биполярный военный баланс», являющийся в основном результатом стратегического противостояния США — СССР, дополняется на периферии своего рода локальным военно-политическим балансом, приобретающим важное значение в условиях «глобального взаимосдерживания двух сверхдержав». Поэтому, рассуждали в Вашингтоне, в условиях «пата» на уровне стратегического ядерного противостояния Соединенные Штаты должны максимально использовать свои преимущества, связанные с глобально разветвленной сетью военно-политических баз и союзов, и подкрепить свои усилия по изменению в свою пользу стратегического баланса (путем ускорения темпов военного строительства в США) усилиями по изменению «геополитического баланса» (путем создания «локальных ситуаций силы», как выражался Дж. Кеннеди)²⁸. Консолидировав под американским руководством антикоммунистические силы в «третьем мире», обеспечив им военную помощь и поддержку, Соединенные Штаты, рассуждали американские теоретики, смогут выиграть важнейший раунд борьбы за «умы и сердца» народов развивающихся стран и тем самым эффективно сдержать распространение идей социализма, не допустить вступления этих стран на путь некапиталистического развития.

В своем выступлении в сенате 14 июня 1960 г. Дж. Кеннеди выдвинул в качестве неотложных военных задач США следующие:

- а) сделать неуязвимой, не уступающей никому ядерную мощь возмездия;
- б) вновь обрести способность эффективно и быстро вмешиваться в любую ограниченную войну в любой точке земного шара;
- в) перестроить НАТО в жизнеспособную и консолидированную военную силу²⁹.

В соответствии с комплексной целью новой, «плюралистской» военно-политической стратегии США (обеспечение «взаимосдерживания» в центре и наступления на «периферии») стратегия «гибкого реагирования» приобрела два аспекта, два уровня: ядерный (высший) и неядерный (низший).

3. КОНЦЕПЦИИ «БОЛЬШОЙ» ВОЙНЫ В СТРАТЕГИИ «ГИБКОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

Как уже отмечалось, Кеннеди и Макнамара отделили «большую» войну от «малой», полагая, что последняя должна быть обязательно неядерной войной. Созданием такого «водораздела» они стремились обеспечить для США возможность более или менее безнаказанно действовать на низших уровнях военного насилия с применением обычных вооруженных сил и вооружений, без оглядки на возможность неприемлемой эскалации.

Что касается «большой» войны — войны, предполагавшей столкновение в той или иной форме США и СССР, то американские политики исходили из того, что такая война может быть как ядерной, так и неядерной. Неядерной она может быть потому, что Соединенные Штаты, опасаясь ядерной эскалации, чреватой ударом по самой американской территории, могут предпочесть даже в большом конфликте действовать на неядерном уровне. Подобная установка была, естественно, не какой-то научной разработкой, а опять-таки предположением, допущением, покоящимся на мнении о том, что и потенциальный противник США может при определенных условиях не стремиться к конфликту на ядерном уровне или во всяком случае проявить готовность соблюсти некую «неядерную паузу» в конфликте. За время такой «паузы» обе стороны смогли бы поглубже разобратись в том, стоят ли поставленные ими цели того, чтобы возводить начавшийся (возможно, по недоразумению, в результате провокации третьей стороны) конфликт в ядерную фазу, грозящую обоим сторонам большим ущербом.

Отчасти подобный постулат основывался и на ряде других соображений: желании поставить США в более выгодное положение (ведь неядерная война и даже так называемая тактическая ядерная война, как считали в Вашингтоне, велась бы в Европе и вряд ли затронула бы территорию США); желании оказать нажим на европейских союзников в пользу наращивания обычных вооружений, не допустить неконтролируемого США распространения ядерного оружия среди капиталистических стран и т. д.

Однако, несмотря на эту линию Вашингтона, ведущие американские партнеры в Европе — Англия и Фран-

ция в 60-е гг. усиленно развивали прежде всего свои арсеналы ядерного оружия и средства его доставки, вкладывая в это львиную долю средств своих военных бюджетов. Такому направлению военного строительства соответствовали и военные доктрины, отстаивавшие «необходимость» немедленного использования ядерного оружия в любом крупном конфликте. Именно стремлением американских союзников к тому, чтобы США в конфликте сразу же действовали на ядерном уровне, объясняется то, что, хотя США провозгласили стратегию «гибкого реагирования» в 1961 г., стратегией НАТО вплоть до 1967 г. оставалась даллесовская стратегия «массированного возмездия», или, как она официально именовалась, стратегия МС 15/2, исходившая из того, что начало военных действий должно немедленно привести к спуску «ядерного курка».

И все же, признав нецелесообразность ракетно-ядерного конфликта с СССР, американское руководство отнюдь не отказалось от разработки стратегии, ориентирующейся на вероятность такого конфликта. Именно в этом вопросе в полную силу проявился макнамаровский «системно-аналитический» подход к стратегии.

Перечисляя основополагающие критерии, которыми следовало руководствоваться при разработке новой стратегии, Макнамара откровенно говорил:

«Эта стратегия должна позволять разнообразить курсы действия в процессе сдерживания и войны. Она должна дать государственному секретарю полный спектр угроз ядерной войной, которые он смог бы использовать во внешнеполитических переговорах. Она должна позволить Соединенным Штатам применить ядерное оружие дальнего радиуса действия для защиты своих жизненно важных интересов за границей, в особенности в Европе. Она должна позволить Соединенным Штатам сражаться за свободу, будучи уверенным в том, что в процессе достижения победы они не лишатся своей собственной национальной жизни»³⁰.

Фактически то, что предпринял Макнамара, сводилось к проигрыванию на ЭВМ всех возможных вариантов (тактик) использования стратегических систем и выбора — для реализации в стратегическом строительстве — таких вариантов, которые бы давали максимально благоприятные или по крайней мере оптимальные для США

Варианты использования систем оружия в стратегической ядерной войне

<i>А. По выбору времени</i> 1. Первый (превентивный) удар 2. Упреждающий (преэмптивный) удар 3. Ответный удар а) удар по получении в сети слежения за противником сообщения о том, что он запустил свои ракеты в направлении данной страны (встречный пуск — launch on warning) б) удар после того, как боеголовки противника взорвались над целями (launch on impact)	<i>Б. По характеру целей</i> 1. Удар по городам (населению) противника — „контрценностный“ 2. Удар по всей системе военных объектов (МБР, аэродромы, базы подводных лодок, системы командования и контроля) („контрсила I“) 3. Удар по системе военных объектов во фронтовой (приграничной) полосе („контрсила II“) 4. Удар по вооруженным силам противника на театре военных действий, не являющемуся территорией собственно противника („контрсила III“) 5. Комбинированный из вышеназванных целей	<i>В. По системе отдачи команд</i> 1. По решению главнокомандующего 2. Автоматическая (заранее запрограммированная)	
<i>Г. По методике ввода в действие отдельных компонентов ядерных сил</i> 1. Различные комбинации стартов МБР, БРПЛ, стратегических бомбардировщиков, ядерных „систем передового базирования“	<i>Д. По степени неожиданности</i> 1. Полностью внезапный удар 2. Удар с предупреждением 3. Эскалирующий через „ядерный порог“ начавшегося ранее обычного конфликта	<i>Е. По „степени тотальности“</i> 1. Демонстрационный 2. Выборочный 3. Частичный („дозированный“) 4. Полный	<i>Ж. По техническим параметрам</i> 1. Различные варианты установки взрывателей (на атмосферный взрыв, наземный, подземный), вариации в радиоактивности ядерных боеприпасов и т. д.

результаты в наибольшем числе возможных военных ситуаций.

Набор вариантов, между которыми могли производить выбор Макнамара и его «математические стратегии», представлен в виде схемы на стр. 236.

Все эти варианты могут сопоставляться в самых различных наборах, и, говоря вообще, лишь перебор всех возможных комбинаций (с учетом поведения противника, способного действовать в не менее широком диапазоне выбора стратегических альтернатив) может дать надежные данные для суждения об оптимальном стратегическом курсе.

При этом Пентагон, по-видимому, не ограничивался лишь перечисленными вариантами (к тому же привязанными к конкретным данным о составе стратегических группировок США и СССР). Вводились и усложнения, состоявшие, например, в том, что использование ядерного оружия рассматривалось не в виде одноактного действия, а в виде двух-, трех- и более актного, когда при первом ударе осуществлялась одна комбинация, при следующем — другая и т. д. Вводились также дополнительные факторы в виде данных о степени защищенности сторон, включая активную (ПВО и ПРО) и пассивную (гражданская оборона) защиту населения (городов), промышленности и самих стратегических систем оружия.

Некоторые тенденции, обнаружившиеся в соответствующих играх с применением ЭВМ, были представлены Макнамарой в таблице, получившей широкую известность в кругах американских политических и военных экспертов, занимающихся проблемами стратегии (см. стр. 238—239).

Вряд ли нужно делать оговорку насчет того, что указанная таблица содержит столько же информации, сколько и дезинформации, рассчитанной на то, чтобы затруднить потенциальному противнику его стратегическое планирование. Однако несомненно одно: в результате проведенного анализа министр обороны США пришел к выводу, что оптимальной для США стратегией (правильнее сказать, тактикой-вариантом) использования стратегического ядерного оружия в «большой» войне на 60—70-е гг. является так называемая стратегия «контрсилы», или стратегия удара по военным объектам противника, а не по его городам.

**Число человеческих жертв
при полном обмене
стратегическими ударами
в середине 1970-х гг.³¹**

(в млн.)

Программа США	Ответная реакция советской стороны	СССР наносит пер- вым удар по военным целям и городам; США отвечают уда- ром по городам		США наносят первы- ми удар по военным целям; СССР отвечает ударом по американ- ским городам; США отвечают ударом по советским городам	
		Жертвы в США	Жертвы в СССР	Жертвы в США	Жертвы в СССР
Никакой сис- темы проти- воракетной обороны (ПРО) не имеется	Никакой	120	120	120	80
Развернута система ПРО „Сентинел“	Никакой Средства прорыва ПРО	100	120	90	80
		120	120	110	80
Позиция „А**	Никакой Оснащение ракет разделяю- щимися головны- ми частя- ми инди- видуаль- ного на- ведения (РГЧ), средства- ми проры- ва ПРО	40	120	10	80
		110	120	60	80
	Плюс мо- бильные МБР	110	120	90	80

Программа США	Ответная реакция советской стороны	СССР наносит первый удар по военным целям и городам; США отвечают ударом по городам		США наносят первый удар по военным целям; СССР отвечает ударом по американским городам; США отвечают ударом по советским городам	
		Жертвы в США	Жертвы в СССР	Жертвы в США	Жертвы в СССР
Позиция „Б“*	Никакой	20	120	10	80
	РГЧ, средства ПРО	70	120	40	80
	Плюс 550 мобильных МБР	100	120	90	80

* Согласно определению Макнамары, «позиция «А» представляет собой легкую оборону против советской ядерной атаки на наши города.

Она состоит из сети ПРО, строящейся по принципу обороны районов, охватывающей всю континентальную часть США и обеспечивающей избыточную (перекрывающую) защиту районов ключевых целей и в дополнение относительно разреженную оборону противоракетами «Спринт» 25 городов с целью обеспечения некоторой защиты против тех боеголовок, которые прорвутся через систему обороны районов. Позиция «Б» представляет собой более плотную защиту, строящуюся по принципу обороны районов, но гораздо более совершенную по части электроники и с гораздо более плотной обороной противоракетами «Спринт» 52 городов».

Как видно из приведенных расчетов, при допущении того, что СССР не отреагирует соответствующим образом на развертывание США стратегических баллистических ракет, оснащенных разделяющимися головными частями с индивидуальным наведением, и создание ими системы противоракетной обороны, при обмене ракетно-ядерными ударами, начатом «контрсилowym» ударом по советским базам ракет и бомбардировщиков, американская сторона понесла бы гораздо меньше жертв (и разрушений), чем советская. Но даже при оснащении советских ракетных сил многозарядными боеголовками и средствами прорыва ПРО первый «обезоруживающий» удар США по СССР в соответствии со стратегией «контрсилы» мог бы, по аме-

риканским калькуляциям, дать то, что уровень жертв в США оказался бы в полтора-два раза ниже уровня жертв (и соответственно разрушений) в СССР.

Комментируя те же стратегические игры, тогдашний военный обозреватель газеты «Вашингтон стар» Р. Фрик-лунд откровенно писал: «В каждой серии военных игр независимо от того, каким образом видоизменялись ситуации, результаты были примерно одинаковыми. Если разрушались города, мы теряли около 100 млн. людей и проигрывали войну. Если же города щадились, мы спасали 100 млн. жизней и либо выигрывали войну, либо добивались урегулирования путем переговоров»³². Иначе говоря, американские стратеги пришли в то время к выводу, что если США ударят первыми по советским ракетным комплексам и базам бомбардировщиков, то они сохранят 100 млн. жизней американцев и выиграют войну.

Эти подсчеты, как и теоретический анализ специалистов из «РЭНД корпорейшн», привлеченных на работу в Пентагон, привели Макнамару к мнению о целесообразности нацелить стратегическое строительство в США на приобретение стратегическими силами способности к их «контрсилловому» использованию. Обеспечение такой «высшей» способности вместе с тем подразумевало и приобретение США способности к «гарантированному уничтожению» противника путем второго, или ответного, удара. Последняя способность рассматривалась Макнамарой как призванная обеспечить «сдерживание» прямого нападения на США. Первая же, «контрсилловая» способность в соответствии с концепцией, отстаивавшейся Волковицем, Каном, Броди, Уолстеттером, нужна была для «гибкого» использования стратегических сил, иначе говоря, для реализации иных интересов США путем предложения потенциальному противнику вести ядерный обмен на условиях, предусматривающих либо взаимный отказ от нанесения ядерных ударов непосредственно по территориям друг друга, либо же, если дело все же дойдет до таких ударов, взаимное воздержание от ударов по городам.

Выступая 16 июня 1962 г. в местечке Анн-Арбор на выпускной церемонии в Мичиганском университете, Макнамара впервые публично объявил об официальном принятии американским правительством стратегии «контрсилы». Подчеркнув, что основной задачей США при разработке концепций использования ядерного оружия

в «большой» войне было стремление найти такую стратегию, которая дала бы Соединенным Штатам возможность сохранить их «общественный строй в случае, если разразится война», Макнамара заявил: «США пришли к выводу, что в пределах осуществимого к основной военной стратегии в возможной всеобщей войне следовало бы подходить во многом таким же образом, как подходили к обычным военным операциям в прошлом. Т. е. главной военной целью в случае ядерной войны... должно быть уничтожение военных сил врага, а не его гражданского населения... Другими словами, — подчеркнул Макнамара, — мы даем нашему возможному противнику наисильнейший побудительный мотив из всех, какие только можно себе представить, к тому, чтобы воздержаться от удара по нашим городам»³³.

Макнамара говорил правду, когда заявлял, что американские теоретики стали ставить под вопрос концепцию войны, постулировавшую, что наиболее быстрым и результативным средством достижения победы являются действия против гражданского населения противника, а не против его военных сил. Именно США в современную эпоху возродили эту концепцию в ходе второй мировой войны, предприняв массированные бомбардировки городов Германии и разрушение двух гражданских центров Японии с помощью ядерных бомбардировок. Уверенность США в безнаказанности для них самих, односторонности такого способа использования военных средств привела к тому, что эта концепция легла в основу военной стратегии США в послевоенные годы. И лишь осознание того, что «потенциальный противник» обладает такой же способностью действия против центров населения США, заставило американских теоретиков заговорить о необходимости придания войне (даже ракетно-ядерной!) ее «традиционного» характера столкновения специализированных комплексов (вооруженных сил) оппонентов, а не борьбы военного комплекса одной стороны против гражданского населения другой. Такая постановка вопроса была вызвана отнюдь не соображениями абстрактной гуманности, а вынуждена фактом изменения в соотношении военных сил. (В тех случаях, когда США считают себя обладающими превосходящей силой, они, как показали их массированные воздушные налеты на ДРВ, никаких «правил» или моральных принципов не соблюдают.)

Макнамара, однако, хитрил, изображая стратегию «неудара по городам» как одинаково равноценную в тот период для США и для «потенциального оппонента». Запланированное быстрое и колоссальное наращивание Соединенными Штатами числа стратегических боеголовок, обеспеченных средствами доставки, должно было, по расчетам американских «математических» стратегов, создать для США «контрсилковое» военное превосходство в рамках общего стратегического паритета. Выдвигавшаяся ими концепция, предусматривавшая наличие некоего молчаливого взаимного согласия вести ядерный обмен в рамках определенных «правил» (сформулированных Соединенными Штатами!), фактически давала бы в руки США односторонние преимущества, ослабляя «сдерживающую контругрозу» другой стороны. Ведь одно дело — сдерживание в условиях, когда правящие круги США твердо знали, что в ответ на американское ядерное нападение на СССР (будь оно «контрценностным» или только «контрсилковым») последует уничтожающий удар по США, могущий, по признанию самого Макнамары, сокрушить американскую капиталистическую систему. Совсем другое дело — некое «правило» о том, что в случае нанесения одной стороной «контрсилкового» удара другая сторона также «обязана» отвечать лишь «контрсилковым» способом — ударом по военным средствам противника, значительная часть которых окажется уже использованной им в первом ударе! Такая стратегия, естественно, давала бы преимущества стороне, обладающей большим числом стратегических боеприпасов, обеспеченных средствами доставки. Таким образом, провозглашение «контрсилковой» стратегии, исключавшей города из числа целей, прикрывало внешней гуманностью подхода агрессивную сущность такой стратегии, которая была рассчитана на максимальное использование накапливаемых относительных стратегических преимуществ.

Стратегия «контрсилы» начала в известной мере смущать американское правительство сразу же после того, как она была объявлена. Основная «неувязка» состояла в том, что концепцию «контрсилы» почти невозможно было примирить с позицией стратегической обороны. Несмотря на все попытки Макнамары и его коллег представить новую стратегию США как сугубо оборонительную, «контрсилковой» удар — и с этим были согласны почти все

виднейшие американские эксперты — имеет смысл лишь в том случае, если он наносится как превентивный, первый ядерный удар.

То обстоятельство, что «контрсилловой» удар наносится именно как превентивный удар, фактически подтвердил и сам Макнамара: в той же речи в Мичиганском университете он изображал американский «контрсилловой» удар по СССР как стратегический удар в ответ на конфликт, начавшийся в Европе.

Американская стратегия «контрсилы» в отношении Советского Союза представляла собой провокационную и провоцирующую стратегию. Ведь в условиях, когда одна сторона ведет приготовления к тому, чтобы неожиданным ударом обезоружить (в стратегическом смысле) другую сторону и тем самым поставить ее в положение безусловной стратегической уязвимости, у другой стороны не остается выбора, кроме как первой нанести удар по стороне, замышляющей превентивный удар. При этом, если даже эта сторона не обладает еще способностью для полноценного «контрсиллового» удара (ввиду высокой защищенности, рассредоточенности стратегических сил противника и т. п.), она, рассуждая теоретически, может в порядке самозащиты прибегнуть к «контрценностному» удару. Она может это сделать не только путем упреждающего удара, но и путем встречного пуска ракет в ответ на запущенные ракеты противника. В таком случае стратегия «контрсилы», замышляемая другой стороной, явно не сработает. В данном случае важно подчеркнуть, что занятие одной стороной стратегической позиции «контрсилы», которую она рассматривает как односторонне выгодную для себя и, так сказать, практически недоступную еще для другой стороны, резко дестабилизирует стратегический баланс, зависящий не только от реального материального баланса вооружений, но и во многом от психологического восприятия намерений противника его оппонентом *.

Поэтому, проанализировав стратегическую ситуацию глубже, Макнамара выступил с другой стратегической

* «То, во что верит потенциальный агрессор, — пишет Г. Киссинджер, — является более значащим, чем то, что является объективной истиной. Сдерживание происходит прежде всего в умах людей» (H. A. Kissinger. *American Foreign Policy. Three Essays*. New York, 1969, p. 15).

концепцией для «большой» войны — стратегией «сдерживания» потенциального противника с помощью угрозы его «гарантированного уничтожения» в порядке второго (ответного) удара *. Эта концепция брала за основу уже не военную ядерную достаточность (в которой США тогда считали себя преобладающими), а стратегическую ядерную достаточность (по которой между сторонами начинал складываться «паритет»). Она концептуально постулировала, что как СССР, так и США обладают надежно защищенными стратегическими силами, могущими пережить ядерную атаку и нанести в ответ атакующему «неприемлемый» ущерб. Поскольку ни одна из сторон не захочет подвергнуться уничтожению путем ответного удара, то это соображение должно служить наисильнейшим побудительным мотивом, который отвратит ее от мысли нанести первый удар.

Вначале эту стратегию второго (или ответного) удара Макнамара пытался в своих публичных выступлениях как-то увязать со стратегией «контрсилы», что приводило порой к весьма противоречивым, логически несовместимым формулировкам в некоторых его заявлениях, в которых излагалась стратегия США.

Например, выступая 30 января 1963 г. (т. е. спустя всего полгода после его речи с изложением концепции «контрсилы») перед членами Комиссии по делам вооруженных сил палаты представителей США, Макнамара говорил: «...мы должны создать и поддерживать силы второго удара. Эти силы должны обладать достаточной гибкостью, дабы позволить осуществлять выбор между различными стратегиями, в особенности способностью к тому, чтобы 1) нанести решающий ответный удар одновременно по всей системе целей в СССР или 2) нанести *ответный* (это прилагательное в нижеследующем контексте является абсолютно неуместным. — Г. Т.) удар сначала по советским базам бомбардировщиков, ракетным пусковым площадкам и другим военным установкам,

* Как впоследствии припомнил Дж. Фостер, занимавший пост директора Управления военных исследований и новой техники министерства обороны США в 1967—1973 гг., «термин «гарантированное уничтожение» впервые был использован в 1964 г.» («Hearings before the Senate Preparedness Investigating Subcommittee of the Committee on the Armed Services, April 23 and 26, 1968». G. P. O. Washington, 1968, p. 60).

связанным с их ядерными силами дальнего радиуса действия, *для того, чтобы уменьшить силу любой последующей атаки с их стороны*, и затем в случае необходимости ударить в ответ по советскому городскому и промышленному комплексу с соблюдением должной осмотрительности и контроля (курсив мой. — Г. Т.)»³⁴.

В дальнейшем Макнамара в своих официальных выступлениях отошел от стратегии «контрсилы» и стал отстаивать позицию «сдерживания в порядке ответного удара». В 1964—1965 гг. Р. Макнамара в своих выступлениях в комиссиях конгресса подробно развивал эту концепцию, стремясь создать впечатление, что в вопросах стратегической ядерной войны правительство США занимает рациональную, осторожную позицию.

Макнамара объяснял, что целесообразность позиции второго, или ответного, удара диктуется тем обстоятельством, что США не имеют ракетно-ядерных сил, достаточных для «полного первого удара» по СССР, т. е. такого удара, который бы обезоружил СССР настолько, что его ответный удар по Соединенным Штатам оказался бы «приемлемым» для США, переносимым. У США нет таких сил, говорил министр обороны в январе 1964 г., «которые позволили бы нам, если бы мы ударили первыми, настолько ослабить советские силы возмездия, что ущерб, какой они могли бы затем причинить населению и промышленности США, был бы низведен до «приемлемого уровня», что бы под таким уровнем ни подразумевалось»³⁵.

«Мы не обладаем способностью к первому удару против СССР, — отмечал позднее Макнамара, — по той же самой причине, по которой он не обладает такой способностью против нас. Очень просто: обе наши страны укрепили способность ко второму удару — фактически силы возмездия — в такой степени, что способность к первому удару стала недостижимой ни для одной из сторон... Как Советский Союз, так и Соединенные Штаты обладают ныне фактической и невызывающей сомнений способностью ко второму удару друг против друга, и именно эта взаимная способность и является для обеих наших стран самой сильной из всех возможных причин, побуждающих избегать ядерной войны»³⁶.

Однако, выдвигая стратегию «сдерживания» (deterrence) путем обеспечения способности к «гарантирован-

ному ответному удару» по противнику в качестве официальной стратегии США, правительства демократов в 1961—1968 гг. в практическом военном строительстве стремились все же добиться получения определенных преимуществ в отношении СССР путем создания «ограниченной контрсилевой способности». Такую способность, по мнению американских теоретиков, США должны были получить в результате накопления большого числа стратегических боеголовок, обеспеченных средствами доставки. Будучи явно избыточным для обеспечения способности ко «второму удару», колоссальное число стратегических ядерных боеприпасов должно было дать Соединенным Штатам, как надеялись в Вашингтоне, возможность угрожать оппоненту также и первым ударом, извлекая из такой «позиции силы» если не военный, то по крайней мере политико-дипломатический выигрыш. Такова была стратегическая установка администраций демократов в 60-е гг.

Это публично признали ныне официальные лица США. Объясняя конгрессменам пентагоновские мотивировки 60-х гг., руководствуясь которыми США пришли к определенной структуре своих стратегических сил в 70-е гг., Дж. Шлесинджер, занимавший пост министра обороны США в 1973—1975 гг., говорил в ежегодном докладе о проекте военных ассигнований на 1975 г.: «Мы были склонны рассматривать перечень вариантов угроз и возможных нападений на наши стратегические силы в широком диапазоне, и мы пытались сделать так, чтобы эти силы были эффективными даже после того, как они подверглись бы нападению со стороны угрожающих им крупных, но все же реально ограниченных сил... Это, однако, только частично объясняет нынешнюю структуру наших сил. Мы пришли к нынешним размерам и соотношению отдельных компонентов наших стратегических наступательных сил не только потому, что мы хотели, чтобы конечная угроза массированного уничтожения была бы действительно гарантирована, но и потому, что в течение более чем десятилетнего периода мы считали целесообразным примерять возможности наших сил к «угрозе большей, чем ожидаемая». Имея органическую избыточность боеголовок, порождаемую таким подходом к определению требуемых размеров наших сил, мы могли выделять дополнительное количество вооружений для

действий против негородских целей и таким образом приобретать ограниченный набор вариантов, включая вариант атаки против некоторых сильно защищенных целей (т. е. «контрсилового» удара по военным объектам. — Г. Т.)»³⁷.

Прямо признав, что в официальной стратегической доктрине США заложена дезинформация (правда, он отнес это только к прошлому), Дж. Шлесинджер в другом выступлении говорил: «Доктрина нацеливания, которая делает упор на удар лишь против городов, не является в большинстве случаев адекватным средством сдерживания в условиях, когда Советский Союз, как это ныне имеет место, обладает средством контрсдерживания, которое США не могут и, как я полагаю, не желают у него отнять. Хотя наша открытая публичная доктрина делала акцент лишь на ударе по городам, это не тот вариант, каким фактически нацеливались наши силы»³⁸. Разглаживая о «втором ударе», Макнамара и сменивший его на посту министра обороны К. Клиффорд продолжали делать ставку на приобретение США «контрсиловой» способности. Об этом свидетельствуют не только признания Шлесинджера, но и сам характер строительства стратегических вооружений США в 60-е гг.

Согласно расчетам стратегических аналитиков Пентагона, Соединенным Штатам в начале 70-х гг. достаточно было бы «гарантированно доставить» на цели в СССР 400 боеприпасов в одномогатонном эквиваленте, чтобы нанести ему такой ущерб, который квалифицируется американскими теоретиками как «неприемлемый» для «индустриальной страны XX века»³⁹.

С их точки зрения, такое количество ядерных боеприпасов должно было являться оптимальным, поскольку дальнейшее удвоение, утроение и т. д. числа стратегических ядерных зарядов, доставленных на цели, не дало бы сколько-нибудь существенного прироста в численности жертв и масштабах разрушенных промышленных мощностей, так как США «пришлось бы наносить удары по все более мелким целям». Это положение Макнамара в свое время назвал «законом уменьшающейся отдачи» на капитал, вкладываемый в развитие стратегических вооружений.

Путем количественного анализа степени оптимальной боеготовности, надежности систем доставки стратегиче-

ской триады США (МБР, БРПЛ, стратегические бомбардировщики), реальной мощности их ядерных зарядов, точности попадания (величины вероятного кругового отклонения), характера установки взрывателей и ряда других параметров, учитывая также степень пассивной (противоатомная защита) и активной (ПВО и ПРО) обороны объектов на территории противника и исходя из допущения о возможности первого удара другой стороны по стратегическим силам США, в результате которого этим силам причиняется наихудший (из всех возможных вариантов) ущерб, пентагоновские «математические» стратеги приходили к конкретным показателям необходимого численного уровня «переживающих первый удар» стратегических наступательных вооружений США, достаточного для нанесения путем ответного удара «неприемлемого ущерба» противнику.

«Сдерживание было переведено в гарантированное уничтожение, а гарантированное уничтожение — в количественные формулы достаточности... Другими словами, как только запрограммированные бомбардировочные и ракетные силы США достигли такого уровня, когда мы могли с высокой степенью уверенности доставить 400 одномогатонных зарядов на цели в СССР в ответном ударе, выигрыш от дальнейшего наращивания бомбардировщиков или ракет, способных доставить еще большее количество зарядов, был бы небольшим по сравнению со стоимостью. Таким образом, главной причиной, почему мы остановились на 1000 ракет «Минитмэн», 41 подводной лодке «Поларис» и 500 с лишним стратегических бомбардировщиках, было то, что приобретение большего числа не оправдалось бы дополнительной стоимостью. Эти уровни сил были достаточно высокими, чтобы поставить США в точку «выпрямления кривой», т. е. точку, когда небольшие улучшения в способности к разрушению целей потребовали бы колоссального увеличения в силах, а следовательно, и в стоимости. Ответ на вопрос, какие размеры стратегических наступательных сил являются достаточными, в очень сильной степени зиждется на подобной аргументации о «выпрямлении кривой»^{39а}. Так объяснили логику, якобы лежавшую в основе определения уровня «достаточности» стратегических сил США, два ближайших помощника Р. Макнамары по системному анализу — А. Энтовен и У. Смит, непосред-

ственно отвечавшие за разработку критериев «достаточности».

Таким образом, согласно этому подходу, каждая из сторон в двустороннем противостоянии может без особых погрешностей вычислить количественную «достаточность» своих сил ответного удара. Такого рода «достаточность» является определенной и конечной величиной — «предельным сдерживанием». Конечно, в условиях динамичного равновесия цифровые параметры «достаточных сил» могут изменяться в некоторых пределах, однако лимиты таких колебаний остаются в конечном итоге вполне определенными, ориентированными на поражение ограниченного числа целей.

Однако, как отмечал целый ряд американских исследователей, число 2200 с лишним стратегических средств доставки (МБР, БРПЛ плюс стратегические бомбардировщики), на котором США остановились во второй половине 60-х гг., прекратив дальнейшее количественное наращивание этих средств, являлось величиной гораздо более чем «достаточной» для осуществления второго удара и более чем необходимой для создания той или иной степени «дополнительной страховки» на случай недооценки перспектив развития стратегических средств потенциального оппонента. Тем более, что в силу принятого в этот период американским руководством принципиального решения об оснащении всех стратегических носителей (а не только бомбардировщиков) многозарядными системами реальное количество индивидуальных боеголовок, обеспеченных средствами доставки, должно было к середине 70-х гг. в четыре-пять раз превысить число носителей.

Основными способами повышения зарядности стратегических систем явились разработка и установка на бомбардировщики В-52 и FВ-111 управляемых ракет СРЭМ класса «воздух — земля» и оснащение МБР и БРПЛ головными частями, содержащими несколько ядерных зарядов (от трех до четырнадцати — на начало 70-х гг.).

С конца 50-х гг. стратегические бомбардировщики типа В-52 несли каждый (помимо ядерных бомб) по две крылатые ракеты типа «Хаунд-дог» с дальностью действия около 800 км и боезарядом в 4 мтг. Администрация президента Джонсона приняла решение о создании новой баллистической ракеты класса «воздух — земля» (получившей название СРЭМ — по первым буквам английских

слов «Short Range Attack Missile»). Каждый бомбардировщик В-52 может нести до 20 ракет СРЭМ. Ракета этого типа (начавшая поступать на вооружение стратегической авиации США в 1973 г.) имеет боеголовку мощностью около 200 кт, дальность действия около 300 км и обладает изменяемыми траекториями полета от баллистических до настильных с огибанием рельефа местности⁴⁰.

С начала 60-х гг. в США начались работы над многозарядными (разделяющимися) головными частями для стратегических ракет*, а с 1964 г. такие головные части стали поступать на вооружение стратегических сил (сперва так называемые системы МРВ («Multiple Re-entry Vehicles») — рассеивающегося, или каскетного, типа, которые устанавливались на ракеты «Поларис А-3», а с 1970 г. — системы МИРВ («Multiple Independently Targetable Re-entry Vehicles») — разделяющиеся головные части с индивидуальным наведением зарядов на цели, которыми оснащаются МБР «Минитмэн-3» и БРПЛ «Посейдон»)^{40а}.

Разработка боеголовок типа МИРВ является ярким примером подхода к выбору систем оружия на основе

* Подавляющее большинство членов конгресса США на протяжении трех лет голосовало за выделение средств на эту программу, фактически не зная, о чем идет речь (см. «Американский милитаризм 1970». М., 1972, стр. 187). Термин «МИРВ» впервые появился в американской литературе в августе 1965 г. (*R. L. Tammes. MIRV and the Arms Race: an Interpretation of Defense Strategy. New York, 1973*).

Первое официальное заявление о наличии у США боеголовок системы МИРВ было сделано Р. Макнамарой в интервью журналу «Лайф» от 29 сентября 1967 г., т. е. спустя всего несколько дней после объявления им о решении развернуть в США систему ПРО.

«Мы считаем, — сказал Макнамара, — что «индивидуально нацеливаемые заряды» являются наилучшим единым мерилom относительной мощи сил, а не число ракет-носителей или бомбардировщиков или же мегатонн. Нам угрожает большая опасность стать одержимыми мегатоннажем как мерой эффективности стратегических сил. Это — неверная мера. Важно число целей, которые может уничтожить каждая сторона, а не суммарный мегатоннаж, который каждая сторона может доставить на цели.

Большинство целей может быть разрушено зарядом мегатонной мощности. Этот заряд эквивалентен взрывной силе миллиона тонн тринитротолуола и в 50 раз превышает мощь бомбы, разрушившей Хиросиму. Фактически большинство целей может быть уничтожено зарядами гораздо менее мощными. Против таких целей 20-мегатонные заряды не более эффективны, чем одномогатонные. Если цель уничтожена, она уничтожена» («Life», September 29, 1967, p. 68).

критерия «стоимость — эффективность». Созданием боеголовок МИРВ США решали сразу несколько задач: 1) резко увеличивалось число стратегических ядерных зарядов без увеличения числа носителей и соответственно числа стартовых комплексов; 2) усложнялось решение задачи обороны против наступательных ракет США; 3) увеличивалась суммарная величина так называемых эквивалентных мегатонн* при уменьшении взрывной силы (и веса) каждого отдельного заряда (что способствовало решению проблемы повышения их точности).

В результате осуществления названных решений США уже к 1972 г. обладали почти 6 тысячами стратегических ядерных зарядов, обеспеченных средствами доставки⁴¹.

Подобная колоссальная избыточность фактического стратегического арсенала США по сравнению с рациональной калькуляцией количества зарядов, требующегося для сохранения способности к ответному удару, не могла быть оправдана никакими аргументами. Подобная позиция явно целила в конечном итоге на создание у США «контрсиловой» способности против всей системы военных целей в СССР, хотя она прикрывалась доктриной «нанесения неприемлемого ущерба противнику во втором (ответном) ударе».

Вывод о подобной ориентации стратегического строительства в США в 60-е годы подтверждается другими

* Понятие эквивалентного мегатоннажа позволяет производить сравнение ядерных зарядов различной мощности по их реальной поражающей способности. Это понятие связано с тем, что значительная часть мощности крупных ядерных зарядов (свыше 1 мgt) применительно к большинству целей является избыточной. Например, площадь поражения при наземном взрыве одной 16-мегатонной бомбы оказывается примерно равной площади поражения, обеспечиваемого с помощью взрывов четырех одномогатонных бомб при их равномерном распределении в том же квадрате. Поэтому даже при уменьшении реальной мощности ядерных зарядов, сопровождающемся повышением их точности, величина так называемых эквивалентных мегатонн растет. Многие американские специалисты считают «эквивалентный мегатоннаж» «лучшим статичным мериллом разрушительного потенциала ядерного оружия» (см. статью руководителя отдела военных исследований Брукингского института Б. Блехмана в «The New Republic», January 3 and 10, 1976, p. 20). Подсчет эквивалентного мега-

тоннажа (эмgt) ведется по формуле $q_a = q^{\frac{2}{3}}$ для зарядов, мощность которых менее мегатонны, и $q_a = q^{\frac{1}{2}}$ для зарядов мощностью более мегатонны (где q — фактическая мощность заряда).

асpekтами (помимо наращивания числа средств доставки и количества ядерных зарядов) этого строительства. К таким аспектам в первую очередь относились:

1. Необычайно большой упор на развитие и совершенствование систем гражданской противоатомной обороны.

2. Объявленное в 1967 г. решение о развертывании так называемой неплотной общенациональной системы ПРО «Сентинел».

3. Усиленное развитие систем технической стратегической разведки, призванной повысить надежность идентификации военных целей, определения их координат и т. д.

В соответствии с рекомендациями Г. Кана и его коллег по «РЭНД корпорейшн», выдвигавших различные проекты гражданской обороны стоимостью от 500 млн. до 200 млрд. долл., правительство Кеннеди отдало «высочайший приоритет» строительству противорадиационных убежищ. На эту программу федеральное правительство выделило 3 млрд. долл., надеясь получить еще 2 млрд. из других источников⁴².

В США были разработаны прямо-таки маниакальные проекты строительства общенациональной сети убежищ. Так, группа, работавшая под руководством известного американского ученого-физика Ю. Вигнера, выдвинула идею создания туннельной сети бомбоубежищ из армированного бетона под улицами главных городов США.

Выступая по радио и телевидению 25 июля 1961 г., президент Кеннеди поддержал идею повсеместного строительства противоатомных убежищ*.

Программа строительства противоатомных убежищ предусматривала в дальнейшем и развертывание системы ПРО. Совокупная реализация обеих программ должна была, по мысли американских стратегов, свести

* «Завтра, — говорил Кеннеди, — я попрошу конгресс выделить новые средства для осуществления следующих неотложных задач: определить и маркировать помещения в существующих зданиях, общественных и частных, которые могли бы использоваться как противорадиационные убежища в случае нападения; создать в этих убежищах запасы продовольствия, воды, медицинских пакетов первой помощи и других предметов, минимально необходимых для выживания; увеличить вместительность указанных помещений; улучшить нашу систему воздушной тревоги и системы определения радиоактив-

ущерб от ответного удара противника до «приемлемого уровня» и создать дополнительные возможности для стратегии «контрсилового», т. е. первого, удара.

О решении развернуть общенациональную систему противоракетной обороны США Макнамара официально объявил в выступлении в Сан-Франциско 18 сентября 1967 г. на собрании редакторов информационного агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл. При этом Макнамара представил дело так, что развертываемая система будет предназначена в первую очередь для противодействия будущей угрозе со стороны баллистических ракет КНР, хотя одновременно эта система будет выполнять также задачи защиты площадок МБР «Минитмэн» от советского нападения и защиты населения США «от случайного запуска межконтинентальной ракеты любой ядерной державой»⁴³.

До 1973 г. предполагалось развернуть 15—20 основных комплексов ПРО системы «Сентинел» вокруг крупнейших городов США⁴⁴. Фактически, как вскоре подтвердил директор Управления военных исследований и новой техники Пентагона д-р Джон Фостер-младший, так называемая антикитайская система ПРО, создававшаяся в США, была первым шагом в создании расширенно-го «антисоветского щита»⁴⁵ *.

ного заражения, включая новую систему домашнего оповещения, которая разрабатывается, и принять другие меры, которые окажут быстрый эффект с целью спасения миллионов жизней в случае необходимости» (*J. F. Kennedy. Public Papers of the President, 1961. G. P. O. Washington, 1962, p. 534*).

Комментируя эту речь Кеннеди, один из критически мыслящих исследователей его политики, Ричард Уолтон, пишет: «Почти за ночь, как на дрожжах, возникла новая отрасль промышленности, как только изобретательные бизнесмены начали рекламировать противорадиационные убежища. И новая тема, серьезно обсуждавшаяся по радио и телевидению, в газетах и с амвонов церквей, была прибавлена к национальному диалогу: имеет ли человек моральное право застрелить своего соседа, пытающегося вторгнуться в его семейное бомбоубежище? Это был постыдный период, и ответственность за это падает целиком на Джона Кеннеди» (*R. J. Walton. Cold War and Counterrevolution. The Foreign Policy of John F. Kennedy. New York, 1972. p. 88*).

* «Русские, — замечает Дж. Ньюхаус, — знали, как знала и вашингтонская бюрократия, что тонкая территориальная система ПРО, называясь она антикитайской или антирусской, выглядела бы в основном одинаково и имела бы большой потенциал для роста» (*J. Newhouse. Gold Dawn. The Story of SALT. New York, Chicago, San Francisco, 1973, p. 97*).

О стремлении Пентагона получить как можно больше точных данных о системе целей на территориях «потенциальных противников» свидетельствовал размах мероприятий в США по развитию современных систем технической разведки, осуществленных вслед за провалом в мае 1960 г. шпионского полета американского самолета У-2 над территорией СССР. «Почти столь же важными, как технические характеристики систем доставки ядерного оружия, — пишет М. Лейтенберг, сотрудник Центра по изучению международных проблем Корнельского университета, — являются средства получения точной информации о местонахождении советских межконтинентальных ударных сил, т. е. их аэродромов и ракетных баз. Прежде чем постоянные усилия по улучшению точности МБР и системы геодезических искусственных спутников, призванных давать точные координаты точек на земной поверхности и т. д., могли принести хоть какую-то пользу, нужно было знать, где находятся цели»⁴⁶.

Как сообщил журнал «Бизнес уик», в 1966 г. было решено объединить функции разведспутников нескольких типов в единой системе, получившей в конечном итоге название «Проект 647». Этот проект, уточнял журнал, «охватывает полеты над территорией России и Китая». По данным журнала, с начала 60-х гг., когда США начали экспериментировать с разведывательными спутниками, на них было израсходовано к 1972 г. около 20 млрд. долл.⁴⁷ По данным другого американского журнала, США в 1974 г. расходовали на сбор и обработку разведывательных данных до 6 млрд. долл. в год, причем 80% расходов шло на техническую разведку⁴⁸.

Многие видные американские специалисты в области оценки систем оружия были едины в мнении, что одновременное развертывание в США систем МИРВ и ПРО было нацелено на создание способности к первому «контрсилловому» удару. Например, Джордж Ратженс, профессор политических наук Массачусетского технологического института, занимавший до этого пост директора Управления оценки систем оружия Института оборонного анализа, писал в 1969 г.: «Хотя возможность развертывания либо МИРВ, либо ПРО создает стимул для гонки вооружений, в своей комбинации они являются более серьезной угрозой. Можно допустить, что одна из сверхдержав, имеющая систему ПРО, может развить

систему боеголовок МИРВ до такой степени, когда она смогла бы использовать их для того, чтобы уничтожить силы МБР своего противника упреждающим ударом. Ее системам ПВО и ПРО пришлось бы тогда иметь дело с сильно ослабленным ответным ударом, состоящим лишь из удара стратегических сил морского базирования, а также тех МБР и бомбардировщиков, которые окажутся неуничтоженными упреждающим ударом... Не было бы непременно иррациональным... если бы одна сторона, прибегнув к первому удару, смогла бы ограничить собственный ущерб гораздо более низким уровнем, чем в том случае, если бы первый удар нанес противник. Коротче говоря, если бы одна или обе сверхдержавы получили такую способность, то мир бы оказался в гораздо более неустойчивом состоянии по сравнению с тем, в каком он находится сейчас»⁴⁹.

Аналогичные мнения об уменьшающей стратегическую стабильность «контрсиловой» потенции, создаваемой параллельным развертыванием в США систем МИРВ и ПРО, высказывали известные американские ученые-физики Дж. Визнер, Дж. Кистяковский, Г. Сквилл, П. Доти, И. Раби, Дж. Руина, В. Панофски, Г. Йорк, Г. Браун и многие другие.

«Фактически реальная американская практика всегда включала в себя стратегическое нацеливание на военные силы, и она никогда не отказывалась от технических улучшений способности эффективно уничтожить противостоящие военные силы»⁵⁰, — констатирует А. Уолстеттер, один из крупнейших стратегических теоретиков США, автор концепции «сдерживания» путем угрозы нанесения противнику «неприемлемого ущерба» во втором ударе.

Мы не собираемся уходить в область гипотетических догадок о намерениях американского руководства в отношении реального использования способности к «контрсиловому» удару. Согласно некоторым американским трактовкам, от той или иной степени угрозы стратегическим силам противника нельзя отказываться ни при каких условиях, поскольку «контрсиловая» угроза заставляет его отвлекать средства на защитные мероприятия (размещение ракет под землей, бетонирование и т. д.), которые в принципе обходятся в три раза дороже, чем сами ракеты.

Вероятнее всего, правительство США в силу целого ряда неопределенностей даже при благоприятном, по его мнению, стечении обстоятельств не решилось бы воспользоваться такой способностью и использовало бы «превосходство по контрсиле» лишь как определенного рода силовую позицию при переговорах.

Тем не менее, как отмечают сами американские теоретики, о противнике судят не столько по намерениям, сколько по его реальным способностям. А стремление США к обеспечению «контрсиловой» способности, естественно, не могло не активизировать соответствующие контрмероприятия со стороны СССР. В этих условиях расчеты США на возможность решающего отрыва от СССР в области стратегического потенциала оказались, как и в прежние годы, построенными на песке. Обнаружилась беспочвенность целого ряда технических расчетов, связанных, в частности, с оценками американскими экспертами возможностей системы ПРО Соединенных Штатов (в условиях появления на вооружении не только у США, но и у СССР боеголовок типа МИРВ), с их оценками живучести советских стратегических сил и т. д. Та самая усовершенствованная техническая разведка, которая должна была дать Пентагону данные для более эффективного поражения военных объектов противника, показала военным экспертам США несостоятельность их калькуляций, лежавших в основе тактики «обезоруживающего» удара по СССР.

Все это заставило республиканскую администрацию, пришедшую к власти в США в 1969 г., произвести в 70-е гг. ряд болезненных, но неизбежных переоценок в области военно-политической стратегии Соединенных Штатов.

4. «МАЛАЯ» ВОЙНА В СТРАТЕГИИ «ГИБКОГО РЕАГИРОВАНИЯ». КОНЦЕПЦИЯ «КОНТРИНСУРГЕНЦИИ»

Если новый подход США к «большой» войне в начале 60-х гг. свелся к тому, чтобы «военизировать» войну, сделать ее более контролируемой, зарезервировав «масшированное возмездие» лишь «на самый крайний случай», то в их подходе к «малой» войне наблюдалась про-

тивоположная тенденция — тенденция политизировать войну, превратить ее в сплав полувоенных операций с операциями психологического, экономического, административного и т. п. порядка. В основе этого последнего стремления прежде всего лежало желание сделать максимально невероятной эскалацию малого, периферийного конфликта в большой, ядерный конфликт, чреватый угрозой самим США.

«...Империализм США, — констатировало международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г., — вынужден учитывать сложившееся соотношение сил на международной арене, ядерный потенциал Советского Союза и возможные последствия ракетно-ядерной войны, ему становится все труднее, опаснее делать ставку на развязывание новой мировой войны. В этих условиях американские правящие круги, не отказываясь от подготовки к такой войне, особый упор делают на локальные войны»⁵¹.

Вступая на пост президента США 20 января 1961 г., Джон Кеннеди, как известно, публично заявил о том, что США будут продолжать энергично выступать в роли мирового полицейского. «Пусть каждая страна знает, — сказал он, — добра ли она нам желает или зла, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, преодолеем любую трудность, поддержим любого друга и выступим против любого врага, чтобы обеспечить выживание и успех свободы»⁵², т. е. порядков, угодных американскому империализму.

Но это заявление президента о готовности США пойти на любые жертвы ради сохранения устраивающих Соединенные Штаты порядков в странах «свободного мира» было во многом пропагандистским. И Кеннеди отдавал себе отчет в этом. Он знал, что «мир ныне иной. Ибо человек держит в своих смертных руках силу... способную уничтожить все формы человеческой жизни»⁵³.

Кеннеди не готов был идти в глобальной политике на крупный риск — и впрямь «платить любую цену» с целью поддержания в любой стране мира социального статус-кво, соответствующего интересам американского империализма. Кеннеди был готов и хотел делать это отнюдь не любой, а лишь приемлемой для США ценой.

Какова же «приемлемая цена»? Размышляя над этим, Кеннеди и его «мозговой трест», по-видимому, при-

шли к выводу, что она не должна быть больше той цены, которую платили «отцы-основатели» Соединенных Штатов и их сыновья, раздвигая западную границу США, очищая ее от «туземцев». Вывод о минимальном уровне насилия, достаточном для такого рода операций, подсказал стратегам администрации Кеннеди и формы этих операций. Речь шла о возрождении «контрповстанческих» приемов американских землепроходцев.

Так, в начале 60-х гг. XX в. в США заново родилась теория и тактика «контринсургенции» — контрповстанческой борьбы, так сказать, псевдоповстанческими методами с использованием сверхсовременных средств военной техники*. Военные акции, предпринимавшиеся правительством США в 60-е гг., начиная с организации вооруженной интервенции против Кубы в апреле 1961 г., свидетельствовали о том, что оно довольно тщательно соотносило «цену» своего участия с целями (ставками), хотя явно просчиталось с «ценой» для США их агрессии в Индокитае.

Помимо желания «локализовать» войну и тем самым предотвратить «нежелательную эскалацию» существовал еще ряд причин, объяснявших обращение американского руководства к практике «специальной войны»:

1. Несмотря на учет новым американским руководством важности социально-экономических факторов как генераторов «народных брожений», американские теоретики из окружения Кеннеди — сливки профессорской элиты восточного побережья США — все же в душе скептически-пренебрежительно относились к роли масс в историческом процессе. В соответствии с ницшеанской интерпретацией философии истории они считали массы «слепой толпой», управляемой героями. Поэтому ход мирового развития во многом рассматривался ими сквозь призму «заговорщической» концепции: успешных государственных переворотов и контрпереворотов, умелого манипулирования массами со стороны лиц, «озаренных идеями». Такова, кстати, была и философия самой администрации Кеннеди. Обитатели Белого дома, не моргнув глазом, приняли наклеенную на него подхалимствующей

* Один из теоретиков «контринсургенции», Дж. Маккьюэн, подчеркивает, что «контринсургенция» «принимает принципы и стратегию революционной войны, но только наоборот» (*J. McCuen. The Art of Counter Revolutionary War. London, 1966, p. 77—78*).

прессой вывеску «нового Камелота» — замка легендарного английского короля Артура, из которого суперэлита «рыцарей круглого стола» «творила историю».

Естественно поэтому, что все народные революционные движения, и в первую очередь те, которые возглавляют коммунисты, рассматривались американской элитой как заговоры — если уж не прямо «заговоры Москвы», то во всяком случае заговоры, не обходившиеся без участия в той или иной форме ее «доверенных лиц» *. Что же было более оправданным, более уместным, более подходящим, с точки зрения такого рода теоретиков, как не идея противопоставить «заговору» контрзаговор, восстанию — контрвосстание, «экспорту революции» — экспорт контрреволюции, организуемый при помощи кучки соответствующим образом оснащенных, усвоивших технику диверсионно-подстрекательского дела и подготовленных к местным условиям «лидеров»?

Из этой идеи и родилась конкретная программа создания специальных «контрповстанческих сил», отчасти уже существовавших в армии США с 1952 г. в виде специальных «повстанческих» отрядов, которые были сформированы в основном из числа так называемых перемещенных лиц и предназначены для диверсионно-террористической деятельности в тылах соответствующих государств в ходе военного конфликта. Члены «контрповстанческих» отрядов получили название «зеленых беретов» — по отличавшему их головному убору.

2. Подобная «тихая контрреволюция» — действия на уровне «не бросающихся в глаза» полувоенных операций — позволяла, с точки зрения официального Вашингтона, «обходить стороной» юридические проблемы интервенции: осуществлять подобные операции без санкции конгресса, без привлечения внимания широких слоев населения США к такого рода американской интервенцио-

* «Это факт, — говорил в 1972 г. в сенатской Комиссии по иностранным делам известный общественный деятель США, профессор Массачусетского технологического института Н. Хомский, — что абсолютно во всех случаях, и я не знаю ни единого примера, свидетельствующего об обратном, подлинная революция, которая происходит в системе, где доминируют США, интерпретируется как осуществляемая агентами международного коммунистического заговора» («Causes, Origins and Lessons of the Vietnam War. Hearings before the Committee on Foreign Relations U. S. Senate 92nd Congress 2nd Session». G. P. O., Washington, 1973, p. 103).

нистской деятельности за рубежом и тем самым предотвращать появление в собственной стране нежелательной антивоенной оппозиции.

3. По мнению американского руководства, подобное состязание на «низших уровнях» насилия на заморских театрах военных действий автоматически повышало «шансы на выигрыш» стороны, технически более оснащенной для такого рода операций, стороны, располагавшей специальной малой техникой для «особой» войны, а США надеялись, используя свой мощный промышленный потенциал, лидировать в разработке и массовом производстве такого рода специальных средств борьбы*.

4. В свое время президент Эйзенхауэр, рассуждая о «происках коммунистов», выступил с теорией «падающих домино». Он изобразил дело таким образом, что падение того или иного режима в «третьем мире» из «западной системы» неминуемо ведет к цепной реакции «падающих костяшек домино»: за одной выпавшей страной моментально следуют вторая, третья, четвертая и т. д.

С точки зрения развития исторического процесса крушения системы колониализма после второй мировой войны наблюдение Д. Эйзенхауэра было, безусловно, верным: распад колониальной системы и становление бывших колоний на путь независимого и самостоятельного развития и впрямь походили на такого рода цепную реакцию. Фальшь эйзенхауэровского тезиса состояла не в этом образном и правильном описании естественного процесса, вызываемого освободительной борьбой народов, а в том, что сам процесс рассматривался как противоестественный, «навязываемый извне» с помощью «козней коммунистов». В этом плане «теория» Эйзенхауэра была всего-навсего очередным изданием стереотипной

* Г. Киссинджер писал по этому поводу: «Сила современного оружия уменьшает значение нашего промышленного потенциала во всеобщей войне потому, что каждая сторона может с самого начала уничтожить индустриальные мощности своего оппонента наличными боеготовыми силами. В войне с применением современных видов оружия промышленный потенциал может иметь значение только тогда, когда он сам не является целью.

В результате ограниченная война стала формой конфликта, которая дает нам возможность извлечь величайшее стратегическое преимущество из нашего промышленного потенциала» (H. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy, p. 155).

антикоммунистической концепции об «экспорте революции».

Отталкиваясь от теории «падающих домино», Кеннеди и его советники, исходя из своего «заговорщического» взгляда на философию истории, решили претворить в жизнь план «падающих домино наоборот». Они решили, как гласил заголовок первого собрания президентских речей Дж. Кеннеди, «повернуть вспять прилив»: добиться силой ликвидации национально-освободительного движения сначала в одной стране, потом в другой и путем такого рода цепной реакции (в прямом и переносном смысле слова) «повернуть вспять коммунистический прилив не только в Южном Вьетнаме, но и во всей Юго-Восточной Азии и во всем мире в целом»*. Как тонко подметил впоследствии Уолтер Липпман, общей целью политики Кеннеди было «спасти мир от революционных войн»⁵⁴. Наиболее подходящим инструментом для этого и оказывалась стратегия «контринсургенции».

«Контринсургенция», подчеркивает сотрудник «РЭНД корпорейшн» П. Кешкемети, «предложила себя в качестве американской стратегии ведения войны *par excellence*, ибо она заполняла крупную брешь, оставленную открытой стратегией ядерного возмездия»⁵⁵.

Таким образом, в условиях, когда «большая» война стала для США нежелательной по причине уязвимости американской территории, концепция «контринсургенции» оказывалась их стратегией реального ведения войны, поскольку она как бы включала в себя «гарантию» недопущения перерастания периферийного, мелкого конфликта в «центральный» тем, что, по определению, исключала возможность крупномасштабного использования американской военной силы в локальных заморских конфликтах.

Эту стратегию с большим или меньшим успехом США в сотрудничестве с местными режимами применяли в ряде стран Латинской Америки для подавления локальных недовольств населения и небольших партизанских движений. Однако, когда США попытались применить ее для подавления подлинно массовых национально-ос-

* Так писал о целях интервенции США в Индокитае в унисон с (тогда уже покойным) Дж. Кеннеди его политический противник и классовый единомышленник Р. Никсон («Readers Digest», August 1964, p. 38).

вободительных движений (Лаос, Камбоджа, Южный Вьетнам), они потерпели фиаско.

США потерпели фиаско прежде всего потому, что национально-освободительные движения — это не заговор кучки лиц и борьба с этими движениями методами «контрзаговора», на что делала ставку концепция «контринсургенции», была заранее обречена на неудачу.

Подытоживая в 1968 г. «уроки Вьетнама», известный американский дипломат Чарльз Йост (в 1961 — 1966 гг. — заместитель постоянного представителя США в ООН, в 1969—1970 гг. — постоянный представитель) реалистически констатировал: «Одним из уроков последних пятнадцати лет, наиболее явно проявившимся во вьетнамской войне, является то, что способность даже сильнейшей державы эффективно вмешиваться в дела других государств оказалась разъеденной временем, пространством и историей...»

Самым решающим уроком Вьетнама, по-видимому, оказывается то, что независимо от того, какие силы могут применить США, они не смогут обеспечить безопасности страны, правительство которой не способно мобилизовать и сохранять достаточную поддержку со стороны населения с тем, чтобы быть в состоянии справиться с восстанием... Если местные диссиденты, будь они коммунисты или некоммунисты, имеют поддержку извне или нет, оказываются способными мобилизовать и обеспечить более эффективную народную поддержку, чем существующее правительство, они в конце концов одержат верх. Соединенные Штаты не смогут помешать им, даже если захотят это сделать и даже если будут готовы в течение какого-то времени расходовать жизни и ресурсы ради достижения этой цели. При такого рода обстоятельствах, как бы неприятны они ни были, Соединенным Штатам придется примириться с «потерей» данной страны и переходом ее к коммунистам или другим эффективным действующим повстанцам»⁵⁶.

Имелись и другие крупные просчеты в указанной концепции и ее реализации правительством США.

Концепция «контринсургенции» в том виде, как она была первоначально разработана американскими теоретиками, придавала большое значение таким факторам, как моральное состояние населения, степень популярности правительства, материальный уровень жизни, со-

стояние организационной инфраструктуры гражданской администрации, степень привлекательности политической программы повстанцев и т. д. и т. п. Однако в ходе практической реализации Пентагоном стратегии «контринсургенции» в Южном Вьетнаме министр обороны Макнамара свел все дело к «счету тел» убитых партизан и другим «квантифицируемым факторам»*.

Он подходил к тактике полувоенной или сверхполитизированной военной борьбы точно так же, как к решению проблем стратегического ядерного обмена: сугубо путем количественного анализа, на основе перебора альтернатив с помощью ЭВМ. В конце концов и для определения степени успеха «контринсургенции» он принял в качестве основополагающего критерия размер ущерба, наносимого противнику. И поскольку для «сдерживания противника», тем более для его «принуждения», согласно американской стратегической теории, требовалось нанести последнему ущерб, близкий к «неприемлемому», то Вашингтон в условиях, когда вооруженное подавление патриотических сил было безрезультатным, стал выдвигать все более и более повышенные показатели «коэффициента неприемлемости»**. Не удивительно поэтому, что Соединенные Штаты весьма быстро поднялись во Вьетнаме вверх по лестнице эскалации, начисто перечеркнув основополагающую идею «контринсургенции» — ограниченное применение военной силы.

С 1965 г. США перешли во Вьетнаме к локальной войне обычного типа и вскоре дошли до практического

* Макнамаровский «сверхоптимизм (касательно военных «успехов» США во Вьетнаме. — Г. Т.) базировался в значительной мере на ошибочных статистике и анализе... — отмечает биограф Макнамары Г. Трюитт. — Вьетнамцы (Сайгон. — Г. Т.), например, были готовы снабжать американцев любыми цифрами, которые, как им казалось, Вашингтон желал услышать» (H. L. Trewitt. McNamara. His Ordeal in the Pentagon. New York, Evanston, San Francisco, London, 1971, p. 329).

** При таком «повышении ставок» в контрпартизанской войне верхний уровень «неприемлемого ущерба», как подчеркивают многие исследователи, становится равнозначным тотальному уничтожению всего населения. «Можно признать аксиомой, вытекающей из опыта множества такого рода ситуаций, что партизанская война, которую поддерживает местное население или же против которой оно активно не выступает, не может быть выиграна без физического уничтожения этого населения» (H. J. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States, p. 133).

потолка в использовании обычных вооружений, применяя стратегические бомбардировщики В-52 для ковровых (т. е. бесприцельных) бомбардировок территории и крупнокалиберную артиллерию крейсеров для слепых артналетов на побережья. Но даже и при таком массивном использовании неядерных средств поражения идея подчинения противника путем нанесения «неприемлемого ущерба» (в первую очередь его гражданскому населению) оказалась несостоятельной, ибо она не учитывала очень многих факторов морально-политического порядка (необходимость учета которых была теоретически заложена в концепции «контринсургенции», оказавшейся, однако, отброшенной переходом США к локальной войне).

В блестящем по тонкости проникновения в психологию правящего класса США анализе некоторых аспектов американской внешней политики, проведенном в сенатской Комиссии по иностранным делам в июне 1969 г., сенатор Фулбрайт убедительно показал скрытые мотивы, стоявшие за эскалацией официальным руководством США воздушной войны против народов Вьетнама.

Фулбрайт показал, что при разработке теории эскалации и написании на ее основе конкретных «сценариев» войны в Индокитае американские стратеги отталкивались от американской культуры, от американской «системы ценностей», не выходяли за рамки сугубо американской психологии. Они применяли свою собственную, «американоцентристскую», более того, специфически американобуржуазную мерку к людям другой нации, другой культуры, другого класса, которые мыслят совершенно иными категориями, не имеющими ничего общего с подходом американского бизнесмена-деляги, будь он руководитель корпорации или стратег-теоретик.

В ходе слушания этого вопроса в «Комиссии Фулбрайта» состоялся весьма интересный диалог между ним и американским антропологом д-ром Э. Холлом, довольно ярко раскрывший суть идеи, лежавшей в основе эскалации воздушной войны США против ДРВ.

«Председатель (Фулбрайт). Так много людей утверждало в последнее время, что предложения, которые мы сделали северным вьетнамцам в качестве основы для урегулирования, являются благоразумными. Мы, как вы знаете, предпринимаем определенные шаги. Мне вдруг

пришло в голову, что ввиду их длительной истории борьбы, всех тех страданий, которые они до сих пор претерпели, они, вероятно, не собираются быть «благоразумными»...

Д-р Холл. К тому же мы и не знаем, что для них благоразумно.

Председатель. Что же, это, может быть, еще важнее.

Д-р Холл. То, о чем вы говорили, является вторым фактором, т. е. имеются шансы за то, что они не будут благоразумны, но мы также не знаем, что есть благоразумие.

Председатель. Это — предложение, которое кажется благоразумным нам. Если бы оно было сделано нам, американцам, которые сражались не дольше того, чем мы сражаемся, и так далее, то мы бы сказали: «Что ж, это хорошее предложение, мы его примем!»

Я давно уже чувствую, что наше вовлечение туда, в столь трагическую войну, было результатом неправильного суждения именно по поводу самого этого фактора. Мне кажется, что в 1964 и в 1965 гг. некоторые из лиц, делающих нашу политику, обозревая ситуацию, заявили, что, если мы вовлечемся чуть-чуть в то, что они именovali хирургической бомбардировкой Севера, и разрушим там две или три фабрички, враг скажет: «Эта цена слишком велика, чтобы ее платить! Давайте закончим войну мирным урегулированием». Мотивировка, которая приводилась в обоснование подобной акции, состояла в том, что если бы они сами были подвергнуты бомбардировке и их завод в Бостоне или Нью-Йорке был бы разрушен, то они реагировали бы именно таким образом. Верно?

Д-р Холл. Да, они смотрели на все это с нашей собственной точки зрения.

Председатель. Мы бы реагировали таким образом, случись это с нами?

Д-р Холл. Да.

Председатель. Верно? Я думаю, что это, вероятно, и было фундаментальной ошибкой. . .»⁵⁷

В конце концов «цена» войны во Вьетнаме оказалась гораздо более неприемлемой — морально, политически и даже экономически — для широких масс американцев, чем для тех, против кого сражались США, ибо любое определение «цены» имеет смысл лишь в сопоставлении

с целями, для достижения которых данная «цена» уплачивается.

Даже если рассматривать вопрос чисто теоретически, великая цель освобождения родины и национальной независимости, во имя которой сражались против иностранных интервентов патриоты Вьетнама, автоматически подразумевает гораздо большую способность к жертвам и лишениям у тех, кто борется за такую цель, чем у американцев, воевавших за тысячи километров от родины, чтобы осуществить безразличную для любого из них негативную цель «отбрасывания коммунизма», цель, не имеющую ничего общего с действительными национальными интересами Соединенных Штатов.

Интервенция США в Индокитае привела, между прочим, к развитию конфликта между целью военно-политической стратегии США и средствами ее осуществления, иными словами, между установками «большой» стратегии и интересами подчиненной ей военной стратегии. Реализуя, казалось бы, политическую цель укрепления безопасности Америки, улучшения американских позиций в мире, война во Вьетнаме фактически все дальше и дальше уводила США от достижения этой цели.

В то время как американский империализм занимался, по определению его идеологов и стратегов, «защитой интересов свободного мира» во Вьетнаме, этот самый «свободный мир» в лице Японии, западноевропейских союзников и партнеров США продолжал теснить Соединенные Штаты с их политических и экономических позиций по всему миру. Война во Вьетнаме, отвлекшая колоссальные ресурсы США, вела также к подрыву позиций правящего класса Соединенных Штатов в своей собственной стране.

Американский исследователь Джеффри Мильстейн, проанализировавший на ЭВМ «динамику войны во Вьетнаме», пришел к выводу: «величайший парадокс» вьетнамской войны состоял в том, что военная интервенция, предпринятая США для укрепления своих позиций, на деле ослабила их в политическом, экономическом, социальном и моральном отношении как с точки зрения внутренней, так и международной. «Осуществлявшаяся во имя цели «национальной безопасности» и силы вьетнамская война и чрезмерные военные расходы, которые ей сопутствовали... — пишет он, — способствовали внутренне-

му ослаблению американского общества и привели к тому, что можно назвать национальной небезопасностью»⁵⁸.

«Дилемма вовлечения США (в Индокитае. — Г. Т.), начиная с эры Кеннеди, — говорится в опубликованных в США секретных документах Пентагона, — состояла в том, чтобы использовать лишь ограниченные средства для достижения чрезмерных целей»⁵⁹. А в конечном итоге, несмотря на то что США во Вьетнаме прибегли и к чрезмерным средствам (использованию стратегической авиации, авианосцев и т. п.), главной задачей военно-политической стратегии США в Индокитае оказалось достижение ограниченной цели прекращения войны на условиях возвращения к статус-кво анте, т. е. положению, существовавшему до американской интервенции.

США не смогли одержать военную победу в Индокитае по той «цене», которую Вашингтон готов был платить за ее достижение. Но он не мог и существенно повысить «цену» путем дальнейшей эскалации ввиду сдерживающего влияния мировой системы социализма. Американские лидеры понимали, что дальнейшая эскалация во Вьетнаме очень быстро может привести к тому, что, так сказать, «приемлемая» для них локальная война перерастет в неприемлемую всеобщую. Неспособность военной стратегии США в рамках этих условий собственными средствами разрешить конфликт «удовлетворительным образом», т. е. военной победой, заставила американское правительство инструментом «большой» стратегии «перерешить» задачу. Изменив первоначальную цель — достижение победы, Вашингтон вынужден был пойти на прекращение прямой военной интервенции.

В правительстве Джонсона к выводу о необходимости девальвации целей США в Юго-Восточной Азии одним из первых пришел, как это ни парадоксально, тот же Макнамара. В своем выступлении весной 1966 г. на ежегодном собрании американского общества газетных редакторов (между прочим, на том же самом форуме, где за пять лет до этого президент Кеннеди развивал теорию о необходимости для США быть мировым полицейским) Макнамара заявил: «Ни совесть, ни здравый смысл не требует того, чтобы США являлись, должны были или могли быть глобальным полицейским. Соединенные Штаты не получали мандата от всевышнего осуществлять функции полицейского в мире...»

Там, где нашей помощи не просят, редко бывает благоразумно выступать добровольцами. Конечно, у нас нет никакого устава, обязывающего нас спасти неустойчивые режимы, которые навлекли насилие против себя тем, что сознательно отказывались пойти навстречу законным чаяниям своих граждан»⁶⁰.

Еще более четко свое мнение о необходимости «снижения ставок» и деэскалации конфликта Макнамара изложил в секретном «проекте президентского меморандума», датированном 19 мая 1967 г. *

В этом документе признавалось, что «по-прежнему не появляется никаких признаков того, что бомбардировки уменьшили волю Ханоя к сопротивлению»⁶¹.

Категорически отвергнув дальнейшую эскалацию воздушной войны как нежелательную, Макнамара высказался за кардинальный пересмотр целей США во вьетнамской войне. Какие бы надежды ни лелеяли США в прошлом касательно целей войны во Вьетнаме, отметил Макнамара, обязательства США не состоят в том, чтобы:

«Обеспечить, чтобы некое определенное лицо или группа лиц остались у власти (в Южном Вьетнаме. — Г. Т.) или чтобы эта власть распространялась на каждый уголок земли. . .

Гарантировать, чтобы само избранное правительство являлось некоммунистическим. . .

Настаивать на том, чтобы независимый Южный Вьетнам оставался отделенным от Северного Вьетнама (хотя в краткосрочной перспективе мы бы предпочли, чтобы это было так)»⁶².

Претворение в жизнь «меморандума Макнамары», безусловно, могло бы создать основу для мирных переговоров. Однако в 1967 г. его точка зрения не нашла поддержки в правительстве США, и во многом по этой при-

* «Проект президентского меморандума» представлял собой одну из форм служебной переписки на высшем уровне. Такого типа документ предназначался для крайне ограниченного круга лиц из высшего политического и военного руководства США. О существовании такого рода документов и о конкретном содержании некоторых из них стало известно в результате обнародования в американской печати секретного «вьетнамского досье» Пентагона, составленного в свое время по поручению Р. Макнамары специальной группой, состоявшей из служащих министерства обороны и научных сотрудников ряда научно-исследовательских учреждений США.

чине Макнамаре пришлось уйти с поста министра обороны. Тем не менее уже в 1968 г. дальнейшие позорные провалы тактики эскалации, давление внутреннего и мирового общественного мнения вынудили президента Джонсона встать на путь мирных переговоров.

Этот процесс, начавшийся в канун смены администрации в Вашингтоне, был завершен правительством Никсона, одновременно выдвинувшим идею «вьетнамизации», иначе говоря, деамериканизации войны, отказа от непосредственного участия американских вооруженных сил в конфликте. Вашингтон фактически вновь возвращался к концепции «контринсургенции», только на сей раз ее осуществление передоверялось местным контрреволюционным силам. Как и до вовлечения США в войну во Вьетнаме, вопрос сводился к следующему: если отряды местной контрреволюции достаточно сильны, или, если существующий правительственный режим пользуется достаточной поддержкой населения, то он сможет уцелеть; если же такой поддержки нет, то его ожидает неминуемый крах.

Таким образом, правящие круги Соединенных Штатов вынуждены были согласиться передать решение вопроса о внутреннем устройстве Южного Вьетнама на решение самого южновьетнамского народа. Если говорить о принципиальных позициях республиканского правительства США, занятых им при разработке соглашения о прекращении войны, то нельзя не видеть, что они во многом соответствовали рекомендациям «меморандума Макнамары».

Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме было подписано 27 января 1973 г. в Париже представителями четырех сторон: ДРВ, Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, США и Южного Вьетнама. Поставив свою подпись под этим соглашением, статья 1-я которого содержит обязательство уважать «независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама»⁶³, правительство США как бы расписалось в том, что двенадцатилетняя вооруженная интервенция США в Индокитае окончилась провалом.

Отказ режима Тхиену пойти на политический компромисс с силами Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, который недвусмысленно предусматри-

вался Парижским соглашением, стремление сайгонского диктатора во что бы то ни стало остаться у власти привели к неизбежному финалу — победе патриотических революционных сил в масштабе всей страны весной 1975 г. Режим Тхиеу пал, как только лишился поддержки американских штыков. Военная инфраструктура США в Южном Вьетнаме была единственной реальной инфраструктурой, на которой держался сайгонский режим. Никакой собственной социально-политической базы у него не было.

Крах антинародных марионеточных режимов в Южном Вьетнаме и Камбодже, поражение реакционных проамериканских сил в Лаосе под напором освободительного движения масс есть ярчайшие доказательства практической и концептуальной несостоятельности политики «вьетнамизаций», начатой президентом Джонсоном и продолженной республиканской администрацией Никсона. «Вьетнамизация» провалилась потому, что она фактически пыталась сделать то, в чем буржуазные теоретики облыжно обвиняют коммунистов, — насадить и закрепить чуждый народу, отторгаемый им режим, не имеющий почвы в стране и способный держаться лишь на военной помощи извне и на внешнем политическом руководстве.

В силу масштабов того «замаха», который Вашингтон с самого начала придал своей интервенции в Индокитае («повернуть вспять» мировой прилив освободительных революционных движений!), поражение США во Вьетнаме имело не чисто локальный, а поистине глобальный резонанс: роль мирового полицейского, как это стало ясно не только американцам, но и всему остальному человечеству, оказалась непосильной для США. «После горького опыта Вьетнама Америка узнала, что она не обладает мощностью для того, чтобы... решать каждую проблему, — самокритично констатировал Г. Киссинджер. — Мы знаем, что наше влияние имеет пределы... И мы понимаем, что Америка, как и все человеческие организации, не избавлена от ошибок»⁶⁴.

Глава седьмая

КРИЗИС: ПРОЦЕСС ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

1. НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рубеж 70-х гг. XX в. явился в какой-то мере переломным для послевоенной внешней политики США. Этот период начался в 1945 г. гегемонистскими притязаниями США, нашедшими отражение в глобальных американских планах и программах типа «плана Баруха», «доктрины Трумэна», «программы Трумэна», «плана Маршалла», а закончился поражением США в Индокитае. Из этой четверти века более половины времени Соединенные Штаты провели в войнах — корейской и вьетнамской (не говоря уже о многих более мелких военных интервенциях); из стран — участниц второй мировой войны США оказались единственной крупной державой, фактически так и не прекратившей воевать по ее окончании. Свыше 100 тыс. погибших и 200 млрд. долл. дополнительных (связанных с ведением боевых операций) прямых военных расходов — такова стоимость этих двух войн для США. Фактически же с учетом долгосрочной перспективы (поборы с налогоплательщиков за индокитайскую авантюру будут продолжаться до конца столетия с целью погашения государственного долга, выплаты пенсий ветеранам и т. д.) лишь одна вьетнамская война, по подсчетам специалистов, будет стоить Соединенным Штатам в финансовом отношении почти столько же, сколько вторая мировая война, ориентировочная стоимость которой для США оценивается в 660 млрд. долл.¹

Как это ни парадоксально звучит, но астрономическая сумма расходов США на интервенцию во Вьетнаме есть, пожалуй, лишь самый незначительный компонент той

общей «цены» в виде экономических потерь, морального ущерба, ухудшения политических позиций США на международной арене и т. д., которой американцам приходится расплачиваться за нереалистичную внешнюю политику Вашингтона.

Пока США выполняли функции «мирового жандарма», они растеряли многие из тех «позиций силы» по отношению к своим капиталистическим партнерам-конкурентам, которыми обладали в 40-х гг. Это наглядно подтверждает следующая таблица.

Удельный вес США в экономике капиталистического мира (в %)

Доля США в	1950 г.	1970 г.	1974 г.
промышленном производстве	54,6	40,9	35,1
общем экспорте	32,5 *	15,5	12,7
золотовалютных запасах (включая такие формы международной ликвидности, как резервные позиции в Международном валютном фонде, специальные права заимствования)	71,0 **	15,8	7,5
производстве стали	57,5	29,5	23,9
" автомобилей	79,0	28,0	33,3
" пластмасс	67,0	31,4	31,7
" металлорежущих станков	53,2	30,3	—
продукции нефтегазовой промышленности	73,0	39,2	41,8
" горнорудной промышленности	29,3	22,8	—

* 1947 г.

** 1948 г.

Источники: «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 9, стр. 57; 1971, № 10, стр. 154; 1973, № 2, стр. 156; «Соединенные Штаты Америки», М., 1972, стр. 318; «США: экономика, политика, идеология», 1976, № 1, стр. 28-29; «International Economic Report of the Presidents», March 1976. G. P. O., Washington, 1976.

Защищая так называемый «свободный мир» за три-девять земель — в Корее и Индокитае, концентрируя усилия и ресурсы на внешнеполитической деятельности, американский правящий класс в какой-то мере ослабил внимание к защите устоев капитализма в самих США, что привело к резкому обострению классовых, расовых и иных социальных антагонизмов в стране. Напуганные размахом массовых выступлений, американские лидеры

начали опасаться того, что «управление... страной... перейдет в руки улиц»².

Препятствуя «падению домино» в Азии, пытаясь «отбросить» там «коммунистическую волну», американский империализм своей политикой силы породил колоссальный рост антиамериканских настроений в этом регионе. Выражением этого явились развал СЕАТО*, усилившаяся критика действий Вашингтона со стороны политического руководства Индии, Шри Ланка, Таиланда, Бирмы, Филиппин и т. д. Поражение же США в Индокитае фактически привело к «цепной реакции падающих домино»: страны Юго-Восточной Азии, а затем и всего остального азиатского региона стали все активнее ставить под вопрос целесообразность поддержания тесных военных уз с США, склоняться к проведению политики, менее зависимой от Вашингтона.

Направляя силы и средства на военную борьбу в Азии, Вашингтон все более пренебрегал отношениями со своими западноевропейскими союзниками, которые в американских декларациях всегда квалифицировались в качестве главных партнеров США. Однако в момент «подведения итогов» политики США в 60-е гг. обнаружилось, что последние начинают проводить гораздо более самостоятельную и независимую политику. Они не только бросили Соединенным Штатам экономический вызов, но и подспудно в некоторой мере заменяли антисоветизм в качестве «цементирующего элемента» «западноевропейской солидарности» антиамериканизмом.

Таковы некоторые важнейшие особенности «новой стратегической реальности», с которой США столкнулись на рубеже 70-х гг.

Однако самой главной особенностью этой новой реальности были дальнейшие сдвиги в соотношении сил между капитализмом и социализмом в пользу последнего и как важнейшее проявление этих сдвигов — дальнейшее укрепление экономических, политических, военных и иных позиций Советского Союза. Если в 1960 г. объем промыш-

* В сентябре 1975 г. на состоявшемся в Нью-Йорке заседании министров иностранных дел шести стран — членов блока СЕАТО (Англия, США, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и Таиланд) было принято решение о его роспуске. Ранее из блока вышли Франция и Пакистан. Считается, что практически процесс роспуска СЕАТО займет около двух лет.

ленного производства СССР составлял 55% от американского, то в 1975 г. — уже около 80%. Даже при некотором отставании от США по ряду экономических показателей Советский Союз в условиях плановой экономики смог обеспечить достижение паритета с США в тех областях, которым он был вынужден в силу специфики международной обстановки отдавать приоритет, в первую очередь в области стратегического ракетно-ядерного потенциала.

Придя к власти в 1969 г., новый президент США Ричард Никсон вынужден был признать, что стратегические арсеналы США и СССР в общем и целом уравнились. «Я хотел бы напомнить представителям печати, — заявил он на пресс-конференции в Белом доме в апреле 1969 г., — что в то время (в годы президентства Кеннеди. — Г. Т.) все профессиональные эксперты сходились на том, что превосходство Соединенных Штатов над Советским Союзом в совокупном ядерном потенциале выражалось соотношением по меньшей мере 4 : 1, а может быть 5 : 1. Сейчас дело обстоит иначе. Разрыв ликвидирован. Его уже больше никогда не будет...»³

Однако эта новая стратегическая реальность, свидетельствовавшая о существенном ослаблении международных и внутренних позиций американского капитализма, не сразу была осознана правящим классом. Ведущие военные эксперты республиканской партии, сочинявшие соответствующие разделы ее предвыборных документов в избирательной кампании 1968 г., все еще в воинственном запале критиковали стратегию «гибкого реагирования» как стратегию «слабаков». «Гибкое реагирование, — утверждали они, — в том виде, как оно применяется нынешней администрацией (т. е. правительством Джонсона. — Г. Т.), означает для агрессора, что первоначальный отпор его военным поползновениям будет дан лишь силой, сравнимой с силой, примененной им... Постепеновщина гарантирует агрессору, что наши последующие реакции будут также осторожно дозированы по фазам, с тем чтобы не допустить сверхприменения силы...»⁴ Республиканская партия изменит это положение, заверяли они, забывая о том, что так называемые «постепеновщина» и «дозировка», заложенные в стратегии «гибкого реагирования» правительство Кеннеди и Джонсона, являлись не какой-то малодушной односторонней «уступ-

кой противнику», а реалистическим приспособлением стратегии США к новой международной обстановке, когда «недозированное» применение США военной силы в конфликте поставило бы под вопрос само существование Соединенных Штатов.

Трезвый анализ реальной действительности убедил деятелей республиканского правительства в необходимости еще большей гибкости во внешней политике Соединенных Штатов. В этом и состоял процесс приспособления США к новым реальностям в мире, и он практически пошел по пути дальнейшего развития основных положений стратегии «гибкого реагирования», а не отмены их.

Именно поэтому новое республиканское руководство положило под сукно жесткие рекомендации своих военных экспертов, многие из которых все еще не могли отрешиться от иллюзий превосходства «даллесовской эры».

Необходимость приведения целей США, их военно-политической доктрины и военных обязательств в соответствие с уменьшившимися «силовыми возможностями» Соединенных Штатов была раньше всего понята теми идеологами американской буржуазии, которые осознали, что внешнеполитические и стратегические догмы и концепции, определявшие поведение США на мировой арене в 50-е и 60-е гг., не могут использоваться для защиты внешнеполитических интересов американского империализма в 70-е и последующие годы. В серии теоретических работ, появившихся в США в конце 60-х гг., был остро поставлен вопрос о необходимости кардинальной переоценки американских политических приоритетов, американской внешней политики.

Одной из таких работ, получивших большой резонанс в правящей элите США, была книга патриарха американских политологов Ганса Моргентау «Новая внешняя политика для США», опубликованная в 1969 г. «США, — писал он, — взяли на себя глобальную ответственность, которую они не в состоянии выполнить с каким-либо шансом на успех и которая, если бы США и впрямь попытались осуществить то, что они взяли на себя, неминуемо привела бы их к гибели... Мы должны, — рекомендовал Моргентау, — сузить разрыв между нашими всеохватывающими формальными обязательствами и той ограниченной сферой, в которой наши собственные интересы и

политика совпадают с интересами и политикой наших союзников»⁵.

Аналогичные предупреждения раздавались со стороны многих других внешнеполитических теоретиков США и наиболее дальновидных представителей американской правящей элиты.

Председатель сенатской Комиссии по иностранным делам Дж. Уильям Фулбрайт в книге «Самонадеянность силы», опубликованной в 1967 г., писал: «Медленно, но верно Америка проявляет признаки опьянения силой, что в прошлом причинило много неприятностей, ослабило и в некоторых случаях уничтожило великие нации. Следуя подобным курсом, мы превышаем свои возможности и нарушаем долг перед миром...»⁶

Наконец, в книге «Повестка дня для нации», опубликование которой влиятельным Брукингским институтом США было специально приурочено к смене администрации в Вашингтоне, многие видные внешнеполитические теоретики США недвусмысленно высказались за осуществление радикальных перемен в американской внешней политике и стратегии.

В частности, автор одной из глав этой книги — Генри Киссинджер, вскоре ставший помощником президента США по вопросам национальной безопасности, признал, что в ядерный век «сила более не переводится автоматически во влияние» и что «политическая многополюсность делает невозможным навязывание американских схем». «Самой величайшей необходимостью современной международной системы, — отметил он, — является согласованная концепция порядка»⁷.

Таким образом, налицо была определенная трансформация подхода американских буржуазных теоретиков к внешней политике и в особенности к концепциям отношений с государствами противоположной социально-экономической формации.

Во времена Кеннеди и Джонсона лидеры американского правящего класса, осознав самоубийственные для США последствия всеобщей ядерной войны, настойчиво предлагали Советскому Союзу договориться о «правилах» «цивилизованного» ведения такой войны, чтобы не доводить дело до «финальной пробы сил», о правилах «ограниченного», «дозированного» применения силы. Теперь же американские теоретики заговорили о необходи-

мости «согласованного подхода к поддержанию мирового порядка», иначе говоря, о совместно разработанном кодексе «цивилизованного общежития», о правилах, соблюдение которых позволило бы предотвратить всеобщую войну. Это было кардинальное изменение в американском подходе.

В своем первом внешнеполитическом послании конгрессу США от 18 февраля 1970 г., претенциозно озаглавленном «Новая стратегия в интересах мира», президент США назвал, так сказать, три столпа, на которых республиканское правительство намеревалось строить свою военно-политическую стратегию. Такими столпами были: партнерство, сила (под которой подразумевалась в первую очередь военная сила) и переговоры⁸. Включение переговоров с потенциальными противниками в качестве равноправного элемента в набор средств военно-политической стратегии наряду с традиционными ее элементами — «силой» и «партнерством» и было тем новым моментом, который свидетельствовал о повороте к большему реализму во внешнеполитическом подходе США.

Разъясняя суть нового подхода США, помощник президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер прямо говорил: «Философия правительства заключается в отходе от основных принципов, которые обеспечивали стабильность в 40-х, 50-х и 60-х гг., и поиске новых концепций, соответствующих 70-м гг.»⁹

Выдвинув лозунг о переходе от конфронтации к переговорам с потенциальными противниками, республиканский президент тем самым подчеркнул, что цель Соединенных Штатов Америки в современных условиях состоит не в военном отбрасывании потенциальных оппонентов в центре или «на периферии», а в известном сожительстве с ними в условиях признания военного равновесия.

Подобные признания не означали, разумеется, отказа Соединенных Штатов от какого бы то ни было противоборства на мировой арене с «потенциальными противниками». Такой подход, однако, свидетельствовал о стремлении американского империализма в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене перенести центр тяжести противоборства в невоенные сферы, менее опасные для США.

2. ПЕРЕСМОТР СТРАТЕГИИ

Основным документом, определившим новую внешнеполитическую и в значительной мере военно-политическую стратегию правительства США, явилась так называемая «Гуамская доктрина» («доктрина Никсона»), сформулированная в довольно туманных выражениях во время пресс-конференции президента США на острове Гуам летом 1969 г. во время его кратковременного визита в Южный Вьетнам. Затем эта доктрина была подробнейшим образом развита в выступлениях самого президента, государственного секретаря США и министра обороны.

«Гуамская доктрина» содержала два основных компонента: краткосрочный, вызванный потребностью предварительно «благопристойно» объяснить и прикрыть вынужденный американский уход из Вьетнама, и долгосрочный, связанный с реальным пересмотром стратегии США именно в свете провала того курса, который привел Соединенные Штаты к интервенции в Индокитае и делал ставку на их военную победу. В силу того что краткосрочный компонент «Гуамской доктрины» к настоящему времени уже снят событиями с повестки дня, мы на нем останавливаться не будем. Что же касается долгосрочных аспектов указанной доктрины, то они рассматривались Вашингтоном именно в качестве глобальной, а не региональной теории, хотя первым регионом, где она практически применена, оказался Индокитай.

«Смысл доктрины, которую я провозгласил на Гуаме... — заявил президент США в первом внешнеполитическом послании конгрессу, — состоит в том, что США будут участвовать в обороне и развитии наших союзников и друзей, но Америка не может и не будет разрабатывать *все* планы, *все* программы, выполнять *все* решения и брать на себя *во всем объеме* оборону свободных стран мира. Мы будем оказывать помощь в тех случаях, когда в этом есть реальная нужда и когда это будет отвечать нашим интересам... *Наши интересы должны определять наши обязательства, а не наоборот* (курсив мой.)»¹⁰.

Как известно, США непосредственно участвуют в члтырех военно-политических блоках, объединяющих в общей сложности свыше 40 стран, и имеют ряд двусторон-

них военных соглашений со странами, прямо не входящими в сколоченные США блоки *. Все это в известной мере связывает руки США.

В свое время, когда американские лидеры считали США всесильными и не очень задумывались над последствиями своих военных авантур для судеб самих США, подобные формальные обязательства вполне устраивали правящие круги. Однако изменение мировой стратегической обстановки привело американское руководство к выводу, что известная жесткость обязательств, принятых на себя США, начала оборачиваться против их собственных интересов. Произошла своего рода деамериканизация американской стратегии: Соединенным Штатам все чаще и чаще приходилось действовать или бездействовать не потому, что того требовал рассчитанный американский интерес, определенный самостоятельно Вашингтоном, а потому, что такая линия поведения навязывалась США самой логикой «ввязывающих обязательств», об опасности которых столь недвусмысленно предупреждал американцев еще Дж. Вашингтон.

При этом «цена» участия США даже в локальных военных авантюрах в условиях, когда они по принятым на себя обязательствам должны выступать в роли «гаранта» того или иного режима или его внешней политики, может оказаться, как показал Вьетнам, не просто тяжелой, а неприемлемой для них. Это-то и заставило Вашингтон «Гуамской доктриной» внести, так сказать, общую корректировку в формальные обязательства, принятые США на себя в 40-е и 50-е гг. Вашингтон как бы заявил своим союзникам, что не все американские обязательства по военным договорам будут выполняться США автоматически, что они будут действовать в зависимости от обстоятельств, степени их собственной заинтересованности и т. д. Иными словами, Вашингтон как бы вновь «американизировал» свою стратегию, освобождая ее от

* По подсчетам американского Центра оборонной информации — независимой организации, критически анализирующей политику и бюджет Пентагона, США в середине 70-х гг. имели различного рода военные обязательства в отношении 92 стран, включая договоры, исполнительские соглашения, т. е. правительственные соглашения, не подлежащие ратификации сенатом, регулярные продажи оружия, соглашения о военной «помощи» («The Defense Monitor», August 1975, p. 1).

побочных «союзнических интересов», прямо не связанных с интересами США. Тем самым США обеспечивали себе большую свободу рук, свободу маневра, возможность выбора из большого числа альтернатив при принятии решений, способность действовать более гибко при осуществлении своих целей.

В последующих документах американское руководство еще более подробно разъяснило смысл «Гуамской доктрины», особо выделив то обстоятельство, что ее появление было вызвано именно стремлением найти основу для политического действия в многополюсном мире, в котором США уже не могут претендовать на всемогущество и гегемонизм даже в среде своих собственных партнеров.

Основными долгосрочными элементами нового подхода США — «гибкого балансирования в многополюсном мире» становились: стремление по мере возможности оценивать и использовать как военные, так и невоенные «факторы силы» США в их совокупности; учет факта стратегического паритета США и СССР и девальвации «американского военного могущества»; ставка на сохранение и углубление раскольнического курса маоистского руководства КНР, направленного на обострение политико-идеологической и военной конфронтации с СССР; более строгое подчинение локальных региональных интересов США потребностям их глобальной политики; выделение среди американских «друзей и союзников» ключевых для того или иного региона стран и стремление переложить на них часть выполнявшихся ранее США функций по охране мировой капиталистической системы; готовность отвечать на локальные кризисы, неблагоприятные для США, внешнеполитическим давлением на интересы оппонентов в иных сферах и на иных направлениях.

Таким образом, «Гуамская доктрина» наряду с определенным реализмом содержала немало элементов традиционного империалистического подхода, лишь модифицированного применительно к новым обстоятельствам. Основным элементом такой модификации в широком смысле помимо более свободного отношения к формальным американским внешнеполитическим обязательствам явилась попытка возвратиться к традиционной для США концепции «баланса сил», когда, оперируя среди многих

«полюсов силы», США могли бы попытаться вести военное строительство не по максимуму (как в разгар «холодной войны»), а по оптимуму, полагаясь в соответствии с традиционным подходом на использование в своих интересах противоречий между другими «центрами силы» на мировой арене. Уже в первом внешнеполитическом послании президент Никсон вспомнил завет великого американского теоретика «балансирования» Джорджа Вашингтона и, перефразировав наставление последнего из прощального обращения к нации, заявил: «Ни одна из стран не должна непременно быть... постоянным врагом Соединенных Штатов»¹¹.

Из последующих посланий Никсона и выступлений Г. Киссинджера «балансовый» подход к маневрированию на мировой арене, причем с попыткой обеспечить США роль суперарбитра между другими «полюсами силы», стал совершенно очевиден. Во втором внешнеполитическом послании конгрессу президент США (опять-таки обыгрывая коронную тему Дж. Вашингтона о военной силе США как о «решающем довеске», склоняющем в их пользу чашу весов) отметил: «Мы будем продолжать обеспечивать элементы военной силы и экономических ресурсов, соответствующие размерам нашей страны и нашим интересам. Но в нынешний век уже неестественно и невозможно доказывать, что безопасность или развитие по всему миру представляют собой в основном заботу Америки... США могут и будут участвовать там, где это диктуется нашими интересами, но в качестве одной из гирь, а не главной гири на весах»¹².

В интервью журналу «Тайм» 3 января 1972 г. Никсон заявил: «Мы должны помнить, что единственным временем в истории Земли, когда на протяжении какого-то длительного периода мы имели мир, было время баланса сил. Лишь тогда, когда одна из стран становится несоизмеримо более мощной по сравнению с ее потенциальным конкурентом, возникает угроза войны. Так что я верю в мир, в котором Соединенные Штаты являются могущественными. Я думаю, что наш мир был бы более безопасным, более совершенным миром, если бы мы имели сильные, здоровые Соединенные Штаты, Европу, Советский Союз, Китай, Японию, и притом каждое государство уравновешивало бы другое, а не играло бы одно против другого, если бы мы имели равный баланс»¹³.

Столь откровенное изложение президентом своего кредо вызвало неблагоприятную реакцию в США. Те в США, кто действительно стремится играть по «балансу», критиковали его за излишнюю откровенность. Более серьезная критика раздавалась со стороны тех, кто считал, что классический баланс сил — типа европейского баланса посленаполеоновских войн — неосуществим в современную ядерную эпоху. Баланс сил, доказывали они, все время требует «поправок равновесия» при изменении «весов» «балансирующих государств», т. е. баланс сил неотделим от конфликтов, от частичных «корректив» с помощью оружия. Известно, что в тот период, который считается чуть ли не периодом «образцового мира» в Европе, состоялся целый ряд больших войн: Крымская война, франко-прусская война и т. д. В нынешних условиях любой такой конфликт с целью внесения «поправок в равновесие» мог бы повести к всеобщей ядерной катастрофе. Поэтому строить отношения на механизме «баланса сил» — значит подвергать очень большому риску судьбы всеобщего мира, а следовательно, и судьбу самих США, указывали критики концепции «нового баланса».

Учитывая это, в четвертом внешнеполитическом послании президента США американское руководство попыталось скорректировать изложенную ранее концепцию «баланса сил». В послании говорилось: «Мы стремимся к стабильной структуре, а не к классическому балансу сил. Безусловно, национальная безопасность должна основываться на некоем равновесии между потенциальными соперниками. США не могут вверять свою судьбу целиком или даже в большой степени доброй воле других... Но это не всеподавляющая концепция нашей внешней политики, — оговорился президент. — Прежде всего наш подход отражает реальности ядерного века. Классическая концепция баланса сил включала в себя непрерывное маневрирование с целью получения второстепенных преимуществ над другими. В ядерную эру это и нереалистично, и опасно. Это нереалистично потому, что, когда обе стороны обладают такой колоссальной мощностью, небольшие дополнительные улучшения в позиции не могут быть переведены в осязаемые реальные преимущества или даже в используемую политическую силу. И это опасно потому, что попытки добиться каких-либо

тактических выгод могут повести к конфронтации, которая могла бы оказаться катастрофической»¹⁴.

Однако, несмотря на проникнутые реализмом заявления, правящие круги США, как показывают их действия на Ближнем Востоке, в Азии, вокруг Кипра, в Африке и т. д., все же пытаются добиваться тактических выгод и «маргинальных преимуществ», надеясь, что накопленные таким образом частичные преимущества дадут им какой-то более или менее осязаемый общий перевес.

Анализируя стратегию республиканской администрации на мировой арене в 70-е гг., один из видных теоретиков американской внешней политики, Р. Осгуд, отмечает, что в соответствии с новыми концепциями упор «делается не столько на установление военного баланса и стабилизацию взаимного военного сдерживания, ибо все это считается достижениями прошлых лет, которые необходимо консолидировать, сколько на аранжировку с помощью дипломатических средств глобального модус вивенди, основанного на правилах взаимной сдержанности между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Этот модус вивенди должен быть подкреплён сетью соглашений и взаимопониманий, соединяемых вместе связями взаимных компромиссов»¹⁵.

В течение четверти века с момента окончания второй мировой войны Соединенные Штаты, опьяненные иллюзией американского «всесилия», пытались сформировать мир «по образу и подобию своему», приспособить саму реальность к своим целям. С начала 70-х гг. правящие круги США сочли за лучшее начать приспособлять американские цели к окружающей действительности, что потребовало известной девальвации самих целей, выдвижения более скромных внешнеполитических задач, более отвечающих новой расстановке сил в мире, изменившейся не в пользу американского империализма.

Генеральной целью военно-политической стратегии США на данном этапе является уже не приобретение абсолютно доминирующих позиций в мире, а сохранение «динамичного статус-кво» путем поддержания «равновесия сил», предпочтительно по согласию между всеми основными участниками международной системы, могущими тем или иным образом нарушить это равновесие. Речь идет, таким образом, в известном смысле об отказе

от поиска «абсолютных» вечных решений и о приспособлении к постоянно развивающейся обстановке параллельно с попытками по мере реально имеющихся у США сил и возможностей повлиять на характер и направление самого этого развития. В течение двух-трех последних лет в выступлениях Г. Киссинджера настойчиво звучала одна и та же тема: пора отказаться от иллюзий американского всесилия, от «американской мечты» с ее установкой на устройство мира по образу и подобию США, пора научиться жить так, как живут многие другие народы, — довольствуясь возможным, не претендуя на исключительность.

В феврале 1972 г. Г. Киссинджер не без горечи говорил: «Мы живем в один из самых трудных периодов нашего времени. Некоторые говорят, что мы расколоты из-за Вьетнама, иные сваливают вину на внутренние разногласия по другим вопросам. Я же считаю, что причины наших духовных мук лежат глубже... Частично из-за того, что здесь, в Америке, мы достигли столь многого, мы одно время начали склоняться к мысли, что каждая проблема должна иметь решение и что хорошие намерения должны каким-то образом гарантировать хорошие результаты. Утопия рассматривалась не как мечта, а как наша конечная станция назначения, если бы мы только придерживались правильного пути. Наше поколение является первым, которое обнаружило, что путь бесконечен»¹⁶.

Четыре года спустя, в феврале 1976 г., государственный секретарь США, выступая с программной внешнеполитической речью в Сан-Франциско, вновь, в который раз, вернулся к той же теме. «Ныне, — сказал он, — впервые за всю нашу историю мы сталкиваемся с неумолимой реальностью того, что вызов, брошенный нам, бесконечен, что нет никаких легких и уж тем более финальных ответов, что нет автоматических решений. Мы должны научиться вести внешнюю политику так, как ее приходилось осуществлять в течение столь многих веков другим странам — не имея возможности уйти от действительности или сделать передышку, зная, что то, что достижимо, далеко от идеала, все время имея в виду необходимость самосохранения и отдавая себе отчет в том, что наша национальная цель имеет свои пределы»¹⁷.

Именно это убеждение лиц, «делающих политику» в США, в том, что самое лучшее, что может сделать капиталистическая Америка, — это попытаться удержаться «на плаву» в море бурных событий, быстро меняющих картину мира, и приводит их к отказу от поиска универсальных глобалистских доктрин, к прагматической разработке конкретных курсов на потребу дня. Не удивительно, что при таком подходе наиболее обобщенной концепцией внешней политики оказывается традиционная доктрина «баланса сил». «Одна из забытых истин нашей истории, — говорил Г. Киссинджер, — состоит в том, что наши отцы-основатели были людьми, весьма искушенными в области иностранных дел. Они понимали механику баланса сил, они использовали европейские раздоры для дела нашей собственной революции»¹⁸.

Что же касается каких-то более конкретных концептуальных выражений внешнеполитической философии США, то ныне их почти не имеется. В этом смысле, как подчеркивает Киссинджер, сравнивая внешнеполитическую философию США середины 70-х гг. с их внешнеполитической философией в 60-е гг., «период президентства Кеннеди, по всей вероятности, будет рассматриваться не как начало какой-то новой эры, а скорее как ее конец: последнее пышное цветение наивной версии американского идеализма»¹⁹, правильное сказать, американского глобального мессианизма.

3. ПЕРЕГОВОРЫ: ПРИЗНАНИЕ «ИМПЕРАТИВА МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ»

Более взвешенная оценка военных возможностей США на мировой арене и прагматический «национальный интерес» в предотвращении всеобщей ядерной войны привели правящий класс США в 70-е гг. к мнению, что опора на силу не исключает, как считалось раньше, конструктивного диалога с потенциальными оппонентами.

На пресс-конференции 12 октября 1971 г. в связи с достижением принципиальной договоренности о встрече президента США в Москве с руководителями Советского Союза Р. Никсон сказал: «Если будет новая мировая война, если будет война между сверхмощными дер-

жавами, то никто не выиграет. Все только проиграют. Я думаю, что мы можем признать также, что ни одна крупная держава не может получить решающего преимущества над другой... Именно по этой причине сейчас настал момент урегулировать наши разногласия, урегулировать их с учетом наших расхождений во мнениях, признавая, что они все еще очень глубоки, признавая, однако, что в настоящий момент никакой альтернативы переговорам не существует»²⁰. В своем выступлении в Кремле 22 мая 1972 г. президент США, развивая ту же мысль, подчеркнул, что «в ядерный век... не существует такого понятия, как безопасность, обеспеченная преобладанием силы...»²¹. Это был совершенно иной подход, чем популярное одно время в США (и, к сожалению, до сих пор бытующее среди части американских политиков) мнение о желательности разговора с Советским Союзом с «позиции силы».

В основе поворота правящих кругов США к конструктивному диалогу и сотрудничеству с СССР в области двусторонних отношений, мирного урегулирования международных споров лежали, как подчеркивалось выше, трезвый учет объективных факторов международной обстановки, понимание того, что в нынешних условиях не существует путей, альтернативных мирному сосуществованию. В самом главном документе, заложившем политико-юридический фундамент под новую структуру советско-американских отношений, — «Основах взаимоотношений между СССР и США» подчеркивается, что «в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования»²². К подобному мнению правящий класс США пришел не в результате обстоятельного теоретического анализа сложившейся ситуации, а скорее опытным путем «перебора» иных «альтернатив», неизменно заводивших внешнюю политику США в тупик.

На протяжении четверти века с момента окончания второй мировой войны американский империализм пытался нажимать на СССР с позиции «военной силы», угрожая ему атомным оружием, пробовал добиваться влияния как путем экономических приманок (обещание «помощи»), так и путем экономического нажима (торговой блокады), стремился «измотать» СССР в гонке вооружений, навязывая нашей стране все более высокие ее

темпы, пробовал «отбросить» социализм вооруженной силой, что привело к интервенции США в Корею и Индокитае, организации агрессии против Кубы в 1961 г. и т. д. Все эти так называемые альтернативные пути не дали ожидаемых результатов. Внешнеполитическое положение США в итоге существенно ухудшилось. Лидеры американского капитализма вынуждены были заговорить о необходимости «сдержанности» в действиях на мировой арене, проявить готовность подписаться под принципами мирного сосуществования.

Еще в 60-е гг., когда лидеры США уже признали в какой-то мере «невеселие» Соединенных Штатов и самоубийственные последствия, которые имела бы для американского общества ядерная война, они все еще рассматривали две противостоящие социально-политические системы всего лишь как две гигантские системы оружия. Тогда их усилия в области «улучшения взаимодействия и взаимопонимания» между этими системами были в основном направлены на поиск «правил джентльменского ведения войны» — «дозированного» использования ядерного оружия, установления разного рода «порогов эскалации» и т. д. и т. п. Внешнеполитический подход Вашингтона в целом определялся в тот период не взвешенной, учитывающей перспективу позитивной формулой собственного «национального интереса» США, а в известной мере установлением последнего методом «от противного», путем его противопоставления национальному интересу потенциального противника. Это было типичным примером того, что математики называют «игрой с нулевой суммой», когда выигрыш одной стороны есть всегда проигрыш другой. На основе такого подхода то, что было хуже для оппонента, всегда было лучше для себя, и наоборот.

Жизнь заставила лидеров США отойти от такого примитивного подхода, увидеть, что, несмотря на различия в характере социальных систем, на противоположность их идеологий, между США и СССР существует довольно широкая сфера совпадения интересов, главным из которых является интерес в предотвращении ядерной войны. Для такого прозрения лидеров и теоретиков США потребовались не только суровые уроки жизни. Важнейшую роль сыграла и последовательно миролюбивая ленинская внешняя политика Коммунистической партии Советского Союза, Советского социалистического государства.

Конкретной программой борьбы за разрядку международной напряженности, за реализацию принципов мирного сосуществования в современной обстановке стала разработанная XXIV съездом КПСС Программа мира. Эта программа в концентрированной форме выразила объективные потребности общественного развития, основные цели миролюбивой политики социалистических государств на современном этапе. Приняв эту программу, Коммунистическая партия Советского Союза, опираясь на изменившееся соотношение сил на мировой арене, на успехи стран социализма, вступила в качественно новый этап борьбы за мир, который характеризуется комплексным и глобальным подходом к решению узловых внешнеполитических проблем нашего времени.

В докладе на XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил: «Переход от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего с изменениями в соотношении сил на мировой арене. Но потребовались большие усилия, чтобы люди — и особенно те, кто руководит политикой государств, — стали привыкать к мысли, что естественным делом является не балансирование на грани войны, а переговоры по спорным вопросам, не конфронтация, а мирное сотрудничество.

Большую роль сыграло то, что наша партия сумела четко определить основные задачи практической деятельности по укреплению международной безопасности, выразить их на своем XXIV съезде в Программе мира»²³.

Основная цель поставленных в Программе мира задач состоит, по определению Л. И. Брежнева, в том, чтобы «содействовать ликвидации очагов напряженности, помочь человечеству избавиться от нависшего над ним призрака термоядерной катастрофы, всемерно способствовать разрядке напряженности»²⁴.

Действуя в направлении активной реализации Программы мира, Советский Союз воочию показал всему миру, что изменившееся в пользу социализма, в пользу всех прогрессивных движений современности соотношение сил на мировой арене он намерен использовать не для того, чтобы реализовывать какой-то свой вариант «политики с позиции силы», а для того, чтобы устранить применение силы и угрозы силой в международных отно-

шениях, добиться коренной перестройки этих отношений на основе принципов мирного сосуществования.

В результате советско-американских встреч на высшем уровне, состоявшихся в первой половине 70-х гг., было сделано многое для того, чтобы не конфронтация, не столкновение, а мирное сотрудничество определяло характер этих отношений. Около 60 соглашений, заключенных между СССР и США в 1972—1975 гг., создали определенную инфраструктуру отношений между двумя государствами, очертили сферы совпадения их интересов и оформили своего рода «кодекс поведения», которым обе страны согласились руководствоваться в своих взаимоотношениях и действиях на мировой арене. В области внешнеполитического поведения новые нормы советско-американских отношений определяются прежде всего подписанным в мае 1972 г. документом «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», Соглашением 1973 г. о предотвращении ядерной войны и рядом договоров и соглашений об ограничении стратегических вооружений. Главное значение этих документов, подчеркнул Л. И. Брежнев, выступая на XXV съезде КПСС, состоит «в том, что в совокупности они заложили солидную политическую и правовую базу для развития взаимовыгодного сотрудничества между СССР и США на принципах мирного сосуществования. Они в определенной мере уменьшают опасность возникновения ядерной войны. Именно в этом мы видим основной итог развития советско-американских отношений за последние пять лет»²⁵.

Принципы поведения, установленные этими документами, сводятся к следующему.

В современный век нет иной основы для поддержания отношений между СССР и США, кроме принципов мирного сосуществования, т. е. взаимного признания суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды.

Различия в идеологии и социальных системах двух стран не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений.

СССР и США, сознавая, что ядерная война имела бы опустошительные последствия для человечества, согласились, что целью их политики является устранение

опасности ядерной войны и применения ядерного оружия.

Поскольку ядерная война могла бы явиться следствием опасного обострения международной напряженности, стороны обязались:

- отказаться от применения силы или угрозы силой в отношении друг друга, а также воздержаться от угрозы силой или ее применения против союзников другой стороны и других стран в обстоятельствах, которые могут поставить под угрозу международный мир и безопасность;

- делать все от них зависящее, чтобы не возникало ситуаций, способных усилить международную напряженность;

- проявлять сдержанность в своих взаимоотношениях, избегать обострения отношений;

- вести переговоры и урегулировать разногласия исключительно мирными средствами;

- проводить срочные консультации друг с другом в ситуациях, которые будут выглядеть как влекущие риск ядерного конфликта;

- прилагать усилия с целью ограничения вооружений как на двусторонней, так и на многосторонней основе, в частности по ограничению стратегических вооружений.

Стороны договорились о недопустимости получения односторонних преимуществ за счет другой стороны прямо или косвенно. Безопасность сторон должна основываться на принципе равенства.

Наконец, обе стороны подчеркнули, что развитие отношений между США и СССР не направлено против каких-либо третьих стран и их интересов и что СССР и США сами не претендуют и не признают чьих бы то ни было притязаний на какие-либо особые права или преимущества в мировых делах.

Таковы новые генеральные принципы советско-американских отношений. Проявленная Вашингтоном готовность соблюдать эти принципы привела к разрядке в отношениях между СССР и США и вообще во всей системе международных отношений.

Наряду с вышеназванными принципами взаимоотношений стороны, отчасти в договорной форме, отчасти де-

факто, определили сферы совпадения интересов. Это следующие области:

- устранение опасности войны, и в первую очередь ракетно-ядерной войны;

- ограничение гонки вооружений, особенно стратегических;

- содействие устранению источников международной напряженности и военных конфликтов;

- укрепление роли ООН как инструмента для поддержания мира, безопасности и развития международного сотрудничества;

- развитие широкого взаимовыгодного сотрудничества по всем линиям хозяйственно-экономической и научно-технической деятельности двух стран на основе принципов международного разделения труда;

- взаимная заинтересованность в обеспечении свободы мореплавания и мирного использования космоса;

- разнообразное сотрудничество в решении общемировых проблем (охрана окружающей среды, океанография, космос, здравоохранение, новые источники энергии и т. д.).

При этом не следует упускать из виду, что инициатива в формулировании многих из указанных выше положений принадлежала советской стороне. Согласие США содействовать устранению источников военных конфликтов, упрощать процесс разрядки во многом вынуждено обстоятельствами, пониманием невозможности противиться в нынешних условиях подобным процессам*.

В то время как руководители американской администрации подписывали совместные советско-американские документы, содержащие указанные положения, определенные круги правящего класса США считали подобное поведение «недопустимой уступкой Советам». Представители этих сил в правящем классе характеризуют разрядку как «суррогат» «холодной войны», ставший временно необходимым для Вашингтона ввиду отсутствия надлежащей силы у США. «Если... мы позволим себе оказаться обманутыми мифом разрядки, уменьшить нашу военную силу и допустить эрозию наших союзов, мы весьма вероятно потерпим необратимые поражения»²⁶, — говорилось

* «С Советским Союзом, — констатирует Киссинджер, — мы обречены (! — Г. Т.) сосуществовать» («International Herald Tribune», 12.IV.1976).

в одном из такого рода заявлений, сформулированных противниками разрядки летом 1974 г. Существование внутри США подобной сильной оппозиции курсу на разрядку в какой-то мере объясняет то, что зачастую декларированная представителями администрации готовность действовать совместно с СССР на тех или иных направлениях, в тех или иных сферах на практике блокируется консервативными силами США.

Вместе с тем нельзя не видеть, что совместно определенные сферы совпадения интересов СССР и США, полностью соответствуя принципиальной миролюбивой линии Советского Союза в международных делах, в какой-то мере отражают и объективные потребности американского буржуазного государства в целом, несмотря на то что определенные силы внутри правящего класса США либо не понимают этих интересов, либо сознательно противодействуют им. Весьма показательно, что «председательствовать» при перестройке американской политики на путях признания принципа мирного сосуществования пришлось не кумиру американских либералов, реалисту президенту Кеннеди, который одним из первых осознал, что США не «вездесущи и не всемогущи», а Р. Никсону — деятелю консервативного толка, широко известному своими антикоммунистическими взглядами. При Кеннеди правящий класс США еще не осознал необходимости такого поворота. Десять лет спустя неумолимые факты жизни заставили наконец большинство правящей элиты признать необходимость соединения «реальности соревнования двух систем с императивом сосуществования».

Можно в связи с этим поставить и такой вопрос: правомерно ли считать, что американское империалистическое государство может быть на деле заинтересовано в устранении опасности ядерной войны, не исключает ли сама природа этого государства возможность существования подобной цели у Вашингтона?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо руководствоваться ленинским положением о том, что война есть не что иное, как продолжение прежней политики правящего класса данного государства только иными, а именно насильственными средствами. Пока война решает рациональные, с точки зрения правящего класса, задачи, пока ее негативные последствия не пе-

ревешивают ее потенциальных «прибылей» — результатов побед, война остается для него одной из вполне реальных альтернатив (даже если политические деятели этого класса и выступают с широковещательными декларациями о своем отвращении к инструменту силы). Однако, когда инструмент войны оказывается таким, что он перестает поддаваться рациональному контролю, когда агрессор в ходе борьбы за «победу» сам может подвергнуться уничтожению, тогда война теряет характер практически используемого орудия политики *. При этом решающее значение имеет не то обстоятельство, что сами средства ведения войны оказываются чрезмерными для достижения той или иной политической цели — империализм не поколебался бы прибегнуть к любому оружию ради реализации своих замыслов, — а тот факт, что аналогичными средствами располагает и другая сторона в потенциальном конфликте.

В случае применения агрессором средств массового уничтожения ответ ему может быть дан соответствующими же средствами и в не меньших масштабах. Понимание этого обстоятельства стороной, замышляющей нападение, есть самый главный фактор, делающий практически маловероятным претворение этого замысла в практические действия. Американские политики и теоретики понимают, что, какой бы ущерб ни был причинен Советскому Союзу в случае ракетно-ядерного нападения на него со стороны США, такая война имела бы характер самоубийства для самого американского капи-

* Такая постановка вопроса отнюдь не отменяет общетеоретического концептуального положения о том, что война всегда была и будет продолжением политики иными средствами. Речь идет о невозможности, «невыгодности» для буржуазии использовать ныне инструмент военной силы в его абсолютной потенции. Тезис о том, что война перестала быть, т. е. практически не может быть, продолжением политики, выдвигают именно реалистически мыслящие буржуазные деятели и теоретики, выступающие за отказ от инструмента войны, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Поэтому представляются в известной мере схоластическими содержащиеся в некоторых наших работах нападки на «идеологов буржуазии», отстаивающих этот тезис (см., например, главу 4 «Взаимосвязь политики и войны в современную эпоху» в книге «Проблемы войны и мира». М., 1967). Нельзя рассчитывать, что идеологи буржуазии станут на марксистскую точку зрения; в то же время вряд ли правильно осуждать трезво мыслящих представителей капиталистического класса за их заявления о том, что в современных условиях война не может быть, перестала быть реальным орудием политики.

тализма ввиду тех возможностей для ответа, которыми располагает Советский Союз, и неминуемости такого ответа.

До тех пор пока американские политики считали, что в «большой» ядерной войне другая сторона пострадает намного больше, чем Сосдиненные Штаты (в силу тех или иных американских «преимуществ»), они не исключали возможность развязывания США такой войны. Когда же правящим кругам США стало совершенно очевидно, что США понесут не меньшие, а, вероятно, большие потери, чем предполагаемый противник, то инструмент «большой» войны утратил привлекательность даже для многих из тех в США, кто в совсем недавнем прошлом мыслил вполне «ястребиными» категориями.

В конце 50-х гг. настольной книгой для многих представителей политической элиты США была книга генерал-лейтенанта Дж. Гэвина «Война и мир в космический век»; в ней он доказывал необходимость ускоренной подготовки вооруженных сил США к новой — третьей — мировой войне, в которой весь земной шар будет театром военных действий. Ныне же генерал Гэвин приходит к выводу, что с помощью войны, битвы с использованием оружия в современных условиях можно решать лишь частные, тактические задачи, добиваться же осуществления стратегических целей необходимо с помощью иных средств. «Первейшей целью стратегии в использовании национальной силы должно быть достижение наших национальных целей без необходимости использования каких-либо тактических сил, — пишет он. — Таким образом, мера успеха стратегии в использовании национальной мощи есть та степень, в какой она делает военную баталию ненужной... В самом деле, в той глобальной деревне, в которой мы ныне живем, все орудия войны от винтовок до баллистических ракет стали тактическим оружием. Стратегия же в плане взаимоотношений между странами приобрела совершенно иное измерение»²⁷.

Другой, не менее известный теоретик американской стратегии, генерал Макссуэлл Тейлор, бывший председатель Комитета начальников штабов, один из авторов стратегии «гибкого реагирования», пишет: «Хотя большинство из нас в силу привычки склонно рассматривать национальную безопасность в основном как защиту национальных ценностей от военных угроз военными же

средствами, ныне мы имеем в избытке доказательства того, что подобная концепция не соответствует положению вещей. В нашей повестке дня текущих забот фигурирует слишком много гражданских угроз, чтобы можно было продолжать придерживаться столь узколобого подхода, — такие проблемы, как рост народонаселения, инфляция, спад, нехватка ресурсов и потеря доверия к правительству. Не только причины и следствия такого рода угроз не имеют в целом военного характера, но и средства их решения мало что могут позаимствовать у военной мощи, олицетворяемой вооруженными силами»²⁸. Именно понимание невозможности добиться победы в традиционном значении этого понятия в условиях соотношения сил, сложившегося ныне между капитализмом и социализмом, между США и СССР, и привело американское руководство к признанию того, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, кроме мирного сосуществования²⁹.

Понимание тесной эскалационной связи, существующей в современных условиях между ядерной войной и обычной войной с прямым или косвенным участием ведущих держав, заставляет правящий класс США с большей осмотрительностью относиться и к другим конфликтам, могущим привести к военному столкновению США с СССР. При этом американская политическая элита отнюдь не дезавуировала инструмент войны вообще. Судя по всему, американский правящий класс не исключает обращения к военной силе в обстоятельствах, которые, по его мнению, не поставят под угрозу безопасность самих США. На поиск условий и концепций, которые сделали бы возможным «ограниченное» использование даже стратегических ракетно-ядерных сил, упорно направляет свои усилия «мозговой центр» Пентагона*.

В то же время американские теоретики «большой» стратегии придают ныне всевозрастающее значение экономическим, техническим (технологическим) «инструментам силы», «качеству» американского производства новых товаров и услуг (в том числе в области технологического «ноу-хау», развития систем управления про-

* На этой проблеме мы остановимся ниже в связи с анализом так называемой доктрины Шлесинджера.

изводством), сохранению США сильных позиций в передовых отраслях науки и техники, в освоении космоса, ресурсов Мирового океана, в разработке новых источников энергии и т. д. Все большее значение американская внешняя политика в последнее время придает и рычагу продовольственной «помощи» развивающимся странам, испытывающим острую нехватку продовольствия.

Наряду со сферами сотрудничества и совпадения интересов между двумя странами сохраняется обширная сфера разногласий, связанных прежде всего с идеологической борьбой, с «косвенным противостоянием» в различных регионах через посредство третьих стран — друзей и союзников каждой из сторон, с поддержкой противоположных по своему характеру социальных сил и движений.

В то время как Советский Союз оказывает моральную, политическую, дипломатическую и иную помощь силам национального освобождения, борющимся против колониализма и неоколониализма, Соединенные Штаты, как это ярко видно на примере их действий во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Анголе, выступают в поддержку сил колониализма, противодействуют борьбе народов за национальное освобождение. В развитых капиталистических странах США помогают правящим классам этих стран, в том числе и с помощью тайных операций, вести борьбу против коммунистических партий и иных сил, выступающих против всевластия монополистического капитала. Естественно, что подобная деятельность США, направленная на откровенное вмешательство в дела суверенных государств, отнюдь не способствует делу разрядки.

Существуют и большие расхождения между американской и советской трактовками мирного сосуществования. Двенадцать известных американских экспертов по СССР, включая шесть бывших послов и советников американского посольства в Москве, провели весной 1975 г. семинар, посвященный СССР и политике разрядки. В ходе семинара эксперты отметили как значительное событие, «что впервые в своей истории Соединенные Штаты соглашались на различных встречах в верхах, имевших место с мая 1972 г., на включение советского термина «мирное сосуществование» в официальные соглашения с Советским Союзом». Далее было отмечено, что «совет-

ские руководители ныне обладают более сильными позициями, чем раньше, для того чтобы обеспечить практическое претворение в жизнь своих взглядов по вопросу о сосуществовании или разрядке».

Западные державы, настаивали советологи, тем не менее не должны соглашаться с той широкой трактовкой процесса разрядки, которую дают ему советские лидеры, выступающие за мирное сосуществование, а должны определять разрядку «как ограниченное межгосударственное сотрудничество в общих рамках взаимоотношений между противниками»³⁰.

Не только оголтелые антисоветчики, но и более широкие круги американской политической элиты хотели бы политикой разрядки добиться осуществления ряда негативных с нашей точки зрения целей, которые фактически несовместимы с принципами равноправия и суверенитета, с интересами нормализации отношений и смягчения международной напряженности. В числе такого рода целей — использование разрядки для воздействия на внутренние дела СССР, других социалистических стран; идеологическое «размягчение» социалистической системы; противопоставление одних социалистических стран другим (и в этом отношении одна из важнейших целей США, как представляется, состоит в том, чтобы способствовать сохранению определенного уровня напряженности в отношениях между СССР и Китаем); использование отношений сотрудничества с СССР для противопоставления индустриально развитых стран развивающимся на «деидеологизированной основе» (по принципу Север — Юг).

Эти неприемлемые для нас цели, от которых американский империализм пока что не отказывается, ставят определенные рамки политике разрядки, приводят к зигзагам во внешней политике США, которые как раз и объясняются тем, что на разных этапах сложной внутриполитической борьбы в США по-разному складывается «баланс сил» между группировками, отстаивающими позитивные, конструктивные цели, и группировками и коалициями, преследующими цели и задачи, отдающие духом «холодной войны».

С одной стороны, договоренность, достигнутая в ходе рабочей встречи во Владивостоке осенью 1974 г. Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с прези-

дентом США Дж. Фордом по вопросу о принципах дальнейшего ограничения стратегических наступательных вооружений, послужила новым крупным вкладом в улучшение отношений между двумя странами, в закрепление процесса разрядки.

В то же время решения американского конгресса, касающиеся торгово-экономических отношений между США и СССР, не только не продвинули вперед развитие этих отношений, но, можно сказать, в какой-то степени затормозили их.

Таким образом, существует определенное противоречие между генеральными принципами советско-американских отношений, зафиксированными в совместных документах, и их практическим претворением в жизнь американской стороной. Не все, что записано в этих документах, быстро и без помех претворяется в жизнь. И главное препятствие на этом пути — позиции тех влиятельных кругов в США, которые все еще находятся под гипнозом американского «всемогущества», упорно сопротивляются подлинному равноправию и взаимной выгоде при реализации подписанных соглашений, стремятся добиться каких-то односторонних выгод для себя, что ставит под угрозу более широкие аспекты сотрудничества, подрывает достигнутое взаимопонимание.

Однако, насколько можно судить по дискуссии о разрядке, проходившей в конгрессе США и в американской печати в 1975—1976 гг., подавляющая часть американской общественности не одобряет зигзагов в сторону «холодной войны», считая, что углубление и упрочение процесса разрядки напряженности столь же отвечает долговременным коренным интересам американского народа, как и интересам народов СССР и всех других народов Земли.

Перемены в Белом доме летом 1974 г. в связи с уходом в отставку президента Никсона не привели к каким-либо существенным изменениям в позиции республиканской администрации по этим вопросам. «Мы должны понять, — подчеркивает президент Форд, — что Советский Союз является великой державой в военном и индустриальном отношении, так же как и мы. Когда дело касается двух великих держав, пользующихся таким огромным влиянием, то в лучших интересах этих двух стран работать вместе с целью ослабления напряженности, с целью

избегать конфронтации там, где это возможно, и с целью улучшать отношения на всемирной основе»³¹.

Критикуя представителей правых сил в США, в том числе и в среде самой республиканской партии, демагогически нападающих на разрядку за то, что она якобы дает односторонние выгоды СССР, президент Форд подчеркнул, что «отбрасывание назад отношений, существующих ныне между СССР и США, было бы катастрофой... Я думаю, что как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе разрядка отвечает наилучшему интересу нашей страны»³².

Итоги обсуждения проблем разрядки в США в ходе избирательной кампании 1976 г. показали, что реалистически мыслящие общественные деятели в американском политическом «истэблишменте», равно как и широкие круги избирателей, рассматривают нормализацию американо-советских отношений как позитивное явление, как процесс, не имеющий альтернативы. Ибо ясно, что любые варианты «иного пути» по сравнению с магистральным путем мирного сосуществования с социалистическими государствами были бы в случае их принятия чреваты еще большими осложнениями для США, чем в 50-е и 60-е гг., когда соотношение сил в мире было более благоприятным для Соединенных Штатов, чем в настоящее время.

Выступая в сенатской комиссии по иностранным делам в слушаниях по вопросу о разрядке, государственный секретарь Г. Киссинджер говорил: «Мы должны оценивать не только индивидуальные вызовы процессу разрядки, но и их кумулятивный эффект: если мы будем оправдывать каждое соглашение с Москвой только в том случае, когда мы сможем продемонстрировать одностороннюю выгоду; если мы будем стремиться к неуправляемому стратегическому «превосходству»; если мы систематически будем блокировать выгоды для Советского Союза; если мы будем стремиться давлением изменить советскую систему... это означало бы возрождение нами доктрин освобождения и массированного возмездия 50-х гг., и мы осуществляли бы это в период, когда СССР имеет большую физическую силу и большее влияние в мире, чем четверть века тому назад, когда были разработаны эти политические курсы, закончившиеся провалом»³³.

Касаясь вопросов дальнейшего развития советско-американских отношений, Генеральный секретарь ЦК КПСС

Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза подчеркнул, что у этих отношений хорошая перспектива на будущее — в той мере, в какой они будут и впредь развиваться на совместно созданной в последние годы реалистической основе, «когда при очевидном различии классовой природы обоих государств и их идеологии есть твердое намерение разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружия, а мирными политическими средствами»³⁴.

4. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЕННОЙ СИЛЫ И ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Анализируя эволюцию американской военно-политической стратегии в 70-е гг., следует прежде всего иметь в виду, что любая стратегия Соединенных Штатов возникает не на пустом месте, а является в известном смысле корректировкой предыдущей стратегии и к тому же, как было показано в главе третьей, базируется на общем для правящего класса «пуле идей». Как всякая классовая стратегия, она независимо от ее конкретных формулировок сохраняет преемственность коренных целей и установок данного класса, вырабатывавшихся десятилетиями, неизменность общего подхода к методам достижения цели. В современных условиях все сильнее сказывается действие и еще одного фактора, уменьшающего возможность осуществления радикальных и быстрых поворотов в стратегии. Речь идет о колоссальной стоимости основного ядра вооруженных сил крупных государств — систем стратегического оружия и о длительности цикла: зарождение идеи — боевое развертывание системы, что связано с исключительной технической сложностью стратегических систем.

В силу этого военно-политическая стратегия США овеществлена не только в уже развернутых стратегических вооружениях, но и в тех системах, которых еще практически нет «во плоти», в металле, и которые станут реальными через несколько лет. Но они уже заказаны, промышленность уже работает над ними, поэтому коренной поворот в теории — столь радикальный, что некото-

рые из прежних систем стали бы ненужными, — практически невозможен в условиях капиталистического хозяйства.

«В области национальной стратегии, — констатирует президент США, — каждое президентство — это лишь одно звено в цепи. Каждое правительство наследует существующие вооруженные силы. Капиталовложения предыдущих правительств, рассчитанные на длительный срок, ограничивают способность изменить эти силы за короткий срок»³⁵.

Вот почему каждая последующая американская стратегия не может быть кардинальным разрывом с предыдущей, особенно на начальном этапе нового стратегического курса. Прежде всего она выдвигается как декларация желаемого, как определение долгосрочных перспектив строительства вооруженных сил, вооружений и способов их использования по-новому, но в условиях, когда действует еще прежняя стратегия. Получается своеобразный парадокс: действующие системы вооружений создавались по рецептам прежней стратегии, но постепенное их наращивание и совершенствование создает предпосылку для перехода количества в качество и это новое качество требует изменения в стратегической теории — «новых определений силы».

Необходимость «новых определений силы» Вашингтоном на рубеже 70-х гг. диктовалась отнюдь не только новыми явлениями в области усовершенствования и роста самой военной силы США, но и другими объективными факторами глобальной «геополитической реальности», как выражаются американские лидеры и теоретики*. Основными элементами этой реальности в начале 70-х гг. оказывались:

* В своем четвертом внешнеполитическом послании конгрессу США президент Никсон говорил о «неизбежной геополитической конкуренции великих держав, проводящих глобальную политику» («United States Foreign Policy for the 1970's, Shaping a Durable Peace. . .», p. 26). В докладе конгрессу США о проекте военного бюджета страны на 1976 финансовый год министр обороны Шлесинджер отмечал: «Несмотря на все ядерные калькуляции и теологию, мы не можем забывать о геополитике, по мере того как мир становится воистину взаимозависимым» («Report of Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets, FY 1977 Authorization Request and FY 1976—1980 Defense Programs, February 5, 1975». G. P. O. Washington, 1975, p. III—6).

— глобальный характер стратегического противостояния США — СССР;

— факт стратегического паритета между США и СССР, определяемого как способность каждой стороны сохранить — при любых мыслимых «сценариях» возникновения войны — стратегические силы, достаточные для нанесения «неприемлемого ущерба» другой стороне во втором ударе;

— факт антисоветского, антисоциалистического курса Пекина, из чего американскими стратегами делается вывод о том, что в случае любого большого конфликта КНР не будет действовать солидарно с Советским Союзом;

— «треугольная военно-силовая конфигурация многополярного мира»: США (+западноевропейские страны НАТО) — СССР — КНР, в которой ни один из «центров силы» не может априори рассматриваться как безусловный союзник любого другого центра в случае большой войны. В этом плане теоретики США все чаще говорят о складывающейся «четырёхугольной» конфигурации, подчеркивая усилившуюся независимость европейского «центра силы» (стран, объединенных в «Общий рынок») от США;

— сохранение на обозримую перспективу подавляющего превосходства СССР и США в стратегических арсеналах по сравнению с другими ядерными державами;

— новое значение, приобретаемое традиционными «геополитическими факторами» (расположение страны, протяженность границ, рельеф местности, характер военно-политического окружения, демографический, экономический, сырьевой потенциалы и иные стратегические асимметрии) в условиях «ядерного паритета» между двумя самыми мощными «центрами силы» — СССР и США. Это значение не одинаково для каждого из углов «треугольника» (или же «четырёхугольника» при рассмотрении Западной Европы как самостоятельного «центра силы») при определении его военных возможностей и задач в отношении каждого из остальных участников «стратегического уравнения»;

— повышение роли обычных сил и вооружений на Европейском континенте в условиях ядерного паритета СССР — США;

— ослабление военных позиций США на мировой

арене в результате уменьшения (в силу как внутренних, так и внешних причин) возможностей для поддержания на прежнем высоком уровне военного присутствия США на заокеанских территориях;

— увеличение значения стратегической мобильности (авиационной и военно-морской) в условиях уменьшения возможностей для постоянного военного базирования на иностранных территориях.

Из анализа всех этих обстоятельств американскими теоретиками помимо тех общих выводов, о которых говорилось в начале данной главы, были сделаны и более конкретные выводы в области военного строительства и военной стратегии в результате ее некоторого пересмотра, осуществленного в 1969—1970 гг.

Было признано, что в новой обстановке США не обладают ни силами, ни возможностями, ни желанием единолично выполнять функции мирового полицейского капиталистического мира. Поэтому было сочтено необходимым более равномерно распределить военное бремя между США и их партнерами и союзниками по военным блокам. Это было прямое практическое приложение к области военного строительства общих принципов «доктрины Никсона». Попытки США по-новому перераспределить военное бремя нашли свое выражение в таких концепциях, как концепция «совокупной силы» США и их западноевропейских, азиатских и т. д. партнеров, концепции «вьетнамизации», «кореизации», «европеизации» и т. п. военных усилий и приготовлений на региональных театрах.

Было решено, что в условиях, когда мир «вновь вернулся» к «многополюсному балансированию», Соединенные Штаты могут возвратиться к традиционной концепции военного строительства по оптимальному, а не по максимальному варианту ввиду того, что другие «центры силы» в какой-то мере «уравновешивают друг друга».

Было признано целесообразным в какой-то степени приглушить откровенно воинственные формулировки военно-политических доктрин и концепций США, поскольку они создают дополнительную ненужную напряженность в отношениях с другими «центрами силы».

В рамках общих переговоров с СССР о «кодексе поведения» США выразили готовность вести переговоры о стабилизации военного равновесия путем ограничения

гонки вооружений, в первую очередь стратегических. При этом американские руководители подчеркивают: «...переговоры об ограничении стратегических вооружений — это не одолжение, которое мы делаем Советскому Союзу. Это — необходимость, диктуемая условиями нынешнего периода. Избежание ядерной войны — это не одолжение кому бы то ни было»³⁶.

Вместе с тем американский военный комплекс не отказался и от попыток добиться гласного или негласного установления каких-то «взаимоприемлемых правил» или принципов использования стратегического ракетно-ядерного оружия. Дело в том, что, несмотря на признание принципов мирного сосуществования и выраженное согласие на взаимной основе с СССР отказаться от применения силы и угрозы силой, американское руководство все же не исключило в принципе возможность военных решений.

Политика уменьшения глобального военного бремени США нашла свое выражение в первую очередь в выдвинутой американским военным руководством концепции о переходе в области строительства обычных сил и вооружений от ориентации на готовность к одновременному ведению двух с половиной войн (предположительно — «большой» войны в Европе, «большой» войны в Азии и «полицейской операции» в Латинской Америке или где-либо еще) к поддержанию готовности к полутора войнам. Конечно, строго говоря, США в послевоенные годы никогда не обладали способностью вести большую сухопутную войну на Евразийском континенте на два фронта. Как показал опыт, они оказались не в состоянии выиграть даже «половинную» войну, каковой с точки зрения теории для них была интервенция в Индокитае (несмотря на то что США использовали там половину из своих 22 наличных армейских дивизий). Однако весьма симптоматично, что, сокращая эту свою гипотетическую способность к ведению двух «больших» войн до способности вести одну войну, США недвусмысленно дали понять, что практически речь идет о ликвидации способности к «большой» азиатской войне — к войне против КНР*. Это

* «Что касается способностей вооруженных сил США в Азии, то мы не планируем сохранять в течение долгого времени отдельные крупные сухопутные боевые силы США, специально сориентированные именно на этот театр...» — заявил министр обороны США

явилось прямым сигналом пекинскому руководству о намерениях США пойти «на мировую» с Китаем в этом регионе. Именно этот жест, по-видимому, оказался решающим с точки зрения подталкивания Пекина на поворот в сторону радикального улучшения китайско-американских отношений*.

В течение 1969—1975 гг. США сократили численность своих войск за рубежами страны на 710 тыс. человек (с 1 200 тыс. в 1968 г. до 490 тыс. в 1975 г.), в основном за счет вывода полумиллионного экспедиционного корпуса из Вьетнама. При этом, сократив численность своих вооруженных сил в Азии, США стремились компенсировать это сокращение увеличением численности вооруженных сил американских союзников и клиентов в этом регионе в порядке осуществления программ «вьетнамизации», «таиландизации» и других аналогичных попыток изменения локального военного баланса в пользу проамериканских режимов.

Была продолжена экономическая и военная помощь, оказываемая США своим союзникам по военным блокам и другим странам, выступающим в качестве локальных форпостов американского империализма. С 1969 по 1975 г. включительно она составила, по официальным данным, 45 млрд. долл. по сравнению с 41,9 млрд. долл. за предыдущие семь лет³⁷ **.

М. Лэйрд в докладе конгрессу о военном бюджете на 1972 финансовый год («Statement of Secretary of Defense Melvin R. Laird on the Fiscal Year 1972—1976 Defense Program and the 1972 Defense Budget, March 9, 1971». G. P. O. Washington, 1971, p. 77).

* Хронология событий такова: 25 февраля 1971 г. президент Никсон во внешнеполитическом послании конгрессу США выразил желание улучшить отношения с КНР и заявил о переходе к концепции полутора войн; 9 марта Лэйрд разъяснил, что речь идет о сокращении американской способности к войне в Азии. А уже 14 марта пекинское руководство довело до сведения Белого дома, что оно готово принять в Пекине для прямых переговоров высокопоставленного представителя США. 8 июля 1971 г. Киссинджер тайно побывал в Пекине и условился о визите президента США в КНР, который состоялся в феврале 1972 г. В начале 1976 г. Мао Цзэ-дун, как бы отмечая значимость февральских событий 1971 и 1972 гг., пригласил находящегося не у дел Никсона посетить Китай. Эта поездка состоялась в феврале 1976 г.

** В «третьем мире» в первую десятку получателей военной помощи США в период после второй мировой войны входили (в скобках приводится общая сумма в млн. долл. военной помощи и военных поставок США — безвозмездных и по льготному кредиту —

Что же касается европейского театра, то и здесь США в результате нажима удалось переложить часть военного бремени на своих натовских союзников. Достаточно сказать, что с 1968 по 1975 г. доля военного бюджета США в общих военных расходах всех стран — членов НАТО уменьшилась с 76 до 58%³⁸. В то же время образовавшаяся в НАТО в 1968 г. «еврогруппа» (в составе десяти западноевропейских стран — без Франции, Португалии и Исландии) разработала и приняла в 1970 г. так называемую программу улучшения европейской обороны, на осуществление которой члены группы в 1970—1974 гг. выделили дополнительно 5,5 млрд. долл. помимо регулярных отчислений на нужды НАТО³⁹. Однако это повышение европейского участия сопровождалось, к ужасу американских стратегов, все большим стремлением к автономной, независимой от Соединенных Штатов военной политике. А подобная тенденция, естественно, подрубала под корень сформулированную министром обороны США М. Лэйрдом концепцию «совокупной силы», по существу рассматривавшую военный потенциал Западной Европы, военные потенциалы ряда стран Азии, Ближнего Востока и т. д. как простое продолжение «военной руки» США. Колоссальная неувязка с концепцией «совокупной силы» состояла в следующем: в то время как политическое руководство США признало факт перехода мира от «жесткой двухполюсности» к «разнообразию многополюсности»* (а этот переход явился прежде всего следствием усиления центробежных сил в капиталистическом лагере), американское военное руководство продолжало осуществлять свое планирование, как если бы ничего подобного не произошло; оно как бы продолжало считать, что все страны несоци-

каждой стране в период 1945—1975 гг.): Южный Вьетнам (16 452), Южная Корея (6 312), Тайвань (3 557), Камбоджа (1 167), Филиппины (758), Пакистан (696), Бразилия (524), Иордания (468), Саудовская Аравия (300), Чили (211) («Congressional Record», December 4, 1974, p. S 20547; данные за 1975 г. — оценочные).

* См., например, интервью президента Никсона журналу «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт» за 26 июня 1972 г. «... После второй мировой войны... в мире произошли глубокие перемены... Результатом всех этих перемен был переход от жесткой двухполюсности в 40-е и 50-е гг. к более гибкому и разнообразному, многополюсному международному порядку...» («U. S. News and World Report», June 26, 1972, p. 32).

алистического мира как были, так и остались послушными вассалами Соединенных Штатов. И в самом деле: лишь рисуя картину монолитной сплоченности в «сфере влияния США», можно было договориться до того, до чего договаривался министр обороны США М. Лэйрд: «Каждая страна должна проделать свою часть работы с тем, чтобы внести (в реализацию целей «доктрины Никсона». — Г. Т.) тот вклад, который она может: живую силу от многих из наших союзников, технологию, материалы, специализированную квалификацию со стороны США»⁴⁰.

Таким образом, американский гегемонистский подход к союзникам, типичный для 50-х гг., прямо переносился Пентагоном на союзнические отношения 70-х гг., несмотря на признание Вашингтоном существования ряда самостоятельных «центров силы» в капиталистическом мире. Естественно, что при таком отношении к союзникам американская концепция «совокупной силы» была мертворожденной с самого начала. Более того, подобный взгляд на союзников лишь как на поставщиков живой силы не мог привести ни к чему иному, как к дальнейшему отчуждению большинства союзников от США, ибо мало кто из них был склонен согласиться в 70-е гг. на такое, с позволения сказать, партнерство, против которого они выступили еще в 60-х гг. Вот почему никто из союзников США, кроме их прямых сателлитов (типа тогдашнего сайгонского режима, лонноловской Камбоджи), концепцию «совокупной силы» не воспринял, и она, так сказать, повисла в воздухе. Поведение же западно-европейских союзников США в октябре 1973 г., когда они отказались разрешить США использовать свое воздушное пространство и военные базы для переброски военных поставок в Израиль во время очередной вспышки военных действий на Ближнем Востоке, убедило, по видимому, даже американских военных в эфемерности концепции «совокупной силы»⁴¹.

Наряду с уменьшением присутствия на заморских театрах Соединенные Штаты видоизменяли и сами его формы, делая больший упор на военно-морские силы, не столь зависящие от военных баз на иностранных территориях. Начиная с 1972 г. министерство ВМС США по получаемой доле военного бюджета вышло на первое место по сравнению с сухопутными войсками и ВВС.

**Распределение бюджетных ассигнований
между тремя видами вооруженных сил США
(в млн. долл.)**

Финансовый год	Ассигнования (в текущих ценах)		
	Сухопутные войска	ВВС	ВМС
1970	24 151	24 170	22 710
1971	22 596	23 191	21 886
1972	22 214	23 860	24 094
1973	21 656	24 707	25 425
1974	21 584	24 682	26 860
1975	21 663	26 201	28 136
1976	25 098	30 593	34 093

Источники: ежегодные доклады американскому конгрессу министров обороны США по проекту военного бюджета (1972—1976 финансовые годы).

Чтобы «понизить заметность» американского военного присутствия в мире и в то же время компенсировать сокращение своего сухопутного присутствия, Соединенные Штаты усилили постоянное военно-морское патрулирование в Тихом океане, Средиземном море и особенно в Индийском океане и Персидском заливе. При этом «стратегия синей воды» дополняется так называемой «островной стратегией» — созданием опорных пунктов на безлюдных островах Тихого и Индийского океанов. (С этой целью осуществляется даже насильственное выселение жителей с приглянувшихся пентагоновским стратегам островов.)

Соединенные Штаты в настоящее время ускоренными темпами осуществляют программу модернизации и укрепления двух стратегических островных колец: промежуточного, состоящего из баз тактического назначения на островах Тихого океана, и основного — так называемой стратегической арки (базы на Гавайских, Маршалловых и Марианских островах). Продолжается и расширение военно-морской базы на острове Диего-Гарсия в Индийском океане с целью превращения ее в крупнейшую военно-морскую и военно-воздушную островную базу США в этом регионе.

С 1965 по 1974 г. США построили 169 надводных военных кораблей (водоизмещением свыше 1 тыс. т каж-

дый), израсходовав на это 20 млрд. долл. На 1975—1980 гг. программа ВМС США предусматривает строительство еще 157 надводных и подводных кораблей (с целью довести количество крупных судов до 600 единиц к середине 80-х гг.). В строю или в процессе строительства находятся 14 крупных надводных боевых кораблей с атомными двигательными установками, в том числе 4 авианосца. В целом ВМС США планируют израсходовать 50 млрд. долл. в течение 10 лет на кораблестроительную программу, призванную повысить военную мобильность США на просторах Мирового океана ⁴².

Как бы корректируя «неправильное» толкование «Гуманской доктрины» союзниками США, Г. Киссинджер заявил в конце 1975 г.: «Фраза о том, что Соединенные Штаты не могут быть мировым полицейским, является одной из таких общих деклараций, которые нуждаются в некотором уточнении. Суть дела состоит в том, что безопасность и прогресс в большинстве районов мира зависят от наличия некоторых американских обязательств» ⁴³. Таким образом, с точки зрения Вашингтона, сокращение американского присутствия в тех или иных регионах или изменение форм этого присутствия отнюдь не означают полного отказа США от роли «мирового полицейского». США ныне стремятся лишь более точно соразмерять свои обязательства со своими военными возможностями, более тщательно увязывать их со своими коренными стратегическими интересами.

Осуществляя сокращение обычных вооруженных сил, раздутых в период войны во Вьетнаме, США уменьшили их численность с 3 548 тыс. человек в 1968 г. до 2 100 тыс. человек в 1976 г. ⁴⁴ С 1 июля 1973 г. США отказались от призыва и перешли на формирование вооруженных сил на добровольной основе, что явилось в первую очередь уступкой состоятельным слоям населения. В армию ныне идут преимущественно лица, не могущие найти постоянной и хорошо оплачиваемой работы вне военного комплекса *. С целью повышения эффективности вооруженных

* Характерно, например, увеличение численности негров в вооруженных силах. Так, если в 1971 г. их доля в сухопутных силах составляла 14% от общей численности армии, то в 1975 г. она повысилась до 22%. Тем не менее число офицеров-негров в армии составляет всего 4,5% («Report of the Secretary of Defense... on FY 1975 Defense Budget...». Washington, 1974, p. 186; «Report of the Secretary

сил министерство обороны США осуществило некоторое сокращение персонала штабов и частей поддержки и за счет этого увеличило число боевых армейских дивизий — с 13 в 1972 г. до 16 в 1975 г. — без повышения общей численности армии (785 тыс. человек в 1975 г. плюс 196 тыс. человек (еще 3 дивизии) в корпусе морской пехоты) ⁴⁵ *.

Добровольческая армия США, как и прежняя, основанная на призыве, остается прежде всего силой, предназначенной для интервенционистских операций за рубежами США. Помимо 490 тыс. американских солдат и офицеров, находящихся в Европе и Азии, 6¹/₃ дивизий, располагающихся на территории континентальной части США, представляют собой центральный резерв, предназначенный для экстренного использования на зарубежных театрах в случае необходимости.

При этом сокращение численности вооруженных сил США в значительной мере компенсируется повышением боеготовности и улучшением качества подготовки сил резерва и Национальной гвардии. По заявлению министра обороны США, части резерва составляют ныне 50% обученной живой силы, имеющейся в его распоряжении на случай чрезвычайных обстоятельств (т. е. 8 дивизий в дополнение к 16 дивизиям регулярной армии). О качестве подготовки резервистов свидетельствует, например, то обстоятельство, что Пентагон намеревается перевести почти весь парк самолетов-заправщиков стратегической авиации на обслуживание силами национальных гвардейцев и резервистов, тем самым готовя части резерва к выполнению наступательных стратегических задач. Действующая параллельно каждой из 17 эскадрилий транспортной авиации ВВС, предназначенных для стратегической переброски войск, эскадрилья, обслуживае-

of Defense. . . on FY 1976 and Transition Budgets. . . ». Washington, 1975, p. V—11). Не удивительно и то, что в период резкого роста безработицы в США в 1974—1975 гг. вооруженные силы США не испытывали недостатка в волонтерах.

* Интересно, что, несмотря на все сокращения, число высших офицеров в вооруженных силах США (генералов, адмиралов, полковников и капитанов первого ранга) остается примерно таким же, как в 1945 г. (16 085 на середину 1976 г. по сравнению с 17 100 в 1945 г.), хотя в 1945 г. вооруженные силы США насчитывали 14,7 млн. человек («Report of Secretary of Defense. . . on the FY 1976», p. V—7; «The Washington Post», 27.VIII.1973).

мая резервистами, фактически удваивает потенциал стратегической транспортной авиации США и т. д. *

Стремясь укрепить устой капитализма в США, американское правительство пошло на расширение внутренних социальных программ, реализация которых долгое время откладывалась ввиду приоритета потребностей, порожденных агрессией во Вьетнаме **. Именно в целях некоторой переориентации приоритетов с внешних задач на внутренние оно решило в какой-то степени стабилизировать военный бюджет. Этот бюджет с конца 60-х до середины 70-х гг. оставался на годовом уровне в 80 млрд. долл. (в текущих ценах).

Руководители Пентагона утверждают, что если принять во внимание неуклонно развивающийся в США процесс инфляции, то на деле произошло значительное сокращение военного бюджета. Для доказательства этого утверждения приводятся данные о военном бюджете США в постоянных ценах. Согласно этим данным, военный бюджет США сократился (в постоянных ценах) с 1968 по 1974 финансовый год на 28%. Однако, как свидетельствует приводимая ниже таблица, составленная автором на основе критического анализа официальных данных, настойчиво повторяемое утверждение о почти 30-процентном сокращении американского военного бюджета за последние семь лет опирается на довольно примитивный статистический трюк.

Дело в том, что в 1967—1971 гг. большую долю в военном бюджете США занимал так называемый «вьетнамский довесок» — ассигнования, связанные с ведением США боевых действий в Юго-Восточной Азии (т. е. с дополнительным расходом горючего, боеприпасов, техники и т. д. по сравнению с нормами мирного времени). Фактически правительство республиканцев постепенно (по мере свертывания операций США во Вьетнаме) исключило из военного бюджета эти дополнительные

* 27 января 1976 г. сенат США одобрил законопроект, разрешающий президенту призывать до 50 тыс. резервистов на службу в армию на 90 дней без объявления войны или чрезвычайной ситуации.

** Если в 1968 финансовом году бюджетные ассигнования по линии министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения США составляли 20% по отношению к военным ассигнованиям, то в 1976 финансовом году они уже составили 50% от военных ассигнований («Congressional Record», August 21, 1974, p. S 15570; «The New York Times», 28, 29.I.1976).

Военный бюджет США (текущие расходы в млрд. долл.) *

Финансовые годы **	В текущих ценах			В постоянных ценах 1969 фин. года		
	Бюджет министерства обороны США ***	В том числе дополни- тельные расходы, свя- занные с войной во Вьетнаме ****	Военный бюджет мирного времени (без расходов на военные действия)	Бюджет министерства США *****	Военный бюджет мир- ного времени (без ра- сходов на военные действия)	Военный бюджет мир- ного времени с уче- том фактического воздействия инфля- ции лишь на 50% средств, расходуемых министерством обо- роны
1965	49,6	0,1	49,5	56,5	56,4	53,0
1966	56,8	5,8	51,0	62,9	56,6	53,8
1967	70,1	18,4	51,7	75,5	55,8	53,7
1968	80,5	20,0	60,5	84,5	63,7	62,1
1969	81,2	21,5	59,7	81,2	59,7	59,7
1970	80,3	17,3	63,0	73,8	58,0	60,5
1971	77,7	11,5	66,2	66,8	57,0	61,6
1972	78,3	7,3	71,0	62,8	56,8	63,9
1973	76,0	0	76,0	56,7	56,7	66,3
1974	78,8	0	78,8	54,1	54,1	66,4
1975	86,0	0	86,0	54,2	54,2	70,1
1976	91,2	0	91,2	51,1	51,1	71,1
1977 *****	100,1	0	100,1	54,1	54,1	78,1

Источники: «The Federal Budget and Inflation. Hearings before the Committee on the Budget United States Senate, 93d Congress, 2nd session», Washington, G. P. O., 1974, p. 100; «The Washington Post», 28.1.1973, p. F 6; Report of Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld to the Congress on the FY 1977 Budget and Its Implications for the FY 1978 Authorization Request and the FY 1977—1981 Defense Programs, January 27, 1976; G. P. O., Washington, 1976, p. A—7.

* Помимо статьи «текущие расходы» в бюджете США (в том числе — военном) существует статья «полные финансовые полномочия» (ПФП). Ассигнования по статье ПФП, как правило, на несколько миллиардов долларов превышают ассигнования по статье «текущие расходы» (например, в 1975 г. ПФП министерства обороны — 87,9 млрд. долл., в 1976 — 98,3 млрд., по проекту бюджета на 1977 финансовый год — 112,7 млрд. долл.). Статья ПФП представляет собой максимальную сумму, на которую в данном финансовом году Пентагону разрешается заключать контракты — принимать на себя финансовые обязательства, хотя некоторая часть этих обязательств будет обеспечена реальными средствами лишь в будущем. По традиции за основу сопоставления военных бюджетов разных лет в США брались ассигнования по статье «текущие расходы». В 1976 г. министерство обороны США неожиданно сделало основой всех расчетов «полные финансовые полномочия» — очевидно для того, чтобы еще более затруднить для «посторонних» анализ военного бюджета США.

** До 1977 финансового года бюджетный год в США начинался 1 июля одного календарного года и заканчивался 30 июня следующего. Этим последним годом и обозначался финансовый год. По закону 93-344, принятому конгрессом США 12 июля 1974 г., начиная с 1977 финансового года финансовый год будет начинаться в США 1 октября предшествующего календарного года и оканчиваться 30 сентября того календарного года, которым обозначается финансовый год. На переходный трехмесячный период с 1 июля по 30 сентября 1976 г. министерству обороны США выделено 24,6 млрд. долл.

средства, шедшие на ведение войны, что и создало видимость его существенного сокращения. На деле же реальный военный бюджет США, используемый для финансирования строительства вооруженных сил и закупки вооружений, вырос за десять лет — с 1965 по 1974 г. — примерно на 25%*.

После того как экстренные мероприятия по «сбалансированию приоритетов» — залатыванию дыр в граждан-

* Эта оценка, кстати говоря, примерно соответствует оценке бывшего министра обороны США, заявлявшего о том, что реальный (не связанный с компенсацией инфляции) рост военного бюджета США составлял 2% в год («Report of Secretary of Defense J. R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets. . .», р. 1—24). Правда, это заявление опровергает данные таблиц, приведенных в отчетах того же министерства, но такова обычная судьба всех статистических фальсификаций: «гладкость» в одном месте обнаруживается вопиющим несоответствием в другом!

*** Без учета ассигнований на военные цели, проходящих по бюджетам Комиссии по атомной энергии (ныне Управление энергетических исследований и разработок) и Национального управления по аэронавтике и освоению космического пространства (НАСА) и составляющих в 70-е гг. 3,5—4 млрд. долл. в год (в текущих ценах).

**** Министерство обороны США специально выделяло в таблицах, показывающих расходы на войну в Юго-Восточной Азии, так называемые дополнительные расходы («incremental costs»). Оно определяло их как расходы, превышающие те, которые бы в условиях мирного времени шли на содержание того же количества войск и техники, находившихся бы в данном регионе. Так, дополнительные расходы по боеприпасам включали лишь стоимость боеприпасов, превышающих ту норму, которая была бы израсходована данным контингентом войск в условиях мирного времени (на маневрах, учебных стрельбах и т. д.).

***** Пересчет текущих долларов в постоянные (1969 бюджетного года) произведен административно-бюджетным управлением США, исходя из расчетов темпов инфляции в 3% в год до 1969 г. и в среднем 6% в год после 1969 г. При этом вся сумма военного бюджета изменяется на соответствующий процент. На деле же инфляция в основном касается 45—50% расходов министерства обороны, идущих на закупки военной техники (цены на которую растут), и в гораздо меньшей степени затрагивает другие расходы (зарплата, пенсия и др.), не связанные с материальным снабжением. Хотя министерству обороны и приходилось несколько повышать зарплату военным и гражданским служащим в связи с инфляцией, оно вместе с тем смогло сократить и даже отменить выплаты ряда дополнительных пособий, направленных на поощрение притока добровольцев в вооруженные силы ввиду того, что высокий уровень безработицы в США в последние годы сам по себе являлся достаточным стимулом для найма в вооруженные силы. К тому же с 1973 по 1976 финансовые годы (т. е. уже после перехода вооруженных сил США на добровольческий принцип формирования и повышения жалования военнослужащих) численность военного и гражданского персонала (включая резервистов), находящегося на жаловании министерства обороны США, сократилась на 462 тыс. человек, или на 10%. В результате расходы МО США по статье «зарплата военному и гражданскому персоналу и другие затраты на содержание личного состава» в 1977 финансовом году оставались на уровне 1973 финансового года — 51 млрд. долл. в текущих ценах. Фактически же они существенно сократились (на 10,5 млрд. долл. в ценах 1969 финансового года — с 38,5 млрд. до 28 млрд. долл.). Таким образом МО получило дополнительные средства для закупок военной техники, хотя в своих отчетах конгрессу США оно всячески затушевывает этот факт. Поэтому корректировка военного бюджета с учетом воздействия инфляции лишь на его половину наиболее адекватно отражает реальные финансовые возможности МО США.

***** Проект.

ских статьяx бюджета — были осуществлены, военный бюджет США начал увеличиваться (как это видно из приводимых в таблице данных) более ускоренными темпами. По данным министра обороны, к 1980 г. запланировано повышение военного бюджета США (по статье «текущие расходы») до 148 млрд. долл. в год (в текущих ценах) ⁴⁶.

Что касается доктринальных установок, то администрацией США в 1971 г. вместо явно провоцирующей концепции «превосходства» была выдвинута концепция «достаточности» вооруженных сил. Эта концепция, с одной стороны, вынужденно признавала факт стратегического паритета между СССР и США и невозможность приобретения Соединенными Штатами в будущем сколь бы то ни было значимого превосходства над «потенциальным противником» в области стратегического ракетно-ядерного потенциала (не говоря уже о сухопутных силах). С другой стороны, формула достаточности набрасывала дополнительный покров тайны на основные принципы американского военного строительства. Ибо если в отношении строительства обычных вооруженных сил критерии «достаточности» на перспективу в 5—10 лет были определены более или менее ясно (уровень численности армии и морских вооружений и т. д.), то в отношении основного костяка вооруженных сил США — сил стратегического назначения критерии «достаточности» оставались сугубо туманными.

В зависимости от ответа на вопрос «достаточность для осуществления каких задач?» размеры и качество «достаточных» сил стратегического назначения могут быть весьма различными. «Достаточность» может трактоваться как поддержание стратегических сил на уровне, достаточном для «сдерживания», т. е. для обеспечения «правдоподобной» (с точки зрения другой стороны) способности к нанесению «неприемлемого ущерба» противнику во втором ударе. В то же время «достаточность» может быть рассматриваема и как создание той или иной способности для «контрсилового», т. е. превентивного, удара, что практически означало бы иные — повышенные — уровни стратегических сил.

В то время как политические лидеры США публично стремились подчеркивать, что речь идет о «достаточности» стратегических сил в первом смысле, т. е. для «сдер-

живания», многие военные теоретики и военные деятели США расшифровывали «достаточность» как поддержание определенной степени превосходства*.

В окончательном виде американская трактовка «достаточности» проявилась в связи с выдвижением так называемой доктрины Шлесинджера о «перенацеливании» американских стратегических сил. Очевидно, что «доктрина Шлесинджера», которую министр обороны США весьма подробно изложил в своем докладе о военном бюджете США на 1975 финансовый год, родилась не сама по себе, а явилась дальнейшим развитием американскими военными теоретиками «контрсилового» установок стратегии «гибкого реагирования».

Начиная с 1971 г. высокопоставленный комитет по пересмотру оборонной программы под председательством Г. Киссинджера проводил по указанию президента США исследования с целью «выработки иных стратегических вариантов, помимо массированного возмездия против советских городов, которое в свою очередь приведет к тому, что советские ракеты накроют американские города»⁴⁷. После многомесячных исследований, основанных на оценке перспективных технических возможностей США, американское руководство разрешило министру обороны США изложить «новую американскую концепцию».

В своем докладе Шлесинджер подчеркнул, что в области строительства стратегических сил США продолжают ориентироваться на создание определенного «контрсило-

* Известный военный теоретик США Х. Болдуин отмечал, что, хотя «первейшим и абсолютным требованием для любой большой стратегии завтрашнего дня является «достаточность» в стратегических вооружениях... «достаточность» в данном контексте должна означать четко обозначенное и видимое качественное и количественное превосходство США» (*H. Baldwin, Strategy for Tomorrow*. New York, 1970, p. 295). Как ту или иную степень американского превосходства публично характеризовали «достаточность» генерал Э. Уилер, занимавший в 1964—1970 гг. пост председателя Комитета начальников штабов США («*U. S. News and World Report*», April 20, 1970, p. 35—36), начальник штаба американских ВМС в 1970—1974 гг. адмирал Э. Зумволт («*Proposed Expansion of U. S. Military Facilities in the Indian Ocean*», p. 42) и многие другие военачальники. В 1970 г. тогдашний заместитель министра обороны США Д. Паккард в ответ на вопрос корреспондента, что имеется в виду под «достаточностью», дал следующий характерный ответ: «Это хорошее слово для того, чтобы использовать его в выступлении. Во всем остальном оно ни черта не значит» («*Business Week*», March 21, 1970, p. 99).

вого» потенциала визави СССР. Такая «контрсилловая» способность, к приобретению которой стремятся США, не будет достаточной для полного первого, т. е. обезоруживающего, удара по СССР (ибо такая способность, признал министр, для США недостижима)*. Однако она будет «достаточной» для более гибкого — избирательного использования американских стратегических сил, для нанесения «ограниченных ударов» по военным объектам противника в случае войны. Иначе говоря, речь шла о тех типах «контрсилловой» способности, которые представлены в таблице на стр. 236 как «контрсила II» и «контрсила III».

«Доктрина Шлесинджера» преследует одновременно несколько целей:

1. Она пытается найти применение для того избыточного количества индивидуальных стратегических зарядов, обеспеченных средствами доставки (свыше 12 тыс. на конец 1975 г.), которые были развернуты США в результате принятых в 60-е гг. решений об ориентации в строительстве стратегических сил на приобретение «ограниченной контрсилловой способности», и одновременно оправдать саму эту избыточность. При этом «оправданием» является не только подразумеваемое увеличение числа «объектов прицеливания», но и постулируемая военным руководством США необходимость обеспечивать «достаточность» одновременно против СССР и КНР (не говоря уже о резерве против «других возможных оппонентов»).

Выступая перед сенатской Комиссией по делам вооруженных сил в феврале 1972 г., тогдашний председатель Комитета начальников штабов США адмирал Т. Мурер говорил: «Появление Китайской Народной Республики как достаточно мощной ядерной державы добавило новый сложный фактор в стратегическое уравнение... Независимо от того, как могут развиваться в будущем от-

* «Ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз, — заявил Шлесинджер, — не обладают в настоящее время способностью к обезоруживающему первому удару, и они не смогут приобрести такую способность в обозримом будущем, поскольку каждая сторона имеет большое число стратегических наступательных систем, которые остаются неуязвимыми для стратегических средств другой стороны. Более того, договор об ограничении систем ПРО делает невозможным оборону против ракет» («Report of the Secretary of Defense J. R. Schlesinger to the Congress on the FY 1975 Defense Budget...», p. 40).

ношения между этими тремя странами (США, СССР, КНР. — Г. Т.), стратегические силы США должны быть всегда достаточными против Советского Союза и Китая одновременно. Если мы даже будем вовлечены в ядерную войну только с одним из этих государств, мы должны будем иметь достаточные стратегические силы для одновременного сдерживания ядерного удара второго государства»⁴⁸.

2. «Доктрина Шлесинджера» безусловно метит на приобретение США частичных качественных преимуществ в рамках количественных ограничений, наложенных на стратегические силы США и СССР соответствующими советско-американскими соглашениями.

3. Она представляет собой попытку восстановить так называемую ядерную гарантию США Западной Европе (или хотя бы видимость таковой) в условиях, когда уравнивание возможностей СССР и США для ответного удара (в частности, в результате запрещения создания общенациональных систем ПРО по договору 1972 г.) сделало такую «гарантию» недействительной, как это хорошо понимают сами западноевропейцы*.

4. «Доктрину Шлесинджера» можно рассматривать и как попытку, повысив фактор гибкости стратегических сил (в том числе путем создания возможности их быстрого запрограммированного перенацеливания), надежно находящегося под контролем высшего американского руководства, несколько «девальвировать» значение тактических ядерных сил, находящихся непосредственно под контролем американских командующих в Европе, равно как и принизить значение «более грубых» стратегических сил Англии и Франции. «Можно утверждать, — пишет,

* Бывший главнокомандующий объединенных вооруженных сил НАТО в северной зоне Европы генерал У. Уокер в письме в английскую газету «Таймс» отметил: «Весь вопрос в связи с многозарядными боеголовками состоит не в том, дает ли это русским способность к первому или ответному удару, а скорее в том, что равновесие страха сейчас таково, что Россия сделала невозможным для Запада продолжать и впредь укрываться под американским ядерным зонтом... Американские ядерные стратегические силы теперь могут быть использованы только в качестве последнего средства, и то только в ответ на нападение на сами континентальные Соединенные Штаты. Вот, фактически, что означает мощь многозарядных боеголовок России, и, говоря яснее, это означает, что она сумела подорвать всю стратегию НАТО» («The Times», 10.IX.1973).

например, профессор Королевского колледжа в Лондоне Л. Мартин, комментируя «доктрину Шлесинджера», — что точные стратегические системы могут заменить (американские) системы передового базирования, если советско-американские переговоры о стратегических вооружениях или же переговоры о сокращении вооружений в Центральной Европе потребовали бы вывода последних»⁴⁹ *.

5. Ее можно охарактеризовать и как поиск способа вырваться из ситуации равенства стратегических возможностей СССР и США, вытекающего из равенства по существу в материальном балансе стратегических вооружений (в частности, когда каждая из сторон при любых обстоятельствах сохранит способность к ответному удару по жизненным центрам другой).

В свое время, когда Макнамара выдвигал свою теорию «сдерживания», или «взаимного сдерживания», путем нанесения «неприемлемого ущерба» во втором ударе, он концептуально постулировал равенство способностей двух сторон к «взаимному гарантированному уничтожению». Однако «про себя» пентагоновская верхушка kalkulировала, что США-де обладают большими возможностями в этом смысле, что лишь США имеют «полноценную способность» для второго удара, а СССР-де располагает такой способностью лишь условно, «в зачатке» и что этот фактический дисбаланс в реальных возможностях (при их теоретическом равенстве) дает США шанс на то, чтобы перевести его в «осоздаваемые политические преимущества», продолжая политику нажима «с позиции силы» на СССР.

Но какие бы иллюзии ни строили на этот счет американские стратеги в 60-е гг. и какой бы политический капитал ни пытались из этого извлечь, 70-е годы полностью

* Одним из соображений, заставляющих американское руководство думать о целесообразности сокращения численности американских тактических ядерных зарядов, находящихся в частях НАТО в Европе, является боязнь возможности их похищения и использования террористическими группами. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» отмечал, например: «Среди американских официальных лиц растет страх по поводу возможности ядерного терроризма. Один эксперт разведки предсказывает, что «террористическая группа взорвет ядерное оружие где-нибудь в мире в ближайшие пять лет»» («U. S. News and World Report», February 2, 1976, p. 4).

развевали такого рода надежды: в США ныне никто не сомневается, что СССР может нанести им «неприемлемый ущерб» во втором ударе даже в условиях массированного американского ядерного нападения на Советский Союз. Ограничение же систем ПРО в обеих странах (а американское согласие на этот шаг и было прямым следствием признания Вашингтоном невозможности обеспечить какое бы то ни было привилегированное положение для США в плане «ограничения ущерба» — уменьшения своей уязвимости) окончательно уравнило возможности сторон в отношении массированного использования стратегических ядерных систем. Именно это подлинное равенство и не устраивает американских военных теоретиков. Они лихорадочно стремятся вырваться из него путем разработки хитроумных концептуальных схем, которые давали бы им хоть какую-то надежду, что США могут очутиться в несколько лучшем, чем СССР, положении, если предлагаемая тактика боевого применения стратегических систем будет ориентироваться на использование американских (мнимых или реальных) качественных преимуществ. Поскольку эта тактика не исключает вероятности того, что США могут использовать стратегические ядерные силы первыми (хотя и ограниченным образом), «доктрина Шлесинджера» оказывается попыткой оказать определенное давление на другую сторону и тем самым улучшить американские «позиции для торга по политическим проблемам», как выражаются американские теоретики. Именно в этих целях вокруг «перенацеливания» и был поднят такой ажиотаж.

В самом деле, истинный характер нацеливания американских стратегических ракет представляет собой важнейшую государственную тайну, и американское командование может нацеливать свои ракеты так или иначе, никому об этом не докладывая. Поэтому вся та публичная кампания, начатая Пентагоном и связанная с рекламой «перенацеливания», вовсе не представляет собой способ доведения до общественности объективной информации об изменениях в предполагаемой тактике использования стратегических ракет США. Это была сознательная попытка оказать психологическое давление на другую сторону, получить если не прямо военно-технические, то по крайней мере концептуальные и политические по отношению к другой стороне выгоды.

6. Из сказанного вытекает еще одна характерная черта «доктрины Шлесинджера», а именно ее стремление опять-таки предложить «другой стороне» некие негласные (как бы молчаливо принимаемые) «правила игры» в боевом использовании стратегических сил.

По сути дела главной, всеохватывающей, все подчинившей себе задачей, которая стоит перед американской стратегической теорией в период после второй мировой войны (а также и перед «лицами, принимающими решения» в Вашингтоне), является поиск «оптимального варианта» использования той «новой военной силы», которая была создана военно-технической революцией, а именно изобретением авиационно-атомного, а позднее ракетно-ядерного стратегического оружия. Когда и при каких условиях, с какой степенью интенсивности, в каких формах, какими способами, в каких комбинациях с обычными вооружениями, на глобальном ли или на региональном поле боя и т. д. и т. п. могут США использовать эту главную сверхсовременную военную силу в целях политики?

Решению этих вопросов были посвящены все американские военно-политические стратегии после второй мировой войны.

Эти стратегии давали условные, частичные, ориентировочные, можно даже сказать, импровизированные ответы на некоторые из этих вопросов — советы или рекомендации, ложившиеся в качестве отправных концепций в основу стратегического строительства в США. Но сколько бы ни рекламировались указанные стратегии как «финальные» и «победоносные», у американского государственного руководства никогда не было стопроцентной уверенности в возможности такого использования стратегических сил, чтобы конечные его результаты оказались «приемлемыми по цене» для самих США.

К глубокому разочарованию американских правящих кругов, эти стратегии, концептуально постулируя вероятность победы США, отнюдь не гарантировали ее; более того, они допускали, что в случае использования американских стратегических сил против «основного соперника» Соединенные Штаты могут при известных обстоятельствах оказаться даже в худшем положении, чем до войны.

Тем не менее стратегическая мысль США так и не хочет примириться с невозможностью использования стратегических ракетно-ядерных сил в современную эпоху. Поэтому, как только поиск способов добиться «безусловного превосходства» путем технического рывка (и тогда уже — «игры» без «правил») заходит в тупик, начинается поиск способов ведения войны с равноценным противником путем принятия каких-то совместных «ограничительных правил игры». При этом «ограничения» всегда предлагаются такого рода, которые максимизируют частичные преимущества (количественного, качественного, географического и иного порядка), имеющиеся у США, и в то же время стремятся ограничить те элементы стратегических возможностей другой стороны, которые как раз нейтрализуют эти американские «преимущества». Иначе говоря, американские «преимущества» как раз и могут стать реальными преимуществами лишь в условиях применения американских правил — отсюда и настойчивое стремление навязать другой стороне эти самые «правила».

Как всегда за последние двадцать лет, американская «*idée fixe*» в таком поиске сводится помимо всего прочего к предложению устраивать «пробу сил» на «нейтральном» театре, не затрагивая национальные территории США и СССР. Применительно к «центральной войне» таким театром у американских стратегов всегда оказывается Европа. (Это обстоятельство, между прочим, объясняет неискоренимую подозрительность западноевропейцев ко всем американским стратегиям в НАТО: они интуитивно чувствуют, что в американских доктринах для них обязательно содержится какой-то подвох.)

В этом плане «доктрина перенацеливания» не есть изобретение лично Шлесинджера, а есть плод коллективной мысли высшего американского военного руководства. Поэтому вынужденный уход в отставку Дж. Шлесинджера в ноябре 1975 г. не привел к изменениям в концепциях Пентагона. В очередном ежегодном докладе конгрессу нового министра обороны США Дональда Рамсфелда о военной позиции США на 1977—1981 гг. «доктрина Шлесинджера» не просто повторяется; дается отчет о новых мероприятиях, осуществленных по ее превращению в жизнь. В докладе Рамсфелда прямо подчеркивается, что список «потенциальных целей» не ограни-

чивается лишь городами и стратегическими силами, имеющимися у другой стороны, но охватывает широкий круг военных объектов, включая радарные установки, базы подводных лодок, пункты концентрации обычных вооруженных сил и т. д. Как отмечалось выше, американские стратеги часто провозглашением новой «доктрины» торопятся извлечь для себя определенные дипломатические преимущества, хотя на деле еще нет, как говорится, «ни кола, ни двора»: новая концепция еще не обеспечена изменениями в системах оружия и на первых порах фактически относится не к имеющимся, а лишь к будущим возможностям США!

«Избранные компоненты наших наступательных сил, — говорится в докладе Рамсфелда, — приобретают гибкость, которая даст им возможность отвечать на нападения, в ходе которых нацеливание будет осуществляться более избирательно. Мы не только увеличиваем количество заранее запрограммированных вариантов (использования наступательных стратегических сил. — Г. Т.), мы приобретаем способности к перенацеливанию, а также в области командования и контроля, которые дадут нам возможность быстро реагировать на непредвиденные события»⁵⁰ *.

Таким образом, «доктрина перенацеливания» есть всего лишь очередная вариация на ключевую тему американской стратегии в период после второй мировой войны: как обеспечить «используемость» ядерного оружия и в то же время не допустить самоубийства США.

При этом для того чтобы «продать» «контрсилую» концепцию американскому конгрессу и общественности в целом, деятели Пентагона прибегают к поистине запрещенным приемам. «Выгодность» новой стратегической концепции «доказывается» тем, что ее применение... Советским Союзом не приведет к крупным жертвам в Со-

* Несмотря на многолетний шум по поводу «уязвимости» американских МБР «Минитмэн» для «советского нападения», в докладе Рамсфелда дается отрицательный ответ на предложение некоторых американских специалистов о том, чтобы Соединенные Штаты постепенно свернули эти стационарные ракеты наземного базирования. В качестве особых качеств наземных МБР, делающих необходимым сохранение этого компонента стратегических сил США, доклад подчеркивает возможность «строгого контроля» за ними и их быстрого перенацеливания! («Report of Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld to the Congress on the FY 1977 Budget. . .», p. 18).

единенных Штатах! В специальном докладе, подготовленном министерством обороны США и переданном в конгресс, «доказывается», что ракетно-ядерное нападение на США, осуществленное в соответствии с американскими «контрсилowymi» правилами, приведет к гибели лишь 3 200 тыс. человек среди гражданского населения США. Даже в «худшем варианте» «контрсилowego» нападения на США число погибших не должно превысить 16 300 тыс. человек⁵¹. При этом — обратите внимание — «убедительность» аргументации подтверждается детальной точностью цифр: не 16 млн. убитых, а 16 300 тысяч!

Таким образом, легализация ракетно-ядерной войны протаскивается приписыванием Советскому Союзу намерений и готовности вести «ограниченную стратегическую войну» по сценарию, написанному Пентагоном! Поэтому, мол, именно к такого рода войне должны готовиться и Соединенные Штаты.

Однако пентагоновские теоретики не могут не отдавать себе отчета в том, что если бы дело дошло до «пробы главных сил», то Советский Союз действовал бы не в соответствии с американскими «правилами», призванными максимизировать маргинальные преимущества США, а в соответствии с собственной военной доктриной, «с целью полного разгрома любого агрессора, который попытается посягнуть на социалистическую Родину»⁵².

И если американские стратеги не могли найти удовлетворительного ответа на вопрос, как осуществить ракетно-ядерное нападение на СССР и при этом обеспечить «выживание» США даже тогда, когда США обладали определенным превосходством над СССР в области стратегических вооружений, то едва ли увенчается успехом пентагоновский поиск позитивного ответа на этот вопрос в современных условиях, когда существует советско-американский стратегический паритет.

В то же время сам поиск частичных преимуществ и концепций их реализации неизбежно подхлестывает военные приготовления, что идет в направлении, диаметрально противоположном политической разрядке и декларируемой Вашингтоном готовности проявлять сдержанность в области вооружений.

Эту истину понимают те представители политической элиты США, которые под влиянием серьезного анализа

международной обстановки встали на путь реалистического мышления. Тот же Дж. Кеннан, отдавший в свое время немало сил поиску «победоносных» стратегий, уже в 1959 г. высказал мысль, имеющую самое непосредственное отношение к нынешним американским поискам новых концепций боевого использования стратегического ядерного оружия. «Разработка идеальной военной позиции, — писал он, — всегда будет находиться в конфликте с любыми серьезными усилиями, направленными на смягчение международной политической напряженности. Не может быть никакого мыслимого соглашения с Советским Союзом... которое не включало бы в себя уступок в военной области и принятия новых рисков, неприятных западным военным планировщикам, повергающих их в состояние шока. Идеальная военная позиция является просто-напросто врагом всякой политической разрядки или компромисса; и тот, кто не готов идти на жертвы и допускать какую-то степень риска в военной области, не должен претендовать на то, что у него есть сколь-нибудь серьезное желание видеть мировые проблемы урегулированными любыми средствами, за исключением войны»⁵³.

В современных условиях реальная возможность найти совместный интерес с потенциальным оппонентом открывается не в области поиска взаимоприемлемых правил ведения ядерной войны, а в сфере мероприятий, направленных на недопущение, предотвращение ядерной войны и стабилизацию военного баланса путем ограничения гонки вооружений. На первом этапе советско-американской разрядки договоренность в этой сфере вылилась в два известных соглашения 1972 г.: бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны СССР и США и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

Договор о ПРО ограничил каждую из сторон двумя комплексами ПРО с общим разрешенным числом боевых противоракет для каждой стороны в 200 единиц. Протокол к Договору о ПРО, подписанный в 1974 г., свел число разрешенных комплексов ПРО до одного у каждой из сторон со 100 противоракетами. Заключение Договора о ПРО и последующего протокола фактически разомкнуло в области стратегических систем замкнутую цепь

«нападение — оборона». Отказавшись от развертывания общенациональных систем ПРО, обе стороны тем самым устранили один из главных побудительных стимулов к дальнейшему наращиванию усилий в области наступательных систем.

Временное соглашение 1972 г. (остающееся в силе до октября 1977 г.), установившее определенные согласованные «потолки» для межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет на подводных лодках каждой из стран, способствовало стабилизации баланса и в области стратегических наступательных систем.

Во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом США Дж. Фордом во Владивостоке в ноябре 1974 г. руководители двух стран согласовали объем и характер дальнейших совместных мероприятий по ограничению стратегических наступательных вооружений.

Владивостокская договоренность предусматривает, что новое соглашение между СССР и США должно охватывать период до конца 1985 г. Были согласованы общие потолки на суммарное число носителей стратегического оружия каждой стороны (включая МБР, БРПЛ и стратегические бомбардировщики). Были также определены качественные ограничения в виде лимитов на численность наступательных систем, оснащаемых разделяющимися головными частями индивидуального наведения (МИРВ). Новое соглашение должно быть основано на принципе равенства и одинаковой безопасности. Руководители двух государств также выразили стремление заключить новое соглашение до окончания срока действия Временного соглашения.

Важное значение в снижении накала гонки вооружений имели советско-американский Договор 1974 г. об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (запретивший проведение испытаний ядерного оружия мощностью свыше 150 кт начиная с 31 марта 1976 г.) и подписанный в мае 1976 г. Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях, ограничивающий такого рода взрывы согласованными диапазонами мощностей.

Тем не менее многие направления качественного совершенствования стратегических вооружений пока еще не перекрыты, чем и пытается воспользоваться Пентагон, наращивая усилия в первую очередь на таких на-

правлениях, как повышение точности боеголовок (в том числе путем создания маневрирующих в полете боеголовок, обладающих способностью самонаведения на цель)*, увеличение их мощности, обеспечение возможности быстрого перенацеливания, а также вводя в строй новые улучшенные системы стратегического оружия (стратегический бомбардировщик В-1, подводная ракетная система «Трайидент») и разрабатывая новые системы стратегического оружия (мобильные стратегические ракеты, запускаемые с наземных установок или самолетов; низколетящие крылатые ракеты дальнего радиуса действия и т. д.). Об усилиях Пентагона в области качественного совершенствования систем оружия свидетельствует неуклонное повышение в последние годы

* Речь идет о так называемых системах МАРВ (Maneuverable Reentry Vehicle) — боеголовках, маневрирующих на подлете к цели. Боеголовка МАРВ есть новая качественная ступень в развитии головных частей индивидуального наведения по сравнению с головными частями системы МИРВ. Боеголовка системы МИРВ не управляется в полете, а летит по заданной баллистической траектории после своего отделения от «космического автобуса» — головной части, несущей несколько боеголовок. Наведение боеголовки МИРВ на цель осуществляется путем изменения траектории самой головной части непосредственно перед отделением от нее очередной боеголовки. По сообщениям американской прессы, в США в настоящее время разрабатываются два типа боеголовок системы МАРВ: 1. Боеголовка МАРВ «первого поколения», которая будет совершать при подлете к цели несколько заранее запрограммированных маневров для того, чтобы затруднить ее перехват средствами ПРО. Такая боеголовка (Мк-500) разрабатывается для ракеты «Трайидент» первого поколения. Ракета «Трайидент-1» будет иметь восемь таких боеголовок мощностью 100 килотонн каждая. 2. Боеголовка МАРВ «второго поколения» (разрабатываемая ВВС США) будет не просто совершать заранее запрограммированные маневры, а непосредственно самонаводиться на цель, обладая способностью корректировать свой полет на основе сверки программы с местностью и совершать отвлекающие маневры. Предполагается, что уже первые боеголовки МАРВ будут обладать точностью, исчисляемой десятками метров, а не сотнями, как у нынешних американских боеголовок системы МИРВ («Aviation Week and Space Technology», October 13, 1975, p. 15—19; B. Carter. Nuclear Strategy and Nuclear Weapons. — «Scientific American», May 1974, p. 25).

Возможность разработки боеголовок типа МАРВ зависит от прогресса в дальнейшей миниатюризации бортовых ЭВМ параллельно с увеличением их быстродействия и памяти. Так, по данным С. Посони, если технология БРПЛ «Поларис А-1» требовала компьютера со скоростью операций 500 тыс. в секунду и памятью в 2 млн. бит, то ЭВМ для БРПЛ «Трайидент-1» (С-4) должна обладать скоростью порядка 2—3 млн. операций в секунду и памятью в 200 млрд. бит (S. T. Possony. The Real Revolution in Warfare: The Computer Impact. — «Orbis», Fall 1973, N 3, p. 860).

ассигнований на военные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Если в 1971 г. на эти цели было выделено 6736 млн. долл., то на 1976 финансовый год Пентагон получил 9284 млн. долл.

Наряду с повышением качества стратегических вооружений усиленно совершенствуются и другие виды вооружений: большое внимание уделяется разработке лазерных видов оружия, мобильной системы противосамолетной обороны (САМ-Д), которая, по-видимому, будет обладать ограниченной противоракетной способностью, различным системам для автоматизированного, в том числе ночного, управления огнем, улучшению противолодочной обороны, дальнейшему качественному совершенствованию систем раннего обнаружения и предупреждения, спутниковой и электронной разведки, спутниковой связи и навигации и т. д. Министерством обороны США заключены контракты на разработку новых систем оружия на общую сумму свыше 200 млрд. долл. (на начало 1976 г. в расчете по конечной общей стоимости контрактов). Всего этого нельзя, естественно, не учитывать при анализе американских стратегических установок в современный период. Этот период, по-видимому, все еще является периодом поиска Вашингтоном новых фундаментальных стратегических концепций в условиях, когда многие постулаты стратегии «гибкого реагирования» были поставлены под вопрос американскими военными и политическими провалами, имевшими место в 60-х гг., а те новые концепции, которые были выдвинуты взамен их в 70-е гг., оказались неприменимыми к быстро развивающейся ситуации.

Так повисла в воздухе сформулированная администрацией Никсона стратегия «реалистического сдерживания». В 1971—1972 гг. этой стратегии в США была создана колоссальная реклама, а с 1974 г. о ней в США уже никто не вспоминает. «Глубоко ошибаются те, — говорил в 1971 г. министр обороны США М. Лэйрд, — кто хотел бы отмахнуться от нее (т. е. от «новой стратегии». — Г. Т.) как от простого продолжения старой политики, преподносимой в новой упаковке»⁵⁴. Но на деле-то первыми «отмахнулись» от нее сами ее пентагоновские авторы. Стратегия «реалистического сдерживания» на поверку и впрямь оказалась словесной формулой, за которой было мало что нового. В области стратегических

вооружений республиканская администрация продолжала претворять в жизнь в 70-е гг. как основные направления технической политики, так и основные установки теоретического, концептуального подхода, которые были выработаны еще при Макнамаре. Единственным новым элементом оказалась нашедшая практическое выражение готовность договариваться с СССР об ограничении стратегических вооружений, хотя и эта готовность, строго говоря, появилась у американского руководства еще при президенте Джонсоне.

В области же обычной «малой» войны перенос упора в соответствии с «Гуамской доктриной» («доктриной Никсона») на собственные силы союзников не дал тех результатов, на которые надеялся Вашингтон.

Несмотря на то что армия сайгонского режима в результате американской военной помощи вышла в 70-е гг. на одно из первых мест в мире по своей технической оснащенности, она оказалась полностью неэффективной как боевая сила (и развитие событий во Вьетнаме весной 1975 г. подтвердило это). То же самое можно сказать и об армии лонноловского режима в Камбодже. Иначе говоря, в регионах, где реальную опору проамериканских режимов составляла американская военная инфраструктура (будь то различные войска США или же американская система военного контроля и снабжения), ликвидация этой структуры обрекала на поражение существующий режим, не имевший массовой народной поддержки.

Вместе с крушением проамериканских режимов в странах Индокитая рухнула и сама «доктрина Никсона» с ее иллюзорной надеждой на то, что борьба с национально-освободительным движением (с которым не справился сам американский империализм) окажется по-сильной для локальных клиентов США при надлежащей помощи с их стороны. Более реалистический подход к вопросам внешней политики, преобладающий в последнее время в американском конгрессе, привел к тому, что «Гуамская доктрина» оказалась дезавуированной им и в плане ее обязательств насчет активной военной помощи США местным режимам и движениям, отстаивающим американские цели. Весной 1975 г. конгресс США отказал в продолжении военной помощи Сайгону, а зимой 1975 г. конгресс США не разрешил выделить средств

ва на военную помощь (через каналы Центрального разведывательного управления) раскольническим движениям в Анголе, ведущим борьбу против законного правительства. Таким образом, через пять лет после провозглашения «Гуамской доктрины» от нее осталось лишь положение о том, что США будут впредь более избирательно и более осторожно подходить к своим обязательствам по выполнению жандармских функций в различных регионах земли. Именно этот аспект «Гуамской доктрины» и пытается утвердить конгресс США своими решениями, пресекающими попытки администрации вопреки ее торжественным декларациям вновь безрассудно вмешиваться во внутренние дела других стран, не сообразуясь с долгосрочными интересами Соединенных Штатов.

Осознавая крах «доктрины Никсона» в азиатском регионе, президент Форд в декабре 1975 г. выступил с провозглашением новой, «Тихоокеанской доктрины» США, которая как бы призвана заменить обанкротившуюся «Гуамскую доктрину».

«Тихоокеанская доктрина», как она была изложена президентом Фордом в его выступлении 7 декабря 1975 г. в Гонолулу после визита в КНР, Индонезию и на Филиппины, представляет собой общую декларацию намерений США продолжать активно участвовать в поддержании «баланса сил» в тихоокеанском регионе, несмотря на поражение в Индокитае.

Согласно американской схеме, основой такого «баланса» должен оставаться американо-японский союз при определенном подключении к этому делу КНР с учетом антисоветской линии нынешнего пекинского руководства. Не исключая прямо из «баланса» Советский Союз — крупнейшую тихоокеанскую державу, американские стратеги все же надеются в соответствии с традиционными концепциями родоначальников американской геополитики (Мэхэна, Пауэрса, братьев Адамсов, Хэя) воссоздать ситуацию «двух фронтов» для «державы, господствующей в Хартлэнде», т. е. для Советского Союза, используя на Западе НАТО, а на Востоке факт противостояния маоистского Китая Советскому Союзу. Не исключается и усиление совместных американо-японских военных мероприятий в северо-западной части Тихого океана. Тем самым Вашингтон как бы рассчитывает

«взять реванш» за поражения, понесенные им в Азии в послевоенные годы, и восстановить сильно упавший престиж США среди развивающихся государств этого региона. Таким образом, концепции, которые были разработаны американскими теоретиками в конце XIX — начале XX в. применительно к региону Тихого океана, сейчас вновь получают популярность в правительственных кругах США.

Что касается Западной Европы, т. е. того региона, где собственное военное строительство американских союзников предположительно более эффективно, чем в Юго-Восточной Азии, то и тут оно не может рассматриваться как реализация замысла «Гуамской доктрины», хотя и по иной причине: в нынешних условиях его нельзя однозначно рассматривать как усиливающее военные позиции Соединенных Штатов. В свете событий последних лет и объявленных западноевропейцами намерений его вполне правомерно рассматривать и как строительство военной мощи, в какой-то мере оппозиционной США.

К тому же развитие событий в Европе в последние годы пошло не так, как планировал Вашингтон. В документе «За мир, безопасность и социальный прогресс в Европе», принятом на Конференции 29 коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в Берлине в июне 1976 г., отмечается: «Важные проблемы, отравлявшие международную атмосферу, в том числе некоторые проблемы, остававшиеся неурегулированными со времен второй мировой войны, были решены путем переговоров; были заключены многочисленные договоры, соглашения, декларации и другие договоренности между государствами в духе мирного сосуществования. Все это создало условия для развития новых отношений и сотрудничества между государствами, для преодоления разделения континента на противоположные военные блоки, для разоружения...

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе подтвердило возможность и реальную пользу рассмотрения и решения сложнейших международных проблем с участием всех заинтересованных стран на основе их полного равноправия. Оно открыло новые перспективы для дальнейшего укрепления мира и безопасности, для плодотворного развития отношений и сотрудничества между всеми странами Европы»⁵⁵.

Чтобы не отстать от событий, Соединенным Штатам пришлось подключиться к этому процессу: подпись президента США стоит под Заключительным актом, принятым совещанием в Хельсинки 1 августа 1975 г.

В условиях такого развития событий в Европе и в Азии резонно поставить вопрос: что же в таком случае осталось от «доктрины Никсона» и от многих других широко разрекламированных «концептуальных прорывов» в области модернизации империалистической политики, якобы достигнутых Вашингтоном в первую половину 70-х гг.?

Можно поставить и другой вопрос: что стало и с не менее широко афишированной новой «научной системой» принятия внешнеполитических решений на государственном уровне? Как неоднократно подчеркивал в начале 70-х гг. помощник президента по вопросам национальной безопасности, решения должны были впредь вырабатываться не в результате «бюрократического компромисса», т. е. беспринципного установления некой средней линии между разными точками зрения нескольких заинтересованных ведомств, а путем строгого перебора и взвешенного анализа четко очерченных и продуманных альтернатив. На деле же, несмотря на перестройку аппарата Совета национальной безопасности США, все в конечном итоге свелось к личной «кризисной дипломатии» государственного секретаря США и бесконечным импровизациям, часто довольно рискованного свойства, по сравнению с которыми даже осторожный «бюрократический компромисс» начал для многих в США выглядеть как благо.

Очевидно, именно для того, чтобы снизить возможности опасных импровизаций со стороны исполнительной власти, американский конгресс в 1971—1975 гг., восставшая на свои узурпированные Белым домом права, принял целый ряд решений, направленных на ограничение свободы действий администрации в области применения военной силы и иных военных мероприятий за рубежом США.

Наиболее важным в этом отношении решением явилась совместная резолюция обеих палат конгресса о военных полномочиях, вторично одобренная конгрессом 7 ноября 1973 г. вопреки вето президента и ставшая, таким образом, государственным законом. Закон обязы-

вает правительство США заручиться согласием конгресса, прежде чем начинать военные действия на территории другого государства. При возникновении «чрезвычайных обстоятельств», создающих «угрозу национальной безопасности США», президенту разрешается при соблюдении определенной процедуры использовать американские войска для боевых действий без санкции конгресса не более чем в течение 90 дней ⁵⁶.

Принятие конгрессом США в первой половине 70-х гг. резолюций, направленных против американского «военного ввязывания» в дела других стран, свидетельствует об определенном усилении в правящих кругах США реалистической тенденции в подходе к вопросам войны и мира.

Анализ эволюции американской военно-политической мысли на протяжении 200 лет истории Соединенных Штатов показывает, что в «большой» стратегии США на протяжении этого периода существовали определенные константы. Они служили основой для разработки конкретных стратегий США в те или иные периоды их истории.

Главными из этих констант американского политического и военно-политического мышления являются идеи американского мессианства, необходимости соединения рационального расчета со своекорыстным интересом в планировании акций за рубежом («просвещенный эгоизм»), концепция «баланса сил» на мировой арене и подход к военной силе как к первооснове прочности международных позиций государства.

Из основополагающих принципов, разработанных и завещанных потомкам «отцами-основателями» американской республики, вытекали частные, конкретные принципы стратегического строительства и стратегического действия. К ним относятся: концепция «достаточности» сил, принцип соотнесения стоимости систем оружия с их боевой эффективностью, планирование на основе оптимальной, а не максимальной угрозы, концепция «выдвинутых вперед рубежей», борьба за контроль над Мировым океаном, сочетание прямого и косвенного подхода в стратегическом действии, широко трактуемая концепция «сдерживания», своеобразно преломлявшаяся в целом ряде стратегических доктрин (таких, как доктрины Монро, Хэя, Трумэна), и другие.

Все эти концепции и принципы, как правило, устанавливали довольно жесткие рамки для американского стратегического планирования на протяжении всей исто-

рии США, то явно составляя основу принимаемых решений, то подтекстом присутствуя в них.

Рассмотрение эволюции военно-политической стратегии США после второй мировой войны показывает, что многие из традиционных стратегических установок оказались на какое-то время отброшенными в сторону или искаженными до неузнаваемости, и американское послевоенное руководство ринулось строить «американский мир», не считаясь с правилами «баланса сил», с заветами Дж. Вашингтона избегать постоянных антипатий и симпатий к другим нациям, игнорируя основополагающий принцип стратегии США, который требует не просто эгоистического расчета при реализации внешнеполитического интереса, но просвещенного расчета, что далеко не одно и то же.

Эта эйфория американского «всесилия» породила «холодную войну». В контексте всей двухсотлетней истории США «холодная война» являлась в известной мере отступлением от традиционной американской политики: попыткой единолично (!) решить «с позиции силы» все мировые проблемы, и в первую очередь «проблему международного коммунизма». Опьяненные иллюзией американского «всемогущества» и «вседозволенности», правящие круги США, действуя «за весь Запад», за весь капитализм, сделали ставку на то, чтобы «отбросить», а по возможности и ликвидировать мировой социализм. Заодно Вашингтон пытался утвердить во всем мире единоличную волю США — американский «указ», как в свое время выражался Теодор Рузвельт.

Из этой цели ничего не получилось. Атомная («абсолютная») сила оказалась непереводимой в политическое могущество прежде всего потому, что аналогичная сила практически одновременно, если рассматривать время в исторических масштабах, появилась и у «главного оппонента» Соединенных Штатов — Советского Союза. Сверхсовременная военная сила непереводаима в политическое могущество также и потому, что созданный в результате военно-технической революции арсенал новых средств разрушения (массового уничтожения), включая возможность почти мгновенного их применения в глобальном масштабе, практически избыточен по сравнению с потребностями рациональной политики, которая при использовании инструмента войны отнюдь не ставит са-

моделью убийства и разрушения, как таковые. Применяя выражение Клаузевица, можно сказать, что с появлением ракетно-ядерного оружия средство утратило всякое соответствие с политической целью войны. Как убедились лидеры Вашингтона, к решению большинства из стоящих перед правящим классом США внешнеполитических задач американский стратегический ядерный потенциал не имеет никакого отношения. Решение же максимальной задачи установления мировой гегемонии Соединенных Штатов «недоступно по цене», ибо никакая политика не может ставить целью устранение противника ценой самоубийства.

Невозможность для США добиться реализации выдвинутых ими максимальных целей, ставшая очевидной в середине 50-х гг., сильно подорвала «акции» США в западном мире. Союзники США на Западе стали относиться к ним более сдержанно, более критически оценивать возможности США на мировой арене и, главное, все чаще подумывать о необходимости взять свою внешнюю политику в собственные руки.

Однако в самом Вашингтоне в тот период лишь едва-едва брезжил рассвет реализма. Не сумев «решить проблему», как «совладать с мировым революционным движением» путем лобовой атаки, американский империализм стал уповать на «косвенные методы» — борьбу на периферии, накопление частичных преимуществ и постепенный перевод количественных успехов в качество «победы». Но и на этом, более осторожном пути правящие круги США потерпели фиаско. Как стало ясно многим деятелям правящего класса США к началу 70-х гг., Соединенные Штаты, несмотря на силу своей экономики, имеют ограниченные ресурсы, ограниченные возможности в условиях обострения собственных внутренних проблем, связанных с характером их общественной системы, противоречиями капиталистического производства, в условиях кардинального изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, завершения процесса антиколониальной революции, обострения межимпериалистических противоречий.

Американское послевоенное руководство пришло к выводу об ограниченности возможностей влияния США на мировые дела не путем объективного целенаправленного анализа мировой обстановки и поиска более реали-

стического курса, а мучительным путем «проб и ошибок», путем перебора «силовых альтернатив», неизменно заводивших в тупик внешнюю политику США. Правящий класс США долгое время считал, что он не может перевести мощь Соединенных Штатов в абсолютное влияние на мировой арене не потому, что порочна, недостижима, иллюзорна сама поставленная цель, а потому, что плох тот или иной стратегический курс, поскольку он не дает возможности адекватно реализовать «необъятные военные потенции» США.

Упорный поиск Вашингтоном «победоносной» стратегии в годы после второй мировой войны развивался в соответствии с объективным диалектическим законом разрешения противоречия: от потерпевшего фиаско плюрализма Трумэновского «сдерживания» с его установкой на комплексное использование всех видов вооруженных сил американское руководство шарахнулось в крайность «спасительного монизма» стратегии «массированного возмездия», однозначно ориентированной на использование авиационно-ядерных сил. Однако эта «экономичная» стратегия, как быстро обнаружили более дальновидные американские теоретики, оказывалась самоубийственной для США в условиях нового соотношения сил на мировой арене. Поэтому она в конечном итоге была заменена новой плюралистской стратегией «гибкого реагирования», или «дозированного использования силы». Последняя представляла собой более адекватное по сравнению с предшествующими стратегическими курсами приспособление к стратегической действительности. Она более трезво, чем предыдущие курсы, учитывала мировую стратегическую обстановку, изменение в соотношении сил между США и СССР в пользу последнего.

Реализм стратегии «гибкого реагирования» состоял в осознании ее авторами известной девальвации военной силы США, в понимании ими сузившихся возможностей военно-силовых решений международных проблем и необходимости установления более строгого политического контроля за военной силой.

По сути дела стратегия «гибкого реагирования» пока что не превзойдена в США какой-либо полноценной стратегической концепцией. Хотя официально стратегия «гибкого реагирования» была заменена «радикально но-

вой» стратегией «реалистического сдерживания», фактически основные установки последней в целом развивали дальше центральную идею стратегии «гибкого реагирования» — идею о необходимости гибкого использования разных форм силы на международной арене, более тесного увязывания военных факторов с политико-экономическими и идеологическими (психологическими), усиления внимания к невоенным аспектам противоборства, налаживания откровенного диалога с потенциальным оппонентом (оппонентами) в целях определенной «взаимосдержанности» и компромиссного решения мировых проблем.

Правда, испытав горечь разочарования в попытках добиться торжества своих схем в международных отношениях, американские лидеры ныне часто говорят о том, что вообще нет и не может быть финальных решений международных проблем. Но это явно неверно. Каждая международная проблема может и должна иметь свое решение, притом мирное решение. Но это решение может быть лишь международным, а отнюдь не американским. Эту истину хорошо понимали Дж. Вашингтон, А. Гамильтон, Т. Джефферсон. Ее вновь открыл для себя и для американцев президент Кеннеди, проанализировав уроки американской внешней политики в течение пятнадцати лет после окончания второй мировой войны, на протяжении которых американцы безуспешно пытались навязать миру сугубо американские решения мировых проблем. Но и после констатации, сделанной Кеннеди, потребовалось еще несколько лет «проб и ошибок», неоднократных провалов попыток США навязывания силой проамериканских решений, прежде чем большая часть американского правящего класса осознала необходимость радикальной перестройки внешнеполитического поведения Соединенных Штатов.

Тот факт, что американский капитализм вынужден был в конце концов пойти на поворот от «холодной войны» к отношениям сотрудничества с СССР, означал торжество политики КПСС, направленной на усиление экономического и военного могущества СССР, всех стран социализма, на обеспечение всеобщего мира. Этот поворот США означал торжество ленинского внешнеполитического курса СССР. Ведь в качестве основы нового «кодекса поведения» на международной арене правитель-

ство США официально приняло советские принципы мирного сосуществования.

Вместе с тем, как показывают события последних месяцев, борьба в США по вопросу об общих принципах, основных направлениях внешнеполитического курса и целях США за рубежом все еще является очень острой и сам процесс пересмотра военно-политической стратегии США еще продолжается.

В начале 70-х гг. специалистам, наблюдающим со стороны за процессом перестройки внешней и военной политики США, могло казаться, что процесс «мучительного пересмотра» внешней политики США, ее приспособления к мировой реальности в основном завершен или вот-вот завершится. Вынужденный поворот Вашингтона в сторону кардинальной нормализации отношений с Советским Союзом под влиянием учета нового соотношения сил, другие шаги в сторону разрядки, осуществленные в этот период американским руководством, в какой-то мере заслонили от исследователей то обстоятельство, что на других направлениях внешней политики США этот поворот был не столько реальным, сколько в основном декларируемым. Внешне более демократическими, реалистическими лозунгами зачастую прикрывалась традиционная империалистическая политика. О том, что США на многих направлениях внешней политики отнюдь не отрешились от ставки на достижение той или иной степени своей гегемонии, превосходства, диктата, наглядно свидетельствуют американские акции последних лет в отношении Западной Европы, нефтедобывающих арабских стран Ближнего Востока, в Анголе, американская политика «выкручивания рук» в Организации американских государств и т. д. Реалистические шаги и жесты, порой принимавшиеся или намечавшиеся республиканской администрацией на этих направлениях, встречаются в штыки теми весьма влиятельными силами Соединенных Штатов, которые до сих пор мыслят категориями «Рах Американа».

Под влиянием давления справа в правящих группировках США вновь приобретают хождение лозунги о «мире через посредство силы», усиливаются спекуляции на шовинистических настроениях обывателей, которым внешнеполитические поражения США, являющиеся логическими результатами того нереалистического курса, ко-

торый долгое время проводился Вашингтоном, преподносятся в качестве «последствий разрядки» и т. д.

Для того чтобы внешняя политика США на ряде направлений перешла от реалистических деклараций к подлинно реалистической практике, по-видимому, потребуются какие-то дополнительные внешние стимулы, равно как и время.

Очевидно, что переход от политики глобального мессианизма и гегемонизма 40—50-х гг. нынешнего века к внешнеполитическим курсам, отводящим США более скромную роль на мировой арене, — не такое простое и быстрое дело, если учесть распространенность в США великодержавной психологии, силу традиций американского мессианизма, опоры на военную силу и т. д. Потребуется, по-видимому, еще немалое время, чтобы правящий класс США окончательно сформулировал новые установки и концепции своей внешней политики и стратегии на более или менее длительную перспективу на основе глубокого и всестороннего учета изменений, происшедших в расстановке социальных сил на мировой арене и американских глобальных позициях в «многополюсном», но в то же время все более взаимозависимом мире. Длительность этого процесса переориентации будет во многом зависеть от развития мировой обстановки, а также от завершения той политической борьбы в США, которая связана не с той или иной текущей политической (избирательной) кампанией, а с происходящей ныне более фундаментальной перегруппировкой сил в правящем классе и американском политическом механизме, одним из видимых результатов которой явилась отставка президента Никсона в августе 1974 г.

Но какими бы зигзагами ни характеризовался процесс дальнейшего приспособления внешней политики и военно-политической стратегии США к современной действительности, ясно одно: это есть процесс перехода к исторически более традиционным для США канонам и принципам внешнеполитического поведения, чем те, которыми определялось поведение США с конца второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, стр. 332.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.

³ В. Adams. The Law of Civilization and Decay. An Essay on History. London, 1895, p. VII.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 278.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 119.

⁶ Н. Kahn. Thinking about the Unthinkable. London, 1962, p. 11—12.

⁷ «U. S. News and World Report», June 7, 1965, p. 49.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ История военного искусства, т. I. М., 1963, стр. 24.

² Военная стратегия. М., 1968, стр. 15.

³ Справочник офицера. М., 1971, стр. 68.

⁴ Клаузевиц. О войне, т. I. М., 1936, стр. 185.

⁵ Цит. по: Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. М., 1957, стр. 440.

⁶ Там же, стр. 442.

⁷ Клаузевиц. О войне, т. I, стр. 187.

⁸ Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. The Joint Chiefs of Staff. Washington, D. C. 3 September 1974, p. 315, 212.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 79.

¹⁰ Ленинский сборник XII. М.—Л., 1930, стр. 437.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 281.

¹² Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 224.

¹³ О способах (каналах) внешнеполитического давления см.: Г. А. Трофименко. Антикоммунистическая стратегия империализма и некоторые проблемы антивоенной борьбы рабочего класса. — «Рабочий класс и антимонополистическая борьба». М., 1969, стр. 391—406.

¹⁴ Hearings before the Subcommittee on National Policy Machinery of the Committee on Government Operations, U. S. Senate, vol. 1. G. P. O., Washington, 1961, p. 768; подробно о стратегическом планировании в США на различных уровнях см.: Ю. В. Катаонов. США: военное программирование. М., 1972, стр. 54—82.

¹⁵ Научно-технический прогресс и революция в военном деле. М., 1973, стр. 273.

¹⁶ Международные отношения после второй мировой войны, т. I. М., 1962, стр. 518.

¹⁷ American Military Thought. Ed. by W. Millis (далее — AMT). Indianapolis, New York, Kansas City, 1966, p. VII, XV.

¹⁸ Цит. по: S. Morison and H. Commager. The Growth of the American Republic, vol. I. New York, 1958, p. 333.

¹⁹ The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799. Prepared under the Direction of the United States George Washington Bicentennial Commission and Published by the Authority of Congress. Ed. by J. Fitzpatrick (далее — G. Washington, Writings), G. P. O., Washington, 1931—1944, vol. 37, p. 69.

²⁰ G. Washington. Writings, vol. 30, p. 71—72.

²¹ The Federalist of the New Constitution. Papers by Alexander Hamilton, James Madison, John Jay. Together with an Appendix which contains the Articles of Confederation and the Federal Constitution. New York, 1945, p. 27—28. «Федералист» представляет собой знаменитое издание серии полемических газетных статей, написанных в 1787—1788 гг. тремя авторами — Дж. Джеем, А. Гамильтоном и Дж. Мэдисоном — и подписанных общим псевдонимом Публиус. При публикации статей в виде отдельного сборника была установлена принадлежность каждой статьи конкретному автору. «Федералист» неоднократно переиздавался в США. Автор пользовался нью-йоркским переизданием 1945 г., выпущенным «The Heritage Press». В дальнейшем это издание цитируется как The Federalist.

²² The Federalist, p. 33.

²³ AMT, p. 129.

²⁴ G. Washington. Writings, vol. 35, p. 231.

²⁵ The Federalist, p. 69—70.

²⁶ G. Washington. Writings, vol. 30, p. 501—502.

²⁷ G. Washington. Writings, vol. 31, p. 87.

²⁸ G. Washington. Writings, vol. 26, p. 374—398.

²⁹ Цит. по: O. Singletary. A History of American Military Affairs, Pt I. Washington, 1968, p. 62.

³⁰ AMT, p. 87.

³¹ The Papers of Alexander Hamilton. Ed. by H. Syrett, associate ed. — J. Cooke, vol. VII. New York & London, 1961, p. 36. Автор пользовался комплектом, имеющимся во Всесоюзной государственной библиотеке им. В. И. Ленина и насчитывающим 15 томов, изданных до 1969 г. (далее — A. Hamilton. Papers).

³² A. Hamilton. Papers, vol. VII, p. 43.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid., p. 43—44.

³⁵ Ibid., p. 44.

³⁶ Ibid., p. 45.

³⁷ Ibid., p. 52.

³⁸ A. Hamilton. Papers, vol. XV, p. 66.

³⁹ A. Hamilton. Papers, vol. XIV, p. 378.

⁴⁰ Ibid., p. 390.

⁴¹ Journals of the Continental Congress, vol. XXIV. Washington, 1904—1934, p. 394.

⁴² Об этапах работы Дж. Вашингтона, Дж. Мэдисона и А. Гамильтона над прощальным обращением хорошее представление дает вышедшее в 1935 г. в США под редакцией В. Х. Полтситса комментированное факсимильное издание черновых рукописей послания.

(Washington's Farewell Address in Facsimile, with Transliterations of all the drafts of Washington, Madison, and Hamilton together with their Correspondence and Other Supporting Documents. Ed. with a History of its Origin, Reception by the Nation, Rise of the Controversy Respecting its Authorship, and a Bibliography by V. Paltsits. New York, 1935 (далее — Washington's Address in Facsimile.)

⁴³ G. Washington. Writings, vol. 35, p. 231.

⁴⁴ Ibid., p. 234.

⁴⁵ Ibid., p. 235.

⁴⁶ Ibid., p. 235.

⁴⁷ Washington's Address in Facsimile, p. 169.

⁴⁸ Подробно о генезисе американской концепции Предна-
чтанной Судьбы («явного предначертания») см. в кн.: США: поли-
тическая мысль и история. М., 1976, стр. 53—145.

⁴⁹ J. Boyd. Number 7. Alexander Hamilton's Secret Attempt
to Control American Foreign Policy. Princeton, 1967, p. XI.

⁵⁰ H. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United Sta-
tes. New York, Washington, London, 1969, p. 79—80.

⁵¹ Ibid., p. 81.

⁵² H. Morgenthau. The Purpose of American Politics. New
York, 1960, p. 100—101.

⁵³ J. Pratt. The Ideology of American Expansion. — «Essays
in Honor of W. E. Dodd». Ed. by Avery Craven. Chicago, 1935, p. 345.

⁵⁴ A. Hamilton. Papers, vol. XV, p. 57—58.

⁵⁵ R. Tucker. The Just War. A Study in Contemporary Ame-
rican Doctrine. Baltimore, 1960, p. 90.

⁵⁶ Р. Э. Осууд. Ограниченная война. М., 1960, стр. 64.

⁵⁷ R. Tucker. Op. cit., p. 104.

⁵⁸ Ibid., p. 15—16.

⁵⁹ P. Ramsey. War and the Chirstian Conscience. Durham, 1961.

⁶⁰ G. Washington. Writings, vol. 26, p. 375.

⁶¹ Клаузевиц. О войне, т. II, стр. 28—29.

⁶² Там же, стр. 30—31.

⁶³ A. Rapoport. Strategy and Conscience. New York, Evanston
and London, 1964, p. 183.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ A. Rapoport. The Big Two. Soviet-American Perceptions
of Foreign Policy. New York, 1971, p. 38—39.

⁶⁶ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 37, стр. 56.

⁶⁷ The Works of John Adams, Second President of the United
States with a Life of the Author, Notes and Illustrations by His Grand-
son Ch. F. Adams, vol. IV. Boston, 1851, p. 40.

⁶⁸ Меморандум Джефферсона полностью приведен в прило-
жении № 1 к книге Джулиана Бойда (J. Boyd. Number 7, p. 89—91)
и в дальнейшем цитируется по этому приложению.

⁶⁹ J. Boyd. Number 7, p. 89.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid., p. 91.

⁷³ The Federalist, p. 66.

⁷⁴ «Washington's Address in Facsimile», p. 155.

⁷⁵ A. Hamilton. Papers, vol. VII, p. 47.

⁷⁶ G. Washington. Writings, vol. 35, p. 237.

⁷⁷ Цит. по: The Mind of Alexander Hamilton. Arranged and with Introduction by S. Padover. New York, 1958, p. 415—416.

⁷⁸ Цит. по: Th. Bailey. A Diplomatic History of the American People. New York, 1940, p. 118.

⁷⁹ Джефферсон в письме к Дюпону де Немуру от 31 декабря 1815 г. — «The Writings of Thomas Jefferson». Ed. by A. Lipscomb and A. Bergh. Washington, 1904—1905, vol. XIV, p. 371.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Т. Пейн. Избранные сочинения. М., 1959, стр. 51—52.

² G. Washington. Writings, vol. 35, p. 314.

³ АМТ, p. 74—75.

⁴ Ibid., p. 119.

⁵ Maj.-Gen. H. Arnold and Col. I. Eaker. Winged Warfare, New York — London, 1941, p. 153.

⁶ АМТ, p. 123.

⁷ Ibid., p. 103.

⁸ Ч. Дж. Хитч. Руководство обороной. Основы принятия решений. М., 1968, стр. 48.

⁹ АМТ, p. 83.

¹⁰ Цит. по: «The Works of John Adams», vol. IV, p. 201.

¹¹ АМТ, p. 75—76.

¹² The Federalist, p. 269—270.

¹³ G. Washington. Writings, vol. 14, p. 478.

¹⁴ A. Dulles. The Craft of Intelligence. London, 1963, p. 35.

¹⁵ Ibid., p. 36.

¹⁶ Цит. по: J. Boyd. Number 7, p. 118—119.

¹⁷ The Federalist, p. 19.

¹⁸ Ch. Sawyer. Firearms in American History. Boston, 1910, p. 86.

¹⁹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Том первый. М., 1937, стр. 210—211.

²⁰ G. Washington. Writings, vol. 35, p. 315.

²¹ Энгельбрехт и Ханиген. Торговцы смертью. Международная военная промышленность. М., 1935, стр. 51—52.

²² АМТ, p. 104.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibidem.

²⁵ A. Hamilton. Papers, vol. VII, p. 52.

²⁶ Ibid., p. 50.

²⁷ Цит. по: F. Donovan. Mr. Monroe's Message. New York, 1963, p. 73.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 319—320.

²⁹ G. Washington. Writings, vol. 3, p. 386—387.

³⁰ G. Washington. Writings, vol. 7, p. 223—224.

³¹ A. Hamilton. Papers, vol. VII, p. 51.

³² Цит. по: J. Boyd. Number 7, p. 34.

³³ АМТ, p. 110.

³⁴ Ibid., p. 120.

³⁵ Ibid., p. 139.

³⁶ Цит. по: T. Greer. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. Michigan, 1958, p. 181.

- ³⁷ A. Mahan. The Interest of America in Sea Power. Present and Future. Boston, 1897, p. 31.
- ³⁸ W. Millis. Arms and Men. A Study in American Military History, p. 162—163.
- ³⁹ А. Мэхэн. Влияние морской силы на историю (1660—1783). М.—Л., 1941, стр. 110.
- ⁴⁰ G. Washington. Writings, vol. 8, p. 299.
- ⁴¹ Ibid., vol. 14, p. 201.
- ⁴² В. Франклин. Избранные произведения. М., 1956, стр. 570.
- ⁴³ G. Washington. Writings, vol. 1, p. 330.
- ⁴⁴ G. Washington. Writings, vol. 30, p. 385.
- ⁴⁵ G. W. Pratt. Expansionists of 1812. New York, 1925, p. 106—107, 111—112, 115—116.
- ⁴⁶ Th. A. Bailey. A Diplomatic History of the American People, p. 540—541.
- ⁴⁷ A. T. Mahan. The Interest of America in Sea Power, p. 31—32.
- ⁴⁸ A. T. Mahan. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London, 1900, p. 167.
- ⁴⁹ Н. И. Конрад. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М., 1950. — Цит. по: «Древнекитайская философия», т. I. М., 1972, стр. 205.
- ⁵⁰ См. Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. М., 1957.
- ⁵¹ Т. Пейн. Избранные сочинения, стр. 74—75.
- ⁵² B. H. Liddel Hart. Sherman. The Genius of Civil War. London and Southampton, 1930.
- ⁵³ A. Hamilton. Papers, vol. VII, p. 51.
- ⁵⁴ The Federalist, p. 19.
- ⁵⁵ Ibid., p. 66.
- ⁵⁶ G. Washington. Writings, vol. 30, p. 492.
- ⁵⁷ The Federalist, p. 69—70.
- ⁵⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1895, Pt. I. Washington, 1896, p. 558 (далее — FRUS).
- ⁵⁹ Th. A. Bailey. Op. cit., p. 490.
- ⁶⁰ F. J. Turner. The Frontier in American History. New York, 1920, p. 4.
- ⁶¹ Ibid., p. 9.
- ⁶² Ibid., p. 271.
- ⁶³ Ibid., p. 13.
- ⁶⁴ Ibid., p. 37.
- ⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 354.
- ⁶⁶ «Congressional Record», 58th Congress, 3d session, p. 19.
- ⁶⁷ Тексты нот Хэя см.: 1-й ноты — «Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and other Powers». Compiled by W. Malloy, vol. I. Washington, 1910, p. 246—247; 2-й — Ibid., p. 260; 3-й — FRUS, 1900. Washington, 1902, p. 299.
- ⁶⁸ T. Dennett. The Open Door Policy as Intervention. — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», vol. 168, July 1933, p. 78.
- ⁶⁹ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», vol. XII, N 2, September 1898, p. 14 (186).

⁷⁰ А. Керенский The Kerensky Memoirs. Russia and History Turning Point. London, 1966, p. 504.

⁷¹ Г. Н. Цветков. Шестнадцать лет непризнания. Политика США в отношении Советского государства в 1917—1933 гг. Киев, 1971, стр. 192.

⁷² Цит. по: Н. Н. Яковлев. Франклин Рузвельт — человек и политик, стр. 398.

⁷³ АМТ, p. 18—19.

⁷⁴ Цит. по: В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли, т. II. Революция романтизма в Америке (1800—1860). М., 1962, стр. 161.

⁷⁵ R. Leckie. The Wars of America. New York, Evanston and London, 1968, p. 10.

⁷⁶ Ibid., p. 535.

⁷⁷ G. Washington. Writings, vol. 12, p. 99, 101.

⁷⁸ Ibid., vol. 31, p. 243.

⁷⁹ Цит. по: Т. Лейн. Избранные сочинения, стр. 106.

⁸⁰ Там же, стр. 107—108.

⁸¹ Там же, стр. 108.

⁸² АМТ, p. 86—87.

⁸³ A. B. Hart. National Ideals Historically Traced, 1607—1907. — «The American Nation: A History», vol. 26. New York — London, 1907, p. 319.

⁸⁴ Цит. по: G. F. Kennan. Realities of American Foreign Policy. London, 1954, p. 59.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. — «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 14—15.

² B. Russell. History of Western Philosophy. London, 1962, p. 782.

³ Цит. по: В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, стр. 165. Подробнее об использовании Вашингтоном атомной бомбы и эффекта атомных бомбардировок японских городов для политико-психологического нажима на СССР см.: Г. Алпровиц. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом. М., 1968.

⁴ D. Calleo and B. Rowland. America and the World Political Economy. Atlantic Dreams and National Realities. Bloomington and London, 1973, p. 46—47.

⁵ A. Dorpalen. The World of General Haushofer. Geopolitics in Action. With an Introduction by Colonel Herman Beukema, USA. Port Washington (New York), 1942, p. XVIII—XIX.

⁶ A. Mahan. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London, 1900, p. 23.

⁷ Ibid., p. 26.

⁸ Ibid., p. 65.

⁹ Sir H. Mackinder. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History, Being Papers read to the Royal

Geographical Society on 31 January 1887 and 25 January 1904. Reprinted with an Introduction by E. Gilbert. London, 1951.

¹⁰ Ibid., p. 40—43; *H. Adams*. The Education of Henry Adams. An Autobiography. Boston, 1918 [Reprinted New York 1946], vol. II, p. 210—213.

¹¹ Цит. по: «Foundations of National Power», ed. with Introductions and Other Original Text by Harold and Margaret Sprout. Princeton (New Jersey), 1945, p. 85. Подробнее о взглядах Маккин-дера см.: *А. Каренин*. Философия политического насилия. Критика некоторых антикоммунистических концепций в области внешней политики США. М., 1971, стр. 137—141.

¹² *N. Spykman*. The Geography of the Peace. New York, 1944, p. 14—15.

¹³ Ibid., p. 43.

¹⁴ *N. Spykman*. America's Strategy in World Politics. New York, 1942, p. 13.

¹⁵ *Д. Дуэ*. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М., 1936, стр. 272.

¹⁶ Там же, стр. 63—64.

¹⁷ Там же, стр. 182.

¹⁸ Там же, стр. 72.

¹⁹ Там же, стр. 295, 303.

²⁰ *М. Тейлор*. Ненадежная стратегия. М., 1961, стр. 42.

²¹ *N. Spykman*. The Geography of the Peace, p. 16—17.

²² *G. Renner*. Peace by Map. — «Colliers», vol. 113, 1944, p. 44—47.

²³ *S. Johnes*. Global Strategic Views. — «The Geographical Review», vol. 45, N 4, October 1955, p. 492—508.

²⁴ *A. de Seversky*. Air Power: Key to Survival, p. 307, 309.

²⁵ *J. Slessor*. Strategy for the West. New York, 1954, p. 34.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ *J. P. Nichols*. Dollar Strength as a Liability in United States Diplomacy. — «Proceedings of the American Philosophical Society», III (February 17, 1967), p. 47.

² X (*G. Kennan*). The Sources of Soviet Conduct. — «Foreign Affairs», July 1947. Цит. по: *G. F. Kennan*. American Diplomacy 1900—1950. London, 1952, p. 124 (Указанная статья Кеннана, которая при ее первой публикации была подписана псевдонимом «X», полностью приведена в этой книге.)

³ «Memoirs by Harry S. Truman. Volume 2. Years of Trial and Hope. 1946—1952». A Signet Book edition. New York, 1956, p. 131.

⁴ *G. F. Kennan*. Realities of American Foreign Policy, p. 88.

⁵ *G. F. Kennan*. Memoirs 1950—1963. Boston, Toronto, 1972, p. 108.

⁶ *M. D. Shulman*. Relations with the Soviet Union. — «Agenda for the Nation», p. 376—377.

⁷ FRUS, 1946, vol. I. General. United Nations. Washington, G. P. O., 1972, p. 1166.

⁸ *H. York*. Race to Oblivion. A Participant's View of the Arms Race. New York, 1971, p. 230.

⁹ Указанный документ цитировался по: FRUS, 1946, vol. I, p. 1160—1165.

¹⁰ Ibid., p. 739.

¹¹ FRUS, 1946, vol. I, p. 742—743.

¹² См., в частности, *М. И. Рубинштейн*. Провал авантюристической атомной дипломатии американских империалистов. М., 1950; *В. А. Тарасенко*. Атомная проблема во внешней политике США (1945—1949 гг.). Киев, 1958; *А. И. Игнатов*. Атомная проблема и политика США. М., 1960; *О. В. Богданов*. Всеобщее и полное разоружение (Международно-правовые вопросы). М., 1964; *В. М. Хайцман*. СССР и проблема разоружения. 1945—1959. История международных переговоров. М., 1970.

¹³ FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945, vol. II. Washington, 1960, p. 1155—1157.

¹⁴ FRUS, 1946, vol. I, p. 1103.

¹⁵ Ibid., p. 1018.

¹⁶ Ibid., p. 1104.

¹⁷ Ibid., p. 747.

¹⁸ Ibid., p. 1162—1163.

¹⁹ Цит. по: *A. P. de Seversky*. Air Power: Key to Survival. New York, 1950, p. 332.

²⁰ *H. Kissinger*. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, 1957, p. 372, 373—374.

ГЛАВА ПЯТАЯ

¹ Gen. *C. Spaatz*. Strategic Air Power. Fulilment of a Concept. — «Foreign Affairs», April 1946, p. 385—396.

² *H. H. Arnold*. Gen. of the Air Force. Global Mission. New York, 1949, p. 586—587.

³ FRUS, 1946, vol. I, p. 864.

⁴ *G. F. Kennan*. Memoirs 1925—1950. London, 1968, Annex D, p. 563.

⁵ FRUS, 1946, vol. I, p. 1171.

⁶ *A. P. de Seversky*. Victory through Air Power. New York, 1942, p. 6.

⁷ *A. P. de Seversky*. Air Power: Key to Survival, p. 222.

⁸ Ibid., p. 223.

⁹ «The Department of State Bulletin», January 25, 1954, p. 107.

¹⁰ Ibid., p. 108.

¹¹ Подробнее см.: *S. Brown*. The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson, p. 72—73.

¹² «Foreign Affairs», April 1954, p. 360.

¹³ *A. P. de Seversky*. Air Power: Key to Survival, p. XIX.

¹⁴ *D. D. Eisenhower*. The White House Years. Mandate for Change, 1953—1956. London, 1963, p. 181.

¹⁵ *R. Strausz-Hupé* and *S. T. Possony*. Air Power and National Security. — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science» (далее — «The Annals»), vol. 299, May 1955, p. 70.

¹⁶ Ibid., p. 49.

¹⁷ «Aviation Week and Space Technology», February 17, 1975, p. 40.

- ¹⁸ «U. S. News and World Report», June 13, 1952, p. 99.
- ¹⁹ J. F. Dulles. A Policy of Boldness. — «Life», May 19, 1952, p. 146—160.
- ²⁰ «The Annals», May 1955, p. 25, 27.
- ²¹ R. Drummond and G. Coblenz. Duel at the Brink. John Foster Dulles' Command of American Power. London, 1961, p. 158.
- ²² H. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy, p. 12.
- ²³ A. Horelick and M. Rush. Strategic Power and Soviet Foreign Policy. Chicago and London, 1966, p. 28.
- ²⁴ Lt. — Gen. E. L. M. Burns. Megamurder. London — Toronto — Wellington — Sidney, 1966, p. 110—111.
- ²⁵ «Правда», 25 апреля 1953 г.
- ²⁶ President John F. Kennedy. The Strategy of Peace. London, 1960, p. 39.
- ²⁷ D. D. Eisenhower. The White House Years. Waging Peace. 1956—1961. New York, 1965, p. 226.
- ²⁸ «Hearing before the Committee on Foreign Relations United States Senate, 85th Congress, 2nd session on Foreign Policy», Pt I, G. P. O. Washington, 1958, p. 83.
- ²⁹ P. Y. Hammond. The Cold War Years. American Foreign Policy since 1945. New York — Chicago — S. Francisco — Atlanta, 1969, p. 83.
- ³⁰ M. Taylor. Swords and Plowshares. New York, 1972, p. 169.
- ³¹ G. Ball. The Discipline of Power. Boston — Toronto, 1968, p. 301.
- ³² D. D. Eisenhower. Mandate for Change, p. 446—447.
- ³³ Ibid., p. 446.
- ³⁴ «Statistical Abstract of the United States», 1962, p. 248, 255.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- ¹ М. Тейлор. Ненадежная стратегия, стр. 55.
- ² А. А. Гречко. Вооруженные силы Советского государства. М., 1975, стр. 99.
- ³ H. A. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy, p. 12.
- ⁴ Survival and Freedom. A Mike Wallace interview with Henri Kissinger. Produced by the American Broadcasting Company in Association with the Fund for the Republic, 1958, p. 7.
- ⁵ H. A. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy, p. 4.
- ⁶ Ibid., p. 18.
- ⁷ Ibid., p. 49.
- ⁸ М. Тейлор. Ненадежная стратегия, стр. 85, 87.
- ⁹ H. Kahn. On Thermonuclear War, 2nd ed. Princeton (New Jersey), 1961, p. 15.
- ¹⁰ Ibid., p. 16.
- ¹¹ T. F. Walkowicz. Strategic Concepts for the Nuclear Age. — The Annals. . . , p. 118—127.
- ¹² Ibid., p. 122, 124.
- ¹³ R. S. Leghorn. No Need to Bomb Cities to Win the War. — «U. S. News and World Report», January 28, 1955, p. 40—44.
- ¹⁴ H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 126—127.
- ¹⁵ Ibid., p. 137.

¹⁶ Ibid., p. 141.

¹⁷ См. Б. Броди. Стратегия в век ракетного оружия. М., 1961.

¹⁸ Доктрина авиационного (ракетно-ядерного) монизма хорошо прослеживается в писаниях ее адвокатов и теоретиков, опубликованных в 1960-е гг. См., например, Gen. Th. S. Power, USAF (Ret.) with A. A. Arnhym. *Design for Survival*. New York, 1965; Gen. C. E. LeMay with Mackinlay Kantar. *Mission with LeMay*. My Story. New York, 1965; Gen. C. E. LeMay with Maj — Gen. D. O. Smith. *America is in Danger*. New York, 1968; Gen. N. F. Twining. *Neither Liberty. Nor Safety. A Hard Look at U. S. Military Policy and Strategy*. New York — Chicago — San Francisco, 1966. Все, как один, указанные авиационные генералы отстаивали необходимость безусловного, абсолютного «контрсилowego» превосходства Соединенных Штатов в стратегических ракетно-ядерных и авиационных силах.

¹⁹ См. по этому поводу главы, написанные А. Г. Елецким, А. А. Карениным, А. А. Мурадяном, Г. А. Трофименко в кн.: «Американская историография внешней политики США. 1945—1970». М., 1972, стр. 11—133, а также написанную В. Ф. Петровским главу XI в кн.: «США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление». М., 1972, стр. 298—326.

²⁰ A. Wohlstetter. *The Delicate Balance of Terror*. — «Foreign Affairs», January 1959, p. 211—234. Эта статья Уолстеттера включена в качестве 18-й главы в кн.: Ч. Хитч и Р. Маккин. *Военная экономика в ядерный век*. М., 1964, стр. 519—560.

²¹ G. H. Snyder. *Deterrence and Defense: Toward A Theory of National Security*. Princeton, 1961.

²² H. Kahn. *On Escalation. Metaphors and Scenarios*. New York, 1965.

²³ G. F. Kennan. *Realities of American Foreign Policy*, p. 100.

²⁴ G. H. Snyder. *Op. cit.*, p. 12—30.

²⁵ President John F. Kennedy. *The Strategy of Peace*. London, 1960, p. 12.

²⁶ Ibid., p. 5.

²⁷ «Foreign Affairs», October 1957, p. 49.

²⁸ President John F. Kennedy. *The Strategy of Peace*, p. 43.

²⁹ Ibid. (эта речь предваряет лондонское издание книги — страницы не нумерованы).

³⁰ Цит. по: R. Fryklund. *100 Million Lives. Maximum Survival in a Nuclear War*. New York, London, 1962, p. 170.

³¹ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara. Submitted to the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations for the Fiscal Years 1969—1973 Defense Program and 1969 Defense Budget. — «Department of Defense Appropriations for Fiscal Year 1969. Hearings... on H. R. 18707». Pt. 5. G. P. O. Washington, 1968, p. 2723—2724.

³² R. Fryklund. *Op. cit.*, p. 16.

³³ «The New York Times», 17.VI.1962.

³⁴ Цит. по: W. W. Kaufmann. *The McNamara Strategy*. New York, Evanston and London, 1964, p. 92.

³⁵ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the House Armed Services Committee on the Fiscal Years 1965—1969 Defense Program and 1965 Defense Budget, January 27, 1964. G. P. O. Washington, 1964, p. 29.

³⁶ R. S. McNamara. The Essence of Security. Reflections in Office. New York, Evanston and London, 1968, p. 55—56.

³⁷ Report of the Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1975 Defense Budget and FY 1975—1979 Defense Program, March 4, 1974, p. 34—35.

³⁸ U.S. — U.S.S.R. Strategic Policies. Hearings before the Subcommittee on Arms Control, International Law and Organization of the Committee on Foreign Relations United States Senate 93d Congress, 2nd Session... March 4, 1974. G. P. O. Washington, 1974, p. 8.

³⁹ Department of Defense Appropriations for Fiscal Year 1969. Hearings... on H. R. 18707. Pt. 5, p. 2720.

^{39a} A. C. Enthoven and K. W. Smith. How Much Is Enough? Shaping the Defense Program, 1961—1969. New York, Evanston, S. Francisco, London, 1972, p. 199, 207—208.

⁴⁰ Подробнее см.: Б. Т. Суриков. Ракетные средства борьбы с низколетящими целями. М., 1973, стр. 8—12.

^{40a} Подробнее см.: Н. И. Морозов. Баллистические ракеты стратегического назначения. М., 1974, стр. 171—176.

⁴¹ «The Defense Monitor», June 30, 1972, p. 1.

⁴² F. Bellinger. Problems of Civil Defense. — «*Ordnance*», March — April 1967, p. 509—510.

⁴³ «U. S. News and World Report», October 2, 1967, p. 106—111.

⁴⁴ «U. S. News and World Report», February 24, 1969, p. 30.

⁴⁵ «International Herald Tribune», 30.IV.1968.

⁴⁶ Détente. Hearings before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives 93d Congress, 2nd Session. G. P. O. Washington, 1974, p. 584.

⁴⁷ «Business Week», June 3, 1972, p. 18.

⁴⁸ «U. S. News and World Report», September 16, 1974, p. 33.

⁴⁹ G. W. Rathjens. The Future of the Strategic Arms Race. Options for the 1970's. New York, 1969, p. 19—20.

⁵⁰ A. Wohlstetter. Rivals, but no «race». — «*Foreign Policy*», 16, 1974, p. 56.

⁵¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, стр. 288.

⁵² President John F. Kennedy. To Turn the Tide, p. 7.

⁵³ Ibid., p. 6.

⁵⁴ «The New York Times Magazine», September 14, 1969, p. 135.

⁵⁵ P. Kecskemeti. Insurgency as a Strategic Problem. — «*American Defense Policy*». Ed. by M. E. Smith III, C. J. Johns, Jr. Baltimore, 1968, p. 280.

⁵⁶ Ch. W. Yost. World Order and American Responsibility. — «*Foreign Affairs*», October 1968, p. 1, 9—10.

⁵⁷ Psychological Aspects of Foreign Policy. Hearings before the Committee on Foreign Relations U. S. Senate 91st Congress, 1st Session. G. P. O. Washington, 1969, p. 29—30.

⁵⁸ J. S. Milstein. Dynamics of the Vietnam War. A Quantative Analysis and Predictive Computer Simulation. Columbus (Ohio), 1974, p. 168.

- ⁵⁹ The Pentagon Papers. The Secret History of the Vietnam War. The Complete and Unabridged Series as Published by «The New York Times». New York, 1971, p. 79.
- ⁶⁰ «U. S. News and World Report», May 30, 1966, p. 92—93.
- ⁶¹ The Pentagon Papers, p. 577.
- ⁶² Ibid., p. 583.
- ⁶³ «Правда», 26 января 1973 г.
- ⁶⁴ «The Department of State Bulletin», December 15, 1975, p. 842.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

- ¹ The Military Budget and National Economic Priorities. Hearing before the Subcommittee on Economy in Government of the Joint Economic Committee Congress of the United States, 91st Congress 1st session, Part I. G. P. O. Washington, 1969, p. 150.
- ² «Congressional Records», March 13, 1970, p. S3676.
- ³ «The New York Times», 19.VI.1969.
- ⁴ Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now. Report of the Republican Coordinating Committee 1965—1968. Washington, July 1968, p. 433—434, 435.
- ⁵ H. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States, p. 10.
- ⁶ Дж. У. Фулбрайт. Самонадеянность силы. М., 1967, стр. 30.
- ⁷ H. Kissinger. Central Issues of American Foreign Policy. — «Agenda for the Nation», p. 589, 588.
- ⁸ United States Foreign Policy for 1970's. A New Strategy for Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress. February 18, 1970. — «The New York Times», 19.II.1970.
- ⁹ «The New York Times», 19.II.1970.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. February 25, 1971. — «Weekly Compilation of Presidential Documents», March 1, 1971, p. 310.
- ¹³ «Times». January 3, 1972, p. 11.
- ¹⁴ «United States Foreign Policy for the 1970's Shaping a Durable Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress. May 3, 1973». G. P. O. Washington, 1973, p. 230.
- ¹⁵ R. E. Osgood, R. W. Tucker and others. Retreat from Empire? The First Nixon Administration. Baltimore and London, 1973, p. 4—5.
- ¹⁶ «Times», February 7, 1972, p. 19.
- ¹⁷ «The Department of State Bulletin», February 23, 1976, p. 202.
- ¹⁸ Ibid., p. 212.
- ¹⁹ «International Herald Tribune», 14.X.1974.
- ²⁰ «The New York Times», 13.X.1971.
- ²¹ «Правда», 23 мая 1972 г.
- ²² Там же.
- ²³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 16.

- ²⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, стр. 315.
- ²⁵ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 20.
- ²⁶ The Quest for Detente. A Statement by the Foreign Policy Task Force of the Coalition for a Democratic Majority. July 31, 1974. Washington, 1974, p. 15.
- ²⁷ National Security Policy and the Changing World Power Alignment. Hearing-Symposium before the Subcommittee on National Security Policy and Scientific Developments of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 92 Congress 2nd session». G. P. O. Washington, 1972, p. 66—67.
- ²⁸ M. D. Taylor. The Exposed Flank of National Strategy. — «Orbis», Winter 1975, p. 1011.
- ²⁹ См. Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки. Советская Программа мира в действии. М., 1972, стр. 16.
- ³⁰ Цит. по: «Congressional Record», June 4, 1975, p. S9569.
- ³¹ «Weekly Compilation of Presidential Documents», January 12, 1976, p. 22.
- ³² «Time», January 26, 1976, p. 28.
- ³³ Détente. Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate 93d Congress 2nd session on United States relations with communist countries. G. P. O. Washington, 1975, p. 246.
- ³⁴ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 20.
- ³⁵ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. — «Weekly Compilation of Presidential Documents», March 1, 1971, p. 356.
- ³⁶ Пресс-конференция Г. Киссинджера 23 декабря 1975 г. «Department of State Bulletin», January 19, 1976, p. 76.
- ³⁷ «Congressional Record», December 12, 1974, p. S21267. «Красная звезда», 29 марта 1975 г.
- ³⁸ Подсчитано по: «Military Balance», 1973—1974 (IISS Publication. London, 1973); «За рубежом», № 21, 1976, стр. 8.
- ³⁹ См. А. Ефремов. Североатлантический блок и международные отношения в Европе. — «Проблемы современной Европы». М., 1974, стр. 226.
- ⁴⁰ Statement of Secretary of Defense M. R. Laird on the Fiscal Year 1972—1976 Defense Program. . . , p. 34.
- ⁴¹ См., например, Brigadier General E. B. Atkeson, USA. International Crises and the Evolution of Strategy and Forces. — «Military Review», October 1975, p. 93.
- ⁴² «The Defense Monitor», September 1974; Proposed Expansion of U. S. Military Facilities in the Indian Ocean. Hearings before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives 93d Congress 2nd session. G. P. O. Washington, 1974, p. 97.
- ⁴³ Пресс-конференция Г. Киссинджера 23 декабря 1975 г. «Department of State Bulletin», January 19, 1976, p. 71.
- ⁴⁴ Report of the Secretary of Defense J. R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets. . . , p. V—2.
- ⁴⁵ «International Herald Tribune», 4.XII.1974.
- ⁴⁶ Report of Secretary of Defense J. R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets. . . , p. I—26.
- ⁴⁷ «The New York Times», 14.III.1972.

⁴⁸ Statement by Admiral Thomas H. Moorer USN, Chairman, Joint Chiefs of Staff before the Senate Armed Services Committee on 15 February 1972, p. 22.

⁴⁹ L. Martin. Changes in American Strategic Doctrine — An Initial Interpretation. — «Survival», July/August, 1974, p. 162.

⁵⁰ Report of Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld to the Congress on the FY 1977 Budget and Its Implications for the FY 1978 Authorization Request and the FY 1977—1981 Defense Programs. January 27, 1976. G. P. O. Washington, 1976, p. 17—18.

⁵¹ Analyses of effects of Limited Nuclear Warfare. Prepared for Subcommittee on Arms Control, International Organizations and Security Agreements of the Committee on Foreign Relations United States Senate. September 1975. G. P. O. Washington, 1975, p. 18.

⁵² А. А. Гречко. Вооруженные силы Советского государства, стр. 344—345.

⁵³ G. F. Kennan. Disengagement Revisited. — «Foreign Affairs», January 1959, p. 199.

⁵⁴ Statement of Secretary of Defense M. R. Laird on the Fiscal Year 1972—1976 Defense Program. . . , p. 1.

⁵⁵ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. М., 1976, стр. 25.

⁵⁶ Legislation on Foreign Relations. Committee on Foreign Relations, U. S. Senate. G. P. O. Washington, 1974, p. 1113—1117.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агинальдо Эмилио 86
 Адамс Брукс 6, 104, 123, 128, 329
 Адамс Генри 104, 123, 128, 133, 329
 Адамс Джон 18, 48, 63, 67
 Адамс Джон Квинси 18
 Аптон Эмори 19
 Арсатов Г. А. 73
 Арнольд Генри 60, 182, 189
 Арон Раймон 11, 110, 199
 Ачесон Дин 157, 158, 171, 186, 203
 Барух Бернард 171, 186
 Бачер Роберт 179
 Бемис Сэмюэл Флэг 110
 Бентон Уильям 211
 Бирнс Джеймс 125, 157, 171
 Бисмарк Отто 32, 33
 Блэхман Барри 251
 Бойд Джулиан 39
 Болдуин Хэнсон 110, 227, 315
 Болен Чарльз 170
 Болховитинов Н. Н. 49
 Борн Макс 224
 Браун Гарольд 255
 Браун Сейом 192
 Брежнев Л. И. 5, 288, 289, 297, 300, 325
 Броди Бернард 221, 226, 240
 Будино Элиас 66
 Буллит Уильям 110
 Бурламаки Жан-Жак 41—42
 Бьюкима Герман 128
 Бэйли Томас 34, 99
 Бэрд Роберт 332
 Бэрд Роберт Монтгомери 101
 Бэрнс Ииудсон Луис 208

Вандаль Альберт 101
 Ваттель Эмер де 33
 Вашингтон Джордж 18, 21, 22, 25, 27, 29, 31, 33—35, 37, 38, 44, 48, 50, 52—55, 58, 59, 62, 66, 69, 72, 74, 82—84, 88, 89, 91, 93, 107, 114, 116, 125, 173, 279, 281, 335, 337
 Ведемейер Альберт 198
 Вигли Рассел 69
 Вигнер Юджин 252
 Визнер Джером 255
 Вильсон Вудро 105, 106
 Вильсон Чарльз 200, 214
 Вильямс Вильям 38
 Волковиц Т. Ф. 224, 225, 240
 Волферз Арнольд 140
 Вотье П. 142
 Галлек Генри 19, 22, 23
 Гальперин Мортон 227
 Гамильтон Александр 18—22, 24, 25, 27—33, 37, 41, 50, 52—55, 67, 72, 75, 91, 92, 96, 125, 337
 Гаррисон Вильям 97
 Гарриман Аверелл 157
 Гассенди Пьер 8
 Генри Патрик 63
 Георг III 40
 Геринг Герман 189
 Гинденбург Пауль фон 149
 Гитлер Адольф 135, 144, 149, 189
 Голль Шарль де 199
 Голдуотер Барри 227
 Горовиц Ирвинг Луис 232
 Гречко А. А. 216

Грин Натаниэль 89
 Гровс Лесли 176
 Гроций Гуго 8, 33
 Гувер Герберт 202, 203
 Гэвин Джеймс 227, 294
 Гэлбрейт Джон Кеннет 145
 Даллес Ален 67, 207
 Даллес Джон Фостер 95, 110,
 111, 186, 192, 195, 196, 197,
 200, 204, 205, 211, 213
 Деннет Тайлер 104
 Демокрит 8
 Джей Джон 18, 92
 Джемс Уильям 123
 Джексон Эндрю 18, 19, 59, 78,
 119
 Джефферсон Томас 18, 20, 21,
 33, 50—52, 54, 55, 67, 69,
 119, 120, 125, 173, 337
 Джонс Стефен 148
 Джонсон Линдон 83, 231, 267,
 269, 270, 274, 276, 328
 Джонсон Лунс 177
 Джонсон Эндрю 119
 Дин Сайлас 64
 Дисней Уолт 187
 Динвидди Роберт 83
 Доббин Джеймс 78
 Донован Фрэнк 37
 Дорчестер, лорд 27
 Доти Поль 255
 Драммонд Роско 206
 Дринан Роберт 43
 Дуэ Джулио 141, 142—146, 152,
 182, 185, 187
 Дьюи Джон 123, 124
 Жомини Анри 9, 32
 Жуков Г. К. 167
 Зумболт Элмо 315
 Иден Вильям 116
 Икер Айра 60, 182
 Иноземцев Н. Н. 108
 Йорк Герберт 163, 255
 Пост Чарльз 262
 Каменев С. С. 142
 Кан Герман 11, 12, 50, 221,
 222—224, 226, 228, 240, 252
 Каплан Мортон 227
 Карлейль Эрл 116
 Картер Барри 326

Кармайл Уильям 119
 Катлер Роберт 192
 Кауфман Уильям 227
 Квестер Джордж 178
 Кейзен Карл 227
 Кеннеди Джон 86, 210, 213, 229,
 230—234, 252, 253, 257, 258,
 261, 267, 274, 276, 285, 292,
 337
 Кеннан Джордж 154, 157, 158,
 227—229, 324
 Керенский А. Ф. 106
 Кешкемети Поль 227, 228, 261
 Кинг Эрнест Джозеф 171, 227
 Киплинг Редьярд 100, 101
 Киссинджер Генри 32, 33, 154,
 167, 180, 206, 218, 219, 220,
 226, 243, 260, 270, 276, 277,
 278, 281, 284, 285, 291, 299,
 305, 309
 Китченер, лорд 101
 Кистьяковский Джордж 255
 Клаузевиц Карл фон 9—11, 13—
 15, 19, 22, 32, 46, 93, 335
 Кливленд Гровер 98
 Клингберг Фрэнк 36
 Клинтон Генри 116
 Клиффорд Кларк 247
 Кобленц Гастон 206
 Коллио Дэвид 128
 Коломб Филипп Хоувард 81
 Коммаджер Генри Стил 34, 97
 Корнуоллис Чарльз, лорд 89
 Крейг Гордон 140
 Кресси Дж. Б. 148
 Крокетт Дэви 101
 Купер Фенимор 101
 Курчатов И. В. 167
 Кэлхаун Джон 18, 26, 61—63,
 70, 118
 Кэрк Грейсон 140
 Латтимор Оуэн 140, 141
 Лафайетт, маркиз 21
 Левин Айзек 141
 Леги Уильям 171
 Легхорн Ричард 225
 Лейтенберг Мильтон 254
 Леки Роберт 114, 115
 Ленин В. И. 6, 9, 10, 15, 48, 74,
 101, 127
 Ливингстон Роберт 119
 Лиддел Гарт Бэзил 14, 88, 89
 Либиенталь Дэвид 178, 179

Лимэй Кэртис 227
 Линкольн Абрахам 73
 Линнарц 189
 Липпман Уолтер 140, 227, 261
 Лодж Генри Кэбот, мл. 128
 Лука 23
 Людовик XVI 37
 Лэйрд Мэлвин 305
 Макартур Дуглас 171
 Маккиндер Хэлфорд 105, 128,
 137, 138, 149
 Маккюэн Джон 258
 Макмиллан Гарольд 199
 Макнамара Роберт 222, 229,
 231, 234, 235, 237, 239—245,
 247, 248, 250, 253, 263, 267—
 269, 318, 328
 Макнарни Джозеф 171
 Мао Цзэ-дун 305
 Маркс Карл 5, 7, 127
 Мартин Лоуренс 318
 Маршалл Джордж 110, 157, 158
 Меркатор Герард 136, 139, 149
 Миллер Уолтер 86
 Миллис Уолтер 19, 80
 Мильстейн Джефри 266
 Митчел Уильям 19, 141, 182, 187
 Мольтке Гельмут Карл Бернад
 фон 14
 Монро Джеймс 18, 97
 Моргентау Ганс 40, 41, 110, 123,
 227, 275
 Моргенштерн Оскар 209
 Морисон Самуэль Элиот 34
 Моррис Гувернёр 75
 Мурер Томас 316
 Мэдисон Джеймс 18, 33, 66, 85
 Мэттьюз 186
 Мэтьюз Джордж 85
 Мэхэн Альфред Тайер 19, 69,
 79—81, 87, 104, 105, 127, 128,
 130, 131, 134, 135, 329
 Наполеон Бонапарт 9, 11, 47,
 77, 88, 101, 149
 Наполеон Луи 119
 Нейман Джон фон 209
 Нельсон Горацио 77, 80
 Никсон Ричард 73, 83, 206, 261,
 270, 281, 285, 292, 301, 305,
 306
 Нимиц Честер 171
 Николс Жаннет 153
 Нитце Поль 227

Нокс Генри 18, 19, 31
 Норр Клаус 227
 Ноулэнд Уильям 203
 Ньюхаус Джон 253
 Олни Ричард 98, 99
 Оппенгеймер Роберт 179
 Огуд Роберт 42, 179, 227, 283
 Паккард Дейвид 315
 Панофски Вольфганг 255
 Пауэрс Гарри 104, 329
 Пейн Томас 58, 65, 89, 116, 117,
 118
 Пейс Фрэнк 177
 Перикл 22
 Перкинс Декстер 110
 Петр I 46
 Пинкни Чарльз 24
 Питт Уильям 75
 Плиний Младший 8
 Полдинг Джеймс 101
 Портал Чарльз 185, 186
 Поссоны Стефан 191
 Пратт Джулиус 41
 Раби Исидор 255
 Рамсей Поль 43
 Рамсфелд Дональд 322
 Рапопорт Анатолий 46, 47
 Рассел Бертран 124
 Ратженс Джордж 254
 Ратцель Фридрих 101
 Раш Майрон 207
 Реннер Г. Т. 148
 Риджуэй Мэтью 227
 Ричардсон Льюис 31, 66
 Роджерс Джон 60, 69
 Розенберг Альфред 134
 Роулэнд Бенджамин 128
 Рузвельт Теодор 94, 102, 128,
 334
 Рузвельт Франклин 78, 108,
 109—111, 145, 153, 165, 187
 Руина Джек 255
 Рэдфорд Артур 177, 181, 192,
 200, 204
 Северский Александр 111, 148,
 182, 187, 189, 190, 191
 Симмс Уильям 101, 114
 Сковил Герберт 255
 Слессор Джон 149
 Смит Уолтер Беддел 170, 192,
 248
 Снайдер Гленн 227, 228, 229

Соловьев С. М. 46
Сорокин Питирим 127
Сойер Чарльз 67
Спаатс Карл 171, 183, 189
Спикмэн Николас 130, 136—
140, 147, 148
Спраут Гарольд 79, 140
Спраут Маргарет 79
Сталин И. В. 166, 167, 200
Старк Гарольд 110
Стимсон Генри 169
Стоддерт Бенджамин 18, 59, 64,
65
Страус-Хюпе Роберт 140, 148,
155
Стронг Джушия 72
Сунь-цзы 87
Сюард Уильям 73

Талейран Шарль Морис 29
Такер Роберт 42, 93
Таммен Рональд 250
Тарле Е. В. 101
Тафт Роберт 203
Тейлор Максвелл 16, 146, 178,
213, 216, 218, 220, 226, 294
Тойнби Арнольд 115, 127
Тренчард Хью Монтегю 141
Трофименко Г. А. 71
Трумэн Гарри 78, 111, 153, 156—
158, 160, 167, 169, 171, 185,
193, 198, 200, 203, 204, 215,
232
Трюитт Генри 263
Тхиеу Нгуен Ван 269, 270
Тэрнер Фредерик Джексон 76,
99, 100, 133

Уайли Александр 211
Уайт Томас 205, 206
Уилер Эрл 315
Уитни Эли 68
Уокер Уолтер 317
Уоллес Джордж 227
Уолстеттер Альберт 227, 240,
255
Уолтон Ричард 253

Фейс Герберт 110
Фокс Уильям 155

Форд Джеральд 298, 299, 325,
329
Форрестол Джеймс 177, 178
Фостер Джон, мл. 244, 253
Франклин Вениамин 18, 82, 83
Фриккунд Ричард 240
Фулбрайт Дж. Уильям 217, 264,
276
Фултон Роберт 69

Харрисон Р. 148
Харт А. Б. 119
Хаусхофер Карл 128, 133, 134
Хилсмен Роджер 227
Хитч Чарльз Дж. 62
Холл Эдвард Т. 264
Хомский Ноам 259
Хорелик Арнольд 207
Хофстадер Ричард 86
Христос Иисус 23
Хэй Джон 103, 128, 329
Хэлл Кордэлл 109
Хэммонд Пол 212
Хэмфри Джордж 214
Хэмфриз Дэвид 24

Цветков Г. Н. 108
Цезарь Гай Юлий 33

Челлен Рудольф 124, 127
Черчилль Уинстон 134, 135, 167,
185, 187

Шеллинг Томас 173, 174
Шерман Уильям Текьюмеш 89,
90
Шлесинджер Джеймс 247, 295,
315, 316, 321
Шпенглер Освальд 127
Шульман Маршал 159

Эйзенхауэр Дуайт 83, 95, 111,
126, 171, 172, 181, 182, 186,
192, 193, 196, 198, 200, 201—
204, 206, 210—215, 232, 260
Энгельс Фридрих 9, 10, 68, 127
Энтоуэн Алэйн 248
Эрли Эдвард 140
Эттли Климент 171

Яковлев Н. Н. 108—109
Ярмолинский Адам 10

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. Формирование основ военно-политической стратегии США	13
1. О понятии «военно-политическая стратегия»	—
2. «Отцы-основатели» США как теоретики военно-политической стратегии	18
3. Роль военной силы	22
4. «Просвещенный эгоизм» как принцип свободы стратегического маневра	26
5. Концепция Предустановленной Судьбы как обоснование «справедливой войны»	38
6. «Баланс сил» как основная рабочая концепция стратегии США	43
Глава вторая. Основополагающие принципы военно-политической стратегии США	57
1. Принципы стратегической подготовки	—
2. Принципы стратегического действия	74
Глава третья. Возникновение ядерной стратегии	121
1. Общие предпосылки. Философия «политического реализма»	—
2. Геополитика как теория «сдерживания России» и экспансионизма	127
3. Корректировка англо-немецкой геополитики с позиций географического «американоцентризма»	136
4. Доктрина «воздушной мощи» Д. Дуэ и новый авиационно-геополитический взгляд на карту мира	141
5. Создание единого пула основных концепций атомной стратегии	149
Глава четвертая. Стратегический плюрализм: стратегия «сдерживания»	153
1. Основные стратегические задачи США в условиях «биполярной конфронтации»	—
2. Официальные установки стратегии «сдерживания»	159

3. Борьба США за сохранение ядерной монополии как важнейшая составная часть стратегии «сдерживания»	166
4. Превентивная война как одна из альтернатив стратегического плюрализма	172
Глава пятая. Стратегический монизм: стратегия «массированного возмездия»	182
1. Дальнейшее развитие в США концепций Дуэ после второй мировой войны	—
2. Авиацонно-атомный блицкриг как официальная доктрина	192
3. Причины перехода Соединенных Штатов к стратегии «массированного возмездия»	198
4. Провал стратегического блефа «с позиции силы»	204
5. Реальная стратегия правительства Эйзенхауэра как компромисс между концепциями традиционного «сдерживания» и «массированного возмездия»	212
Глава шестая. Синтез: стратегия «гибкого реагирования»	216
1. Теоретические предпосылки	—
2. Стратегические установки правительства Дж. Кеннеди	229
3. Концепции «большой» войны в стратегии «гибкого реагирования»	234
4. «Малая» война в стратегии «гибкого реагирования». Концепция «контринсургенции»	256
Глава седьмая. Кризис: процесс приспособления	271
1. Новая стратегическая реальность	—
2. Пересмотр стратегии	278
3. Переговоры: признание «императива мирного сосуществования»	285
4. Эволюция концепций использования военной силы и военное строительство	300
Заключение	333
Примечания	340
Именной указатель	354

Трофименко Г. А.
Т 76 США: политика, война, идеология. М., «Мысль»,
1976.
359 с. (АН СССР. Ин-т США и Канады).

В монографии доктора исторических наук Г. А. Трофименко прослеживается эволюция военно-политической мысли США с момента образования Американской буржуазной республики до наших дней. Значительное место в работе отведено анализу военно-политической стратегии США в период после второй мировой войны.

Т 11105-191
004(01)-76 113-76

9 (М) + 32 И

Трофименко Генрих Александрович

США: ПОЛИТИКА, ВОЙНА, ИДЕОЛОГИЯ

Заведующий редакцией **А. В. Варшавский**
Редактор **Н. И. Калашникова**
Младший редактор **А. П. Осипова**
Оформление художника **В. П. Логинова**
Художественный редактор **В. А. Захарченко**
Технический редактор **Е. А. Данилова**
Корректоры **И. В. Равич-Щербе** и **Ч. А. Сируль**

Сдано в набор 13 апреля 1976 г. Подписано в печать 17 августа 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печатных листов 18,9. Учетно-издательских листов 20,51. Тираж 19 000 экз. А 06356. Заказ № 543. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.